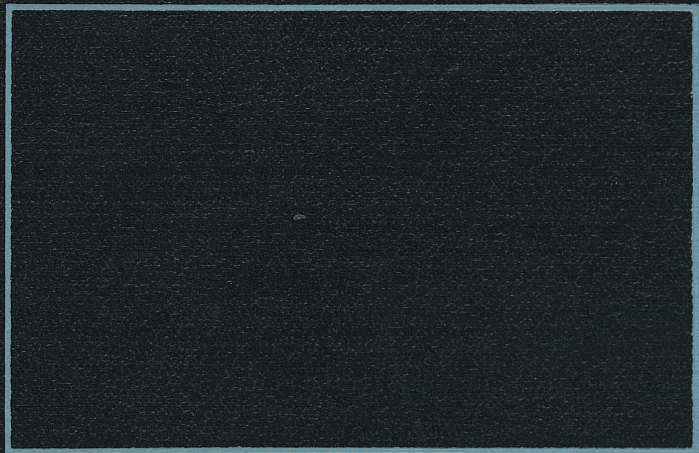

Из истории русской советской фольклористики

И

з истории
русской
советской
фольклористики

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

**Ответственный редактор
А. А. ГОРЕЛОВ**

І. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА

А. Н. ТОЛСТОЙ И СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Публикация А. А. Горелова

«Свод русского фольклора», «свод фольклора» — эти понятия, равно как и самые термины, связаны с именем А. Н. Толстого (1882—1945).

26 мая 1938 г. писатель-академик обратился к советскому правительству с письмом о необходимости создания национальной библиотеки-скриптории памятников русской народной поэзии. Письмо завершалось словами: «Пора, наконец, изданием полного свода фольклора увековечить гений русского народа. Такое издание, помимо того, должно произвести большое впечатление во всем мире».¹

Обращение А. Н. Толстого с письмом в правительство явилось итогом продолжавшегося несколько месяцев (считая по крайней мере с февраля—марта 1938 г.) изучения писателем положения с исследованием и изданием в СССР произведений русского фольклора. Именно в это время он начал создавать на основе исчерпывающего учета сказочных вариантов и сюжетных версий литературно обработанный свод сказок для детей.²

Все более входя в увлекавший его труд³ писатель стремится сплотить научные силы фольклористики вокруг идеи академического свода русского фольклора. Вслед за наброском плана «Полного свода русских сказок»⁴ последовала программная записка руководимой А. Н. Толстым инициативной группы исследователей-фольклористов о выпуске «Общего

¹ *Крестинский Ю.* Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика. — Вопросы литературы, 1974, № 1, с. 314.

² В предварительной работе писателю помогал его тогдашний секретарь фольклорист А. Н. Нечаев. Созданы были две из пяти задуманных книг (вторая не была закончена из-за смерти Толстого).

³ См. «Предисловие» А. Н. Толстого к «Русским народным сказкам». — В кн.: *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. М., 1948, т. 12, с. 139—140; см. также заметку: Алексей Толстой рассказывает о своей работе. — Смена, 1944, № 4, с. 15.

⁴ *Крестинский Ю. А.* 1) А. Н. Толстой. Жизнь и творчество. (Краткий очерк). М., 1960, с. 267; 2) Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика, с. 314.

свода фольклора всех народов СССР». В декабре 1940 г. Президиум АН СССР принял решение об издании «Свода фольклора народов СССР» (А. Н. Толстой был утвержден председателем главной редакции). Затем прошли предварительные совещания специалистов по фольклору. Было запроектировано безотлагательное издание так называемого «Малого свода русского фольклора», в котором избранные тексты всех жанров русской устной поэзии должны были занять 38 томов, а особым приложением выйти том — «Фольклор в произведениях русских писателей».⁵ Утвержденные программы «Полного свода русского фольклора» отодвигались до момента завершения фундаментальной работы по разысканию и учету фольклора в публикациях и хранимых архивами записях.

Организаторский труд А. Н. Толстого над созданием «Свода русского фольклора» — важный факт истории советской фольклористики и истории русской советской литературы. Малоизвестные документы, относящиеся к концу 1930—началу 1940-х годов, подтверждают активность творческих контактов А. Н. Толстого с видными учеными и его готовность включиться в практическую работу по редактированию капитального издания фольклора. К таким документам (число их, по-видимому, может быть увеличено) принадлежат письмо М. К. Азадовского к А. Н. Толстому от 6 апреля 1940 г.⁶ и публикуемые ниже письмо А. Н. Толстого от 5 января 1938 (или 1939) г. к известному филологу Б. И. Ярхо (1889—1942)⁷ и стенограмма (по всей вероятности, не правленая) выступления писателя на совещании ОЛЯ АН СССР по изданию «Свода фольклора народов СССР» 20 мая 1940 г., копия которой хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) АН СССР.⁸

I

(А. Н. Толстой — Б. И. Ярхо)

На Ваше любезное предложение принять участие в работе над изданием «Свода русского фольклора» сообщаю Вам, — как только начнется конкретная работа над этим изданием, я Вас известю и надеюсь, что работа будет плодотворна.

Жму руку.

Депутат Верховного Совета СССР
Орденосец
Алексей Толстой.

М[осква]. 5.1. [19]38 [г.].¹

¹ Тут же, в архиве Б. И. Ярхо (ЦГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, № 198) хранится открытка следующего содержания: «Уважаемый товарищ. Ваше

⁵ *Крестинский Ю.* Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика. с. 316; см. также: Свод фольклора народов СССР. — Известия ОЛЯ АН СССР, 1941, № 2, с. 129—131; *Азадовский М.* Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978, с. 202—203.

⁶ Сб. Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 264—265.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, № 198.

⁸ ИРЛИ, отд. рукописей, разр. V, кол. 221, п. 6, № 1, л. 7—8.

письмо по распоряжению Алексея Николаевича передано проф. Соколову Ю. М. — 30. XII-38 г. Секретарь А. Н. Толстого. Скорее всего дата письма Толстого является опиской — 1938 г. вместо 1939 г. (письмо секретаря — первый отклик на предложение Б. И. Ярхо, на неделю опередивший ответ самого писателя).

II

(А. Н. Толстой. Выступление на совещании фольклористов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР 20 мая 1940 г.)

Вам известна вся история этого дела¹ <...> дело было перенесено в Академию Наук и до сих пор оно как-то не двигалось с места. И вот благодаря чему это сдвинулось, я уже не знаю. Я тут, по совести говоря, не при чем,² но факт, что дело это сдвинулось с места, и теперь, видимо, мы приступаем к нему.

Идея-тема этого [совещания]³ — это издание всесоюзного фольклора, фольклора СССР, то есть речь идет о собрании народного творчества всех народов, находящихся на нашей территории, в нашем государстве. Тема огромная и прежде всего требующая большого предварительного опыта, подготовки, споровки и проч[его]. Поэтому я думаю, что мы должны начать так: во-первых, поставить перед собой задачу академическую — поставить этот вопрос в Академии Наук, затем сообщить об этой работе, о «Фольклоре народов СССР» всем отделениям Академии Наук, но я думаю, что мы все-таки должны начать с русского фольклора, чтобы на основании этого опыта развивать эту чрезвычайно трудную и большую работу дальше. Конечно, мы ставим ее разработку в общесоюзном плане, т. е. тем самым включаем в работу республиканские отделения Академии Наук, связываемся с ними и т. д., но предварительно мы начинаем с русского фольклора.

Мы считали, что для этой работы нам надо будет 35 томов. Оказывается, что мы почти не ошиблись. Ошибка в данном случае произошла небольшая, всего на три тома. После того как мы длительно⁴ продумали план этой работы, мы пришли к выводу, что потребуется не 35, а 38 томов.

Начать мы должны, конечно, с организации всех отделений, привести их в движение, мы должны вскрыть все архивы, начать энергичное собирание фольклора, затем привести в порядок все то, что имеется в напечатанном виде, затем установить принцип отбора произведений. Конечно, что не все должно быть включено.

Мне думается, что не всякая запись представляет собою целостность: ес<ть> запись механическая, запись, потерявшая весь азарт народного творчества, есть записи пересказываний из книг и т. п. и т. д. Мне думается, что тут должна работать редакционная комиссия, которая должна произвести отбор на осно-

вании научных и художественных принципов-установок, потому что все-таки это издание, кроме научного значения, имеет значение для всего народа. Принцип тот, что мы наконец возвращаем народу в виде богатства издание этого замечательного «Свода фольклора».⁵

Так я мыслю в общих чертах. Так как я в этом деле не специалист, то я просил бы изложить то, что вам удалось предварительно сделать, осветить всю эту картину — то, что мы имеем на сегодняшний день, с чего мы должны начать, — ту печку, от которой мы должны плясать.⁶

¹ Речь идет о поддержке идеи «Свода» в Совнаркомом СССР.

² Это воспринимается как формула скромности. Между запиской в Правительство в мае 1938 г. и майским совещанием 1940 г. А. Н. Толстой неоднократно выступал по вопросам «Свода», в том числе в печати (см., например, статью «Депутат-писатель» в «Правде» от 12 декабря 1938 г. (Толстой А. Н. Полное собр. соч. М., 1949, т. 13, с. 243—244)) и при планировании работы Академии наук СССР в феврале 1939 г. на общем собрании Академии (Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой. М., 1960, с. 267). Хотя Б. и Ю. Соколовы еще в середине 20-х годов считали стоящей «на очереди» «сводку всего собранного», накопленного фольклористами материала, «его каталогизирование и картографирование» (Соколовы Б. и Ю. Пoesия деревни. М., 1926, с. 20), главенствующая организаторская роль А. Н. Толстого в деле издания фольклорного наследия на исходе 30-х годов вне сомнений. Это подчеркивалось, например, в интервью Ю. М. Соколова «Свод фольклора народов СССР» (Книга и пролетарская революция, 1939, № 5—6, с. 191—192). По-видимому, непосредственно перед совещанием, вступительное слово к которому нами воспроизводится, состоялось также выступление А. Н. Толстого в Президиуме АН СССР (Полный свод фольклора народов СССР. — Лит. газета, 1940, № 29, 26 мая). «Энтузиазма, что был у А. Толстого», пожелал сотрудничать ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР бывший секретарь А. Н. Толстого Ю. А. Крестинский на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 22 января 1974 г., когда был возрожден вопрос об издании «Свода русского фольклора».

³ В тексте очевидная ошибка: «издания».

⁴ По-видимому, произнесено было: «детальное».

⁵ Возможно, здесь допущена оговорка или описка и следовало бы читать: «возвращаем народу в виде издания богатства... „Свода фольклора“».

⁶ Далее на совещании был доложен план издания «Малого Свода русского фольклора», разработанный Отделом фольклора Института литературы (ныне ИРЛИ АН СССР) «с участием ряда видных фольклористов» других учреждений страны (докладчик М. К. Азадовский). В прениях выступили А. Н. Толстой, Ю. М. Соколов, П. И. Лебедев-Полянский, Е. В. Гишпиус, Н. П. Андреев, А. Л. Дымшиц.

НИКИТА ЗАБОЛОЦКИЙ

О ЗАМЫСЛЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО СОЗДАТЬ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЫЛИН

В начале 50-х годов Н. А. Заболоцкий задумал создать поэтическое переложение русских былин. К этой сложной работе он был подготовлен всем своим незаурядным опытом поэта-переводчика иноязычной поэзии и особенно изучением и переложением на современный русский язык «Слова о полку Игореве». Работая над переложением этого величайшего произведения древней русской литературы, Заболоцкий не раз обращался к былинному творчеству, считая, что и «Слово» и былины объединяются сходством ритмической организации словесного материала. В результате изучения ритмической структуры «Слова» он пришел к выводу о правомерности его перевода на современный русский язык как стихотворного произведения. Заболоцкий считал, что и былины должны быть переданы средствами современной поэзии, чтобы стать доступными массовому читателю, воспитывать в нем дух патриотизма. «Создание народа — русские былины — должны быть возвращены народу в художественно целостном виде. Это — одна из задач советской литературы и науки о народном творчестве», — писал поэт в своей заявке на издание обработки русских былин в Детгизе.

Н. А. Заболоцкий выполнил только подготовительную часть задуманного труда по переложению былин, однако сам факт его обращения к былинному творчеству и его подход к переработке русского эпоса представляют определенный интерес как с точки зрения творческой биографии поэта, так и для тех, кто предпринял бы попытку проделать подобную работу.

О восприятии Заболоцким былин нельзя судить, не вспомнив некоторые черты его биографии и поэтического творчества. Именно в этом свете становится понятным, отчего былины оказались столь близкими его душевному складу и хорошо укла-

дывались в ту совокупность явлений, которая определяла творческий облик поэта.

Н. А. Заболоцкий провел раннее детство в глухом вятском селе Сернур. В автобиографическом очерке «Ранние годы» он рассказывает о предках своих — крестьянах, о деду Агафоне, возглавившем во время Крымской кампании местное народное ополчение, об отце — агрономе, которому «были свойственны многие черты старозаветной патриархальности, которые каким-то странным образом уживались в нем с его наукой и с его борьбой против земледельческой косности крестьянства»;¹ вспоминает он и о чудесной природе окрестностей Сернура, навсегда оставившей след в душе поэта и отразившейся во многих его стихотворениях.

Отец поэта по роду своей агрономической деятельности постоянно общался с крестьянами. Образы крестьян, навеянные детскими впечатлениями, проходят сквозь все творчество Заболоцкого. Это созерцающие природу мужички в стихотворении «Отдыхающие крестьяне», размышляющие о душе — в поэме «Торжество земледелия», мечтающие о лучшей жизни — в стихотворении «Голубиная книга», умирающие вдали от родных мест — «Где-то в поле возле Магадана...» и, наконец, беседующие с Лениным о будущем России — в стихотворении «Ходоки». Строки из «Отдыхающих крестьян» воссоздают типичную картину, не раз наблюдавшуюся будущим поэтом в Вятском крае:

Толпа высоких мужиков
Сидела важно на бревне.
Обычай жизни был таков,
Досуги, милые вдвойне.
Царя ли свергнут, или разом
Скотину волк на поле съест,
Они сидят, гуторя басом,
Про то да се узнав окрест.

(1, 123)

В минуты отдыха крестьяне не только размышляли о своих житейских делах, но и рассказывали различные истории, предания, сказки, старинные поверья. А мальчик слушал их и через много лет написал:

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумерках. И возле темных хат

¹ *Заболоцкий Н.* Избранные произведения в двух томах. М., 1972, т. 2, с. 208. Далее ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра означает том, вторая — страницу.

Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

... Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

(1, 200—201)

Народные сказания переплетались с семейными преданиями о почти былинном деде Агафоне, отправившемся во главе народной дружины спасать осажденный Севастополь, и создавали в душе будущего поэта благодатную почву для проявившегося позднее интереса к русской истории и народному творчеству.

В связи с интересом Заболоцкого к народному творчеству нельзя не вспомнить, как однажды весной 1946 г. он встретил на подмосковной станции Переделкино слепого старца, поющего «Лазаря». Поэта глубоко тронул его монотонный напев, и он даже пытался записать слова песнопения. Образ старика-сказителя, навеянный той встречей или, возможно, несколькими встречами, запечатлен в стихотворении «Слепой»:

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих па миг.

(1, 207)

После окончания начальной школы в Сернуре Заболоцкий поступил в реальное училище в городе Уржуме. «Мой мир раздвинулся до громадных пределов, ибо крохотный Уржум представлялся моему взору колоссальным городом, полным всяких чудес», — (2, 210). Классным руководителем в классе, где учился Заболоцкий, был пользовавшийся большим авторитетом у учеников преподаватель истории. Свой предмет он преподавал не по учебнику и требовал хорошего понимания даваемых им формулировок, трактующих историю с материалистических позиций. История наряду с химией и рисованием стала любимым предметом Заболоцкого. Еще в начальной школе пришло к нему и увлечение поэзией.

Любовь к истории и литературе привела будущего поэта на историко-филологический факультет Московского университета, учебу на котором Заболоцкий пытался совместить с учением на медицинском факультете. Однако Московский университет скоро пришлось оставить, и высшее образование Заболоцкий получил в 1921—1925 гг. в Ленинграде на отделении языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена, где он, в частности, активно участвовал в семинаре профессора Бубриха по

древнерусской литературе. Сам поэт писал, что он «считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее, и мечты о научной работе были оставлены».²

И своими изначальными интересами, и образованием, и присущей ему самодисциплиной, и склонностью к системе и законченности во всяком деле Заболоцкий был подготовлен к той работе над былинами, к которой приступил уже в последний период своей жизни. В заявке на издание былин он писал: «Мне кажется, работу над былинами должен выполнить художник слова, поэт, имеющий достаточную научную подготовку и хорошо знающий язык своего народа». Не в характере поэта было относить эти качества к себе самому без достаточных на то оснований.

Что касается научной подготовки, то после детального изучения материалов, относящихся к «Слову о полку Игореве», и затем основных изданий былин и литературы о них Заболоцкий чувствовал себя готовым к осуществлению своего замысла.

Освоением литературы о «Слове» Заболоцкий занялся в связи с работой над переводом «Слова» еще в Ленинграде до 1938 г. В его библиотеке были подобраны книги, посвященные «Слову» и, возможно, русской истории и древнерусской литературе. В письме к Е. В. Заболоцкой от 14 июня 1939 г. он написал: «Вообще мне хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, Лермонтов, Достоевский, Бунин, Хлебников; книги, относящиеся к „Слову о полку Игореве“ и Руставели. Есть также малоценные, но нужные мне книги, например Памятники отреченной литературы, библиотечка Чудинова (Нибелунги и пр.), и это, кажется, все».³

О том, что, приступая к переводу «Слова», Заболоцкий вел подготовительную работу довольно широким фронтом, охватывающим и древнерусскую историю, а возможно, и былины, говорит появление исторической темы в творчестве поэта тех лет. Заболоцкий начал писать поэму «Осада Козельска», посвященную осаде и разорению древнерусского города в 1238 г. во время нашествия Батыя. В письме к Е. В. Заболоцкой из Алтайского края от 11 января 1944 г. он написал: «О стихах „Осада Козельска“ — вещь незаконченная. Закончены только две первые части. Третья часть не написана вовсе. Сколько помню — кончается вторая часть скорбными строфами о защитниках города, павших во время осады. Сохранились ли эти черновики?» (2, 295).

Рукопись сохранилась, но автор по неизвестным причинам уничтожил ее в 1948 г. По свидетельству Е. В. Заболоцкой, в по-

² Заболоцкий Н. Избранное. М., 1960, с. 233.

³ Воспоминания о Заболоцком. М., 1977, с. 180.

эме «в картине поражения русских татарами описываются массовые изнасилования, зверства, убийства, осквернение храма».⁴ Предполагается, что сохранившийся стихотворный отрывок «Собор, как древний каземат...» является наброском к ненаписанной третьей части поэмы. В отрывке изображен собор, над медным куполом которого еще летят «войны седые облака», сверлящие своими «слепыми окнами» «даль непроглядную столетий». В алтаре — изваяние божьей матери с младенцем, в котором «мысль трех веков горит огнем». И далее:

Не слишком тонок был резец,
Когда, прикинувшийся греком,
Софию взяв за образец,
Стал бог славянским человеком.
Из окон видим мы вдали
Край очарованной долины.
Славян спокойных корабли
Стоят у берега. Овины
Вдали дымят, и крыши сел
Уже стругает новосел.

(2, 72)

Если эти строки действительно являются фрагментом «Осады Козельска», то поэма должна была охватить и возрождение русской земли после нашествия, а это несомненное созвучие с сюжетом «Слова о полку Игореве», под влиянием которого и была начата поэма.

В марте 1938 г. работа над переводом «Слова» и над поэмой «Осада Козельска» была прервана. Она возобновилась только в 1945 г., и уже в июне того же года в письме к Н. Л. Степанову Заболоцкий сообщил, что закончил черновую редакцию перевода. В этом письме есть вдохновенные строки восхищения «Словом», во многом объясняющие, почему поэт так дорожил не только «Словом о полку Игореве», но и всем, что было для него связано с этим памятником древнерусского искусства: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская.

⁴ Заболоцкая Е. В. Рукописные заметки. (Архив семьи поэта).

Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки, но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: какое счастье, боже мой, быть русским человеком!» (2, 297—298).

В июле 1945 г. в другом письме к Н. Л. Степанову Заболоцкий писал: «Я в курсе всех переводов, единственно, чего мне не хватает — некоторых книг по лингвистике вопроса. У меня несколько своих чтений, и я надеюсь проделать над текстом еще один опыт, от которого ожидаю возможных неожиданных вещей» (2, 299).

В начале 1946 г. Заболоцкий поселился под Москвой, а с 1948 г. и в самом городе и, таким образом, получил доступ к книгам, необходимым ему для дальнейшей работы над «Словом», и возможность консультироваться со специалистами и, следовательно, проделать тот «опыт», о котором упоминается в июльском письме 1945 г. Речь шла, вероятно, об изучении ритмической структуры поэмы. И именно в связи с ритмической структурой «Слова» Заболоцкий непосредственно обратился к былинам.

В бумагах поэта сохранилась вырезка из «Литературной газеты № 38 от 1947 г. с рецензией на составленное Н. В. Водозовым издание «Русский народный эпос» с пометкой Заболоцкого. Значит, уже в то время былины его интересовали самым непосредственным образом (Заболоцкий делал газетные вырезки и тем более сохранял их только в том случае, если они имели отношение к его работе или интересам).

В работе над переводом «Слова о полку Игореве» большое значение для Заболоцкого имела переписка со специалистом по древнерусской литературе, ныне академиком, Д. С. Лихачевым (см.: Вопросы литературы, 1969, № 1). В одном из писем Лихачев предложил поэту обратить внимание на ряд произведений древнерусской литературы, помимо «Слова». В сохранившемся письме названия этих произведений подчеркнуты рукою поэта и пронумерованы: 1) «Повесть о разорении Рязани Батыем», 2) «Задонщина», 3) «Слово о гибели Русской земли», 4) Летописная заметка с характеристикой Романа Галицкого, хана Отрака и с рассказом истории о траве евшан. 20 февраля 1950 г. Заболоцкий отвечал Лихачеву: «Что же касается других переводов с древнерусского, то из всего перечисленного Вами я прилично знаю только „Задонщину“, но ценю ее лишь как подсобный материал для изучения „Слова“. Впрочем, о возможных будущих работах, так же как и о „Слове“, я был бы рад побеседовать с Вами при встрече... У меня, как и у всякого дилетанта, интересующегося „Словом“, есть всякие касающиеся его домогательные теории, которые мы с Вами могли бы обсудить...» (2, 263).

В то время Заболоцкий занимался изучением материала, на основе которого в 1951 г. им была написана статья «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“», в частности былин. У него уже сложилась определенная концепция, касающаяся ритмики «Слова». Ее поэт и хотел обсудить с Лихачевым. Весьма возможно, что когда он писал о своих «будущих работах», то имел в виду именно переработку былин и хотел в личной беседе с Лихачевым узнать его мнение о задуманном деле.

11 апреля 1951 г. на заседании комиссии по «Слову о полку Игореве» Заболоцкий сделал доклад «О ритмике „Слова“», в котором изложил свои представления о ритмической структуре произведения и ее близости к былинной. Доклад представлял собой сокращенный вариант статьи «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“», которая при жизни автора не публиковалась.

Заболоцкий придерживался той точки зрения, что «Слово», как и былины, сочинялось как музыкально-вокальное произведение. Принципы организации словесного материала в «Слове» и в былинах характерны для произведений, которые поются под аккомпанемент гуслей или какого-либо другого музыкального инструмента.

Заболоцкий обращается к историкам древнерусской музыки, установившим факт открытого звучания полугласных в XII в., а также к наблюдению А. Ф. Гильфердинга о том, что стихотворный размер былин поддерживается напевом; былина, оторванная от живого музыкального исполнения, теряет размер и выглядит «рубленой прозой». «Мелодия, — пишет Заболоцкий, — выравнивала строки во времени — она выполняла ту функцию, которую в современной поэзии выполняет стихотворный размер <...> Текст „Слова“ в том виде, в каком мы его читаем теперь, — не более как „пословесная“ запись древнего музыкально-вокального произведения» (2, 279—280). Доказывая это положение, Заболоцкий анализирует черты сходства и различия былин и «Слова о полку Игореве» и приходит к выводу, что «элементы сходства заключаются не только в близости речевых оборотов, интонационных рисунков, не только в сходстве эпитетов, сравнений и пр., — но также и в сходстве приемов ритмической организации материала: и там и тут стихи образуются с помощью музыки. И „Слово“ и былины — произведения музыкально-вокальные, а не литературные» (2, 281).

Вся статья Заболоцкого подчинена одной главной цели — обосновать правомочность перевода «Слова» силлабо-тоническим стихом. А раз ритмическая организация материала в «Слове» и в былинах сходна, а принцип перевода выводится именно из этой организации, значит, и к переработке (или к переводу) былин на современный литературный язык Заболоцкий подходил, исходя из того же принципа, что и при переводе «Слова». Поэт сформулировал этот принцип следующим образом: «Для совре-

менного переводчика „Слова“, если он ставит перед собой задачу ритмически организовать свой перевод, имеется лишь один путь: разбить текст на стихи произвольно и ритмически организовать текст изнутри, т. е. принять для перевода правильный тонический или силлабо-тонический стих. Этим самым он введет в ткань стиха отсутствующую ныне сопроводительную музыку и приблизит древнюю поэзию к нашему современному ее пониманию» (2, 283).

Таким образом, понятно, почему, завершив поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», Заболоцкий обратился к работе над былинами, а не над другими древнерусскими памятниками, в частности теми, о которых шла речь в письме Д. С. Лихачева. Он надеялся использовать в предстоящей работе свой опыт и основные принципы перевода «Слова». Поэт находил общие черты и в образных средствах и в идейно-патриотической направленности этих произведений, а его восхищение «Словом» распространялось и на былины.

С другой стороны, былины как произведения древнерусского крестьянского фольклора имели для Заболоцкого дополнительную привлекательность: в народном творчестве он видел тот идеальный сплав мысли и духовной красоты, к которым стремился в собственных стихах. В стихотворении «Ходоки» он писал:

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

(1, 280)

Высоко ценя русский народный эпос, Заболоцкий считал абсолютно ненормальной ситуацией, охарактеризованную Н. В. Водовозовым: «Получается совершенно недопустимое положение, когда даже высококультурный читатель в нашей стране, отлично знающий „Илиаду“, „Одиссею“, „Песнь о Роланде“, „Калевалу“ и другие народные эпосы, почти не знает великолепного эпоса русского народа» (цитата приведена в заявке на издание обработки русских былин).

Заболоцкий утвердился в намерении переработать былины, сделал их более близкими для широкого круга читателей XX в. Для выполнения этой работы ему предстояло решить ряд принципиальных вопросов, касающихся характера будущей обработки. Вопросы языка и стиля обработанных былин, как уже говорилось, поэт решал, исходя из своего опыта работы над «Словом». По-видимому, с самого начала для него было ясно, что былины следует излагать современным литературным языком, свободным

от диалектизмов и «вставных словечек», но сохраняющим, однако, народный характер и ни в коей мере не включающим новейшие приобретения литературной речи. Характеризуя работу поэта-переводчика, он всегда подчеркивал необходимость сочетания смелости и чувства меры.

Труднее было решить вопрос о композиционном построении будущего свода былин. Здесь уже нельзя было воспользоваться ни опытом перевода «Слова», ни опытом каких-либо других переводческих работ. Можно предполагать, что Заболоцкий обдумывал два основных варианта: 1) объединение многих былин в единое композиционно и, возможно, сюжетно связанное произведение и 2) отбор по разным источникам вариантов былин, объединенных сходным сюжетом, и создание единой в художественном отношении былины каждого сюжета, с использованием всего наиболее ценного из вариантов.

В первом случае была бы создана большая эпическая поэма, во втором — цикл литературно обработанных былин. Возможен, конечно, и промежуточный вариант: цикл имел бы какой-то объединяющий отдельные былины композиционный стержень.

Заболоцкий считал, что «в свое время наши былины представляли собой ряд художественно целостных произведений» и что «былины записаны собирателями на разных стадиях распада старинного народного творчества». Свою задачу он видел в воссоздании из осколков эпоса, которые сохранились «в многочисленных и часто противоречивых интерпретациях их сюжетов», целостных произведений (или произведения) народного творчества. В этом отношении он был согласен с Водовозовым, который ранее попытался создавать из былин «целостные эпические поэмы».⁵ Однако поэт считал, что былины, адресуемые современной аудитории, требуют более радикального вмешательства: наряду с отбором и упорядочением сюжетов их необходимо сделать и стилистически едиными произведениями.

Имеются свидетельства того, что Заболоцкий стремился к созданию стилистически и композиционно целостного русского эпоса. «Он мечтал о своде былин по типу „Калевалы“, — вспоминал Н. Л. Степанов,⁶ с которым поэт не раз обсуждал свои замыслы. Л. А. Озеров в воспоминаниях о Заболоцком пишет: «Одним из таких планов он поделился со мной:

— Хочу дать свод былин как некую героическую песнь, слитную и связную. Я смотрел профессора Водовозова, знаю и другие попытки. У нас нет еще своего большого эпоса, а он был, как и у многих народов, был, но не сохранился целиком. У других — „Илиада“, „Нибелунги“, „Калевала“. А у нас что?.. Обломки храма. Надо, надо восстановить весь храм».⁷

⁵ Русский народный эпос. Сводный текст. Составил проф. Н. Водовозов. М., 1947.

⁶ Воспоминания о Заболоцком, с. 102.

⁷ Там же, с. 264—265.

В марте 1951 г. Заболоцкий написал «Докладную записку о необходимости мероприятий по составлению „Свода русских былин“» на имя генерального секретаря Союза писателей А. А. Фадеева. Записка эта сохранилась в бумагах поэта с пометкой «не отправлена». В следующем году на основе этой записки он написал и направил в Детгиз заявку на издание обработки русских былин. Оба документа в большей своей части опубликованы в примечаниях к изданиям Заболоцкого.⁸ Суть их заключается в том, что имеющиеся записи былин поэт рассматривал как богатейший, но сырой материал, чрезвычайно ценный для специалистов, но малодоступный рядовому читателю. Предпринимавшиеся попытки еоздания целостных текстов былин (Л. Н. Толстым, Острогорским, Авенариусом и др.) он считал методически неправильными. Поэт представлял себе работу над былинами состоящей из двух этапов: сличение и отбор текстов с целью придания былинам композиционной стройности и затем обработку полученных текстов во имя стилистической цельности произведений. Из сохранившихся авторских документов не следует, что Заболоцкий предлагал объединить все былины в единый свод по типу, например, «Калевалы». В записке 1951 г. он написал: «1. По естественному географическому делению Свод должен состоять из двух циклов: киевского и новгородского. 2. Циклы, группируясь вокруг основных героев, должны со всей возможной полнотой исчерпать богатство киевских и новгородских былин. Однако надобность композиции неминуемо заставит отбросить некоторые третьестепенные сюжеты или приписать некоторые действия другим героям. Смущаться этим не следует». И далее: «Поэты-составители в целях художественного усовершенствования текста не должны бояться творческого вмешательства в текст, если это требуется ходом дела. Здесь, однако, должен быть полностью соблюден такт и обнаружено полное понимание былинного стиля».

В заявке 1952 г. Заболоцкий выражается еще более осторожно: «Наши былины не представляют собой единого композиционно-цельного произведения, хотя многие из них сюжетно связаны между собой. С этим обстоятельством надо считаться. На основе былин можно написать самостоятельное единое произведение, но превратить былины в целостный единый свод нельзя. Былины должны оставаться былинами». Но «каждая в отдельности взятая былина должна быть художественно целостным произведением».

Есть основания предположить, однако, что для себя предлагаемую обработку былин для детей Заболоцкий считал только началом работы, а в дальнейшем все-таки намеревался на основе былин, как он писал, «создать самостоятельное единое произведе-

⁸ См.: *Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы*. М.; Л., 1965, с. 468—469; 2, 295—296 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

ние». Это предположение согласуется с приведенными свидетельствами Н. Л. Степанова и Л. А. Озерова.

В обоих рассматриваемых документах отобразена также позиция Заболоцкого в отношении стиля и языка обработки былин. В записке он писал: «Поэты обязаны воссоздать тонический былинный стих собственными средствами и не отступая от былинного стиля». В заявке: «Стих должен быть тоническим, былинным, легко читаемым, свободным от вставных словечек» (2, 296). О языке обработки: «Язык должен быть безусловно очищен от диалектизмов. Он должен сохранять свой народный характер во всем его богатстве, должен быть выдержан в былинном стиле и свободен от новейших особенностей литературной речи» (там же).

К началу 50-х г. в своей библиотеке Заболоцкий собрал ряд изданий былин, которые предполагал использовать в своей работе над их текстами. Многочисленные закладки с карандашными пометками и пометки в текстах статей-предисловий говорят о том, что такая работа была уже начата. Вот список изданий былин, собранных в библиотеке поэта:

- 1) «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10), М., 1868—1874;
- 2) «Беломорские былины, записанные А. Марковым» (М., 1901);
- 3) «Печорские былины» (Записал Н. Ончуков; СПб., 1904);
- 4) «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (в 3-х томах, изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, М., 1909);
- 5) «Русский фольклор. Эпическая поэзия» (под ред. М. К. Азадовского. Л., 1935. («Библиотека поэта», малая серия));
- 6) А. М. Астахова «Былины Севера», т. 1 (М.; Л., 1938);
- 7) «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». (М., 1938);
- 8) «Русский народный эпос» (Сводный текст; составил Н. В. Водозов» (М., 1947);
- 9) «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» (в 3-х томах, М.; Л., 1949);
- 10) «Илья Муромец» (подготовка текста А. М. Астаховой, М.; Л., 1958).

Кроме этих изданий, сохранились принадлежащие Заболоцкому книги: А. С. Орлов «Древняя русская литература XI—XVI вв.» (Изд-во АН СССР, М.; Л., 1937, с многочисленными пометками); М. П. Штокмар «Исследования в области русского народного стихосложения» (М., 1952).

Указанные издания не ограничивают круга источников, которыми пользовался Заболоцкий в работе над былинами. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся в архиве поэта страничка с указанием былин для первого опыта по конструированию и переработке былины об исцелении Ильи Муромца (обработка этой былины была приложена Заболоцким к его заявке в Детгиз). Перечислены следующие имена составителей сборников былин с указанием номеров интересующих поэта текстов:

Киреевский, Рыбников, Гильфердинг, Григорьев, Марков, Оичуков, Соколов, Савельев, Астахова.

Заболоцким сделаны следующие замечания:

- «Рыбников: 51 (Пр. К.) Исцеление и Илья и Святогор. Толковый и подробный прозаический текст.
139 (К.) Илья и Соловей. Полуразрушенный, но с интересными подробностями.
190 (Пр.) Совершенно разрушенный.
Гильфердинг: 120 (К) Своеобразная комбинация первых подвигов, малоценная.
Марков: 42, 46 (К). Наиболее полный вариант».

Подобные замечания имеются и на закладках.

На основе выбранных текстов Заболоцким была написана былина «Исцеление Ильи Муромца», дающая определенное представление о том, каким образом он собирался реализовать свой замысел. В бумагах поэта сохранился рукописный черновик этой былины и три машинописных текста с последовательно внесенными исправлениями отдельных слов. Черновая рукопись включает отсутствующий в машинописных текстах рассказ «калик переходящих» о посещении Киева и встрече со Скимен-зверем, который и сообщает им о появлении на Руси нового богатыря:

«Уж вы гой еси, калики переходящие,
Не гулять уж мне, собаке, во темных лесах,
Не укрыться мне, собаке, во синих морях,
Уж не трогать мне, собаке, ваш крестовый град,
Не ходить войной, собаке, на святую Русь,
Диво дивное на свете приключилось,
На земле на Русской чадо народилось.
Хоть сидит на печке чадо ровно тридцать лет,
А как встанет с печи чадо, с ним и сладу нет».⁹

Вероятно, поэт считал, что это отступление о встрече калик со Скимен-зверем нарушает цельность сюжета былины, и из варианта, направленного вместе с «Заявкой» в Детгиз, этот эпизод исключил. В окончательном тексте калики отвечают Илье кратко:

«Уж ты гой еси, Илья свет Иванович!
Про твое про злосчастье нам ведомо,
Про твои про заботы рассказано.
Растяни ты свои крепки жилочки
Да расправь ты свои белы косточки,
Слезь ты с печки долой да притопни ногой,
Перехожих калик пивом-брагой напой!»

(2, 74)

На заявку Заболоцкого об издании обработки былин в начале 1953 г. были написаны отзывы специалистов в области фольклора

⁹ Полностью отрывок о Скимен-звере опубликован: Новый мир, 1974, № 12.

и былинного творчества — Л. И. Тимофеева, А. М. Астаховой и И. П. Дмитракова, М. П. Штокмара, В. И. Чичерова и Н. Н. Велецкой, В. К. Соколовой. Эти отзывы были пересланы Заболоцкому и находятся в его архиве. Все авторы отзывов в целом поддерживали намерение поэта создать цикл обработанных былин с тем, чтобы они стали доступны широкому читателю. В основном были одобрены и принципы обработки. Были сделаны, однако, существенные оговорки и замечания, направленные на ограждение былинного языка и стиля от вмешательства автора обработки. Иногда эти замечания по существу отрицали основной принцип Заболоцкого пересказать былины современным литературным языком, хотя и с сохранением народного духа.

М. П. Штокмар прямо советовал идти не по линии перевода, пересказа или свободного переложения былин на современный литературный язык, а только отобрать подходящие былинные речевые обороты и изобразительные средства. Возражения специалистов-ученых вызвал пробный текст «Исцеление Ильи Муромца». Чувствовалось, что рецензентам не по душе и свободное обращение автора с сюжетом былины, и особенно отступления от канонического былинного языка и размера. Заболоцкому напоминали, что он собирается предложить читателю произведения народно-поэтического творчества, а не собственные стихи, написанные по мотивам былин (отзыв В. И. Чичерова и Н. Н. Велецкой).

Вероятно, известные основания для подобных опасений действительно можно было усмотреть в предложенном образце. Например, вызвавший нарекания иронический эпитет «удалец» по отношению к Илье, тридцать лет неподвижно сидящему на печи, звучит действительно очень по-заболоцкому:

Удалец Илья на печи сидит,
На печи сидит, за избой глядит.

(2, 74)

Однако такие частные замечания можно было легко учесть и внести в текст соответствующие изменения, если бы вся работа получила дальнейшее развитие. Определенная, хотя и незначительная по объему правка текста была проведена Заболоцким после ознакомления с отзывами на его заявку. В частности, он заменил вызвавшую возражение строку «Сорок братьев калик со каликою» (образ из былины «Сорок калик») на нейтральную строку-повтор «Перехожие калики, переброжие» (2, 74), кое-где заменил отдельные слова.

В отзыве Л. И. Тимофеева было предложено создать свод русских былин для детей путем совместной работы поэта, специалиста-фольклориста и педагога. Следует отметить, что ранее в докладной записке Союзу писателей Заболоцкий сам предлагал творческое содружество поэтов и ученых для создания

единого свода былин, однако тут же оговаривался, что это содружество следует оградить, от «той части беспринципной фольклористики, которая уже достаточно доказала свою нежизнеспособность». К мнению ученых-филологов поэт всегда внимательно прислушивался, о чем свидетельствует опыт его работы над «Словом о полку Игореве» и над переводом грузинской классической поэзии. Но он не любил, чтобы это мнение ему навязывали в разрез с его собственными взглядами и творческими замыслами.

Д. С. Лихачев в личном письме к Заболоцкому активно поддерживал намерение поэта переработать былины для детей. Он писал: «Ирина Николаевна Томашевская говорила мне о Вашем новом замысле: дать былины в переработке для детей. От всей души желаю Вам успеха в этом деле. Я искренне люблю былины, народные лирические песни и плачи. В них необыкновенные красоты, но красоты эти часто перемежаются с длиннотами, с бледными местами. Здесь надо выбирать и выбирать, отбрасывать лишнее, иногда соединять из разных мест <...> Итак, желаю Вам полного успеха в Вашем большом, патриотическом замысле. Пусть „Ваши былины“ будут самыми русскими, самыми народными, сохранят в себе всю свежесть полей и папшен Руси, пусть их любят и дети и взрослые. Я уверен, что Вам удастся эта книга».¹⁰

Заболоцкий послал Д. С. Лихачеву свой проект свода былин и, вероятно, просил его порекомендовать подходящего консультанта из числа специалистов, сочувствующих замыслу поэта. В ответ Д. С. Лихачев сообщил о возможных кандидатурах консультантов и, в частности, писал: «В обработке, мне кажется, следует все же кое-что сохранять от народного языка и некоторые диалектные формы, чтобы не утрачен был аромат. Многие ведь в народном языке чудесно. Уверен, что все хорошее Вы и сохраните».¹¹

Весной 1953 г. Заболоцкий еще не оставил своего намерения. Об этом свидетельствует его письмо И. Н. и Б. В. Томашевским, написанное перед отъездом в Крым в апреле: «Что касается работы, то пока будем отдыхать, а осенью возьмемся за былины».

Однако осенью он за былины не взялся, а в ноябре принялся за большую работу по переводу полного текста поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Трудно сейчас судить, что именно побудило его оставить так долго вынашиваемый замысел и фактически уже начатое дело. Прерывать начатую работу, вообще говоря, претило характеру Заболоцкого. Вероятно, предложенные условия работы оказались для него неприемлемыми, а работать над былинами без договора с издательством у него не было возможности.

¹⁰ Письмо Д. С. Лихачева к Н. А. Заболоцкому от 24 01 1953 г. Архив семьи поэта.

¹¹ Письмо Д. С. Лихачева к Н. А. Заболоцкому от 11 02 1953 г. Архив семьи поэта.

К русскому народному эпосу он так и не вернулся, хотя, кажется, и лелеял еще такую надежду. Однако его настрой на эпическую поэзию все-таки реализовался не только в прекрасном полном переводе поэмы Шота Руставели, но и в работе поэта в последний год его жизни над переводом значительной части сербского эпоса — он перевел около пяти тысяч стихотворных строк. Намеревался он перевести на русский язык и эпос немецкого народа «Нибелунги» (сохранилось несколько вариантов перевода первой строфы). Смерть в 1958 г. помешала ему выполнить эту работу.

В. В. БАЗАНОВ

ПОЭЗИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНОГО АРХИВА АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

Одну из основных особенностей отечественной науки о фольклоре М. К. Азадовский видел в том, что она теснейшим образом связана с русской литературой и ее историей. Объясняется же эта связь «специфическим характером развития русской литературы и ее местом в умственной жизни страны» — тем, что в ней, «как ни в какой другой литературе мира, важнейшее место занимала проблема народа...».¹ Не случайно поэтому в «Истории русской фольклористики» большое внимание уделено фольклористической деятельности классиков нашей литературы, которые, начиная с Радищева и Пушкина, нередко выступали и как собиратели и публикаторы произведений устного народного творчества, и как теоретики фольклора, внося весомый вклад в разработку основных проблем теории и истории фольклористики.

Принимая эстафету от классиков русской литературы, большую и очень важную работу по сбору, изучению и популяризации произведений народного творчества продолжили советские писатели. К сожалению, об этой стороне их творческой деятельности мы имеем пока что крайне приблизительное представление, а в ряде случаев она и вовсе остается «за кадром», вне внимания исследователей, внимание которых более привлекают народно-поэтические традиции в творчестве советских писателей. Между тем освещение фольклористической деятельности писателей способствовало бы, вне всяких сомнений, более успешному раскрытию народно-поэтических традиций в их творчестве. Без обращения к этим вопросам, кроме того, невозможно и создание полноценной истории советской фольклористики.

¹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, т. 1, с. 34.

Большой интерес в этом плане представляют материалы хорошо сохранившегося литературного архива одного из крупнейших советских поэтов, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Александра Андреевича Прокофьева (1900—1971). Изучение их показывает, сколь многообразны и разносторонни были творческие связи поэта не только с самим народно-поэтическим творчеством, традицией которого так ярко воплотились в его произведениях, но и с фольклористикой. Поэт многие годы сам собирал фольклорные тексты, принимал активное участие в работе по подготовке к печати произведений народного творчества, оказывал большую помощь и поддержку местным фольклористам и краеведам, консультировал и рецензировал труды известных ученых-фольклористов, со многими из которых поддерживал теплые, дружеские отношения, переводил произведения фольклора братских народов СССР. Наконец, сохранившиеся письма к поэту от собратьев по перу, собирателей произведений народного творчества, ученых-фольклористов и просто читателей также в ряде случаев содержат немало ценных сведений по различным аспектам этой большой и очень важной темы.

Ни в какой мере не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех сохранившихся в архиве А. А. Прокофьева материалов, так или иначе связанных с фольклором и фольклористикой, мы остановимся здесь лишь на некоторых из них, имеющих непосредственное отношение к освещению фольклористической деятельности как самого Прокофьева, так и ряда других советских писателей.

1

Начав писать стихи еще в юношеском возрасте, в предреволюционные годы,² А. Прокофьев в силу различных причин смогнастоящему предстать перед читателями лишь в 1931 г., когда наконец-то вышли в свет его первые сборники стихов «Полдень», «Улица Красных Зорь» (сразу два издания), «Сотворение мира» и «Победа». Столь стремительное «вторжение» поэта в литературу, естественно, не осталось незамеченным. О его творчестве, открыто ориентированном на северный (прежде всего ладожский) русский фольклор, сразу же появилось немало статей, поэт необычайно быстро приобрел всесоюзную известность, а прекрасное знание фольклора, обнаруживавшееся буквально в каждом его произведении той поры, обратило внимание не только читателей и собратьев по перу, но и фольклористов. И когда всего через два года после выхода первого сборника поэта оргкомитет Союза советских писателей по инициативе А. М. Горького созвал

² Подробнее см.: *Базанов В. В.* Поэтическая юность Александра Прокофьева. (У истоков творческой биографии поэта). — Русская литература, 1979, № 4, с. 70—88.

первое всесоюзное совещание по фольклору (оно состоялось в Москве 15 декабря 1933 г.), то А. Прокофьев получил приглашение принять участие в работе совещания, на котором выступали такие известные ученые, как Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, М. А. Рыбникова, В. М. Жирмунский и др.³

Сам факт созыва этого представительного совещания,⁴ участником которого довелось быть А. Прокофьеву, свидетельствовал о тех благотворных изменениях, которые произошли к этому времени в понимании роли и значения народно-поэтического творчества для развития советской литературы и культуры в целом. Как известно, именно эти вопросы были в центре недавних острых дискуссий,⁵ положивших начало основательной критике вульгарно-социологических концепций народного творчества. Считая фольклор чуждым советской действительности, деятели РАППа и РАМПа,⁶ неистово боровшиеся за классовую «чистоту» пролетарской культуры, рассматривали его как наследие культурно отсталого, закоренелого в своем консерватизме крестьянства, высокомерно-пренебрежительное отношение к которому было воспринято от троцкистов, в наибольшей мере, как справедливо отмечает А. И. Метченко, стремившихся тогда «воздействовать на литературный процесс».⁷ Правда, и в начале 30-х годов мы порой сталкиваемся с нигилистической оценкой фольклора. Некоторые авторы все еще метали громы и молнии в связи с тем, что «пресловутая „народная“ (очень показательны эти кавычки! — В. Б.) поэзия» продолжает оказывать влияние на творчество советских писателей,⁸ и пытались при этом доказать, что, к примеру, «старокрестьянская частушка... враждебна по своей сути пролетарской литературе реконструктивного периода» и «может входить

³ Сохранился пригласительный билет А. Прокофьева на это совещание; см.: ИРЛИ, ф. 726 (А. А. Прокофьева), оп. 3, ед. хр. 63, л. 3.

⁴ О нем см.: *Соколов Ю.* Фольклор в эпоху социалистического строительства. К совещанию при оргкомитете Союза советских писателей. — Литературная газета, 1933, № 57, 11 декабря; *Соколов Ю., Ефремин А.* Совещание по фольклору при оргкомитете Союза советских писателей. — Правда, 1933, № 343, 14 декабря; На фольклорном совещании в Оргкомитете. — Литературная газета, 1933, № 58, 17 декабря; *Б. П.* Первое совещание по фольклору при оргкомитете ССП в Москве 15 декабря 1933 г. — Советское краеведение, 1934, № 1, с. 68—69; *А. Н.* Первое совещание писателей и фольклористов. — Советская этнография, 1934, № 1—2, с. 204—206 (см. также в кн.: Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934, с. 16—18).

⁵ См. о них: Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период. — Литература и марксизм, 1931, № 5, с. 91—114; № 6, с. 105—123; *Астахова А.* Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском институте речевой культуры (ИРК) 11 июля 1931 г. — Советская этнография, 1931, № 3—4, с. 239—242; и др.

⁶ Российская ассоциация пролетарских музыкантов.

⁷ *Метченко А.* Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы. М., 1971, с. 138.

⁸ *Бескин Осип.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. Сб. статей. М., 1931, с. 24.

в произведения пролетарской литературы только как инородное тело». «Своим примитивом» она, дескать, неизбежно «конфликтует... со сложностью материала и идей» новой действительности,⁹ и вообще фольклор, являясь всего-навсего неким безжизненным «реликтом прошлого», достоин лишь беспощадного уничтожения (так утверждали, например, авторы сборника «Проблемы фольклористики (вып. 1, под ред. М. Винера, Харьков—Киев, 1932)). Однако все это уже не могло остановить той большой работы, характеризующей первые итоги которой М. К. Азадовский отмечал в конце 30-х годов, что фольклор наконец «решительно включился в общекультурное наследство, усвоение которого является одним из основных требований при построении социалистической культуры».¹⁰

В широко развернувшемся в 30-е годы «внедрении» фольклора в социалистическую культуру вообще и литературу в частности значительная роль принадлежала и Александру Прокофьеву, который, по авторитетному свидетельству Ю. М. Соколова, не только превосходно знал фольклорный материал и в совершенстве владел «секретами» поэтики частушки и народной песни, но и всем своим творчеством оказывал фольклористам существенную помощь в правильном решении сложного вопроса о взаимоотношении литературы и фольклора в условиях построения социалистической культуры. «Путь Прокофьева, — подчеркивал Ю. М. Соколов, — помогает осознать точнее и путь самой устной поэзии».¹¹

Тогда же, в 30-е годы, у Прокофьева установились и прочные деловые контакты с рядом научных учреждений по изучению фольклора, в работе которых он принимал участие на протяжении всей своей жизни. Мы еще очень мало знаем об этой стороне деятельности поэта и можем пока что судить о ней лишь по тем немногим материалам и документам, которые сохранились в его архиве.

Особое место среди них занимают письма к поэту. Так, например, из письма руководителя фольклорной группы Карельского научно-исследовательского института культуры А. Д. Соймонова от 4 декабря 1937 г. мы узнаем, что Прокофьев дважды рецензировал подготовленный сотрудниками института сборник беломорских сказок, и это свидетельствует о том, что его первая рецензия (текст ее в архиве поэта не сохранился) содержала, очевидно, серьезные критические замечания, которые заставили составителей не только основательно переработать подготовленный ими сборник, но и просить Прокофьева вторично отрецензировать уже переработанную рукопись книги. «Уважаемый

⁹ *Алгаузен Джек*. Дважды два — четыре. Письмо пролетарскому поэту Александру Жарову. — Литературная газета, 1931, № 56, 17 октября.

¹⁰ Советский фольклор, 1939, № 6, с. 8.

¹¹ *Соколов Юрий*. Александр Прокофьев и народная песня. — Литературный критик, 1936, № 1, с. 210.

Александр Андреевич, — читаем здесь, — Вы согласились вторично тщательно проверить рукопись первого тома сказок Беломорья (Коргуев). Ждем Вашей рецензии на книгу в ближайшие дни. Издание книги по решению Обкома ВКП(б) было назначено к 7 XI 1937 г., поэтому необходимо возможно скорее ее выпустить». ¹²

Сохранившиеся в архиве А. Прокофьева его внутренние рецензии на рукописи других сборников фольклорных произведений также свидетельствуют о том, что поэт отнюдь не ограничивался общей оценкой рецензируемой работы, но глубоко вникал во все ее детали, вплоть до чисто технических (оформление рукописи, принципы подачи примечаний к публикуемым текстам, неточности в цитатах и т. д.). Очень характерна в этом плане рецензия на рукопись подготовленного А. Нечаевым и Н. Рыбаковой сборника «Русские народные песни» — очень конкретный деловой разговор о содержании сборника в целом, о его композиции и составе. Предлагая снять ряд песен («Лес да лес густой», «Черные кудри по ветру трепались», «Все мы знаем милую Катюшу», «По Берлину ходит Гитлер», «Походный марш курских партизан», «Возле Орши роща небольшая», «Эх, Кубань, ты наша родина», «Лес зеленый, бор сосновый», «Ночь настала хмурая» и др.), поэт в то же время высказался за включение таких песен, как «Выйду ль я на реченьку», «Черная шаль», «Под вечер осенью ненастной», «Шумел, гремел пожар московский», «Казачья колыбельная», «В глубокой теснине Дарьяла», «Выхожу один я на дорогу», «Бородино», «Хуторок», «Нас побить, побить хотели», «Как у дуба старого», «Редко, друзья, нам встречаться приходится», «На рейде», «Далеко, далеко», «Моя любимая» и др. Дан и весьма тщательный анализ вступительной статьи и примечаний. ¹³

Участие А. Прокофьева в подготовке к печати новых трудов фольклористов не ограничивалось их внутренним рецензированием на завершающем этапе работы под рукописью. В ряде случаев поэт выступал одним из организаторов и руководителей таких изданий, являясь их ответственным редактором. Об этом свидетельствует, например, письмо А. С. Бушмина и М. О. Скрипицы от 30 июня 1955 г.: «Уважаемый Александр Андреевич! Дирекция Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и Сектор народного творчества просят Вас взять на себя ответственную редактуру сборника „Пословицы и поговорки русского народа“, тем более что Вами вместе с составителями сборника уже проделана основная редакторская работа». ¹⁴

¹² ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 937. Речь идет о двухтомнике «Сказки Карельского Беломорья» (Петрозаводск, 1939), вышедшем под общей редакцией М. К. Азадовского, Б. А. Ларина, И. И. Мещанинова, А. А. Прокофьева и А. П. Чапыгина.

¹³ Там же, оп. 1, ед. хр. 310, л. 1—6.

¹⁴ Там же, оп. 2, ед. хр. 476, л. 2.

Речь шла о подготовленном коллективом ученых (В. П. Адрианова-Перетц, Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц и Г. Г. Шаповалова) сборнике «Избранные пословицы и поговорки русского народа» (он был издан в 1957 г. под редакцией А. А. Прокофьева). Как о том свидетельствует приведенное выше письмо руководства Пушкинского Дома, авторский коллектив создавал эту работу в непосредственном контакте с поэтом.

Столь же охотно откликался Прокофьев и на другие аналогичные просьбы. Еще в середине 30-х годов он выступил в качестве редактора составленного Василием Князевым сборника «Избранные частушки Северного края» (Л., 1936), а в послевоенные годы под его редакцией вышли сборники «Русская частушка» (Л., 1950; сост. Виктор Боков), «Лирические народные песни» (Л., 1955; сост. Е. А. Лопырева) и ряд других изданий.

Тесные деловые контакты Прокофьева с учеными-фольклористами способствовали установлению дружеских отношений между ними и поэтом. Они искренно радовались его успехам («Сердечно поздравляю <с> давно заслуженным авторитетнейшим признанием Вашего значения <в> советской поэзии», — телеграфировал 30 января 1946 г. М. К. Азадовский, узнав о присуждении Прокофьеву Государственной премии СССР)¹⁵ и столь же искренне делились с ним своими радостями. «Дорогой Александр Андреевич, — писала ему, например, Н. П. Колпакова, — несколько раз пыталась повидать Вас, но все не заставала. Оставляю Вам эту маленькую фольклорную штучку. Сейчас у меня в разных издательствах шесть книг по фольклору — уже в производстве <...> Одним словом — да здравствует фольклор! Вы согласны? Шлю сердечный привет. Ваша Н. Колпакова».¹⁶ «Примите, пожалуйста, скромный подарок — небольшой сборничек народных песен, составленный мною. Зная Вашу любовь к народной поэзии и понимание ее, очень дорожу Вашим мнением, насколько удачна книга»,¹⁷ — читаем в письме В. Е. Гусева.

Поэта о помощи и поддержке нередко просили не только исследователи, но и краеведы, собиратели фольклорных текстов и молодые писатели, обращавшиеся к освоению народного творчества. «Вы единственный нам известный современный поэт, который глубоко понимает, любит и ценит русский фольклор и претворяет его в своем творчестве. Нам было бы очень ценно узнать Ваше мнение о новых записях от Крюковой... Очень просим Вас, как Вы ни заняты, уделить некоторое внимание нашей работе, помочь нам советом, указанием на желательные темы, в которых можно было бы использовать все творческие возможности Крюковой, ее торжественную сказочность»,¹⁸ — писали поэту из Архангельска А. Морозов и Э. Бородина-Морозова

¹⁵ Там же, оп. 3, ед. хр. 81, л. 1.

¹⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 530.

¹⁷ Там же, ед. хр. 314.

¹⁸ Там же, ед. хр. 711, л. 1.

23 июня 1943 г. «Я заканчиваю большую статью „Крестьянские свадьбы в Сибири“. Как поэт-песенник Вы, конечно, прекрасно знаете фольклор, свадебные обычаи и т. д. Поэтому хотелось, чтобы Вы просмотрели эту статью, а затем, если она достойна того, посоветовали бы, куда ее отослать (кому еще показать и т. д.). Мой единственный помощник и советник проф. М. К. Азадовский болен, а больше я совершенно никого не знаю. Не знаете ли Вы старейшего фольклориста В. М. Сидельникова, как его имя, отчество и куда к нему писать? К кому мне еще можно обратиться?»,¹⁹ — спрашивал Прокофьева сельский учитель из Омской области И. С. Коровкин в письме от 10 августа 1945 г., много, кстати, внимания уделявший сбору сибирского фольклора и в последующие годы выпустивший интересный сборник «Сибирские частушки» (Омск, 1959). «Я никогда никого не обременял просьбами, но теперь очень прошу Вас перелистать эту работу. Тема о северной деревне не покажется Вам ненужной, в повести много фольклора и быта. Опасаюсь, что членам редакции, если они из числа горожан, все это может показаться ничемным»,²⁰ — писал в январе 1946 г. молодой писатель Александр Линеvский, желая, чтобы поэт — член редколлегии журнала «Звезда» — ознакомился с его повестью «Хищники», посвященной Беломорью 10-х годов нашего века.

Как к члену редколлегии «Звезды» обращался к Прокофьеву и А. Н. Нечаев, известный фольклорист и писатель (большая работа его по обработке и изданию русских народных сказок для детей получила высокую оценку ряда крупнейших советских писателей). «Дорогой Александр Андреевич! — читаем в его письме от 17 августа 1947 г. — одновременно с этим письмом посылаю рукопись для „Звезды“. В ней, в этой статье, собрана вся боль в один крик за попорченную народную поэзию, за наше народное искусство, значения которого для нашей культуры многие, очень многие, к сожалению, не понимают. Хорошо, если бы ты нашел 10—20 минут поглядеть мой опус, тебе я верю в этом смысле больше всего. Здесь она получила одобрение (мне даже заказали статью для „Правды“, не знаю, справлюсь ли?), но, памятуя разговор с тобой и договоренность с Друзиным,²¹ статью направляю в Ленинград. Пора поговорить по душам <...>

Если бы Вас это заинтересовало, я готов осенью, через месяц-два приехать для разговоров в Ленинград (о принципах популя-

¹⁹ Там же, ед. хр. 552, л. 5—5 об. П. Л. Драверт писал М. К. Азадовскому 3 декабря 1942 г.: «Большое спасибо Вам за помощь советами и указаниями молодому писателю И. С. Коровкину. Ваше письмо весьма ободрило его. Он живет в глуши, но много работает над собой, хотя ему было бы лучше для этого перебраться в какой-нибудь большой город» (см.: Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому. — В кн.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 236).

²⁰ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 623.

²¹ Друзин Валерий Павлович — в то время главный редактор журнала «Звезда».

ризации, об издании хороших книг по народной поэзии) «...» Вы ведь затеваете большое издание избранных русских сказок. Интересно было бы обсудить, как это будет выглядеть, не повторить бы прежних недостатков в этом издании.²² Могу прочесть 2—3 доклада в этом плане. Словом, есть о чем поговорить», — заключал А. Н. Нечаев, сообщая при этом, что его «опыты работы по продолжению издания народных сказок для детей (начатые Толстым)²³ получили очень высокую и лестную для меня оценку М. А. Шолохова».²⁴

Уже и по этим немногим материалам видно, сколь дороги и необходимы были исследователям самых разных фольклорных жанров авторитетное мнение и совет А. Прокофьева. Разумеется, он не был ученым-фольклористом в строгом смысле слова и, кстати, сам никогда не переоценивал свои познания в этой области. Но он был тонким ценителем и превосходным знатоком народного творчества русского севера и щедро делился своими знаниями и опытом с профессиональными учеными-фольклористами, которые видели в нем не только ценителя, но и авторитетного, хорошо ориентирующегося в материале специалиста, всегда готового оказать посильную помощь и словом и делом.

2

Обращаясь в своем творчестве к фольклорным произведениям самых разных жанров, А. Прокофьев был особенно неравнодушен к русской частушке, горячую любовь к которой он пронес через всю жизнь, нередко и сам создавая тексты частушек, своеобраз-

²² В другом письме (от 14 января 1948 г.) А. Н. Нечаев пишет в этой же связи: «... как стало здесь (в Москве, — В. Б.) известно, в Ленинграде (в Гослите) затевается трехтомник русских народных сказок. Дело это хорошее и нужное, и хорошо бы по поводу этого издания поговорить, чтобы не повторять старых ошибок при создании такого типа книг. У нас тут ведь давно уже ведется большая работа по созданию пятитомника избранных русских сказок (и по изданию 60 книг сказок народов СССР) под редакцией М. А. Шолохова. Работаем мы (Пришвин, Платонов и я) уже давно, кое-что сделали и, говорят, хорошо. Можно было бы и поделиться опытом» (ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 736, л. 4—5). Издание трехтомника сказок не состоялось, не было осуществлено и широко задуманное издание сказок в Москве; под редакцией М. А. Шолохова вышли только сборники «Волшебное кольцо. Русские сказки. Пересказал А. Платонов» (М.; Л., 1950) и «Иван меньшею — разумом большою. Русские сказки. Пересказал А. Нечаев» (М.; Л., 1951), переиздававшиеся и впоследствии. В обработке А. Нечаева в то время вышел также сборник «Чудесные ягоды. Русские народные сказки» (М.; Л., 1951); за три года до этого был издан составленный А. Нечаевым и П. Богатыревым сборник «Летучий корабль. Славянские сказки» (М.; Л., 1948), а несколько позднее увидел свет подготовленный А. Нечаевым совместно с Н. Рыбаковой обширный сборник «Русские народные сказки» (М., 1952).

²³ Имеется в виду книга: Русские народные сказки. Под редакцией и в обработке А. Толстого. М.; Л., т. 1, 1941.

²⁴ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 736, л. 1—2 об. Статья А. Н. Нечаева в «Звезде» не публиковалась, отзыв Прокофьева о ней неизвестен.

ных частушечных циклов, причем наиболее ранние его опыты относятся еще к юношеским годам поэта.²⁵ Очевидно, тогда же, в пору своей юности, начал А. Прокофьев и собирать фольклорные тексты, записывая прежде всего ладожские частушки и песни («записал их множество, — свидетельствует дочь поэта, — но собрание его записей обнаружить пока не удалось»)²⁶ Впоследствии активно помогали ему друзья и знакомые, знавшие о любви поэта к народной поэзии. «Дорогой Александр Андреевич, — писал ему, например, Всеволод Азаров 6 января 1936 г. — Я обещал комсомольцам Пушкинских гор достать твои песни и частушки. Прошу тебя срочно прислать все стихи, которые можно петь на имеющиеся мотивы (без переложения на музыку). В обмен ты получишь записи здешних частушек, многие из которых интересны».²⁷

Много было получено поэтом путем такого рода обменов. Некоторые собиратели сами передавали ему свои записи. В архиве Прокофьева сохранилось несколько больших подборок таких записей новгородских, псковских, карельских и других частушек 1920—1930-х годов (их общий объем — около 25—30 печатных листов), которые составляют ныне особый фонд в фольклорном собрании Пушкинского Дома.²⁸ Щедро делились с поэтом и его читатели, иные из которых располагали обширными собраниями фольклорных текстов.

Некоторые же читатели и просто порой предлагали Прокофьеву совместно подготовить сборник частушек на основе имеющихся у них и у поэта материалов.

Подобное предложение находим, например, в письмах преподавателя литературы в лодейнопольском педагогическом техникуме Н. Е. Дордина, который очень высоко ценил произведения Прокофьева («из современных поэтов, — писал он в январе 1937 г. в своем первом письме поэту, — я больше всего люблю стихи Маяковского и Ваши стихи»)²⁹ и не только энергично оспаривал мнение ряда критиков, упрекавших поэта за его пристрастие к фольклору, но и настойчиво призывал Прокофьева к еще более активному использованию в своем творчестве фольклорного материала: «Я несколько месяцев работаю со студентами над собиранием северных частушек. Через мои руки их прошло около 3 500 <...>

Вы прекрасно знаете северный фольклор, и это громадная Ваша заслуга. Фольклор обладает способностью взаимной любви. Фольклор умеет благодарить. И потому велики имена Пушкина, Некрасова, Гоголя. Русский фольклор, создавая „традиционные“

²⁵ Их находим уже в самодельной тетради 1916 г., включающей стихи 15—16-летнего Прокофьева (см.: ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 1).

²⁶ *Михайлова Нинель*. Ранние стихи. — Нева, 1977, № 12, с. 198.

²⁷ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 56.

²⁸ См.: ИРЛИ, разряд V, кол. 265, папка 1, ед. хр. 1—7.

²⁹ Там же, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 345, л. 1.

(Гутнер) образы леших, русалок, Иванов-дурачков, тоскующих невест и т. д., давал произведения, равные по своей художественной силе лишь прославленным древнегреческим мифам. А „Одиссея“ и „Илиада“ Гомера, трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида, построенные на материале мифов, являются замечательнейшими произведениями мировой литературы.

И вот здесь я перехожу к значительному недостатку Вашего творчества, который, на мой взгляд, заключается в отсутствии крупного, синтезирующего произведения по сюжету, взятому из фольклора.

Некрасова прославил поэма „Кому на Руси жить хорошо“. Она фольклорна с ног до головы. У Вас есть свой огород, и Вы в нем полный хозяин. Это хорошо <...>

Вам необходимо дать большую поэму, которая должна стать у Вас генеральным произведением. Тогда все мелкие стихи расположатся вокруг нее, как хвост кометы вокруг ее ядра, и тогда они по-настоящему и надолго войдут в литературу.

Вы не обижайтесь за мой „учительский“ тон, я ведь по специальности учитель. Мною руководит одно желание — как можно скорее прочесть большую вещь Прокофьева, которая заставит изумиться всех досужих и недосужих критиков». ³⁰

К этой заветной для него мысли Н. Е. Дордин неоднократно возвращался и в других письмах. «Будьте верны себе, т. Прокофьев, и поэзия будет верна Вам <...> И никак нельзя поставить Вам в вину то, что Вы, используя народные песенные традиции (без кавычек традиции, — это слово серьезное и умное), даете песни, стоящие гораздо выше тех, которые поют. Но, повторяю, если Вы напишете большую вещь, тогда у Вас будет такой общий знаменатель, на который разделится любая дробь без остатка» (26 января 1937 г.); «То, что собрано Вами в „Прямых стихах“, — это яркие осколки песни. Но Вы должны написать саму песню. Песня Вас ждет. Тем много. Они есть у Вас. Я представил себе и такое: Вы берете половину всех своих стихов, прессуете, заполняете щели — и получилась бы замечательная поэма... Когда Вы думаете засесть за поэму и что Вы о ней думаете?» (4 марта 1937 г.); «Советую Вам, прошу Вас взяться за что-нибудь одно, большое, цельное, законченное. Напишите поэму „Кому на Руси жить плохо?“ Первую часть или вступление сделайте к 20-й годовщине Октября. Написать подобную поэму — не значит вывернуть Некрасова наизнанку... Здесь и своеобразный ритм необходимо изобрести, и строфу, и общую систему образов. И общим содержанием показать, кому жить плохо: кулаку, вредителю, диверсанту и пр. Пишите обо всех классах, группах, профессиях. Писатели, инженеры, ученые, колхозники. Географически расширьте (у Некрасова — Костромская да Ярославская губерния), а Вы дайте и хрустальные вер-

³⁰ Там же, л. 2—3.

шины Кавказа, и буйные кубанские степи, и олонекские леса, и ширь советских морей. И все это пусть будет пропитано фольклором, песней, сказкой, былинной, пословицей, поговоркой, рассказом о вождях партии и правительства» (13 мая 1937 г.).³¹

Столь же активно предлагал Н. Е. Дордин поэту подготовить совместный сборник частушек Ленинградской области, которые он собирал долгое время. «И еще одно у меня есть предложение, — читаем в его письме от 13 мая 1937 г. — Не сможем ли мы с Вами „организовать“ сборник частушек и песен нашей области. У меня их накопилось масса, издательство облоно взялось было энергично за переговоры по изданию, посулило „златые горы“, но труба существует и на то, чтобы в нее добрые вещи иногда с дымом улетали».³² Через полтора месяца, 30 июня, он вновь возвращается к этому вопросу: «В этом письме мне хочется повторить предложение, которое я сделал в прошлом: что, если бы мы с Вами выпустили большой сборник Ленинградского фольклора. Материалов у меня есть порядочное количество, у Вас, чую, тоже поднакопилось кое-что, с этого начнем».³³

Судя по последующим письмам, в конце августа 1937 г. Н. Е. Дордин встречался с поэтом, и во время этой встречи, вероятно, речь также шла о возможности подготовки сборника частушек Ленинградской области. К сожалению, однако, вскоре переписка лодейнопольского учителя с Прокофьевым оборвалась (его последнее письмо поэту датировано 23 сентября 1937 г.), и замысел остался неосуществленным. Неясна также судьба фольклорного собрания Н. Е. Дордина и писем к нему Прокофьева, который, впрочем, едва ли мог принять предложение, ибо в это время уже готовил к печати тексты наиболее интересных частушек, имевшихся в его собрании. Еще 5 ноября 1936 г. ленинградское отделение издательства «Художественная литература» заключило с Прокофьевым договор на подготовку сборника частушек, который предполагалось выпустить 10-тысячным тиражом (издание это, однако, не состоялось; в архиве поэта сохранился только авторский экземпляр договора).³⁴

Дальнейшие архивные разыскания, возможно, позволят обнаружить следы этого сборника, самый замысел которого свидетельствует о том, что уже к середине 30-х годов Прокофьев располагал достаточно обширным собранием частушек. Собрание это (об объеме его судить пока что трудно, ибо записи самого поэта еще не обнаружены) постоянно пополнялось и в дальнейшем. Даже в годы Великой Отечественной войны друзья и знакомые поэта

³¹ Там же, л. 5, 7—7 об., 8 об.—9.

³² Там же, л. 9 об.

³³ Там же, л. 11.

³⁴ Там же, оп. 3, ед. хр. 18, л. 7.

не забывали присылать ему тексты частушек;³⁵ немало нового и интересного было получено Прокофьевым и в послевоенные годы. Около трехсот частушек прислал ему, например, в марте 1961 г. один из читателей, Ю. К. Константинов, по инициативе которого они были записаны от жителей Боровичского района Новгородской области. «Хотя и был я болен и временами просто было мне кисло, — писал он поэту, — я их все пропел. . . а будь я мастак ловчее и крепче на ногах, то и сплясал бы их».³⁶ Присланные Ю. К. Константиновым тексты далеко не равноценны, в них встречаются уже широко известные, публиковавшиеся ранее частушки, тем не менее в целом эти записи представляют несомненный интерес и, вероятно, наряду с частушками, присланными поэту другими его читателями, еще привлекут внимание исследователей.

Переписка А. Прокофьева очень обширна (в его архиве хранится свыше 3 200 писем к нему), и дать здесь представление обо всех письмах, так или иначе относящихся к теме данной работы, не представляется возможным. Поэтому остановлюсь лишь на одном из наиболее интересных и примечательных материалов этой переписки — на письмах к Прокофьеву известного советского поэта и фольклориста Виктора Федоровича Бокова, который любезно разрешил опубликовать некоторые их фрагменты, имеющие непосредственное отношение к теме этой работы.

3

Начало этой переписки относится к 1948 г., когда В. Боков написал Прокофьеву первое письмо, являвшееся, по его собственному определению, «следствием многолетних восхищений вашими стихами и попытками как-то осмыслить их исторически и историко-литературно».³⁷ Признаваясь, что творчество поэта «уже лет 15» радует его, автор письма, имя которого в ту пору еще мало о чем могло говорить Прокофьеву, подчеркивал: «Секрет постоянности любви простой: своими песенными корнями вы сидите в народной почве, а эта почва, русская почва, держит и меня и питает мою душу своими силами» (л. 1).

«После Есенина я считаю вас первым по силе и экспрессии песенного дара, по разинской буйности стиха» (л. 1), — отмечал В. Боков далее, подробно останавливаясь на своем понимании

³⁵ Так, например, частушки находим в письме Б. А. Бялика от 8 января 1945 г. (там же, оп. 2, ед. хр. 172, л. 4—4 об.) и в недатированном письме 1943—1944 гг. старшего лейтенанта В. С. Калачева (там же, ед. хр. 489); П. В. Жур подарил поэту блокнот со своими записями частушек и других фольклорных текстов, сделанными им на фронте 4—29 января 1943 г. (там же, оп. 4, ед. хр. 26).

³⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 545, л. 1.

³⁷ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 140, л. 17. Далее все ссылки на эти письма даются непосредственно в тексте с указанием лишь номера листа.

С. Есенина и его творчества (лл. 1—6), которое существенно расходилось с тем, что писалось тогда об этом поэте в критике. «Почему я так много пишу о Есенине?» — спрашивал он после этого и так отвечал на свой вопрос. — «Потому что рядом с ним в моем сердце — Вы. Народный, крестьянский, буйный, озорной, упрямый, нежный, солнечный» (л. 5).

Интересны содержащиеся здесь замечания и соображения В. Бокова об истоках песенной традиции Прокофьева и о некоторых других особенностях его творчества. Вновь возвращаясь к мысли о «разинской буйности» стиха поэта, он писал: «Вы и сами — Разин. Разин в песне, иначе вам не суметь, потому что песенная ваша традиция идет от озорных ладожан, от ушкуйников, бежавших в северные леса в протест помещику, социальным несправедливостям, потому что вы поете, как народ:

Пиргала, Митала, Гавсарь, Выстав...
...Тырли-бутырли — дуй тебя горой!⁸⁸

За источником ходить недалеко, его знает каждый деревенский парень:

Ты ль меня, я ль тебя иссушила,
Ты ль меня, я ль тебя извела,
Ты ль меня, я ль тебя из кувшина,
Ты ль меня, я ль тебя из ведра.

Замечаете ли вы еще одну особенность в своем творчестве? Я говорю о рифме, этом цементе стиха. Рифмы ваши точны, свежи, оригинальны. Одной из особенностей ваших рифм является опять-таки народная традиция рифмовать слово не по звучанию ударного слога — окончания, а рифмовать целые слова и даже группы слов, например:

По ягоду, по клюкву,
По мелкую, по крупну.

Или покойник, или полковник.

Взял бы шубу, боюсь шуму.

Пóмер, такой ему и пóминн.

(Пословицы)

Мою голову раскрытую
Остудит ветерок,
За измену тебя, миленький,
Осудит весь народ.

(Частушка)

Дуся курит цыгарочку,
Меня любит, цыганочку.

(Воронежская)

⁸⁸ Строки из стихотворения Прокофьева «Мой братенник».

Сыграй, милый, в разлив, в разлив,
Мое сердце в разрыв, в разрыв.

(Рязанская)

Как я вспомню об нем, об нем,
Мое сердце огнем, огнем.

(Рязанская)

Принцип рифмовки ясен: слово как бы накладывается на слово с равной протяженности, в абсолютном созвучии. Вот подобные народные рифмы из ваших стихов: «Выстав — выстань», «полет — поет», «песня — чечня», «рекам — рукам», «игру — икру», «сена — села», «рыба сиг — рыпайси», «линии — лилии», «снова — слова», «лесист — лисиц», «Мсты — мосты», «гор- линка — форменка», «ломжи — ромжи», «погода — полгода», «строю — свою», «жесть — поджечь», «дорогим — другим», «ут- варь — утром», «причин — помолчим», «ножны — нужны», «при- стукнет — престуник», «полотна — поротно», «не зри — ноздри», «черный — нареченный», «шаткой — шапкой», «дуг — дуб», «плотничек — работничать», «осень — Осип», «парила — перила», «граждане — не ждали», «радею — неделю», «соловья — сы- новья», «плечами — печами», «волка — размолвка», «плакала — клапаном», «охнула — окнами», «косынки — посылки», «лавке — лапте», «думу — дубу», «об руку — облако», «долгоносик — но- сит», «суму — чуму», «перегуд — берегут», «пожалуй — ржавой», «выбор — Выборг», «горная — гордая», «корабельная — колы- бельная», «костей — гостей», «война — вольна», «землей — за- рей», «отголосила — осина», «верным — вербам» и т. д.

Следуя народной форме, Вы хорошо чувствуете и народное мироощущение, по народному решаете темы. Так, тема смерти питается народным отношением к ней. Оно видно хотя бы из загадки:

Заехал в ухаб,
Не выеду никак (могила).

Тут нет пессимизма и надрыва, здесь налицо юмор, усмешка. Это народно-крестьянское мировоззрение и ощущение смерти как необходимости, как акта обновления и утверждения жизни, очень ярко чувствуется у вас в стихах «Василий Орлов», «Горят в не- бесах золотые ометы», «Как радостно сердцу — ты в нем загости- лась». В последнем неотвязно преследуют меня восемь строк:

Но явится день, чтобы ты загрузила,
Мне молния в душу блеснет!
Умру я, а солнце, что в сердце гостило,
На дальние клены вспорхнет.

Они только дрогнут зеленой листвою,
А там, где закаты горят,
Над быстрой водою, над горькой травой
Еще веселей зашумят...

По истинной глубине и прозрению я не знаю ничего подобного. Какой это праздник поэзии — такие слова! Тут скрыты и пушкинские «Здравствуй, племя», и его же «Равнодушная природа», но не с раздумьем рассудка, а самим чувством, сердцем наполнены эти стихи <...> Они, пожалуй, стоят ближе к формуле Гете — «Вперед — по ту сторону могил!». Эти слова Гете, по признанию Флобера, были стимулом жизни в последние годы его работы на земле, были оправдательным и бодрствующим девизом. Когда я читаю эти стихи кому-либо и вижу равнодушные или деланный восторг, — я сразу заключаю степень духовной и поэтической одаренности и восприимчивости испытуемого интеллекта. А что, как не формулу Гете, выражают ваши стихи:

А рухну, как дед мой, царапая землю,
На полном и быстром бегу.³⁹

Ваш герой Василий Орлов желает, чтобы его похороны превратились в праздник, а не погребальный вой. Это утверждение жизни в смерти рассыпано у вас и в других стихах, например:

Шли стрелки в траве, в цветах по шею,
По приклад в крови.⁴⁰

В этих стихах есть какая-то жестокая красота и торжество жизни: ведь крови-то (смерти) по приклад, а цветов-то (жизни) по шею, т. е. жизни больше, чем смертей. Это биологически и социально так.

Утверждение жизни через необходимость смерти в широком, эпическом звучании вы можете встретить в составленной и художественно переведенной мною книге «Карело-финские эпические песни», издание Карело-Финского Научно-исследовательского института культуры, Петрозаводск, 1941 г.

Книга представляет собой подлинные народные песни (руны) в отличие от песен «Калевалы» Элиаса Ленрота,⁴¹ где много литературной романтизации и других напластований. Идея — дать то, что поет народ, и так, как он, руководила мной в этой работе. Так вот, там есть (в «Калевале» — нет) песня, начинающаяся словами «Смерть жила-была на свете»; в рамках жизни целого народа показано утверждение жизни за счет освобождения того, что ей мешает. Это самая глубокая песня «Калевалы». Я бы очень хотел, чтобы вы эту песню прочитали, тем более что книга, возможно, у вас имеется.

Тема утверждения жизни через гибель проходит от начала до конца в «Хаджи-Мурате» Л. Толстого с параллелью — татар-

³⁹ Из стихотворения «Горят в небесах золотые ометы...».

⁴⁰ Из стихотворения «На гвардейский корпус пал наш выбор...».

⁴¹ Ленрот Элиас (1802—1884) — финский фольклорист; собирая и обрабатывая народные эпические и лирические руны, создал карело-финский эпос «Калевала» (1835—1849).

ник во вступлении, измятый, но живущий, Хаджи-Мурат на протяжении всей повести» (л. 6—11).

Не менее интересны замечания В. Бокова о пейзажной лирике поэта, его «жизнеутверждающем ощущении природы». Имея в виду такие стихи, как «Ты по сердцу мне, русская природа...», «Как хорош новый мачтовый лес...», «Нынче удались цветы повсюду...», «Как повелось покою веков, издревле...», он писал: «В этих изумительных созданиях природа почувствована русским человеком с силой „Слова о полку Игореве“, Вы как бы реставрировали своей кистью ее древний, могучий лик, приблизили эту природу к ее древней пейзажной мощи, когда в непроходимых лесах и пущах Руси и соловьи-то свистели не так, как теперь, а могуче, по-разбойничьи, отсюда метафора древнего названия „соловей-разбойник“. Ваша послевоенная лирика природы служит той же цели, что и лирика природы в „Слове“ — объединению всей русской земли „в союз нерушимый“ и объединение преклонением в любви хотя бы к нашему символическому древу — березке. Это тоже патриотизм» (л. 13).

Находим в этом письме и ряд замечаний о частушке, которой в дальнейшем было суждено стать одной из основных тем переписки Бокова и Прокофьева: «Очень интересует меня ваша работа по созданию уличной записки. Это прямой творческий ответ на слова:

Какие песни мы сложили,
И что на улицах поют?⁴²

Я сам в течение многих лет преклоняюсь перед частушкой и много знаю их и сам тоже брался сочинять, и многие уже поются на улице. Но это особый и большой разговор. Ваши записки я подверг тщательному анализу согласно тех объективных критериев, которые изложены мною в моей большой статье „О народной частушке, ее издателях и фальсификаторах“, напечатана в журнале „Литературный критик“, № 8—9 за 1939 г. По этой линии я давно работаю во Всесоюзном доме народного творчества и мечтаю о том, что Вы тоже откликнетесь на задачу Дома в создании новой советской частушки, такой частушки, которая пелась бы на улице, как народная. Это очень трудная задача и Вы близко подошли к ее решению» (л. 14—15).

«Дорогой Александр, — заключал В. Боков свое обширное послание поэту, — мне хотелось бы много, много говорить с Вами, подружиться навечно. Несколько слов о себе. Родился в 1914 г. в деревне под Троице-Сергиевом (Загорск). 14 лет встретился с писателем Мих. Пришвиным, который был первым моим учителем и остался им по сие время. В 1938 г. окончил Литературный институт Союза писателей в Москве. С 1935 г. и по сей день собираю и исследую устное народное творчество — это

⁴² Из стихотворения «Перед своей Страной Советов...».

источник моей радости и творчества. Собираю это не так, как фольклористы (объем и заработок), собираю по крупицам, удивляясь. Имею ряд исследований по этому вопросу — „Поэтический мир загадки“, „Воронежские песни и сказки“, „Сравнения русской разговорной речи“ и др.⁴³

Лет десять уже сознательно работаю над стихом (лирика). Ничего не печатаю,⁴⁴ может быть потому, что еще не встретил своего Державина» (л. 15).

«Мне очень хочется, — подчеркнул Виктор Боков, — подружиться с Вами и показать Вам мои стихи, которых накопилось довольно. Если это все, что посылаю, заденет Вас за живое, надеюсь, Вы мне напишете, и я буду тогда думать о встрече» (л. 17). И действительно, такое письмо не могло не «задеть»; Прокофьев сразу же ответил на него, а вскоре, в августе 1949 г. встретился и с его автором, в котором увидел прежде всего прекрасного знатока столь милой ему русской частушки. Неудивительно поэтому, что он с сочувствием отнесся к желанию В. Бокова подготовить сборник русских частушек и как член редколлегии «Библиотеки поэта» предложил издать такой сборник в этой серии.

Такой сборник вышел в свет в малой серии «Библиотеки поэта» в 1950 г., и письма В. Бокова к поэту позволяют детально проследить историю его создания.

«Не забыли ли Вы о книге частушек? — спрашивал он Прокофьева 11 сентября 1949 г. — Я уже готовлю ее и к Вам просьба: не смогли бы послать свои записи? Я бы их вернул» (л. 34 об.). Через месяц, 14 октября он вновь писал: «Теперь о сборнике „Избранные частушки“. Вскоре после Вашего уезда я получил письмо от зав. редакцией „Библиотеки поэта“ Терентьева, где мне он предлагал „выслать тексты“. Я удивился неосведомленности человека. Сейчас же ответил с мыслью: разве о текстах идет речь? Текстов много, а хороших сборников нет ни одного. Речь-то ведь шла о избранном, лучшем за все 100 лет жизни частушки. Сделать это может не фольклорист, а поэт, близко

⁴³ В. Боков не называет здесь ряд других своих работ — статью «Фольклорные экспедиции учащихся» («Литература в школе», 1940, № 2, с. 75—82), написанную им совместно с А. Мореевой, А. Голембой, Н. Терновицкой и И. Чканиковым книгу «Как работать с частушкой? В помощь начинающим работникам по фольклору в краях и областях» (М., 1939) и др.

⁴⁴ Первый сборник стихов поэта был издан через десять лет после написания этого письма, в 1958 г. Необходимо отметить, впрочем, что еще в предвоенные годы он выступал в печати (начиная с 1934 г.) не только как фольклорист, но и как прозаик; см., например, его рассказы «Лесная сказка» (в кн.: Проза молодых московских писателей. М., 1937, с. 56—62) и «Мальчик Василь» (в кн.: Бодрость. Сб. конкурсных рассказов. М., 1937, с. 89—100). Много позднее, став уже известным поэтом, В. Боков выпустил интересную книгу прозаических миниатюр «Над рекой Истермой» (М., 1963), журнальный вариант которой появился незадолго до выхода в свет его первого сборника стихов (см.: «Москва», 1957, № 3, с. 6—32).

знающий, имеющий вкус, любящий частушку. А это работа большая: надо внимательно пересмотреть все изданное и попользоваться записями (моими, Вашими, архивными и другими). Следовательно, раньше как через 3 месяца я книги не сделаю. Мне же надо ведь написать и статью без ученой нуды, а горячую, проповедническую.⁴⁵ А потом, ведь нужен договор или, в крайнем случае, твердый голос: делай! < . . . > Частушки пошлите мне заказной бандеролью, не пропадет, я их выпишу и сейчас же верну» (л. 35—35 об.). «От „Библиотеки поэта“ нет вестей», — недоумевал он в письме от 6 ноября, сообщая далее: «А я продолжаю работать. Ограбляю на этот счет всех, кого можно (печатное и непечатное). Недавно разобрал частушечный архив гусляра Беляевского — выбрал 140 блестящих текстов, например:

Мой залеточка в бою,
Просит карточку мою,
А я ему отвечаю:
Возьми меня самою!

Жду-пожду обещанные Ваши тетради. Можно ведь послать их почтой, заказной бандеролью, я верну сразу таким же образом. Теперь об издании. Если даже „Библиотека поэта“ не решится, то я все равно сделаю в полный серьез все, что задумал, и предложу книгу тогда под Вашей редакцией „Советскому писателю“. Слишком я люблю это дело, чтобы его не сделать. Вы это теперь знаете» (л. 37—37 об.). Через три дня он вновь писал: «О книге частушек от „Библиотеки поэта“ — молчок» (л. 39 об.). «Саша! Так что же с частушками?» — спрашивал он 19 декабря, удивляясь тому, что редакция так долго не отвечает на его официальную заявку на подготовку к печати такого сборника: «В чем дело? Я очень прошу Вас послать с А. В. Кожевниковым⁴⁶ Ваши записи, я сделаю выбор и сейчас же вышлю Вам обратно» (л. 45).

Вскоре, однако, долгожданное известие было получено. «Позавчера — Ваше письмо с доброй вестью, а вчера — от издательства бумага о сборнике частушки, — читаем в письме от 26 декабря 1949 г. — Срок жесткий: 1 марта рукопись, но я сегодня ответил согласием. Надеюсь, посинее, а сделаю. Много сделано, только теперь задача охватить все источники, отовсюду выжать сок виноградный. В новый год, кажется, поедет в Ленинград Алексей Венедиктович, частушки Ваши можно послать с ним» (л. 46). «У меня новости: подписал договор на частушку,

⁴⁵ Редакция «Библиотеки поэта» поручила написать вступительную статью к сборнику фольклористу Л. С. Шептаеву, в связи с чем В. Боков писал 7 января 1950 г.: «Помогите мне в присылке из „Библиотеки поэта“ статьи профессора Шептаева, чтобы я ее знал, а то может пойти вразрез моя работа с его статьей. Я боюсь, что в ней много хладнокровия» (л. 48 об.).

⁴⁶ Кожевников Алексей Венедиктович (1891—1980) — писатель, друг В. Бокова.

отправил, — сообщал он поэту в следующем письме от 7 января 1950 г.⁴⁷ — 1-го марта получите рукопись. Алексей Венедиктович в Ленинграде, пошлите свои тетради частушек с ним, я их тут же возвращу ценным письмом» (л. 48), — вновь напоминал он Прокофьеву.

Новые сведения о работе над сборником находим в письме В. Бокова от 7 февраля того же года. «Прости, брат, что запарился и сразу не поблагодарил за посылку с Алексеем Венедиктовичем, — извинялся он за свое месячное молчание. — Книга частушек забрала у меня столько времени! Я уже просмотрел и повертел с боку на бок до 15 000 частушек. Из вашей посылки взял кое-что хорошего. А вообще о частушке надо писать целую книгу открытий эстетическо-художественного порядка. Я такие вещи встречаю, что меня пот прошибает. Буквально гениальные произведения лирической поэзии, например:

Лягу грудью на ограду,
Позову свою отраду,
Серый камень отвалю,
Встать на ноженьки велю!

Саша, плакать хочется от восторга, что это создано простой девкой; гордишься за народ.

Из всего множества сборников частушек, в том числе огромное собрание Елеонской, 6 000;⁴⁸ Симакова, 4 000,⁴⁹ — лучший сборник принадлежит В. Князеву,⁵⁰ тем приятнее, что его редактировали Вы. Все сделано, собрано со вкусом и так, как надо частушку издавать. Моя работа в некоторых моментах будет сходна, но я подбирать буду тоньше: по теме и по образу, у меня подборки будут равносильны песне по своей лирической направленности. Ведь вот интересно, читаешь тысячу, другую, все повторяется, варьируется, сам знаю тысячи, и вдруг вот сегодня подцепил книжечку „Частушки Переславль-Залесского уезда“, изд. управлением железных дорог (!) в 1921 г.⁵¹ и в этой книжечке вдруг нахожу жемчужину:

Капуста, капуста,
Капустница,
Подыметса, подыметса,
Опуститса!

(Плясовая)

Так просто!.. Вот ведь рядом лежали эти слова, а не сделал же, не выдумал этой диковины, этой чудесной, полной такта,

⁴⁷ Это письмо ошибочно датировано автором 7 января 1949 г.

⁴⁸ Елеонская Е. Н. Сборник великорусских частушек. М., 1914.

⁴⁹ Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

⁵⁰ Князев Василий. Избранные частушки Северного края. Л., 1936.

⁵¹ Имеется в виду сборник: Частушки Переславль-Залесского уезда. Собраны сотрудником экспедиции по обследованию придорожных районов Северной ж. д. М. И. Смирновым. М., 1922.

юмора погудки, с намеком, не оскорбляющим слуха, что всегда испытываешь от сюсюкающей эротики.

Или вот такая частушка-коротышка:

Шел я полем,
Поле всё,
Было горе,
Горе всё.

Сегодня получил напоминание А. Островского⁵² о том, что книгу ждут, и о статье Шептаева. А главное написано, что редактор книги — А. Прокофьев. А то мне писала Лахтина,⁵³ и я пал духом, подумал: попадетсЯ какая тетка из института и начнет всю поэзию нумеровать и хоронить! Теперь я делаю книгу на полное вдохновение.

Если не умру над книгами частушек, книгу 1-го марта Вы получите. Желаю Вам здоровья, песен, счастья» (л. 49—50 об.).

Выполнив свое обязательство и вовремя представив рукопись в издательство, В. Боков с понятным нетерпением стал ожидать оценки своей работы. «Что слышно со сборником частушек, читали ли Вы его и нет ли каких недоразумений?.. — спрашивал он уже 1 апреля 1950 г. — Неужели мой огромный труд⁵⁴ пропадет в дебрях издательства? Надеюсь, что Вы его вытянете в случае каких-либо шероховатостей» (л. 51). «Как поживает „Частушка“? — читаем в письме от 28 апреля. — У меня все надежды на ваше поэтическое и редакторское богатство. По-моему, основное возражение против староверов и мертвых коллекционеров — это то, что книга-то издается для поэтов, литераторов, которым нужна поэзия, а не регистрация, не ветхая ученость <...> Основное качество — художественность, историзм. Вот два кита, на которых надо строить книгу, а не этнографизм и плюшкинская страсть: все тащи в кучу. Такую точку зрения разделяет со мной председатель секции фольклора ССП И. Н. Розанов, и в начале июня я читаю доклад в ССП „Советская художественная частушка“» (л. 52—52 об.). «Вы меня совсем забыли и ни слова не сообщите о судьбе книги частушек, — писал он поэту 19 мая. — Я уже начинаю думать, что тут, может быть, возникли какие-либо фольклорные интриги <...> В чем дело? Была ли редколлегия, как докладывали ей Вы? Нужно ли дорабатывать рукопись или Вы управитесь сами? Я очень Вас прошу ответить мне... Или Вас нет в Ленинграде и рукопись преспокойно лежит на столе?» (л. 54—54 об.).

⁵² Островский А. Г. — в то время зав. редакцией «Библиотеки поэта».

⁵³ Лахтина Г. А. — сотрудник редакции «Библиотеки поэта».

⁵⁴ Вспоминая об этой работе через четверть века, В. Боков писал: «Составляя антологию „Русские частушки“ для малой серии „Библиотеки поэта“, я пропустил через себя не менее 100 000 частушек да тысяч десять сам собрал...» (*Боков Виктор*. Голубое игло, или езда в неизвестное? — Литературная Россия, 1974, № 37, 13 сентября, с. 8).

Легко понять это авторское нетерпение, хотя нельзя в то же время не признать, что все стадии издательской подготовки рукописи сборника прошла в исключительно короткие сроки. Меньше чем за три месяца сборник был одобрен издательством и в конце того же 1950 г. уже вышел в свет. «Спасибо Вам за письмо и за то, что выцарапали „Частушку“ из лап староверов-фольклористов, — писал В. Боков Прокофьеву 2 июня 1950 г. — Я вполне доверяю, что Вы сделали ее не хуже, чем была, а если добавили подпорки — тоже хорошо, ибо „ахиллесовых пят“ оставлять не следует <...> Я с удовольствием бы поехал в Ленинград, — отвечал он далее на приглашение поэта, — но 12 июня у меня в Союзе писателей доклад о частушке, надо будет хорошо подготовиться, написать, перепечатать. Кроме этого, сижу на диете безденежья, немного я пронадеялся на „Частушку“, да вот как!» (л. 56). Находим здесь и интересные, хотя и не во всем бесспорные замечания о стихах Прокофьева, написанных под впечатлением его знакомства с рукописью сборника частушек: «Песенки, вызванные на свет частушками, хороши, за исключением выражения „очи синие“ — это романсно, ненародно. У украинцев это народное слово, у нас нет. У нас — *глаза*:

*У залетки глаза кари
Они меня завлекали.
Ай, залетка дорогой,
Залеточка сероглаз.*

*Твои глаза черней моих,
Будем вместе, отдай мне их.*

*У залетки глазки кари,
Карие кариночки,
Завлекли глазки меня
Вчера на вечериночке.*

*эту услышал
недавно*

*Ай, глазки мои,
Серые прищурки*

и т. д.» (л. 56 об.).

В июле 1950 г. подготовленный Виктором Боковым сборник, пройдя весь цикл редакционно-издательской подготовки, был сдан в типографию (из редакции пишут, читаем в письме от 10 июля, «не смог бы я приехать и посмотреть рукопись перед набором — я Вам верю, сдавайте. Ведь лучше увидеть скорее книгу, чем бесконечно искать „неведомого шедевра“» (л. 60 об.). В последующих письмах В. Бокова Прокофьеву упоминания о книге крайне редки. Как правило, это лишь сетования об отсутствии сборника в продаже: «„Частушки“ все еще нет в Лавке писателей» (л. 62 об.; 20 января 1951 г.); «„Частушки“ все еще нет в продаже. Где же она? Где же мне приобрести 50 экземпляров? Многие собираются писать о нем, а книги все нет и нет» (л. 68; 11 марта 1951 г.); «„Частушку“ нигде ни за

какие деньги не найдешь, и я многим, кому обещал, не подарил. Очень понравилась она М. М. Пришвину, П. Дружинину, В. Чичерову, Л. Ошанину, С. Смирнову и другим» (л. 75; 11 июля 1951 г.) и т. д. Столь же лаконичны сообщения о состоявшихся обсуждениях сборника: «26 декабря в ССП обсуждали мою „Частушку“, — писал он, например, поэту 29 декабря 1951 г. — Подбор текстов высоко оценили и резко раскритиковали статью Шептаева. А до этого разбирали в МГУ — то же самое» (л. 77).

Тем не менее и после этого частушка, как и прежде, осталась основной темой переписки Бокова с Прокофьевым, центральная и, пожалуй, наиболее интересная часть которой связана с жизнью и бытованием русской частушки и содержит немало замечаний о ее поэтике.

4

Большой интерес с этой точки зрения представляют уже самые ранние письма Виктора Бокова о его поездках «в народ», в подмосковные деревни и села.

«Дорогой Александр Андреевич! — читаем, например, в письме от 11 сентября 1949 г. — 27 августа Вы должны были выехать в Ленинград,⁵⁵ а я в этот день поехал в гости к одному гармонисту за Москву. У него был праздник, вернее, у товарища <...> До деревни, где был праздник, надо было идти еще 5 км. Вышли ночью вдвоем. Туман. Тепло. Идем полем, лесом. Остановимся, послушаем. Тишина. Неужели не гуляют? Неужели сорвется замысел и я не услышу ни одной частушечки? Огорчение неимоверное. Вижу, начинает сомневаться и Сергей. Прошли огороды, вышли на улицу — и вот уже слышим, бьется сердце гулянки, поют, поют, поют. Сердце бьется сразу иначе. Спешим. По пути речка, через нее кладинка, она мокрая от измороси, так что и я и гармонист соскакиваем с нее в воду и бежим вброд. Сергей, так звать моего друга, подходит к гулянке, быстро здоровается со всеми ребятами, заглядывая каждому в лицо и чуть задерживаясь. В эту секунду задержки он точно вынюхивает, друг это его или враг, сможет он его ударить или нет. Все девки начинают просить Сергея, чтобы он играл. Он курит, не обращает внимания на просьбы. Молчит. Нельзя же оскорбить тех гармонистов, что играли до него. Вот игравший сам предлагает ему гармонь, подчеркивая (хотя без слов), что Сергей превосходит его как игрок. Он отнекивается. Говорит так это спокойно: „Играй, играй“. Тот чуть попискивает, а потом решительно встает со скамьи и отдает гармонь Сергею. Садится Сергей, освобождают рядом с ним место и мне. Гармонь в его

⁵⁵ С 24 по 27 августа 1949 г. Прокофьев был в Москве на Первой всеобщей конференции сторонников мира; во время этой поездки и произошло его личное знакомство с В. Боковым.

руках заговорила иным языком. Я шепчу ему на ухо: играй пляску русскую. Заиграл. Вышла девушка и, как-то неожиданно кинув руки, сделал какое-то отчаянное движение, спела:

Эй, подружка, выходи,
За тобою двинуся,
Если он меня изменит,
В сине море кинуся!

Вот сейчас перечитываю — и нет уже той прелести, какая была в исполнении; самого текста мало, напечатав его, например, уловляешь 10% жизни его, а самое главное-то — ушло. Ушла эта чудесная сила вымысла. Ведь она с такой убежденностью произносила „сине море“, что в него верилось, чудилось, что это сине море тут где-то рядом, в огороде, за овином, в лопухах <...> При каждой заворощке Сергей ставит гармонь на лавку и идет в бой. Он разнимает, а иногда и сам дает жару. После этого садится и опять играет. Около него стоят два пьяненьких парня и нет-нет спюют. Спюют с хрипотой, с пропусками картинкой или со словесной ретушью, которая всем понятна <...>

К гулянке подходит один коренастый мужик. „Витя!“ — узнает меня и обнимает. Это тракторист и комбайнер Никита, с которым я прошлый год гулял на празднике рабочих совхоза. Он заблудился в тумане, как шел домой, и „слухом“ пришел сюда. Он гармонист. Сергей отдает гармонь Никите. Сам идет в гущу шума <...> Никита играет и поет:

Прошел раз, прошел четвертый,
У заетки дом запертый.
Пришел с улыбки, в окно стучу:
Открывайте, я спать хочу.
Светит месяц, светит мутный,
Зародился я, беспугный...

От песни он делается пьяным.

Из частушек, спетых девушками, <...> как-то неожиданно поразила:

Хорошо того любить,
Кто в белеенькой рубашке:
Почелует горячо,
Прищурит глазки, вот и все!

„Прищурит глазки, вот и все!“ — совершенно очаровывает простотой и еще чем-то. Может быть, мыслью. То, к чему стремишься, имеет тоже конец — „вот и все“ <...>

Втроем мы уходим. Берем на дорогу гармошку в крайнем доме и двигаемся. Тепло, тепло. Сергей играет, Никита-комбайнер поет:

Финский ножик, финский ножик,
Позолоченный носок <...>

Всю дорогу (5 км) они поют. Приходим поздно, поздно. Садимся у тына на лавочку. Светят ивановские светлячки, я двоих сажаю в спичечную коробку. Сергей играет плясовую, и мы с Никитой идем русского. А Никите еще идти 2 км, его домушка стоит в лесу, там у него живет красивая молодая баба Мотя <...> Я слышал, как она пела частушки под гармонию Никиты на празднике рабочих совхоза <...> Голос — чудо. Среди многих спетых была:

Эх, гармошечка, ори,
Дорогая, ты, ори,
Что у нас с залеткой было —
Никому не говори!

Мы расходимся. Забираемся с Сергеем на сеновал. Ложусь, а в сердце какая-то сатанинская, чудовищная потребность: слушать, слушать народ русский в песнях, в частушках, в его замечательной речи уездной. Ну вот, Шурочка, и сам услышал, и Вам все передал» (л. 31—33).

Месяц спустя В. Боков вновь в деревне, уже у себя на родине: «Милый Александр Андреевич! — читаем в его письме от 9 ноября 1949 г. — Пишу это из деревни. Вчера часа полтора отдирали пляска в хорошей компании. Пели. Веселились. Люди были все хорошие, простые, посмотришь на лицо и сразу видишь, что ему надо...»

Наслушался частушек. Вот ведь народ! Сколько ни копай — все новое выкопаешь! Из двустрочных страданий великолепно прозвучали две:

Ай, залетка, прости, прости,
Расстаемся по глупости.

и

Поезд тронул, бегу вдогон:
Отцепите задний вагон!

Это хорошо поется и на мотив „летят утки“.

Замечательно исполнение частушек под „свадьбу“. Посреди комнаты ставят скамейку, садится парень и выбирает себе невесту. Несколько девушек в вихре пляса несутся по кругу вокруг жениха и невесты и поют, вроде:

Я рогатую корову
Из ручья водила пить.
Я милого, дорогого
Никому не дам любить!

Поют это все, дружно, и вся прелесть в том, как это поется, с каким торжеством, радостью, силой, буйством. Тут уж чего-чего не отмочат! Смотря, какой жених и невеста. Спели даже вот какую:

Как старик свою старуху
Вздумал сделать молодой,
Повалил ее в корыто
И облил святой водой!

Когда танцуют парами по кругу на напев „страданья“, тут поют больше про ребят, критикуют их, ибо они часто моложе девушек и, кроме них, в деревне нет ребят: убиты, в армии, на заводах. Девки 20—25 лет, а ребята, единственно уцелевшие, 17—18—19 лет. Ну, вот тут и начинается обмен любезностями на эту тему:

Ай, подружка дорогая,
Не люби тридцатый год:
Целоваться не умеет,
Только лижется, как кот.

Ай, подружка дорогая,
Голубеночек летит,
Целоваться не умеет,
Только портит аппетит!

Ай, подружка дорогая,
Тридцать первому почет.
Почему ему почет?
Сопля зеленая течет!

Ай, подружка дорогая,
Не люби двадцать восьмой:
Целоваться не умеет,
Рано просится домой.

Эта была сложена, когда 28 году было 18—20 лет.

Насытившись песнями, деревенскими частушками, сегодня вечером глянул на свою книжную полку поэтов и из 80 поэтов рука потянулась к Вам. И опять с такой любовью прочел! Все же вы самый упорный, самый чистого сплава лирик, с ярко выраженной русской окраской. Стихи Ваши отлиты, как формулы, как статуи, они чеканны, и Есенин Вам уступает в строгости чекана. Их нельзя переводить и им нельзя подражать, а если их будешь воровать, то они прозвучат и в украденном сами собой, а не в сломленном виде <...>

Писал ли я Вам, что я работал над розысками синтеза русского искусства, всего в целом? Один из ярких признаков русской мелодии, архитектуры, словесного творчества, орнамента бытового, игрушечного творчества (вятские глиняные) — это яркая фантастичность, сказочность. Василий Блаженный, Кремль — сказка. Вот почему 8 строк: „Но явится день, чтобы ты загрустила...“ — сокровеннейшее творчество русское, оно так же велико, как картины-иконы Андрея Рублева, как сокровенные образы: лягушка-царевна, жар-птица, ковер-самолет. В них обронена такая великая правда и мудрость о закономерности смен поколений и в такой удивительной форме <...> у Вас велик образ, заставка, почерк нашего духа, мудрое чувство пальцев наших вышивальщиц, которые творят, больше любясь и чувствуя, нежели заботясь <...>

Засим, дорогой Шура, обнимаю как старшего нашего поселника и жду весточек» (л. 39—39 об.).

Очень интересны два других письма Виктора Бокова, которые хорошо дополняют, развивают и конкретизируют его мысль,

высказанную им еще в одном из первых писем Прокофьеву (от 20 июля 1949 г.). «Вернулся из деревни, где несколько дней с упоительным восторгом косил отцу сено на корову, — писал он там. — С 4-х утра и до 11 ночи не уходил с лугов: косил, бил валы, шевелил, греб, косил. Всю жизнь я не пропускаю ни одного сенокоса, где бы я ни был. Вот почему Ваша строка „поко-сись бы“ — для меня так понятна и дорога. Отец мой живет под Загорском, это Троице-Сергиева Лавра бывшая. Удивительные по красоте места, у него сад, пчелы, и вообще он большой выдумщик — мичуринец. Вот бы когда побывать у него с Вами вместе! Я загорел, окреп на покосе и освободился от хандры. Частушки, которые пели девушки лет 17-ти, обворожили меня. Сколько в них было юмора, грации, какого-то нашего русского сокровенного достоинства! Вот пьесовые:

Был мой миленький в лесу,
Убил рыжую лису,
А с моей фигурой
Надо чернобурую!

Плясать пошла,
Золотой нашла,
Что-то, что-то под ногой —
Не еще ли золотой?

Ой, подружка, ой, да ой,
Потерялся милый мой

У старухи бешеной,
В киселе замешанный!

Меня мать: я те, я те,
Я те побалуюся!
А я девочка такая —
Все равно целуюся!

Чай уж милый через силу,
Чай уж чаю напился,
Чай умылся, чай утерся,
Чай гулять уж собрался!

Я был счастлив, слушая эти песни. Нет, не умирает наше искони русское, народное, рано его хоронят некоторые умники» (л. 26—27).

Прекрасной иллюстрацией этой мысли о неиссякаемости источника народного творчества и являются упомянутые письма. Ровно год разделяет их (первое написано 10 июля 1950 г., второе — 11 июля 1951 г.), но они дополняют одно другое, поскольку и тут и там речь идет о том, как отмечался в родном селе В. Бокова день Ивана Купала, и дают представление и о местном частушечном репертуаре, который — в этом-то самое интересное — непрерывно обогащается. Хронологическая и функциональная привязанность к одному и тому же событию ни в какой мере не обуславливает даже отдаленной повторяемости репертуара. В одном и том же селе каждый год исполняются совершенно новые частушки, причем имеющиеся в них реалии (топографические приметы и т. п.) свидетельствуют о том, что частушки эти не пришли откуда-то со стороны, не попали сюда из других сел и деревень и тем более не почерпнуты из фольклорных сборников, а в основе своей именно здесь и возникли.

«Дорогой дядя Шура! — писал В. Боков в письме от 10 июля 1950 г. — Только что приехал из деревни и первое, что делаю — пишу Вам письмо. Я был на празднике летнего Ивана Купалы.

Сколько радости и счастья испытал в деревне на народе. Ходили на омут и запруду — на лавах, что перекинуты через плотину, собралось до 100 девушек, две гармони. Пели, плясали, купались. Какие видел картины! Например: баба играет на гармонии, а муж поет и идет во ржи. Плясал и я и пел — сколько живого смеху вызывал у всех!

Съехалась вся наша семья, гости. Гуляли до белого дня. Опять с упоением слушал и ловил частушки. Те девушки, что пели в прошлый год, сменены новыми, а у них и новые тексты.⁵⁶ Вот представь картину. Против нашего дома я стою с балалайкой, играю, пою. Меня окружили. Кругом до захлебу надрываются гармони, что в этом шуме может сделать балалайка? И вдруг она трогает сердца, раскрывает в них такие тайны, которые спят при игре гармони! Вот и раскуси это! Сначала пою, мне подпевают, а потом выходит одна в голубеньком платице — так, синичка, скромница, а как запела! Как спустила с цепи какого-то дьявола, беса, искусителя! А рядом ее муж. Им обоим по 20 лет! Что ей муж! Она услышала песенное сердце и рванулась к нему всей силой своей натуры. Прошла по кругу, подошла вплотную ко мне, заприговаривала:

У нашего гармониста
Глазки, как у вбрана,
Бьют голубку на полете,
Завлекают здорово.

Пошла, заглядывает через плечо, изящно нагнулась и постучала пальцами в подметку туфля, а потом опять подошла ко мне, продолжая знакомиться со мной при помощи песни:

Говорят, что я атлёт,
У меня на сердце — лед,
Что хотите говорите,
А мое во мне — живет!

Я выкрикнул: „Здорово!“ Какое удивительное выражение достоинства личности, веры в свое „я“, в его правоту! А плясунья сыплет текст за текстом, я только ахаю от восторга и подправляю балалайку, что выезжает из-под рук. А она поет:

Ай, товарка дорога,
Мы с тобою, как одна:
Мы все речки перемерили
До самого до дна!

А рядом стоит эта товарка, еще не замужняя, но успевшая перемерить все до дна. А плясунья Клава поет:

⁵⁶ Письмо с описанием этого дня 1949 г. не сохранилось.

У залетки моего
Голубые глазки,
Я еще подголублю,
Когда навечно полюблю!

Ай, товарка дорогая,
Мы с тобою две и две,
Будет времячко такое —
Не увидимся нигде!

Кончила плясать, жмет мне руку. Кругом народ. Стоит мать моя, с любовью слушавшая все это, отец мой, брат. Идем по деревне, где ни круг — там и я, и жадно вострую уши: не услышу ли что нового. А тут две гармони неистовствуют и девушки, перепрудив улицу, поют нежными, щебечущими голосами:

У залетки моего
Голова, так голова!
Какую шапку ни одену —
То велика, то мала!

Один милый мой — дурак,
А другой — совсем балда.
Дурак хоть изредка приходит,
А балда-то — никогда!

Мы залеток провожали,
Провожали дорогих,
Дровожали, говорили:
Нам скорее бы других!

Говорят, я боевая,
Ну и что ж из этого,
Теперь ребята боевые
Доведут до этого!

Ай, товарка дорогая,
Помидоры дутые,
Не люби 30-й год,
Они еще глухие.

Мне залетка говорит:
Не умеешь уважать.
Не тебя ли, мой залеточка,
До дому провожать?!

В гостях у меня был один поэт из Москвы. Заговорили о поэзии. Я сказал, что лучший поэт — Вы, а он выставил Твардовского. Тут я дал такой бой, что он был опрокинут. Поэзия — это живой, обнаженный нерв, а Твардовский делает умственно-эмоциональный массаж <...> У него народ написан в стиле хорошего лубка, а у Вас:

Задрожала, — нет, затрепетала!

Это же дрожь жизни дана, и как просто! У Твардовского не найдешь этих строк: «А мое во мне — живет!». А у Вас их много. Как жаль, что <...> это не разобрано.⁵⁷

⁵⁷ Верно отмечая различие в эмоциональной тональности произведений Прокофьева и Твардовского, В. Боков явно неправ, считая, подобно некоторым другим литераторам (особенно активно такую точку зрения в 40—50-е годы отстаивал И. Сельвинский), поэзию Твардовского лубочной. Характерно, однако, что несколько критическая оценка А. Т. Твардовского и своеобразное противопоставление его произведений прокофьевским нашли отражение в целом ряде писем не только В. Бокова, но и других корреспондентов — рядовых читателей Прокофьева. Думается, что здесь имеет место, во-первых, внутренняя полемика с подчеркнутыми сдержанными, слишком односторонними и нередко явно ошибочными характеристиками, неизменно дававшимися Твардовским Сергею Есенину

Были бы Вы у нас в гостях — сколько бы написали после этого!» (л. 58—60 об.).

Если в этом письме, как мы видели, В. Боков еще в какой-то мере склонен объяснить полное обновление репертуара частушек тем, что произошла смена их основных исполнителей, то в следующем, от 11 июля 1951 г., ничего подобного уже нет. «7—8 июля был в родной деревне на празднике Ивана Купалы, как жалел, что не вместе ходим по улице, не вместе слушаем песни, — читаем здесь. — Ведь вот оказия! В сем годе поют все новое, нежели в прошлом — откуда же все это берется? Видел нашу русскую дробь, прискоки, наши родные движения, улыбки, а уж о песнях и говорить нечего. Сколько счастливых минут пережил, стоя в кругу с молодежью, сколько сокровенных строк почерпнул из народного колодца! Запомнил я около 70 частушек. Девушки поют у нас их нежно, все вместе, сколько есть в деревне. Перепрудят всю деревню цепью, в середине гармонист и вот движутся. Частушка у нас поется быстро, а производит впечатление задушевной песни. Многие тексты меня с ног сшибали, вроде:

(см. об этом: *Наумов Е.* Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969, с. 479—481), прямым «наследником» которого В. Боков считал именно Прокофьева: «после Есенина я считаю Вас первым по силе и экспрессии песенного дара, по разинской буйности стиха», «Вы ближе всех к нему — по содроганию строки, по цветной палитре красок, по песенности, по яркой зачинности, по аккордам...» (л. 1, 85—86) и т. д. Аналогичные оценки содержат и письма читателей: «по-моему, Вы очень близко знаете и поэтически чувствуете творчество нашего выдающегося поэта Сергея Есенина...» (ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 860), «Вы современный Есенин, только более здоровый и жизнеутверждающий» (там же, ед. хр. 1050) и др. Во-вторых, здесь, видимо, сыграли свою роль и некоторые критические замечания Твардовского, который порой упрекал Прокофьева в стилизации под фольклор: «поэт, в реальном бытовом плане давным-давно оторванный от своей ладожской деревни, продолжает перепевать навеянное уже не столько жизнью самой Ладоги, сколько фольклорными сборниками, продолжает в своей поэтической практике обращаться к декоративным полотенцам, гармонистам, смазным сапогам и т. п.» (*Твардовский А.* Об инертности формы и содержания. (Из выступления на общемосковском собрании писателей). — Литературная газета, 1951, № 108, 11 сентября). Имея в виду как раз эту публикацию, В. Боков писал в том же письме, что «теория о простоте» — «прибеднение нашей народной поэзии, которая не так проста, как он думает» (л. 76—76 об.). Эти раздражительные оценки и высказывания, произнесенные в пылу полемики, не мешали, однако, В. Бокову по достоинству оценивать творчество Твардовского при иных обстоятельствах — и в печати и в письмах к тому же Прокофьеву. Так, например, уже в самом первом письме, критикуя некоторых претенциозных участников бурных дискуссий той поры о новаторстве и «традиционализме» в искусстве, он и Прокофьева и Твардовского последовательно противопоставлял этим литераторам, неприязнь которых по отношению к «Прокофьевым, Твардовским, Исаковским, Захаровым» — «свидетельство бессилия поднять народную мелодию в слове и музыке, оторванность от глубоко народной почвы» (л. 5). Как видим, Твардовский без каких-либо оговорок стоит здесь в одном ряду с горячо любимым В. Боковым Прокофьевым.

По своей высокой горнице
Девятый раз иду.
По своей высокой гордости
Залетку не найду.

Нас и хаот — наплевать,
Нам хвалить не нанимать.
Пустяки моя головушка
Привыкла принимать!

Ай, подруга, запевай,
Голоски наши резки,
Запевай повеселее,
Чтобы не было тоски.

Я по клеверу гуляла,
Наступила на змею.
Вспомни, милый, как гуляли
Говорил: не изменю!

Вот она и заиграла,
Вот она и вот она.
У залетки появилась
Другая сатана!

Сине море переплыли,
А болото — перейдем.
А мы язвические⁵⁸ девушки
Нигде не пропадем.

Чай, теперь на Черном море
Волны колыхаются.
Чай, теперь моему залетке
Тяжело вздыхается.

У залеточки в дому
Идет конференция —

А ребята пели свое. Два парня из Переяславля целый час плясали елецкого. Уморили всех со смеху, хотя сами ни разу не улыгнулись. Они задевали всех, кто стоял в кругу, да как! Сначала обратились к притихшим девушкам:

Что вы, девушки, стоите
Тихо и спокойненько?
Вы гулять сюда пришли,
Иль отпевать покойника?!

А потом начали обращаться к каждой по отдельности <...>
Из их частушек вот еще:

Мама дома, тятки нет,
Это тоже не совет,
Рассержусь, не вернусь
До семидесяти лет!

По деревне мы ходили,
По окошкам шарили.
Восемь девок утащили,
А одну оставили.

Ему невесту выбирает
Вся интеллигенция.

Возле моря течет речка,
Впереди ее — ручей.
Почему же любовь первая
Бывает горячей?!

Что хотите говорите —
Все равно Володина,
А Парфеново деревня —
Это моя родина.

Ай, подруга дорогая,
Нас с тобою хаяли.
Мы на эти разговоры
Ноль вниманья ставили.

Ай, подруга дорогая,
Голосочек мой осел.
До чего было обидно —
Изменил и рядом сел!

Играй, Витя, веселее,
Нажимай на нижний ряд,
Давай, милый, погуляем,
Пуускай люди говорят!

Пойду, разойдусь,
Я с плохими не займусь.
А хороший не полюбит —
Я сама ему набьюсь.

Меня мать — голикóм,
И отец — голиком. *(это две под пляс).*
Растрепался весь голик,
А мне нравится старик.

⁵⁸ От названия деревни Язвицы, родного села В. Бокова.

Выхожу и запеваю
Я на эту улицу.
Настроеннице такое,
Как бы стибрить курицу!

Я залеточку косую
На портянке нарисую.

Утром буду умываться,
На портянку любоваться.

Не женитесь, ребята,
Надо много припасать,
Надо юбок, надо люлек,
Надо няньку нанимать <...>

Многие нельзя написать — слишком солонны.

Почти две недели перед этим я был в Воронеже. Работал там с одним хором под управлением Макиенко. В нем создаются новые песни. Да какие! Поют несколько моих песен, в том числе песню „Наглядитесь, очи ясные“. Этой я бредил день и ночь <...> Хор провожал меня на вокзал, пел мне на перроне перед отходом поезда. Минуты незабываемые. В хоре девушки — 18—20 лет, строители, вырванные из деревень. Конечно, много записал и от них, в том числе:

Меня мпый на дороге
Поцелует десять раз.
Ну, какая моя память —
Отдохну, забуду в раз!

и т. д.

Или:

Как дед бабку
Посадил в шалку,
Завязал в узелок,
Разводиться поволок!

Как дед бабку
Посадил в шалку:
Садись, бабка, на края,
Будешь барыня моя!

На улице я вспомнил ваши слова: „Какие песни мы сложили и что на улицах поют?“ Да, таких песен пока нет — и слов, и музыки <...>» (л. 71—74).

Может показаться, что лишь эпизодические, хотя в общем-то и довольно частые наезды в деревню позволяли В. Бокову пополнять свое собрание частушек. Но это, конечно, далеко не так. Где бы он ни был, никогда не упускал возможности услышать что-либо новое. «Я недавно, — читаем, например, в его письме от 6 ноября 1949 г., — три вечера подряд слушал частушки в читальне под Москвой, записал 100 — но какие! А одну из записанных даже просил объяснить девушек, они это не смогли: „Так поется“, — вот и весь комментарий. А частушка вот:

С неба звездочка упала
На мое сияние.
Сегодня вечер как-нибудь,
А завтра — до свидания!

Смутила меня строка „на мое сияние“, но она-то и фокус всего» (л. 37 об.). «Вчера был в гостях у одной московской

актрисы, — писал он в письме от 23 февраля 1951 г., рассказывая поэту об услышанных им здесь от домработницы Маши частушках. — И вот эта Маша пошла петь и плясать. Милый Саша, что разделявала, что пела, да как! Я сидел и балдел от каждого текста. Пела она скабрзные, но у нее они не имели грязи <...> Взял клятву с хозяйки, что она запишет все, что в Маше есть. Видимо, она создает сама, так как по свидетельству домашних она поет каждый день новые» (л. 64—65).

«Посылаю Вам новые записи частушек, — читаем в письме от 25 июня 1959 г. — Я ездил на пароходе „Чкалов“ с девушками из ФЗО — строителями, их было 200 человек, и вот я их подстрекнул на запись частушек. Целый рой девушек вился около меня, и я еле успевал записывать. Полностью все записанное я назвал „Дождем частушек“. Впечатление незабываемое. Мы стоим на палубе, на узком проходе, девушки говорят, я пишу <...>. Вот из этого-то улова я и выбрал, что лучше!» (л. 92). На приложенных к этому письму листках читаем:

ЧАСТУШКИ

А. А. Прокофьеву — для вдохновения родными мотивами.

25 июня 59 г. Виктор Боков

Выхожу и начинаю
Каблуками — тут, тук, тук.
Теперь ребята выбирают,
У кого большой сундук!

Ай, подруга дорогая,
Виднеется огонек,
Если парень не целует —
Он не парень, а пенек.

Гармонист какой красивый,
Я в него влюбилась,
Была бы я стеклянная —
Пала и разбилась.

Не пиши, залетка, писем,
Они не читаются,
Твои синие конверты
По полу валяются.

Мне мой милый изменяет
На неделе три раза,
Потом шапку надевает
На бесстыжие глаза.

Мой залеточка богатый,
Мой залеточка буржуй,
Вынул корку из кармана:
На-ка, милая, пожуй!

Вот мы и вышли,
Обе никудышны,

Обе не работницы,
Зато пожрать охотницы.

Ой, залетка дорогой,
Тебя сглазил домовой,
Приходи ко мне кормиться
Из корзинки кормовой.

Из-за лесу вылетает
Ни сорока, ни сова,
А за этой за совой
Летит платочек носовой.

Ой, подруга дорогая,
Наши не явились,
Они шли через болото,
Клюквой подавились.

Не дружила и не буду
С таким безобразником,
У него одна по будням,
А друга по праздникам.

Я на личко некрасива,
Что ж ты, роза, выбирал?
Красоту или характер,
Или сам не понимал?

Мой-то милый хвалится,
Что богатую нашел,
Много юбок и чулок
И с дуриною чуток!

Он думает: я гопаюсь,
Он думает: я вдогон,
Он думает: я такая
Ненормальная, как он!

Мой залетка где-нибудь
Веселит каку-нибудь,
А я руки в талпо,
Весело компанню!

Мне мой милый изменил,
А я не похужела,
Он пошел, а я сказала:
До свиданья, пужало!

Меня милый изменил
На одну минуточку.
Теперь ловит, не поймает,
Как дикую уточку!

Мне мой милый изменил,
За красивой гонится,
А красивая его
За народ хоронится!

Я ходила по лесу,
Я ходила между груш,
Я свою залетку кликала:
Чуш-чуш! Чуш-чуш! Чуш-чуш!

Я иду, а мне навстречу
Ветер относительный,
Кого люблю, того здесь нету,
Парень заразительный.

Полюбила старшину —
Четыре метра в вышину,
Чтоб его поцеловать,
Становилась на кровать.

Мне мой милый изменил,
Думал, буду брошена,
Ты не бойся, не завяну,
Не трава подкошена.

Соперница в белом платье,
Соперница в голубом,
Что ты, миленький, наделал —
Все соперницы кругом!

Вот спасибо гармонисту,
Что играл он весело,
А залетке за измену —
Три корыта месива.

Я на быстрюю реку
Накидаю ивняку,
Ивняк тонет, но не весь,
Залетка есть, только не здесь!

(л. 95—96 об.)

Наряду с подобными письмами, в которых находим сразу десятки частушек, немало и таких, где имеются тексты лишь отдельных частушек, привлечших к себе внимание В. Бокова. «Саша! — писал он, например, 15 октября 1949 г. в постскриптуме к письму. — А сегодня услышал утром в детском саду, поют малыши частушку:

Гармонь — бубен, гармонь — бубен,
Мы на пузе играть будем,
Лопнет пузо — наплевать:
Под рубахой не видать!

Пел мой племянник, ему 4 года, мать (моя сестра) — инженер авиации, отец — майор. А сын каков! Наших кровей! Я этой не знал. А вы?» (л. 36). «Вчера, — сообщал он поэту 16 декабря того же года, — я получил замечательное письмо с Урала. В глухой деревушке, которую я посетил летом, та учительница, что мне писала, организовала литературный кружок по сбору фольклора. Прислали мне фотокарточку — такие славные мордахи, увлеклись сбором фольклора не на шутку, прислали мне 130 пословиц и 100 частушек. Вот некоторые из них:

Ой, сердце мое
Что-то заболело.
Отпустить бы его —
Куда бы полетело?

Я не буду боле-то
Тосковать по ббле-то, (ббля —
У него другая есть, милый).
Ему не надо боле-то.

Ой сердце болит,
И под сердцем болит,
Вижу милого на карточке —
Ничё⁵⁹ не говорит.

Не горюй, что ты разжена —
Все равно буду гулять.

Это лето мне на память,
Это лето не забыть.
Привалился к сердцу камень,
Мне его не отвалить.

Милый, женишься — разженишься,
Разженей будут звать.

Когда Вы читали в гостинице „Москва“ „Прощаемся. Две тучи вьются...“, меня очаровала рифма „память — камень“. Это народная, думал я, а вот и подтверждение» (л. 44—45). «Я много езжу, слушаю, — писал он 29 декабря 1951 г. — Сколько новых частушек знаю:

Вот и кончилась война,
Я осталася одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик!

Или:

Захотела меня мать
За усатого отдать.
За такого усана
Иди, маменька, сама!»

(л. 77—77 об.)

«В Омске, — делился он с поэтом 20 января 1957 г., — я услышал частушку:

Полюбила я его —
У него трое детей.
Я на то располагаю:
Двое нам, а третий — ей!»

«В Крутинке (156 км. от Омска) поют:

Полюбила я его,
Только замуж не берет.
И за что таким правительство
Медали выдает?!»

(л. 91)

В письме от 11 ноября 1952 г., также читаем: «Я целиком занят песней, весь в народе и тем счастлив. Сколько новых частушек услышал! Дивные, вроде:

Голосок пуцу по реке —
Разбирай, милый, словечки.

Это великая бесхитростная поэзия» (л. 79) — заключал он, и такое определение хорошо объясняет, почему так много сил и времени отдавал Виктор Боков делу собирания и изучения русской частушки — одного из популярнейших жанров народного творчества, который он очень высоко ценил и предлагал даже организовать специальный ансамбль частушечников, о чем он

⁵⁹ Это уральское (прим. В. Ф. Бокова).

сообщал Прокофьеву 23 февраля 1951 г. «Я написал в Секретариат Союза композиторов проект организации ансамбля частушечников в Москве. Цель — пропагандировать высокохудожественные тексты и напевы всех областей Союза. Предварительное одобрение секретариата есть, будут слушать мое сообщение. Не знаю, что из этого будет. А я жил бы 200 лет — и все 200 ходил бы из села в село и слушал бы, и записывал, и восхищался сокровенно истинного поэтического слова и души русской» (л. 65—65 об.).

«Частушка — новая область художественного творчества русского человека. Отойдя от исконных форм и черт русской традиционной песенности, частушка уберегла дух народа, его характерные, исторически сложившиеся черты: удаль, смелость, общительность, любовь к острому слову, к шутке, к обличению зла»,⁶⁰ — писал В. Боков в «Раздумье о частушке», предпосланном в качестве предисловия к сборнику частушек в большой серии «Библиотеки поэта», и не случайно поэтому он создал о ней и ряд научных трудов. По ряду причин не всем из них было суждено увидеть свет, и об одной такой неизданной работе В. Бокова мы узнаем из его писем к Прокофьеву.

Первые сведения о ней содержатся в уже цитированном письме от 14 октября 1949 г. «Написал я книгу „Поэтика частушки“ — 6 печ. листов <...> Договор был на 3 листа <...> Я вам пошлю один экземпляр для знакомства. Там есть добро» (л. 35). Прошло почти полтора года, прежде чем рукопись книги двинулась в движение. «У меня новости такие, — сообщал В. Боков 23 февраля 1951 г. — Собираются издавать мою „Поэтику частушки“ — 6 печ. листов: Уже есть договор с редактором на редактирование. Сейчас рукопись у рецензентов. Не могли бы Вы тоже прорецензировать ее <...> Если ответите согласием, то ВДНТ⁶¹ пошлет рукопись <...> Хорошо бы иметь Ваш отзыв. Я хотел дать Асееву, но что-то сдерживает» (л. 65 об.). В одном из следующих писем, от 11 марта 1951 г., еще одно беглое упоминание об этой книге: «О поэтике частушки попробую поговорить с Асеевым» (л. 70), но каких-либо иных материалов о ней в архиве Прокофьева нет; сама же эта книга (как и ряд других работ В. Бокова о фольклоре, написанных им в 40-е годы)⁶² так и не была издана.⁶³

⁶⁰ Частушка. М.; Л., 1966, с. 5.

⁶¹ Всесоюзный дом народного творчества.

⁶² О них говорится, например, в письме В. Бокова от 2 апреля 1949 г. «Статьи по фольклору я пока не посылаю, нет копии на машинке. Написал я еще работу на 2 печатных листа „Моя поэтика“. Это совершенно необычная работа, непохожая на все писавшиеся поэтики. Также лежит в рукописи, не могу перепечатать. Все это — бескорыстное донкихотство <...>» (л. 19).

⁶³ В печати появилась лишь небольшая статья В. Бокова на эту тему «Черты нового. (Заметки о частушке)» («Советская музыка», 1953, № 7. с. 62—65).

Вскоре после выхода в свет подготовленного В. Боковым сборника «Русская частушка» у него возникает замысел о переиздании сборника в дополненном виде уже в большой серии «Библиотеки поэта», о чем также свидетельствуют его письма к Прокофьеву. «Я собрал уйму нового и хочу сделать новое издание и написать статью сам, так как все об этом говорят. Послал заявку в „Библиотеку поэта“ — нет ответа. Давайте-ка, А. А., на пару сделаем „Частушку“ для большой серии „Библиотеки“» (л. 77), — писал он уже 29 декабря 1951 г. «„Русская частушка“ — неуволвимая книга, как жаль, что был мал тираж. Не могли бы мы ее переиздать в большой серии? Сколько у меня нового из этой области!» (л. 81 об.), — читаем в письме от 23 ноября 1952 г.⁶⁴

Наряду с этим у В. Бокова возникает и другой замысел — подготовить для «Библиотеки поэта» сборник русских загадок. Он также не был осуществлен, и тем больший интерес вызывают имеющиеся в письмах различные замечания и упоминания о нем.

Первое из них (в письме от 20 января 1951 г.) свидетельствует о том, что впервые мысль о такой книге была высказана. В. Боковым в еще более раннем письме Прокофьеву (оно не сохранилось в архиве поэта). Судя по всему, у редакции «Библиотеки поэта» возникли сомнения, насколько правомерно само издание такого сборника в этой серии, о чем, вероятно, Прокофьев и написал В. Бокову. Ответом на эти сомнения и является письмо В. Бокова: «„Загадка“ — по своей природе поэтична, кроме того, она и по форме стихотворная, имеет рифму, строку, ритм. Не отнесешь же ее к прозе. Вступительную статью я напишу сам. Мне в Москве многие выговаривают, что я не написал статьи к „Частушке“» (л. 62 об.). «Что слышно с загадками? — спрашивал он месяц спустя, 23 февраля 1951 г. — Можно было бы подключить к ним пословицы» (л. 65 об.).

⁶⁴ В большой серии «Библиотеки поэта» этот сборник не был переиздан. Позднее Музгиз выпустил составленный В. Боковым совместно с С. Аксюком небольшой сборник «Русские частушки» (М., 1954. 76 с.), который вскоре был переиздан в существенно дополненном виде (М., 1956. 109 с.).

Работа по подготовке сборника частушек для большой серии «Библиотеки поэта» была начата лишь в 1955 г. Д. Молдавским, который по рекомендации Прокофьева обратился к В. Бокову с предложением принять в ней участие. Однако В. Боков не смог принять это предложение: «...» я сейчас очень занят творческими делами, — писал он Прокофьеву 26 апреля 1955 г., — 11 апреля в Клубе писателей был мой вечер стихов и песен, общий глас присутствующих (было около 90 человек на секции) изрек — немедленно сдать книжку стихов, так что я сейчас сижу над подготовкой книги. Пора уже мне выходить в поэты, ибо это ведь у меня главное, для этого и жил» (л. 82). В 1966 г. сборник частушек (составленный В. Бахтинным) вышел наконец и в большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием В. Бокова «Раздумье о частушке».

«Знаете ли вы, — читаем в письме от 11 июля того же года, — такую загадку: Шапка-бармата́ из клинушков собрата́.

Это — человеческая речь. Как здорово! Драгоценное определение народом своей речи: из клинушков собрата. А у некоторых вместо клинушков эта речь спита из одного серого сукна.

Как там „Загадка“? Мне ничего не писали» (л. 75).

Наиболее подробное представление о задуманном сборнике дает письмо В. Бокова от 11 марта 1951 г., в котором находим также ряд интересных замечаний о природе и некоторых особенностях поэтики произведений этого жанра. «Теперь о „Загадке“, — писал он. — Если одну загадку издавать не решатся, то можно сдвоить — „Загадки и пословицы“. Кстати, последнее, что слышал из пословиц в народе.⁶⁵

1. Ешь, пока живот свеж,
Живот завянет, на еду не заглянет!
2. Мудрая пчела из засохшего цветка не пьет!
3. Русская девушка без улыбки,
А русский язык без ошибки не живут!⁶⁶

В соединении жанра пословиц и загадок как бы объединятся малые формы народного поэтического творчества. Статью вступительную буду писать я сам <...>

„Загадки“ сделаем оригинально и в таком фокусе, в каком не было еще. Будем давать не по принципу быта, а по принципу внутренней связи образа. Конечно, надо бы во что бы то ни стало отстоять „Загадку“ отдельно — сделали бы, Саша, пальчики оближешь! Ведь это же настольной книгой поэта должно быть, тут наша Русь в образе и духе так же прет, как на вышивке, резьбе, в лепке вятских игрушек, где олень несет золотые рога. „Слово о полку Игореве“ по глубине метафор идет от загадки во многом. Ведь загадка — это не забава и не досуг, как это стало теперь, а поэзия + знание, это — первый рассказ человека о мире. Если вы читаете у Гоголя: „шаровары, как Черное море“, — так это же и в загадке:

Через море
Струнка протянута (*ведро с водой, дужка*).

Сколько же тонкого юмора в загадке:

Между двух светил
Остался один (*нос!*).

⁶⁵ Тексты различных пословиц и поговорок имеются и в ряде других писем В. Бокова. Среди них и очень интересные, например: Попел в рай — на собак не оглядывайся (л. 56 об.).

⁶⁶ Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. 3, строфа XXVIII):

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Какое самообладание в теме смерти:

Заехал в ухаб —
Не выеду никак! (могила).

Тут нет пессимизма, а — тончайший юмор, побеждающий смерть.

Какой социальный сарказм:

Весь в крестах,
А почестей — нет (лапоть).

В загадке рациональное, точное знание не отделено от поэтического образа.

Вообще мы сделали бы с Вами *вдохновенную книгу*, а уж статью бы я грохнул на полный встрях, не талмудически-педантически нудно, а с широким охватом вообще русского образа, и главным образом *древнего образа*, который еще тогда, в XII веке, показал, что Русь — великий народ, народ неизбывного таланта» (л. 68—70). Не сомневаясь в том, что Прокофьеву удастся отстоять идею такого сборника, В. Боков добавлял далее: «Ведь загадка не издавалась 20 лет! Если не больше. А она — сокровище, золотой фонд народной поэзии. А если кто этого не знает, то „Библиотека поэта“ должна образовать поэта, открыть ему, где он может брать» (л. 70).⁶⁷

Наконец, заметное место в письмах В. Бокова А. Прокофьеву занимает народная песня. И это не случайно: и сам В. Боков входил в литературу прежде всего как поэт-песенник, большое место занимала песня и в творчестве Прокофьева.

Очень интересен здесь рассказ В. Бокова о своей работе над переводами песен народов СССР. «Несколько слов про себя, — писал он 13 мая 1949 г. — сейчас я занят переводами народных песен. Переводы эти необычные: я сижу у радиолы, слушаю записанные на пластинку песни и угадываю русские слова перевода в музыку. Есть чудесные песни: марийские, чувашские, мордовские, тувинские. Добиваюсь абсолютно свободного звучания русского текста с национальной музыкой и в то же время нахожу приемлемую норму возможной народной русской окраски. Вот один пример такого перевода с марийского — марийская хороводная весенняя девичья песня:

По лугам — подснежники,
По лугам — подснежники,
По лугам — подснежники,
Голубые понизу.
Голубые понизу —
Век и радость молодца.

По нагорью лилии,
По нагорью желтые.
По нагорью лилии,
По нагорью желтые,
По нагорью желтые,
Век и радость девушки.

Вот и все! Короче воробьиного носа! Вы бы послушали, как это изумительно звучит в пении: просто, задушевно, мудро. Одна

⁶⁷ Сборник загадок в «Библиотеке поэта» не был издан.

из песен — свадебная марийская — изображает момент: свадебный поезд жениха едет к невесте через леса и поля с барабаном и волынкой, все уже пьяные, дорога идет лесом, по корням деревьев, телеги, как пьяные, качаются с бока на бок вместе с людьми, и все это передано ритмом песни. Иногда угадать капризный ритм музыки очень трудно, но я добиваюсь этого любой ценой, сижу днями над одной пластинкой и, ввевшись в мотив, вдруг как-то нахожу русский текст, причем стараюсь подойти вплотную к подлиннику» (л. 23—24).

«Как радуюсь я талантливым созданиям, как хочется жить, когда видишь подлинный, натуральный дар, — писал В. Боков в письме от 14 октября 1949 г. — На днях я весь вечер сидел и пел с гусяром Всеволодом Беляевским (единственный подлинный русский мастер, умница) под гусли. Саша! Послушал бы. Особенно песню:

Ехал мужик полем,
За угол задел!
Ох!
За угол задел.
За угол задел,
Зазнобу запел.
Ох!
Зазноба, зазпобушка,
Серые глаза,
Русая коса.

Это „ох“ — божественно по красоте, по юмору. Древний-древний мотив. Перенял я у него еще одну песню — „Кто на Ладоге бывал, кто про Ладогу слышал?“ В песне изображаются пять жен, и все с изъянами и недостатками. Знаете такую? Тоже чудесная песня. Теперь, если где пою сердечно (ведь вы не слышали, как я пою), то всегда жалею, что рядом нет Вас» (л. 35).

Вскоре, 6 ноября того же года, В. Боков выслал Прокофьеву текст упомянутой песни. «Посылаю Вам песню о женах, я упоминал о ней раньше, — писал он. — Припев я не вписывал в общий текст — он один.

С Урала Вам большой привет от учителей деревни. Книжку „Избранное“, что я послал летом, там читают, а одна учительница знает наизусть. . . Вот как, Саша, Русь слышит своих поэтов, а у кого ухо туго, это уже и не Русь. Я очень много работаю над собой, стихов сейчас не пишу совсем, нейдут. В сочинениях Ованеса Туманяна я нашел замечательное определение: „поэт-армянин — это еще не армянский поэт“. А Вы — русский и русский поэт, и русский Вас слышит.

У меня было полмесяца целых совещание по фольклору. Докладывали — Якутия, Армения, Урал, Ленинград, Закарпатская Украина, Эстония и т. д. Много было интересного. Украина, например, привезла доклад „Советские обычаи“. Там в двух районах вошло в обычай играть свадьбы в клубе, делать это собы-

тие праздником всего народа. Молодым все и всё дарят, очень любопытно.

Ну, Саша, обнимаю и желаю, чтобы пелось тебе вольно и с размахом» (л. 37 об.). Далее следовал и текст самой песни:

«Для Александра Прокофьева.

Ой, дербень, дербень, Калуга,
Дербень Ладога моя.
Кто на Ладоге бывал,
Кто про Ладогу слышал?

Не слышали ли про ту,
Про Лексееву жену?
Как же, как же не слышать!
У Лексея-то жена
Под короной заспала,
Молоко все пролила.

Не слышали ли про ту,
Про Захарову жену?
Как же, как же не слышать!
Как Захарова жена
Спать охотница была,
Долго печи не топила,
Много сору накопила,
Щепочек да палочек
До самых подлабочек,
Маленьких лукошечек
До самых окошечек.

Не слышали ли про ту,
Про Петрову про жену?
Как же, как же не слышать!
У Петра за домом лужа,
Не боялась жена мужа,
По беседушкам ходила,
Молодых ребят любила,
У ней дети некормлены,
Пироги недопечены.

Не слышали ли про ту,
Про Андрееву жену?
Как же, как же не слышать!
У Андрея-то жена
Невысока на ногах,
Много сала на боках,
Она не прядла, не топила,
Да все прянички любила,
Пряники — орешки,
На локтях прорешки.

Не слышали ли про ту,
Про Степанову жену?
Как же, как же не слышать!
Как Степанова жена
Очень хитрая была:
Соседок в гости позовет,
Всем работы надает:

Дарья — мнет, Марья — шьет,
Анна — курочку дерет,
Аграфена лен прядет,
Фекла ниточку катнет!

Ай, дербень, дербень, Калуга,
Дербень Ладога моя,
Кто на Ладоге бывал?
Кто про Ладогу слышал?

*Привез этот
после каж-
дого куплета.*

Песню эту записал гуслир Беляевский Всеволод, солист государственного оркестра народных инструментов от архангельского хора. Несмотря на резкую критику всех изображенных жён, песня все же проникнута высоким, всепрощающим юмором и идеей: идеального в природе нет, во всем есть какая-то слабость или недостаток. Гуслир Беляевский зовет эту песню „Сплетницы“, и в его исполнении это имеет и такой оттенок. Песня живая, веселая, подвижная, музыка плясовая» (л. 38—38 об.).

Как поэт-песенник В. Боков неизменно поддерживал очень тесные личные и творческие связи с народными — профессиональными и самодеятельными — хоровыми коллективами, и это в ряде случаев также нашло отражение в его письмах. «В Ленинград на 3-й съезд профсоюзов строителей, — писал он, например, 11 марта 1951 г. — ездил хор девушек города Воронежа (10 человек) под управлением Макиенко. Это штукатуры, маляры, строители в общем, сами родились в разных районах Воронежской области — корни земляные — так вот, они создают свои песни и мелодии. Слушаешь и волнуешься! Поют всем животом, всей душой, всем сердцем. Я просил их, когда провожал в Ленинград, связаться с Вами и дать концерт в ССП, но они не имели времени. Купил им последний Ваш том и провел с ними беседу о вашем творчестве. Как слушали! Отзывы были такие: *В. Ф., это все песни, а не стихи!* Теперь будут петь и распевать Вас. Одна из хористок спела частушку:

Кто-то ступает, идет
По большому мосту.
Я на смерть того люблю,
Кто большого расту!

Выступали они в Колонном зале Дома Союзов, выступали в редакции „Комсомольская правда“ — с огромным успехом. „КП“ числа 15-го даст о них большую статью. Прочтите ее — человек будет писать умный, я с ним беседовал о песне долго. Вот живая черта коммунизма в сегодняшнем дне: штукатур после работы создает песни и радуется ими своих же товарищей. Хор сделал несколько песен на мои слова. Я доволен, особенно восхищала всех (на бис) песня „Поработай, Волга!“ на мои слова. Ее собираются печатать» (л. 67—68).

«Я очень много сейчас занимаюсь песней, — писал В. Боков через четыре месяца после этого, 11 июля 1951 г. — Пишу песни,

знакомлюсь с мелодиями. Какие чудесные народные мелодии просят новые слова, ибо образы музыки живы, современные, а слова — устарели. Хотя бы песня о Разине и „Горят, горят пожары“. Музыка гениальна, а слова надо расшифровывать» (л. 75). «Я целиком живу в народе, в песне, — читаем в письме от 23 ноября 1952 г. — Многие мои песни поются в низах, в гуще. Ездил за лето — Куйбышев, Воронеж, Подмосковь. Сколько записали на магнитофон с композитором Абрамским дивного! Как хочу, чтобы Вы все это услышали. Композитор Абрамский — это истинный народник и, по-моему, он талантливее Захарова. Как хочу Вас познакомить. У него на квартире на рояле магнитные пленки с записью 120 песен с Нижней Печеры — пели предки новгородцев, какое чудо! Вот бы заехали — очастливили бы себя этим жемчугом. Собираемся с ним на днях съездить в Вологду — там интересный хор. О Вас он много знает от меня... Дорогой Саша! Я бы очень хотел, чтобы Волжский хор пел ваши песни. Очень нужны: песня о Чкалове, песня о Ленине. Имею полномочия хора заказать Вам их. Композиторов мы подберем сами. Напишите, как на это душа отнесется» (л. 81—81 об.).

Несомненный интерес представляет и предшествующее этому письму, написанное 11 ноября 1952 г. вскоре после встречи В. Бокова с Воронежским народным хором: «Дорогой Александр Андреевич! Получили ли Вы мою телеграмму из Воронежа на праздник? ⁶⁸ Объясню ее причину и смысл. Я находился в командировке в хоре Макиенко и увидел у него на полке томик Ваших стихов. Со мной был вместе композитор Александр Андреевич Абрамский — истинный народный музыкант по духу. Я открыл томик и стал читать любимое, с комментариями. Душа росла и крепла от прикосновения к большой поэзии. Чувство огромного восторга передалось и моим друзьям. С новой силой я почувствовал огромный Ваш талант. Такие стихи, как „Незнакомка“, „Здесь тишина...“, „Не слышно родичей в помине“, „Как радостно сердцу...“, „Где я?..“, „Потомкам пригодится...“, „Спокойной ночи, русская земля...“, не ломает время. Я сумел доказать, насколько наша поэзия самобытнее и выше Твардовского и Исаковского, хотя она тоже деревенская. У тех — хрестоматия, а у вас — поэзия. Особенность ваших стихов — сжатость, энергичность стиха, его лирическое наполнение, отсутствие разжиженного юмора и игры в юмор. Ваша строка летит, звенит, имеет высокую температуру, в своем существе она глубоко русская.

Послушали бы со стороны наш разговор — радость, меня благодарили, жали руку за „открытие поэта“. После этого мы и пошли давать телеграмму. А. А., Вы поэт не меньше Есе-

⁶⁸ В архиве Прокофьева сохранилась телеграмма В. Бокова к нему. отправленная из Воронежа 5 ноября 1952 г.: «Читал ваши стихи окружении друзей, общий восторг, спасибо за радость. Виктор Боков» (л. 99).

нина,⁶⁹ Блока, а в некотором роде и выше их. Вашими устами говорит народ-поэт. Спасибо, спасибо!» (л. 78—79).

Характерно, однако, что столь высокие и даже просто восторженные оценки Прокофьева и его творчества ни в какой мере не помешали В. Бокову и высказать целый ряд критических замечаний о его произведениях, причем некоторые из них — и это знаменательно — связаны именно с раздумьями В. Бокова над русскими народными песнями. В письме от 13 мая 1949 г., например, он делился с поэтом впечатлениями от его сборника стихов «В краю моем»: «Читал я книжечку несколько раз и пытался найти какое-то обобщение и пожелание Вам в следующих работах. Мне подумалось вот что: как бы мы хорошо ни писали о природе, но стихи со временем начинают повторяться и варьироваться и это уменьшает силу воздействия их. Почему-то у русских поэтов лес, реки, ручьи больше воспеваются, чем поля, злаки хлебов. А ведь здесь — основа жизни и работы. Неужели мы — лесники? Я нарочно прочитал Роберта Бернса — у него ячменное зерно становится символом жизни и буйства, у него девушка пробирается сквозь рожь на свиданье и замачивает юбку росой (деталь), у него парень целует девушку в колосьях ячменя. Неужели мы, русские, меньше шотландцев чувствуем запах ржи, хлебов, неужели у нас меньше чувства такта, реальности и объективности?»

Сейчас же вспоминаешь русскую народную песню „Хмель“, где этот зеленый герой с удовольствием говорит о мужике:

Я ударил его в тын головую,
Еще бросил в грязь бородюю.

Она нисколько не хуже „ячменного зерна“, и там — душа землероба. Наши сравнения стройности девушки и березки целиком ослепили нас, и мы не замечаем, что колос ржи, ячменя — не менее строен, чем девушка и березка, что изящные усы гороха не менее изящны завитков девичьих волос, что поле выколосившейся и цветущей ржи неотразимо своей красотой. Почему бы Вам не написать картину этой ржи со страстью и напором...» (л. 21).

Еще более определенно высказался В. Боков в письме от 11 сентября 1949 г., размышляя над тем, почему посланные им Прокофьеву стихи⁷⁰ никак не заинтересовали поэта. «Я понял, — писал он, — что у нас разный подход к стихам. Вы работаете до пота над строкой, а я больше работаю над ритмом и общим контуром вещи, замыслом. Помню завет Пушкина: истинный

⁶⁹ Через несколько лет, 28 декабря 1955 г. В. Боков писал: «Я выступал на дне поэта Сергея Есенина и там вдруг воочию увидел, что Вы ближе всех к нему — по содроганию строки, по цветной палитре красок, по песенности, по яркой зачинности, по аккордам» (л. 85—86).

⁷⁰ «Посылаю Вам 17 стихотворений и главу из поэмы „Дом“, — писал он 2 апреля 1949 г. — Там есть исправления по замечаниям Симонова,

вкус состоит не в восхищении строкой, а в соразмерности частей произведения, в плане его.⁷¹ Строка сама по себе, какая бы она не была, никогда меня не восхищала. Восхищает меня вещь. Я стремлюсь к тому, чтобы находить простой смысловой рисунок вещи, находя в нем драматизм вещи. Вот ведь песня „Ах, ты, ноченька“ — она имеет драматический рисунок: ночь коротать не с кем, матери нет, друга нет, есть милый, но и с ним нет лада. На драматизме и на жизненности интонаций построено мое стихотворение „Черное платье“ <...> Как вы не увидели драматизма „Ульяны“? Для меня единая концепция вещи, ее смысловой рисунок + жизненность ритма, стиха — главное <...> Есенинское „Утром в ржаном закуте“ написано не методом строки, а методом драматизма и смыслового образа, строки там слабые. Мне кажется, что у Вас как раз не хватает вот этого драматизма, вы слишком звените строкой; надо, по-моему, жир пускать не в строку, а <в> замысел, во весь план.

Меня Ваше хладнокровие к моим стихам сначала парализовало, а теперь собрало еще крепче. Не стиха я ищу, Александр, а какого-то русского краснобайского скоморошьего разговора на серьезные темы. Говорить с народом хочется его сокровенной, пословично-афористичной речью, той, что говорили свадебные дружки, карусельные или балконные деды, обеспечивавшие сбор денег на постановках иностранных трупп на ярмарках. Никто не шел на арлекина и паяца, чтобы поправить дело, на балкон выпускали русского деда или отставного солдата, и своей меткой, рифмованной речью, полной красоты, ума, смысла, он привлекал публику, а потом уходил. Одна из последних моих вещей как-то приближается к этой речи:

Вот он, Золото!
Жизнь наша, молодость,
Черный хлеб, белый хлеб,
Двадцать лет, тридцать лет,
Пятьдесят, шестьдесят,
Девяносто и сто —
Хоть бы что!»

(л. 33—34)

Здесь, таким образом, столкнулись два различных подхода к стиху, основанные отчасти и на несколько различных принципах использования фольклора в художественном творчестве.

Впрочем, это уже особая тема, выходящая за рамки данной работы.

но вы прочтете первый вариант, мой. Вещь вся лежит в «Новом мире», Симонов все обещает печатать, но ведь <...> приходится вставать в очередь» (л. 19). Сохранились в архиве и сами стихи, посланные В. Боковым Прокофьеву (см.: ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 1162, л. 1—25). Упомянутая В. Боковым поэма в «Новом мире» опубликована не была.

⁷¹ «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и подобности» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Л., 1978, т. VII, с. 38).

II. ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. Г. КАГАРОВ

СЛОВЕСНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРЯДА

Публикация А. Н. Розова

Круг научных интересов Евгения Георгиевича Кагарова (1882—1942) был чрезвычайно широк. Об этом свидетельствуют свыше 500 его работ, посвященных проблемам классической филологии, археологии, этнографии, фольклора, языкознания, педагогики. Начав свою научную деятельность с исследования различных аспектов античной культуры, Е. Г. Кагаров постепенно пришел к замыслу «охватить в одном обширном труде все генетически связанные между собой пережитки наиболее примитивных стадий языческого мышления, красной нитью проходящие через всю историю эллинской культуры».¹ Замысел этот получил свое отражение в тематически связанных монографиях «Основные элементы культа» (1928 г.) и «Формы и элементы народной обрядности» (1929—30-е годы).²

Н. А. Кисляков,³ с достаточной полнотой оценивший вклад Е. Г. Кагарова в науку, не охарактеризовал эти работы, которые, на наш взгляд, до сих пор не утратили своей актуальности, поражая мастерством владения огромным сравнительным этнографическим и фольклорным материалом.

Ниже публикуется глава из монографии «Формы и элементы народной обрядности», посвященная соотношению молитвы с заговором и его структурной формуле. Интерес к одному из наиболее архаических видов обрядового фольклора — заговору — возник у Е. Г. Кагарова давно.⁴

¹ Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913, с. 2.

² Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукописей, ф. 324, оп. 1, № 688 и № 459.

³ Кисляков Н. А. Евгений Георгиевич Кагаров. — Советская этнография, 1963, № 1, с. 144—147.

⁴ Кагаров Е. Г. Древнегреческие таблички с проклятиями (Defixionum tabellae). Харьков, 1918.

Впоследствии он не раз возвращался к этой теме,⁵ однако данная работа привлекает прежде всего тем, что ученый использует не только древнегреческий, но и славянский, в том числе русский, материал.

В последнее время исследователи все чаще и чаще обращаются к анализу заклинательных жанров фольклора.⁶ Поэтому публикация статьи, в какой-то степени подводящей итог изучения этих жанров в европейской науке второй половины XIX—первой трети XX в. и дающей основу для широкого типологического изучения заговоров, представляется вполне своевременной.

Монография «Формы и элементы народной обрядности» была опубликована в 1928 г. в переводе на украинский язык в сборнике «Первісне громадянство та його пережитки на Україні», вып. 1, Київ, 1928, с. 21—56 (с. 25—31 — «Словесные элементы обряда»). На русском языке глава публикуется впервые. При подготовке работы Е. Г. Кагарова к печати библиографические ссылки оформлены согласно современным энциклопедическим правилам.

Первоначально лишь пояснявшее магический акт слово с течением времени, по мере забывания смысла обряда начинает отрываться от него, разрастаться за его счет, приобретать постепенно магическую силу.¹ Не только коротенькие формулы-просьбы или заклинания первобытного человека, но одно какое-нибудь слово, импровизированно вырывающееся из его груди, обладает в глазах произносящего могущественной магической силой (орендой). У негров ваджагга (название племени, — А. Р.) во время засухи от одной деревни к другой несется один лишь вопль: «Моуо, Он!», т. е. «О дождь!».²

Принципиально между заговором и молитвой нет никакого различия: и там и здесь человек оказывает воздействие на окружающий мир или выше его стоящую силу при помощи той оренды, которая присуща обрядовому слову. Недаром Плиний говорит о *vis carminum*; ³ вспомним также овидиевское изречение:

⁵ Кагаров Е. Г. К вопросу о структуре и составе древнегреческих заговоров. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию деятельности. Сб. статей. Л., 1934, с. 253—257.

⁶ Власова З. И. К изучению поэтики устных заговоров. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, т. 13, с. 194—201; Зырянов И. В. Заговор и свадебная поэзия. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Пермь, 1975, вып. 2, с. 49—81; Ильинская В. Н. Заговоры и историческая действительность. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1976, т. 16, с. 200—207; Песков А. М. Об устойчивых элементах русского заговора. — В кн.: Филология. М., 1977, вып. 5, с. 26—39 (МГУ. Сб. студенческих и аспирантских науч. работ).

¹ Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917, с. 153 сл., 158 (далее — Познанский); Кагаров Е. Г. Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 48 сл.

² Gutmann В. Feldbausitten und Wachstumsbräuche der Wadschagga. — Zeitschrift für Ethnologie, 1913, Bd 45, S. 489.

³ Plinius Hist. nat. XXVIII, 2, 10 sq.

«И слова обладают весом» (*dictaque pondus habent*).⁴ В народном суеверии заговор, проклятие и т. д. представляются зачастую чем-то вещественным: араб, прокливаемый врагом, бросается на землю, чтобы проклятие перелетело через его голову.⁵ Этому представлению соответствует священная формула у индусов, означающая вместе с тем и мистическую субстанцию или энергию.⁶

Наиболее яркое выражение находит себе вера в безграничную силу молитвенной формулы у индусов: боги дрожат перед мощью молитвы благочестивого.⁷ Эта сила магической формулы может быть повышена при помощи особых действий или стереотипных приемов в языке и стиле ее, как-то: повторения, синонимы и плеоназмы, многосоюзие, эллипсис, параллелизм, ритм, приемы исчерпывающего перечисления, симпатической гиперболы, антиципации и т. д.⁸

Особенно важную роль играет в магической формуле имя демона (божества) или проклинутого человека: ибо имя, согласно примитивному представлению, есть часть самого существа.⁹ Так

⁴ Ovidius *Fast.* I, 192.

⁵ *Goldziher Ign.* Über die Vorgeschichte des Higa—Poesie. — Abhandlung zur arabischen Philologie. I. Leyden, 1896, S. 29.

⁶ *Oldenberg H.* 1) *Weltanschauung der Brahmana.* Texte. Göttingen, 1919, S. 133f.; 2) *Die Religion des Veda.* 3 Aufl. Stuttgart, 1923; *Введенский А.* Религиозное сознание язычества. М., 1902, т. I, с. 424; *Osthoff H.* *Allerhand Zauber etymologisch beleuchtet.* — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 24. Göttingen, 1899, S. 121f; *Bouche-Leclercq A.* *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines.* T. I, p. II. Paris, 1886 s. v. *carmen*; *Audollent A.* *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Ocudentis praeter Atticas in CIA editas.* Paris, 1904, p. LIV; *Appel G.* *De Romanorum precatationibus.* Giessen, 1909, S. 73f; *Heim R.* *Incantamenta magica graeca-latina.* Leipzig, 1893, S. 465, 544; *Tambornino Jul.* *De antiquorum daemonismo.* Giessen, 1909, S. 77; *Meyer R.* *Altgermanische Religionsgeschichte.* Leipzig, 1910, S. 133f; *Вундт В.* *Миф и религия.* СПб., 1912, с. 194; *Eisen M. J.* *Estnische Mythologie.* Leipzig, 1925, S. 21; *Schwenn Fr.* *Gebet und Opfer.* Berlin, 1927, S. 6, 69 passim; *Ветухов А. В.* *Заговоры, заклинания, обереги.* Варшава, 1907, с. 69 сл.; *Познанский*, с. 113 сл.

⁷ *Meyer R.* *Altgermanische Religionsgeschichte*, S. 138.

⁸ *Познанский*, с. 80, 89 сл., 94 сл., 119, 301 сл.; *Кагаров Е. Г.* *Древнегреческие таблички с проклятиями*, с. 34 сл.; *Schwenn Fr.* *Gebet und Opfer*, S. 7f., 80; *Schmidt W.* *Das Proömium der demosthenische Kranzrede in religionsgeschichtliche Beleuchtung.* — *Archiv für Religionsgeschichtliche und religionspsychologische Untersuchung.* München, 1918, S. 39ff; *Dornseiff F.* *Pindars Stil.* Berlin, 1921, S. 26f.

⁹ *Wundt W.* *Völkerpsychologie*, 1920, IV, 3, S. 110; *Güntert H.* *Sprache der Götter und Geister. Bedeutungsgeschichte.* Untersprache zur Homerischen und Eddischen Göttersprache. Halle, 1921, S. 5; *Erman A.* *Aegyptische Religion.* Berlin, 1905, S. 88f; *Andrian-Werburg F.* 1) *Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1896, Bd XXVII, N 10, S. 115; 2) *Prähistorisches und Ethnographisches.* Wien, 1915; *Tylor E. B.* *Researches into early History of Mankind at the Development of Civilisation.* London, 2 ed., 1870, p. 123; *Andree R.* *Ethnographische Parallelen und Vergleiche.* Leipzig, 1889, S. 165; *Clodd E.* *Tom-tit-tot.* London, 1898, p. 58f, 79f; *Frazer I. G.* *The Golden Bough.* I—V. 3 ed. London,

как имя божества отождествляется с его носителем, то знание этого имени или произнесение его сообщает человеку власть над самим божеством.¹⁰ Недаром в египетских религиозных текстах часто повторяется фраза: ḡh-Kwjr-n-k, т. е. «Я знаю твое имя!»¹¹ Знающий имя врага приобретает власть над ним самим.¹² Отсюда обыкновение скрывать личные имена, а также обычай мепять их во время болезни (см. ниже).

Представление о том, что заклинанию и молитве присуща особая внутренняя имманентная им сила, находит свое отражение в обычае размачивать в воде написанный на бумаге или ином материале магический текст и затем выпивать воду, воспринимая таким путем оренду заговора или молитвы.¹³ Отсюда роль написанных магических или священных слов, а также букв и чисел как амулетов и талисманов.¹⁴ Особенно сильная оренда приписывается таким магическим записям, которые якобы упали

1911. Part II: Taboo and Perils of the Soul, p. 318f; *Haddon A. C.* Magic and Fetichism. London, 1910, p. 22f; *Jevons F. B.* An Introduction to the History of Religion. 4 ed. London, 1908, p. 245; *Nyrop K.* Navnets magt. — Mindre Afhandling af det filologisk-historiske Samfund. Copenhagen, 1887, S. 118f; *Oblink B.* De magische Beteekenis van den Naam inzonderheit in het oude Egypte. 's-Gravenhåge, 1925; *Palmquist J. V.* Rester av primitiv religion bland värmlands finnbefolkning. Karlstad, 1924, S. 158.

¹⁰ *Kroll W.* Antiker Volksglaube. — Rheinisches Museum für Philologie. 1897, Bd 52, S. 345; *Radermacher L.* Zur Hadesmythologie. — Rheinisches Museum für Philologie, 1905, Bd 60, S. 586; *Schmidt W.* Die Bedeutung des Namens im Kult und Aberglauben. Darmstadt, 1912; *Ausfeld C.* De Graecorum precatationibus quaestiones. — Jahrbuch für classischen Philologie, 1903, Bd 28, S. 519; *Fahz L.* De poetarum Romanorum doctrina magica quaestiones selectae. Giessen, 1904; *Reitzenstein R.* Poimandes. Studien zur Griechisch-Ägyptischen und frühchristlichen Literatur. Leipzig, 1904, S. 17, 6; *Dieterich A.* Eine Mithrasliturgie. Leipzig, 1903, S. 110 и примечание O. Weinreich'a к новому изданию: *Pradel Fr.* Griechische und Süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters. Giessen, 1907, S. 296; *Preuss K.* Der Ursprung der Religion und Kunst. — Globus, 1904, Bd 87, N 1, S. 395; *Riess E.* Superstitions and popular beliefs in Greek Comedy. — The American Journal of Philology, 1897, v. 18, p. 194; *Abt A.* Die Apologie des Apuleus v. Madaura und die antike Zauberei. Giessen, 1908, S. 120; *Hirzel R.* Ein Beitrag zu einer Geschichte im Altertum und besonders bei d. Griechen. — Abhandlungen der Sächsonischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Bd 36, N 2, Leipzig, 1918.

¹¹ *Кагаров Е. Г.* Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 45.

¹² См., кроме вышеприведенных трудов, также: *Negelein J.* Bild, Spiegel und Schatten in Volksglauben. — Archiv für Religionswissenschaft, 1902, Bd 5, S. 35f; *Dieterich A.* Mutter Erde. Leipzig; Berlin, 1903, S. 34; *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 110.

¹³ *Velten C.* Sitten und Gebräuche der Suaheli. Nebsteinem Anhang über die Rechtsgewohnheiten der Suaheli. Göttingen, 1903, S. 4f; *Andrian-Werburg F.* Prähistorisches und Ethnographisches, S. 273; *Ganschinetz R.* — Pauly-Wissowa Real-Encyclopadie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd I, A, S. 932 (далее — PW).

¹⁴ См. приведенную в моей книге «Кульť фетишей, растений и животных» (с. 85, прим. 5 и 6) литературу и, кроме того: *Познанский*, с. 69 сл.; *Tambornino Jul.* De antiquorum daemonismo, p. 80; *Dornseiff Fr.* Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig, 1922; *Eitrem S.*, *Friedrichsen A.* Ein christliches Amulett auf Papyrus. Kristiania, 1921.

с неба (Himmelsbriefe) и которые солдаты, особенно католики, носили с собой в качестве оберегов во время мировой войны.¹⁵

Некоторые из таких чудесно найденных молитв выступают как на Западе, так и у нас в роли «круговых писем» (нем. Kettenbriefe), рассылаемых с настойчивой просьбой переписывать их и распространять среди друзей-знакомых. Образцы таких молитв приведены у E. Fehrle в его книге *Zauber und Segen*. Первобытным народам также не чужда вера в чудесное (божественное) происхождение магических формул и средств.¹⁶ Оренда, присущая магической записи, в глазах малокультурного человека столь сильна, что последний направляет иной раз свое заклинание не на демона или иную таинственную силу, а на самый список: *Conjuro te, chapta, etc.*¹⁷

Но эта мана, эта волшебная сила, присущая словам и изречениям, проявляет свое действие только тогда, когда она произносится без всяких искажений. Пока слово было лишь аппендиксом обряда, пояснением магического действия, пока оно играло подчиненную, служебную роль, оно могло принимать разнообразные формы; но по мере того как слово постепенно приобретало самостоятельное значение в качестве магического средства, росло требование точного соблюдения формулы.¹⁸ У всех народов мы находим предписание, чтобы жрецы во время молитвы не выпускали из нее ни одного слова и не допускали обмолвок или изменения мелодии и ритма, иначе молитва не будет иметь действия.¹⁹ Вот почему молитва произносится обыкновенно вслух. *Sudhaus*²⁰ показал, что шепотом или про себя произносятся молитвы лишь в том случае, если человеку хочется сохранить в тайне их содержание; заклятия же всегда произносятся шепотом, дабы противочародейство не уничтожило силы

¹⁵ *Hellwig A.* Weltkrieg und Aberglaube. Leipzig, 1916, S. 35f; *Stübe R.* Der Himmelsbrief. Ein Beitrag zur allem Religionsgeschichte. Tübingen, 1918; *Pfister F.* Schwäbische Volksbräuche. Augsburg, 1924; *Fehrle E.* Zauber und Segen. Jena, 1926.

¹⁶ *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee. Land und Leute, Sitten und Gebräuche im Bismarckarchipel und auf den deutschen Salomoinseln. Stuttgart, 1907, S. 121f.

¹⁷ *Melusine.* Recueil de mythologie litterature populaire traditions et usages. Publié par H. Gaidor, E. Rolland. Paris, 1878, VI, p. 232.

¹⁸ *Познанский*, с. 161 сл., ср. также о превращении эмоционального возгласа, свободной мольбы в окаменевшую молитвенную формулу: *Heiler Fr.* Das Gebet. Eine religionsgeschichtliche und religionspsychologische, Untersuchung. Berlin, 1918, S. 37f.

¹⁹ *Visscher H.* Religion und soziales Leben bei den Naturvölkern. Bd I, Bonn, 1911, S. 252; *Fustel de Coulanges* La cité antique. Paris, 1908, p. 195 sqq; *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. 2 Aufl. München, 1902, S. 397; *Appel G.* De Romanorum precationibus, p. 205, p. 79; *Ziehen L.* Hiereis. — In: *PW*, Bd VIII, S. 1422f.; *Stengel P.* Die Griechische Kultusaltertümer. 3 Aufl. München, 1920, S. 79.

²⁰ *Sudhaus A.* Lautes und leises Beten. — Archiv für Religionswissenschaft, 1906, Bd 9, S. 185; *Balogh J.* Lautes und leises Beten. — Archiv für Religionswissenschaft, 1925, Bd 23, S. 345.

заклинания. Его изыскания продолжены были Н. Schmidt'ом.²¹ А. Abt²² приводит свидетельства того, что и на Востоке магические тексты произносились шепотом или вполголоса.²³

На роли непонятных имен и слов (βάρβαρα ὀνόματα, ἐφήσια γράμματα),²⁴ а также отдельных букв²⁵ я здесь не могу останавливаться.

Вопрос об отношении заговора к молитве является в науке спорным. Большинство западноевропейских исследователей вслед за Marett'ом²⁶ считает заговор зародышем молитвы.²⁷ Эта первичная форма, которую некоторые ученые называют молитвообразным заговором или чародейской молитвой (нем. Zaubergebet), по мнению исследователей, либо сопровождала магическое действие (Marett), либо императивно, как бы в силу гипноза подчиняла духов воле человека (Jevons), либо выросла непосредственно из колдовства над именем (Vierkandt). Любопытно, что у нас еще в 60-х годах XIX в. Орест Миллер²⁸ высказывал мысль, что заговор предшествовал молитве и что вначале существенное значение имела вера в могущественное действие слова и обряда. К. Beth,²⁹ напротив, замечает, что история не знает ни одного примера перехода магического обряда в религиозный и что наблюдается скорее обратное явление: молитвы употребляются в качестве заговорных формул. С этим утверждением вряд ли можно согласиться. Переход магического заклинания, сопровождаемого обрядовым действием, в молитву можно ясно проследить хотя бы на текстах греческих проклятий.³⁰ Превра-

²¹ Schmidt H. Veteres philosophi quomodo iudicaverint de precibus. Gies-sen, 1907, S. 55 sqq.

²² Abt A. Die Apologie des Apuleius..., S. 286f.

²³ Сравни о римских молитвах: Appel G. De Romanorum precationibus. p. 208f.

²⁴ Dedo A. De antiquorum superstitione amatoria. Gryphiae, 1904, p. 33; Tambornino Jul. De antiquorum daemonismo, p. 73 sqq; Zipfel C. Quatenus Ovidius in Ibide Callimachum... secutus sit. Lipsiae, 1910, p. 14, adv. 2. (Здесь и остальная литература).

²⁵ Dornseiff Fr. Buchstaben — Mystik. — Στοιχεῖα, 1916, VII; Fehrle E. Zauber und Segen, S. 62f.

²⁶ Marett R. From Spell to Prayer. — Folk-Lore, 1904, v. 15, p. 134f; перепечатано в сб.: Threshold of Religion. London, 1914.

²⁷ Farnell L. R. The Evolution of Religion. London, 1905, p. 163f (глава: The Evolution of Prayer from Lower to Higher Forms); Jevons F. B. Idea of God in Early Religion. London, 1911, p. 108f; Preuss K. Der Ursprung der Religion und Kunst. — Globus, 1904, Bd 86, N 1, S. 397; Vierkandt A. Die Anfänge der Religion und Zauberei. — Globus, 1907, Bd 92, N 1, S. 61; Nilsson M. Primitive Religion. Tübingen, 1911, S. 80f.; Wundt W. Völkerpsychologie. 2 Aufl. Bd 6. Leipzig, 1909, S. 453f; Wunsch R. Hymnos. — In: PW, Bd IX, S. 142; Pfister F. Kultus. — PW, Bd XI, S. 2154; Appel G. De Romano-rum precationibus, p. 215.

²⁸ Миллер Ор. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865, т. 1, с. 67, 84.

²⁹ Beth K. Einführung in die vergleichende Religionsgeschichte. Leipzig, 1920, S. 66.

³⁰ Ср.: Кагаров Е. Г. Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 48—49.

щение же молитв в заговоры, принимаемое для древнейшего времени Потебней (в ранних трудах) и Мансиккой,³¹ есть на самом деле вторичный позднейший процесс.³² У немецкого ученого Fr. Schwenn'a мы находим в этом вопросе какое-то колебание: в книге, специально посвященной молитве в греческом культе, он подчеркивает близость молитвы к заклинанию. «Колдун, — пишет он, — стремится не убедить своими речами и движениями духов, но подчинить сверхчеловеческого деятеля или безличные силы природы своей воле. Работа его носит чисто механический, „технический“ характер: она действует с такой же точностью, как и силки и ловушки, расставляемые на охоте. Общим для молитвы и заговора является слово как орудие и иррациональный способ его воздействия».³³ Указывая на наличие множества магических черт в молитве,³⁴ Schwenn делает предположение, что «молитва и заклинание выросли из одного и того же корня — аффекта, обращения человека к оживленному объекту внешнего мира».³⁵

С другой стороны, несколькими страницами ранее тот же автор пишет: «этим только в общих чертах доказывается возможность того, что молитва не произошла из магии, но не утверждается с несомненностью».³⁶ Другой немецкий исследователь античных религий — O. Kern в книге «Религия греков», указав на трудность разрешения этого вопроса, замечает, «что была ли молитва или заклинание *prius* или же — что правдоподобнее — обе формы возникли независимо друг от друга, — во всяком случае имя призываемого или заклинаемого существа послужило зерном, зародышем дальнейшего развития».³⁷ (Моя точка зрения высказана была выше).

Что касается внешней структуры или композиции заклинания и молитвы, то здесь мы находим следующие постоянные конститутивные элементы: зачин (обращение или призывание), эпическая часть (описание обрядовых действий, когда-то сопровождавших заговор, а впоследствии только упоминаемых), лирическая часть, выражающая какое-либо желание в форме симпатического сравнения (двучленный параллелизм), мистические имена и замыкание (закрепка, «ключевые слова»). Архитектоника древнегреческих проклятий, по моим исследованиям, харак-

³¹ Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, с. 32; ср. Потебня А. А. Малорусская народная песня. Воронеж, 1877, с. 20; *Mansikka W.* Über russische Zauberformen mit Berücksichtigung der Blut und Verrenkungssegen. Helsingfors, 1909, S. V, 35f., passim.

³² Познанский, с. 67 сл., 75 сл., 151 сл., 155 сл.

³³ Schwenn Fr. Gebet und Opfer, S. 63.

³⁴ Ibid., S. 64f.

³⁵ Ibid., S. 80f. (О психологических основах молитвы см.: *Costa Guimaraëns.* Le besoin de prier et ses conditions psychologiques. — *Revue philosophique*, 1902, v. 54, p. 391—421).

³⁶ Ibid., S. 70.

³⁷ Kern O. Die Religion der Griechen. Bd I. Berlin, 1926, S. 151.

теризуется следующими ингредиентами: 1) имя противника, 2) имя призываемого демона или божества, 3) желание, которое может выражаться в форме сравнения, просьбы, обращенной к сверхъестественному деятелю или простого пожелания.³⁸ Молитва в развернутой ее форме слагается, как показал С. Ausfeld, из трех основных частей: 1) призыв или обращение к божеству, 2) эпическая часть и 3) просьба или пожелание.³⁹ Продолжая исследования названного ученого, я старался в одном из своих докладов в Ленинградском Научно-исследовательском институте изучения литератур и языков Запада и Востока (23 февраля 1926 года) показать: что общая формула заговора имеет следующий вид: $I+E+L+B+Z$, где I обозначает обращение, E — эпическую часть, L — лирическую часть, B — мистические имена и Z — заключительные слова. При этом эпическая часть может содержать в себе указание на совершаемые действия (a), мотив угрозы (h), мотив награды демону (f), прием опорочивания противника (k), прием возбуждения сострадания (m), ссылку на божественный авторитет (ϕ), рассказ (e) и т. д. Равным образом, лирическая часть может заключать в себе простые пожелания в третьем лице (v_3), приказание, обращенное к объекту заклинания во втором лице (v_2), пожелание, выраженное в форме сравнения (q) или невыполнимого условия (n) и т. д. Таким образом, в полном виде формула заговора принимает следующий вид:

$$I+(a+h+f+k+m+\phi+e)+(v_3+v_2+q+n)+B+Z.$$

Вот конкретные примеры.

I : «Гой еси, ты зоря утренняя, и ты зоря вечерняя!.. Гой еси, солнце жаркое!.. Месяц, ты месяц!»...⁴⁰ «Святая мать киявская»...⁴¹

a : «Пойду я, раб божий, в лес к белой березе, сдери белое бересто, брошу в печь огненную. Как то бересто на огне горит и тлеет, так бы»...⁴²

h : Заклинание плодового дерева в диалогической форме на Украине: «Не рубай мене: буду вже родити!» — «Ні, зрубаю: чомусь не родила?»... «Бойся бога, не рубай: буду родити лучше за всіх!» — «Гляди ж!»⁴³

³⁸ Кагаров Е. Г. Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 28—33, 49—51; Кагаров Е. Form und Stil der Texte der griechische Fluchtafeln. — Archiv für Religionswissenschaft, 1923, Bd 21, S. 496.

³⁹ Ausfeld С. De Graecorum precationibus, p. 525f.

⁴⁰ Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы. СПб., 1913, т. 1, с. 386.

⁴¹ Познанский, с. 68.

⁴² Там же, с. 207.

⁴³ Ефименко П. С. Сборник малорусских заклинаний. М., 1874, § 143. Ср. о мотиве угрозы: Heim R. Incantamenta magica graeca latina, p. 479f; Pradel Fr. Griechische und Süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters, S. 355, I; Abt A. Die Apologie des Apuleius..., S. 122f; Appel G. De Romanorum precationibus, p. 139 sqq; Fabz L. De Poetarum Romanorum..., p. 53 sq.

ј: «Дощику, дощику зварю тебе борщику в зеленому горщику; сікни, рубни дійницею, холодною водицею». ⁴⁴ «Дожджик, дожджик пуще! Дадим тебе гущи!» ⁴⁵

к: Прием клеветы (*δίαβολή*) встречается в греческих заговорах и проклятиях. ⁴⁶

т: Прием возбуждения сострадания засвидетельствован для греческих заговоров и молитв. ⁴⁷

ѳ: «Nie ja lekarz, sam Pan Jezus lekarz». ⁴⁸ «И не я помогаю, не я пособляю, — пособляць сам Господзь Бог, сам Иисус Христос». ⁴⁹

е: (рассказ) — очевидно, развившийся из двучленного параллелизма третьей части (*L*). Недаром E. Fehrle обследовал этот элемент немецких заговоров. ⁵⁰ Н. Познанский приводит ряд восточнославянских, латинских и западноевропейских заговоров с разросшейся эпической частью. ⁵¹ Приведу украинский пример: «Йхав Юрій на билим кони, за ним бигло тры псы: одын бильий, другый сирый, третій чорный. Бильий с била ока слёзу спывае, тьму заклынае. . . рабови Б. бильмо сганяе». ⁵²

Разновидность *е* представляет собой ссылка на прецеденты. ⁵³

Эпическая часть входит в состав древнейших заговорных формул: древнеегипетских, ассиро-вавилонских, индийских, греческих. ⁵⁴

В части лирической пожелание первоначально выражалось в форме двучленного параллелизма: магический обряд поясня-

⁴⁴ Ср. многочисленные варианты этого заговора; *Ефименко П.* Сборник малорусских заклинаний, § 197 сл.

⁴⁵ *Бессонов П.* Детские песни. М., 1868, с. 14; Ср. о приеме обещания награды: *Appel G.* De Romanorum precationibus, p. 68, 152.

⁴⁶ *Wünsch R.* Corpus Inscriptionum Atticarum. Appendix, continens definitionum tabellas in Attika regione receptas. Berolini, 1897; *Abt A.* Die Apologie des Apuleius. . ., S. 123—149, 211—237.

⁴⁷ *Кагаров Е. Г.* Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 42.

⁴⁸ *Kibort J.* Wierzenia ludowe w okolicach Krzywicz w pow. Wilejskim. — Wisla, 1899, t. 13, s. 331.

⁴⁹ *Ветухов А. В.* Заговоры, заклинания, обереги, с. 350, ср.: *Познанский*, с. 156.

⁵⁰ *Fehrle E.* Zauber und Segen, S. 35f.

⁵¹ *Познанский*, с. 62 сл.

⁵² *Ветухов А. В.* Заговоры, заклинания, обереги, с. 317, там же многочисленные варианты.

⁵³ *Познанский*, с. 150, 153 сл.

⁵⁴ *Erman A.* 1) Aegypten und ägyptisches Leben im Alterthum. Bd 2. Tübingen, 1885, S. 411f; 2) Die Ägyptische Religion. — Handbücher der Königl. Museum zu Berlin. 2 Aufl., 1905, Bd 9, S. 150, 239; *Fossey C.* La magie assyrienne. — Bibliothèque de l'École des hautes études, v. 15, Paris, 1903, p. 123 sqq; *Dieterich A.* Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte das spätern Altertums. Leipzig, 1891; *Oldenberg H.* Die Religion des Veda, S. 517; *Heim R.* Incantamenta magica graeca latina, p. 495; *Pradel Fr.* Griechische und Süditalienische Gebete, S. 338; *Abt A.* Die Apologie des Apuleius. . ., S. 132, 230, 278, 6; *Höfler M.* Besegnungsformeln. — Archiv für Religionswissenschaft. 1903, Bd 6, S. 164f; *Grimm Jak.* Deutsche Mythologie. 4 Aufl. Bd 2, S. 1042; *Fehrle E.* Zauber und Segen, S. 35f, passim.

ется путем сопоставления нарочно воспроизводимого явления с желательным. Вспомним знаменитое двустишие Вергилия:

Lumus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni, sic — nostro Daphnis amore.⁵⁵

(«Как эта твердеет грязь и как воск этот тает, в одном и том же пламени так — Дафнис — в моей любви»), восходящее к Феокритовскому:

ὡς τοῦτον τὸν κηρὸν ἐγὼ σὺν δαίμονι τάχω,
ὡς τάκοιθ' ὑπ' ἔρωτος ὁ Μύνδιος αὐτίκα Δέλιφιν.⁵⁶

(«Как я плавлю с помощью божества эту восковую фигурку, так пусть немедленно плавится от любви миндиец Дафнис»).

Все формулы сравнения, как положительные, так и отрицательные (типа *quomodo* и *quomodo non* — по терминологии *Mansikka*), основаны на симпатической или симильной магии («как мертвый не встает, так бы и имя рек не вставал»). Из этой формулы может с течением времени выпасть первый член параллели (*quomodo* — как), и тогда мы получаем простое пожелание в форме третьего лица.⁵⁷ Но, с другой стороны, может выпасть и второй член параллели, и тогда останется одна эпическая часть, разрастающаяся нередко в длинное повествование.⁵⁸ Несомненно во всяком случае одно — формула двучленного параллелизма была основным зерном или ядром заговора; частным случаем отрицательного сравнения является формула невыполнимого условия:⁵⁹ «Когда червяк в воде будит камень гладать, тогда на меня, раба божего, Казьму, будит суд вставать».⁶⁰

v₃ — весьма распространенный ингредиент заговорного текста: «Унимайцесь, криксы, и зависны, и радосны, и ўрошныи и прирошныи, световыи, заравыи, и полуношныи, и повдзенишнии!».⁶¹ «Fleisch und Blut, Haut und Bein, steh wie Stein!»⁶² («Мясо и кровь, кожа и нога, стойте, как камень!»). «Brand, steh'stille!»⁶³ («Огонь остановись!»). («Hund, du halst deinen Mund und deine Zähn', und lass mich gehn!»⁶⁴ («Собака, придержи свою пасть и свои зубы и дай мне уйти!»).

Стилистическую разновидность пожелания, выраженного в третьем лице, составляет тот случай, который я называю при-

⁵⁵ Vergil. Ecl. VIII, 60 sq.

⁵⁶ Theocr. Idyll. II, 28 sq.

⁵⁷ Кагаров Е. Г. Древнегреческие таблички с проклятиями, с. 31.

⁵⁸ Веселовский А. Н. Психологический параллелизм. — В кн.: Веселовский А. Н. Собр. соч. СПб., 1913, т. I, с. 130—225.

⁵⁹ Mansikka V. Über russische Zauberformen. . ., S. 90f.

⁶⁰ Данилевич В. Е. Несколько заговоров из Старобельского уезда. — Вестник Харьковского историко-филологического общества, 1913, т. 4, с. 79.

⁶¹ Романов Е. Белорусский сборник. Витебск, 1891, т. 5, с. 32.

⁶² Fehrle E. Zauber und Segen, S. 7.

⁶³ Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги, с. 281.

⁶⁴ Там же, с. 444.

емом симпатической антиципации, т. е. представления желаемого уже свершившимся («ишла баба... в тому глеку вода розлилась, рожденному, хрещеному рабу божему NN кровь унялась»)⁶⁵.

При особой мощи, которую приписывает первобытный человек слову или речению (см. выше), становится вполне естественным, что в общем каждое обрядовое действие сопровождается разговором, молитвою или песнопением.⁶⁶

Внешний церемониал молитвы выражается: 1) в направленности ее (арабский технический термин *Ḳiibla*); обычно на восток, в Вавилонии первоначально на север; 2) в положении рук при молитве: египтяне поднимали руки кверху или простирали их вперед, вавилоняне соблюдали *niš Ḳati* (воздевание рук); многие народы складывают руки вместе; 3) в положении корпуса; 4) в обнажении ног; 5) в складывании пальцев (ср. особенно *mudras* в Индии); 6) в обхватывании руками предметов и изображений⁶⁷ и т. д. Но о всех этих обрядовых движениях речь будет идти в следующей главе.⁶⁸

⁶⁵ О формах молитвенной речи см.: *Norden E. Agnos Theos*. Leipzig, 1913. (О роли имени — с. 144 сл., о прославлении божества во втором лице — с. 149 сл., в третьем лице — с. 163 сл., о ритме — с. 66 сл., прим., с. 227, прим., с. 2; о призывании — с. 183 сл., 393 и т. д.). См. обо всех этих вопросах также ценный труд Н. И. Новосадского «Орфические гимны». Варшава, 1900, с. 221—228).

⁶⁶ *Stengel P. Die Griechische Kultusaltertümer*, S. 78f.

⁶⁷ *Sittl K. Die Gebärden der Griechen und Römer*. Leipzig, 1890.

⁶⁸ См.: *Dussaud R. Questions mycéniennes*. — *Reveu de l'Histoire des Religions*, 1905, V. 51, p. 43f; *Sittl K. Die Gebärdolen der Griechen und Römer*, S. 125f, 175.

В. П. ПЕТРОВ

ЗАГОВОРЫ

Публикация А. Н. Мартыновой

Виктор Платонович Петров (1897—1969) внес заметный вклад в литературоведение, фольклористику, этнографию, историю, археологию и другие общественные науки.¹ Значительное место в его многогранной научной деятельности занимали вопросы народной культуры и быта. Интерес к фольклору, возникший у В. П. Петрова на лекциях и в семинаре А. М. Лободы, окреп и расширился в 20-е годы во время его работы в Этнографической комиссии Всеукраинской Академии Наук, руководителем которой он стал в 1927 г. Им много сделано для организации и становления на научные основы собирательской работы на Украине, написан ряд детально разработанных программ по собиранию отдельных жанров и видов устного народного поэтического творчества. Под руководством В. П. Петрова в 1925 г. начал выходить «Етнографічний вісник» — периодическое научное издание, на страницах которого опубликовано много статей, обзоров, рецензий В. П. Петрова, сыгравших большую роль в становлении и развитии украинской фольклористики и этнографии.

Во время Великой Отечественной войны В. П. Петров принимал активное участие в борьбе советского народа против фашистских захватчиков и был награжден орденом Великой Отечественной войны I степени.

В своих исследованиях В. П. Петров особенное внимание уделял осмыслению фольклорных процессов, их генетических основ и исторического развития, проблеме взаимодействия фольклора и мышления первобытно-общинного строя, которая решается им в целом ряде работ (часть

¹ См. о нем: *Березовський І.* Визначний дослідник. — Народна творчість та етнографія, 1970, № 6, с. 57—62; Конференція, присвячена науковій діяльності В. П. Петрова. — Там же, 1975, № 3. Библиографию работ В. П. Петрова см.: *Петров В. П.* Язык. Этнос. Фольклор. Київ, 1966, с. 40—61; *Археологія.* Київ, 1966, т. XX, с. 3—4; *Советская археология*, 1970, № 1, с. 313—315; *Український історичний журнал*, 1965, № 11, с. 123—124; 1969, № 9, с. 158.

из них до сих пор неопубликована). Статья «Заговоры» была написана для трехтомника «Русский фольклор», который готовился к изданию в конце 30-х годов сектор фольклора ИРЛИ. Трехтомник издан не был, и статья В. П. Петрова осталась в архиве сектора народного творчества ИРЛИ среди редакционно-издательских материалов.²

В мае 1939 г. на всесоюзной конференции по фольклору В. П. Петровым был прочитан доклад о заговорах, основные положения которого более обстоятельно и детально освещены им в публикуемой статье. Научное значение доклада получило высокую оценку выступавших в прениях Е. Г. Кагарова, Ю. М. Соколова. Е. Г. Кагаров особенно отметил большой объем использованного материала и самостоятельность подхода к нему исследователя.³

До настоящего времени статья не утратила своего научного значения.⁴

В ней дается обзор исследований по заговорам, причем автор особенно подробно останавливается на освещении вопроса о связи слова и образа. На большом фактическом материале В. П. Петров доказывает, что в заговоре действие и слово равнозначны по своей функции как средства, приемы для достижения определенной практической цели. Особые разделы статьи посвящены поэтике заговоров и их мировоззренческой сущности. Автор пишет, что в основе заговора лежит диффузное мышление с характерной для него нерасчлененностью понятий о природе явлений, состояний, существ, стихий и веществ, «личностным» представлениям о предметах и «предметным» представлениям о живых существах. Анализируя заговоры от болезней, охотничьи, пастушеские и др., В. П. Петров убедительно показывает, что каждый художественный образ заговоров не является самостоятельным и самодовлеющим, а подчинен целевой установке заговора и имеет функциональный характер.

При подготовке статьи к печати сверены цитаты, библиографические ссылки оформлены согласно современным требованиям, а недостававшие во многих случаях выходные данные и номера страниц дополнены автором настоящей заметки. При цитировании заговоров первая ссылка дается полностью в подстрочном примечании, далее этот источник указан сокращенно в тексте.

1

Среди других видов устного народного творчества заговоры занимают свое особое и своеобразное место. От прочих видов фольклора — песни, сказки, былины, легенды и т. д. — они отличаются прежде всего тем, что представляют собою средства для

² В настоящее время шифр рукописи: Рук. отд. ИРЛИ, разр. V, кол. 17, п. 9, № 1.

³ См.: Конференция по русскому фольклору. Стенографический отчет. 1939. — РО ИРЛИ, разр. V, кол. 221, п. 13, № 12, с. 1—34.

⁴ За этот период о заговорах было опубликовано незначительное число небольших по объему работ (см., например: *Астахова А. М.* Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964; *Власова З. И.* К изучению поэтики устных заговоров. — В кн.: *Русский фольклор*. Л., 1972, т. XIII, с. 194—200).

достижения определенной практической цели. Заговоры утилитарны, они непосредственно связаны с бытом. В то время как текст песни, былины или сказки существует как нечто целое и самостоятельное, как весьма сложное и развитое словесное произведение, словесный текст заговорных формул в ряде примеров бывает иногда предельно прост и несложен. Словесная формула заговора обычно сосуществует с действием, причем действие и слово оказываются взаимнообратимыми и тождественными по функции. Предполагается, что одной и той же самой цели можно достичь и с помощью слова, и с помощью действия. Отсюда равнозначность и равноценность заговора и действия, несамостоятельность словесных формул, заменимость заговора действием. Весьма часто словесная заговорная формула представляет собою только словесное выражение, словесное описание, изображение совершаемого действия. Связь в заговорах словесного текста с действием сближает заговоры с обрядовой поэзией. Даже в развитом заговоре не трудно вскрыть его первичные элементарные составные части, его производность по отношению к основным представлениям и взглядам. Заговоры — это «фольклор» в первичном и буквальном смысле этого слова.

Устойчивость формы и содержания заговоров, схематизм структуры, повторность образов, однообразие формул, предельная их упрощенность — все это обычно толковалось как указание на консервативную, вековую неизменность заговоров, их архаическую исконность, уходящую в седую древность. Что заговоры это реликты, — в этом сходились и представители мифологической школы, и психологической, и историко-сравнительной.

Представители мифологической школы (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др.) вопрос о сущности и происхождении заговора решали, рассматривая заговоры как обломки и остатки древнеязыческой мифологии. Возникновение заговоров они относили к так называемому «эпическому периоду», когда мифологическое творчество достигает своего расцвета. Они считали, что заговоры это первоначально молитвы-мифы, обращенные к древним языческим божествам. «...заклипания, — писал Ф. Буслаев, — идут непосредственно от периода языческого... стоят в теснейшей связи с первобытной эпической поэзией, входят в древнейший эпический миф как отдельные эпизоды».¹

Тезис Буслаева о реликтовом характере заговоров, о том, что заговоры в своем первоначальном виде представляли собою «величания богов», молитвенные обращения к богам, соответствующие индийским величаниям («мантре») в эпоху Вед, нашел себе развитие и конкретизацию у А. Н. Афанасьева; в полном

¹ Буслаев Ф. И. 1) О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой. — В кн.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1, с. 251; 2) О народной поэзии в древней русской литературе. — Там же, т. 2, с. 31—32.

соответствии с мнением Ф. И. Буслаева, что заговор — это первоначально величание божества, мольба, обращенная к божеству, что «заклинания идут непосредственно из периода языческого», А. Н. Афанасьев определял заговоры как обломки древних языческих молитв и заклинаний — классическая формулировка взглядов мифологической школы на заговоры, повторяющаяся у раннего А. А. Потебни, Я. Порфильева, М. Галахова, П. Ефименко и др.²

Рассматривая заговоры как реликтовые остатки языческой религии древних славян, Афанасьев писал, что они «представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины», что они «сохранили нам драгоценные свидетельства», отголоски поэтических воззрений глубочайшей древности.³ По мнению Афанасьева, основное содержание заговоров как древнеязыческих молитв — это натуралистический миф, миф о стихиях природы: «... первоначально это были молитвы, обращенные к стихийным божествам».⁴ Рассматривая заговоры как «воззвания к стихийным божествам», относя их к древнеязыческим временам, утверждая их исконную неизменность, Афанасьев считал, что если в позднейших заговорах и встречаются имена христианских святых, то это только результат подновления, подстановки, замены языческих имен христианскими: «В эпоху христианскую эти древнейшие воззвания к стихийным божествам подновляются подставкою имен спасителя, богородицы, апостолов и разных угодников».⁵ Таковы, по мнению Афанасьева, единственные изменения, которые претерпевают заговоры в течение тысячелетий. Тем самым задача исследователя, по мнению Афанасьева, и заключается в том, чтобы раскрыть в позднейших заговорах их первоначальное содержание как натуралистических мифов, мифов-молитв, обращенных к стихийным божествам, т. е., иначе говоря, мифов о небесных атмосферных явлениях, о грозе, о тучах и прежде всего о боге-громовнике. Заговоры, в которых имеются обращения к месяцу, звездам, солнцу, к заре, ветрам и другим стихиям,

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. М., 1865—1869, т. 1—3. А. А. Потебня называл заговоры — выветрившимися языческими молитвами. (О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860, с. 31). Я. Порфирьев считал, что «заговоры выродились из языческих молитвенных обращений». (Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки. — В кн.: Тр. IV Археологического съезда в Риге. Казань, 1891, с. 7). П. С. Ефименко, подобно Афанасьеву, видит в заговорах «... важный источник ... для изучения древних языческих представлений наших предков» и указывал на сходство «с языческими молитвами древних литовцев» (Сборник малорусских заклинаний. М., 1874, т. 1, с. II—III).

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян..., т. 1, с. 43—44.

⁴ Там же, с. 414.

⁵ Там же, с. 419.

Афанасьев считал наиболее яркими примерами таких мифов-молитв, обращенных к стихийным божествам, совершенно бесспорными и явными остатками древне-языческой мифологии.

Первым, кто выступил с возражениями против мнения, что заговоры это обломки молитв, был О. Ф. Миллер. Оставаясь на почве мифологической школы и выступая как последователь Афанасьева, он вместе с тем утверждал, что заговоры возникли в более древние, «до-мифологические» времена, когда еще не было ни молитв, ни мифов и не существовало еще самого представления о божестве. В соответствии с этим он выдвигал положение, что не заговоры развились из молитв, но молитвы из заговоров. Он указывал, что обрядовые песни-игры, связанные с годовым календарным циклом, не заключают в себе никаких молитвенных обращений, что они вовсе не являются молитвами-мифами-величаниями. Эти песни-заклинания, писал о них О. Миллер «...были первоначально только подражанием тому, что замечали в природе, подражанием, имевшим в виду вынудить у нее повторение тех же явлений...».⁶

Впрочем, О. Миллер, уступая воздействию А. Н. Афанасьева, усматривал в «небесных атмосферических явлениях» борьбу светлых и темных небесных существ и весенние обрядовые игры истолковывал не натуралистически (как простое подражание явлениям природы с целью вызвать их появление), но мифологически (как символическое соучастие в борьбе небесных существ).

Эта же двойственность характерна также и для Н. Крушевского. В своих толкованиях заговоров он еще целиком следует за Афанасьевым. В каждом из заговоров он готов видеть миф о грозе и в каждом из заговорных персонажей — бога громовика. Но вместе с тем он уже совершенно ясно сознает всю условность и относительность подобных мифологических толкований. Схематизм мифологической школы его уже не удовлетворяет. У него возникает сомнение: можно ли все разнообразие содержания заговоров всегда сводить к одному и тому же грозовому мифу? Подобно О. Ф. Миллеру, он выступает против мнения Афанасьева, что заговоры — это молитвы. Для Крушевского заговоры — это не молитвы, но пожелания. Он предлагает определение заговора полемически заостренное против афанасьевского определения заговора как мифа-молитвы: «Заговор есть выраженное словами пожелание, соединенное с известным обрядом или без него, пожелание, которое должно непременно исполниться».⁷ Заговор первоначально пожелание-чара — вот тезис, который выдвигает Н. Крушевский, противопоставляя чару молитве, психологическое определение заговора как пожелания — мифологическому определению заговора как мифа-молитвы-величания. Именно этот тезис,

⁶ Миллер О. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. 2-е изд. СПб., 1866, вып. 1, с. 84.

⁷ Крушевский Н. Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшава, 1876, с. 23.

высказанный Крушевским, и определил весь дальнейший ход исследовательской работы над заговорами от А. А. Потебни до позднейшей работы Н. Ф. Познанского, появившейся в 1917 г.: заговор это не просьба-молитва-величание божества, но пожелание-чара, никакого отношения не имеющая к божеству, сама в себе заключающая силу своего непосредственного осуществления. Определение заговора как пожелания-чары дополняется у Крушевского указанием на форму заговора, на его морфологическую структуру, на роль сравнения в заговоре. «Заговоры состоят из сравнений», — заявляет Н. Крушевский, приводя ряд заговоров, в которых «...вся сущность состоит в сравнении желаемого с чем-либо подобным, уже существующим».⁸ Впрочем, из своих наблюдений Крушевский не делает никаких общих выводов. Указание на роль сравнения и определение заговора как пожелания-чары остаются у него отдельными частными наблюдениями, разрозненными высказываниями, не сведенными в систему.

То, чего не сделал Крушевский, довершает А. А. Потебня.⁹ То, что у Крушевского оставалось в виде отдельных разрозненных высказываний, у Потебни превращается в звенья единой цепи. Эпизодические наблюдения приобретают вид стройной, продуманной, законченной системы, самым тесным образом увязанной со взглядами ассоцианистической школы в психологии (Гербарт, Лотце). Определение заговора как пожелания А. А. Потебня связывает с указанием на сравнение как на своеобразную форму заговора: «Мне кажется, основную форму заговора лучше определить так: это — словесное изображение сравнения данного или парочно произведенного явления с желанным, имеющее здесь целью произвести это последнее...».¹⁰ Вопрос о сущности заговора обращается, таким образом, в вопрос о сущности сравнения, — происходит резкий поворот от мифологического понимания заговора к формалистическому и психологическому. Мифологическому определению заговора как мифа-молитвы противопоставляется формалистическое определение заговора как сравнения и психологическое определение сравнения как ассоциации.

Подобно О. Ф. Миллеру А. А. Потебня и затем Ф. Ю. Зелинский, развивший и систематизировавший взгляды Потебни на заговоры, утверждали «до-мифологический» характер заговоров. Они отстаивали мнение, что заговоры образовались независимо от таких понятий и представлений развитой мифологии, как божество, молитва и миф. «...молитва и заговор... две вещи со-

⁸ Там же, с. 27.

⁹ Потебня А. А. 1) Малорусская народная песня по списку XVI в. Текст и примечания. Воронеж, 1877, с. 1—53; 2) Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 615—621.

¹⁰ Потебня А. А. Малорусская народная песня..., с. 21.

вершенно противоположные...», — писал Зелинский.¹¹ Заговор «существовал уже тогда, когда мифы еще не создавались».¹² Чтобы уяснить сущность заговора, утверждал Зелинский, нужно обратиться не к мифу и эпосу, но к элементарным и первичным состояниям человеческого сознания, из которых возникает и миф и эпос. Для мифологов, связывавших заговоры с развитой мифологией, вопрос о взаимоотношении обряда и слова в заговорах не представлялся существенным. Напротив, А. А. Потебня, Ф. Ю. Зелинский, а за ними впоследствии и Н. Познанский сосредоточили свое внимание именно на этой проблеме. Мифологи держались мнения, что развитие заговоров шло от молитвы к заговору. А. А. Потебня и Ф. Ю. Зелинский в свою очередь утверждали, что развитие заговоров шло от чар к заговорам. Заговоры возникли, по утверждению Потебни, Зелинского, из чар, а чары в свою очередь — из приметы. В основе заговоров лежит, утверждали они, не молитвенное обращение к языческим стихийным божествам, но примета, простое восприятие явлений, ассоциация как первичная психологическая функция человеческого сознания, свойственная человеку еще на до-языковой стадии его существования. «...определить примету нужно так: это — первый член ассоциации, в которой при появлении первого члена ожидается появление второго».¹³ В этом же плане дается определение чар: «Чары, это — первоначально-деятельное умышленное изображение первого члена заранее готовой ассоциации (именно того, с чем было сравнено желанное), имеющее целью вызвать появление второго члена, т. е. сравниваемого и желанного».¹⁴ Из приметы рождается чара; из чары заговор. Если чара — это примета, выраженная в действии, то заговор — это словесно выраженная чара, «словесное изображение сравнения», как определил А. А. Потебня заговор. Заговор развился из чары как словесное выражение последней: «Действие, сопровождающее здесь заговор, представляет простейшую форму чар».¹⁵ Прилет жаворонков — примета прихода весны; в свою очередь обычай печь жаворонки из теста и подбрасывать их в воздух, чтобы ускорить наступление весны, — является чарой, непосредственно, как замечает Зелинский, вырастающей из приметы. Но, если чару выразить в словесной формуле, присоединить к обрядовому действию словесную формулу, мы получим заговор: «Мы выразили на словах чару и ее цель и получили формулу заговора».¹⁶

Сравнение, ассоциация, примета и чара — таковы те основные элементы, из которых психологическая школа строила свое уче-

¹¹ Зелинский Ф. Ю. О заговорах. (История развития заговора: главные его формальные черты). М., 1897, с. 4.

¹² Там же, с. 13.

¹³ Там же, с. 19.

¹⁴ Потебня А. А. Малорусская народная песня... с. 23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зелинский Ю. Ф. О заговорах, с. 24.

ние о заговорах, характеристику их сущности и определение процесса их развития. Потебня исходил из формальных элементов заговора, из определения морфологической структуры заговора, а вовсе не из конкретного его содержания или же исторических и этнографических данных о заговоре. Поэтому, когда Потебня затронул вопрос о том, как же возникает содержание данного заговора, чем оно обусловлено и как оно строится, то ему пришлось сослаться на случайность, на то, что сравнения и образы появляются в заговорах в результате случайной ассоциации. Случайно возникшая ассоциация приводит, по мнению Потебни, к образованию заговора: «Человек замечает, что сучок в сосне засыхает и выпадает и что подобно этому в чирье засыхает и выпадает стержень. Первое приводит ему на мысль второе, и наоборот... Поэтому он берет сухой сук, сам собою выпавший из дерева, для укрепления связи сука с чирьем очерчивает суком чирей и говорит: „Как сохнет сук, так сохни чирей, веред“». ¹⁷ Случайно усмотренное отношение, например конского прикола и сидения маток в пасеке, приводит, по мнению Потебни, к созданию соответствующего заговора, которым пользуются пчеловеды, чтобы обеспечить сидение маток в улье, — мнение, конечно, неправильное, потому что каждое сравнение в заговоре, каждый заговорный образ, как мы увидим дальше, тесно связан с практической целью заговора, ею обусловлен и из нее возникает.

Психологический, ассоцианистический формализм Потебни — Зелинского не дал конкретно-исторического решения вопроса ни о происхождении, ни о сущности заговора. Ссылка на случайность, на до-языковую стадию, на то, что «заговор возник из несложных психологических причин», ¹⁸ по существу является отказом от ответа, признанием невозможности на почве данной теории дать удовлетворительный ответ относительно того, как возникает, образовывается и строится заговор. Ведь не только заговоры, но и каждое другое фольклорное явление (да и не только фольклорное) зарождается в конечном счете на до-языковой еще стадии, восходит так или иначе к «простым и непосредственным восприятиям явлений».

Н. Познанский, книга которого о заговорах вышла в 1917 г., сделал попытку устранить ассоцианизм и формализм из теории Потебни—Зелинского, построить «генетическую» теорию заговоров, исходя из общего положения, выдвинутого Потебней и Зелинским, что заговоры возникли из чар, но совершенно независимо от каких-либо ссылок на ассоцианизм и на определение приметы и чары как ассоциации. Для Познанского, как и для Потебни и для Зелинского, наиболее существенное в заговорах — это связь слова с действием. Подобно Потебне—Зелинскому, Познанский рассматривает эту связь как генетическую, относя чары к более

¹⁷ Потебня А. А. Из записок по теории словесности, с. 619.

¹⁸ Зелинский Ю. Ф. О заговорах, с. 35.

ранним, а заговоры к более поздним ступеням развития. Обрядовое действие и словесную чару он рассматривает как «виды заговора, стоящие на различных ступенях эволюции». Первичные формы, пишет Н. Познанский, «состояли из простого действия».¹⁹ Чарование действием — это первая ступень. «Вторая ступень уже сопровождается словом».²⁰ Причину появления словесного текста при заговорном действии Н. Познанский усматривает в постепенном забывании первоначального смысла действия. Он ссылается на забывание первоначального смысла совершаемых обрядовых действий, чар как на обстоятельство, обусловившее, по его мнению, развитие из чар заговоров: «...обряд потребовал объяснения, так как стал забываться его первоначальный смысл».²¹ «Слово первоначально только поясняло действие», — пишет Н. Познанский.²² В дальнейшем в результате сосуществования в заговорах словесной формулы и обрядового действия последнее, по мнению Познанского, начинает отмирать и словесная формула продолжает развиваться уже без всякого отношения к обряду. Такова вкратце «генетическая» теория заговора у Н. Познанского. В ней уже нет ссылок на ассоциацию и ассоцианизм; автор уже не видит в сравнении сущности заговора; чтобы объяснить возникновение при чарах словесных формул, он выдвигает новую аргументацию, ссылается, как мы уже видели, на забывание.

Изменение надстроечных элементов в процессе исторического развития, конечно, не может быть ни объяснено, ни сведено к «забыванию». Забывание не могло обусловить переход от одной «ступени эволюции» к другой, оно не могло привести к изменению фольклорных типов, вызвать появление при чаре словесной формулы. Вообще совершенно неправильна мысль, будто бы забывание само по себе может быть действенным, ведущим фактором в процессе исторического развития фольклора. Тем более что словесный текст, который присоединяется к действию-чаре, вопреки мнению Н. Познанского не является объяснением действия-чары, но только словесным выражением обряда-действия-чары, что вовсе не одно и то же. К тому же, ссылаясь на забывание как на генетический фактор в процессе исторического развития фольклора, определяя словесную формулу при чарах как объяснительную, Н. Познанский не учел того, что словесное объяснение уже наполовину забытого смысла действия не может быть тождественно с первичным его смыслом.

Вопреки взгляду Н. Познанского действие и слово равноценны и равнозначны по своей функции как средства, приемы для достижения определенной практической цели: той же цели стре-

¹⁹ Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917, с. 152.

²⁰ Там же, с. 142.

²¹ Там же, с. 153.

²² Там же, с. 142.

мятся достичь равно при помощи чарования действием и чарования словом. В данном случае совершенно прав был Н. Крушевский, который указал, что классификация заговоров с точки зрения отношения в них слова и действия не отвечает взглядам «первобытного человека», что для последнего и слово и действие однозначно, одинаково материальны и существенны. Заговоры, отмечал Крушевский, могут быть разделены на словесные и на заговоры-чары, но это различие может иметь значение только для нас: «...в понимании первобытного человека такое различие не существует; для него слово было настолько же материально, насколько и другие действительно материальные предметы, употребляемые при заговорах».²³ Он пишет: «По убеждению первобытного человека, не только явление, существующее на самом деле, но и явление, существующее только на словах, должно произвести другое подобное на деле».²⁴

Психологическая школа возводила заговоры к элементарным состояниям человеческого сознания, к до-языковой стадии. Внимание сосредоточивалось на формально-психологической структуре заговора и к конкретному содержанию заговоров проявлялось пренебрежительное отношение. Потехня со всей определенностью заявлял о случайности этого содержания. Историко-сравнительная школа, напротив, центр тяжести перенесла на содержание заговора и мнению о случайности содержания противопоставила утверждение о текстовой четкости и завершенности словесных формул заговора. В основу исследовательской работы легли чисто текстологические изыскания. Текст заговора начал рассматриваться как исконная данность, бытующая в результате заимствования. Тезису о психологических основаниях заговоров был противопоставлен тезис о книжно-литературных источниках. И. Д. Мансветов, М. И. Соколов, А. Н. Веселовский и другие обращаются к изучению заговоров от лихорадки, так как именно эти заговоры более чем какие-либо другие обнаруживают сходство с византийской литературой, именно с апокрифическими молитвами и легендами о Сисинии.²⁵

В 1896 г. В. Ф. Миллер опубликовал статью: «Ассирийские заклинания и русские народные заговоры».²⁶ От Византии и ви-

²³ Крушевский Н. Заговоры..., с. 31.

²⁴ Там же, с. 27.

²⁵ Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах. — В кн.: Древности Московского Археологического общества. М., 1881, т. VIII; Веселовский А. Н. 1) Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883, вып. VI—X; 2) Заметки по литературе и народной словесности, в. 1 — Журнал Министерства народного просвещения, 1886, ч. VI, с. 288; Соколов М. И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. — Журнал Министерства народного просвещения, 1889, ч. VI, с. 339—368; Познанский Н. Сисиниева легенда — оберег и сродные ей амулеты и заговоры. — Живая старина, 1912, № 1, с. 95—116.

²⁶ Миллер В. Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры. — Русская мысль, 1896, кн. VII, с. 66—89.

зантийской литературы он обратился к Ассирии и к ассирийской клинописи. В. Ф. Миллер считал вполне возможным допустить «что кое-что в мифологии заговоров является сохранившимся по традиции отголоском иноземных верований, восходящих к халдейской религиозной системе».²⁷ И если Ф. Зелинский первоисточник заговоров открывал в приметах-ассоциациях первобытного дикаря, не переступившего даже еще до-языковой стадии, то В. Ф. Миллер источники заговоров усматривал в ассирийской и халдейской магической литературе, в магических ученых заклинаниях, записанных клинописью на глиняных табличках и хранящихся в дворцовой библиотеке царя Ассурбанипала (VII в. до н. э.). Сопоставляя русские заговоры и ассирийские заклинания, В. Ф. Миллер писал о последних: «По характеру заговоры были трех видов: прямые приказания, угрозы или молитвы. В заговорах первого типа, чрезвычайно сильных, преобладает категорическое повеление злему существу: „Уйди!“ — причем он заклинается именем разных богов».²⁸ Болезнь высылается из больного: «Болезни головы и недуги да улетят, как саранча, на небо, да унесутся, как птицы, в пространство»,²⁹ — приводит В. Ф. Миллер образец ассирийского заклинания с формулой изгнания, указав, что эта же формула свойственна также и русским заговорам. От типологического сходства В. Ф. Миллер заключил к исторической преемственности: «Не менее была распространена вера в силу узлов или повязок (наузов)... Завязывая узел и сопровождая это действие наговором, колдуны и колдуньи Ассирии и Вавилона наводили на людей порчу».³⁰ Сообщения о применении тех же средств встречаются в древней русской литературе. Заключительные формулы русских заговоров (типа: «этим моим словам ключ и замок») В. Ф. Миллер сопоставляет с такими же упоминаниями о ключе и замке в ассирийских заклинаниях.³¹

Сходство бесспорно и аналогии весьма близки. Но имеют ли эти «сравнительные» сопоставления конкретное историческое значение? Конечно, нет. В. Ф. Миллер указывает на сходство приведенных заговорных тем, но он не пытается на основании исторических и археологических данных проследить связи народов, населявших в VII в. до н. э. территорию современного юга СССР, с Малой Азией во времена Ассурбанипала, развернуть широкое и яркое полотно исторических отношений. В результате — лишённые исторической почвы сравнительные сопоставления виснут в воздухе, оказываются условными и бесплодными.

Бесплодность построений сравнительной школы нашла себе завершение во взглядах В. И. Мансикки.³² Делая попытки вскрыть

²⁷ Там же, с. 85.

²⁸ Там же, с. 73.

²⁹ Там же, с. 69.

³⁰ Там же, с. 71—72.

³¹ Там же, с. 82.

³² *Mansikka W. Über russische Zauberformeln...* Helsingfors, 1909.

книжно-литературные источники заговоров, Мансикка, задолго до Г. Науманна, сделал заключение о полном отсутствии в заговорах каких-либо элементов самостоятельного народного творчества. Он отрицает творческие импульсы у народа: народ, по мнению Мансикки, не творит. Заговоры, по утверждению Мансикки, являются продуктом творчества не народных масс, но духовных лиц, книжных начетчиков, церковной и околоцерковной среды. Даже названия языческих богов в заговорах Мансикка считает «учеными интерполяциями», внесенными при составлении заговоров в их текст духовными лицами. Все изложение у него пронизано мыслью, что заговоры возникли в результате распространения в массах произведений «ученой» литературы, что заговоры — это продукт разложения церковных молитв, христианских образов, книжных символов. Изменения, которые претерпевают заговоры, по его мнению, только сводятся к тому, что понятное некогда содержание заговоров становится с течением времени непонятым, красочное обесцвечивается, первичный смысл забывается и затемняется. Задача исследователя и заключается, по Мансикке, в том, чтобы проследить этот процесс затемнения, забвения, распада (*die Aufgabe der Forschung ist den Zerfallprozess zu verfolgen*).³³

Взгляды Мансикки реакционны. Если фольклористы предшествующего периода допускали возможность исследовать процесс эволюционного развития заговоров, если они говорили о развитии заговоров, о народных источниках заговоров, о народном творчестве, то Мансикка совершенно отрицает развитие заговоров. О развитии, по его мнению, не может быть и речи. Одно с другим связано: отрицание творческой фантазии народа, теория спуска, отрицание принципа прогрессивного развития, тезис о распаде. Деградация и распад — таков его окончательный отрицательный вывод.

Мансикка считал, что он идет за Веселовским. Упадочная антидемократическая концепция В. Мансикки не имеет ничего общего с глубокими принципиальными демократическими позициями этого ученого, современника Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Статья А. Н. Веселовского «Заметки и сомнения в сравнительном изучении средневекового эпоса», появившаяся в 1868 г., в которой затрагивается вопрос о сущности и происхождении заговоров, не потеряла своего интереса до наших дней. Оспаривая господствовавшее мнение о реликтовом характере заговоров, А. Н. Веселовский утверждал, что «фантазия» «средневекового человека» творила без всякого отношения к «затаенной внутри мифической основе». Творческая фантазия средневековья не была связана, как выражается Веселовский, «с внутреннею потребностью точно выразить содержание

³³ Мансикка употребляет тот же термин «распад», который впоследствии выскажет Г. Науманн.

поблекшего мифа».³⁴ А. Н. Веселовский решительно возражает против «реликтовой» концепции заговоров, против взгляда, что все в заговорах является продуктом реставраторства, не создания, а воссоздания. Если Афанасьев исходил из утверждения, что заговоры это, мол, всего только простые и непосредственные «отголоски поэтических воззрений глубочайшей древности», то Веселовский, напротив, исходил из тезиса о самостоятельности средневекового мифотворчества. Веселовский средневековье определяет как «вторую пору великого мифического творчества».³⁵ Он пишет: «Мифологический процесс с прежнею силой продолжал совершаться в уме средневекового человека».³⁶ «С установлением этого принципа не все, казавшееся странным и непонятным под христианской личиной, будет, как прежде, манить исследователя к мифологическому толкованию, т. е. в смысле древнего мифа, который будто бы скрыт под новым образом».³⁷ Тезису Буслаева — заговоры идут непосредственно от языческого периода — А. Н. Веселовский противопоставил тезис, что заговоры создавались непосредственно на почве христианского суеверия. А. Н. Веселовский приложил много труда и усилий, чтобы показать развитие средневекового суеверия на средневековой же почве.³⁸ «Если, — пишет Веселовский, — старые мифические черты могли проникнуть там и сям в эти новые создания христианского эпоса, то не иначе, как в виде исключения, а не как момент, определяющий развитие... Во вторую пору великого мифического творчества, которое мы зовем средними веками, он (мифологический процесс, — В. П.) мог создать ряд христианских мифов, в которых вследствие единства психического процесса могли самостоятельно воспроизвестись образы и приемы языческого суеверия».³⁹ Причина сходства архаичных средневековых заговорных формул, по Веселовскому, заключается исключительно в том, что мифический процесс творит при сходных условиях и отливается в одинаковых формах и что, как в былые времена, он произвел богатство языка и натуралистического мифа, так он продолжает творить и в века позднейшие, на других почвах, определяясь уже не от первичных впечатлений и непосредственного знания, а от того богатства объективного знания, которое накопилось в человечестве веками. В качестве примера Веселовский останавливается на заговорах такого типа, как «три добрых брата» (*tres buoni fratres*), «Лонгин был еврей» (*Longinus fuit hebraeus*), «Христос и Сикст шли

³⁴ Веселовский А. Н. Заметки и сомнения в сравнительном изучении средневекового эпоса. — Журнал Министерства народного просвещения. 1866, ч. XI, с. 289.

³⁵ Там же, с. 290.

³⁶ Там же, с. 293.

³⁷ Там же, с. 290.

³⁸ См., например: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III. — Зап. Академии наук, 1881, № 4, т. LX. Приложение, с. 1—46.

³⁹ Веселовский А. Н. Заметки и сомнения... с. 290.

по дороге... Христос сказал Сиксту» или «Петр, Михаил и Стефан проходили по дороге» и т. д. Эти заговоры, часто попадающиеся в латинских и старо-итальянских рукописях XIV—XV вв., весьма напоминают северный древнеязыческий заговор VIII столетия в «Мерзбургских отрывках», где повествуется, что «когда-то Водан и Бальдер отправились в лес; конь Бальдера вывихнул ногу; заговаривают ее Синтгунт и Сунна, Фруи и Фолла; одному Водану удался заговор».⁴⁰ Веселовский пишет: «Три монаха и странствующие святые средневековых заговоров... столь похожи на древние языческие заклятия не потому, что повторяют их в новой форме, а вследствие самостоятельного воспроизведения мифического процесса на христианской почве».⁴¹

Обращение к историческим данным подтверждает тезис А. Н. Веселовского о самостоятельности средневекового мифотворчества, хоть и не всегда и не всюду на христианской почве, как полагал А. Н. Веселовский.

2

Наиболее древними русскими свидетельствами о заговорах являются летописные упоминания под 907, 945 и 971 гг. о клятвах, произносившихся при заключении мирных договоров с греками. При совершении торжественного клятвенного обряда дружинники, «некрещеная Русь», во главе с князем шли на холм, где стоял Перун, складывали свое оружие (обнаженные мечи, щиты и стрелы), снимали с шеи золотые обручи и произносили над оружием словесную клятву. Клялись богами и оружием. «А не крещенье Русь полагають щиты своя и мече свое наги (т. е. обнаженные, вынутые из ножен, — В. П.), обруче свое и [прочая] оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатыи сеи».⁴² Так же точно описывает летопись обряд клятвы в другом месте: «И наутрия призва Игорь слы и приде на холм, кде стояше Перун и покладаша оружие свое и щиты и золото; и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых Руси». Упоминание об оружии, щитах и золоте в описании совершавшегося обряда раскрывает нам содержание словесного текста Святослава в записи 971 г.: «Да имеем клятву от бога... и да будем золоти, яко золото, и своим оружием да иссечени будем».⁴³

Приведенные краткие и беглые летописные известия имеют совершенно исключительный исторический интерес: они подтверждают, что в X в. существовали заговоры и клятвы, тождественные как по форме, так и по содержанию с позднейшими за-

⁴⁰ Там же, с. 286.

⁴¹ Там же, с. 291.

⁴² Летопись по Лаврентьевскому списку, под 945 год. — В кн.: Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л., 1926, стлб. 53 и разночтение 13.

⁴³ Там же, стлб. 73 и разночтения 11 и 12.

говорами. Это были сжатые, короткие формулы, соединявшиеся с обрядовым действием и представлявшие словесное выражение этого последнего, иногда в форме образного сравнения (по формуле «как—так»).

В литературных памятниках последующих веков (XII—XV столетий) мы находим разнообразные и многочисленные свидетельства о заговорах, упоминания о бабах-чародейках, о чаровницах, шептаниях, примольвляниях, чарах, ношении амулетов, смывании болезней, сплевывании, вязании узлов («наузов») и т. д. В «Слове о злых дусех» Кирилл Туровский (XII с.) укоряет тех, которые, «оставив бога... ищут проклятых баб чародейц, наузов и слов прелестных слушают... Баба начать на дети наузы класти, смеривати, плююще на землю, рекъше беса проклинает».⁴⁴ В 1410 г. митрополит Фотий предписывал, чтобы «...басней не слушали, лихих баб не принимали, ни узлов, ни примольвления, ни зелия, ни ворожения...»⁴⁵ Из «Сказания» Андрея Курбского (XVI в.) мы узнаем, что в это время было в обычае «приводити себе на помощь» в случае болезни «презлых, чаровников и баб, смывалей и шептуней и иных различными чарами чарующих»...⁴⁶ В XVII в. известный проповедник и литературный деятель Сильвестр Медведев держал при себе «волхва», некоего Дмитрия Силина, который занимался астрологией и предсказывал будущее («на солнце смотрит и узнавает в солнце, — кому что будет»); занятия астрологией Д. Силин соединял с врачеванием («узнавал в животе болезнь»; «да он, Силин же, у младенцев уговаривает грыжи и от ускопу, или меж мужа и жены совету не будет — помогает»)⁴⁷ Это сообщение позволяет судить о диапазоне знахаря-профессионала XVII в.

Церковь и государство в XVI—XVII столетиях вели решительную борьбу с колдовством, со всем тем, что так или иначе пыталось противопоставить себя церкви, официальному культу и узаконенным служителям культа. Окрепшая государственная власть в тесном союзе с церковью во всеоружии уголовной репрессии выступает против «волхвов», «колдунов». XVII век — это столетие знахарских процессов, по преимуществу.⁴⁸ До нас дошли грозные указы 1653 г. на имя воевод в Карпове, Мосальске, Ми-

⁴⁴ Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 2. — В кн.: Записки Московского Археологического Института. М., 1913, т. XVIII, с. 71, 70 (Слово Кирилла Туровского «О злых дусех»).

⁴⁵ Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных. — В кн.: Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб., 1880, т. VI, стлб. 274 (далее РИБ).

⁴⁶ Курбский А. История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского, т. 1. — В кн.: РИБ. СПб., 1914, т. XXXI, стлб. 291—292.

⁴⁷ Труворов А. Н. Волхвы и ворожеи на Руси, в конце XVII века. — Истор. Вестник, 1889, т. VI, с. 714.

⁴⁸ Ценнейшие с исторической точки зрения документы, судебные дела XVII в., собраны в книгах: Новомбергский Н. 1) Колдовство в Московской

хайлове, Туле, на Осколе, где говорилось, что «многие незнающие люди, забыв страх божий, держат отреченные еретические и гадательные книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы». В 1555 г. в приговорной грамоте Троицко-Сергиева монастыря крестьянам приказывалось не держать в волости «ни волхвей, ни баб ворожей» под угрозой с сотского и каждых ста человек «взяти пени десять рублей денег; а скомороха, или волхва, или бабу ворожею, бив до ограбив, да выбити из волости вон».⁴⁹ Какой размах приобретали в XVII в. судебные дела о колдовстве, можно видеть из того, что по делу бабы ворожейки-татарки в 1630 г. к процессу было привлечено 36 человек; по делу Тимошки Афанасьева с сыном Ларькой в 1647 г. — 47 человек; в 1648 г. по делу Первушки Петрова — 98 человек; в том же году по делу «женки Дарьицы» — 142 человека; в 1649 г. по делу «женки Анютки Ивановой» — 402 человека; а по делу Умая Шамордина в 1664 г. было допрошено 1452 сумских жителя. И это не случайно. Это не только проявление энергии приказных крючкотворцев, но и выражение того всеобщего распространения чар, колдовства, заговоров, которое так характерно для XVII в. Не только профессионалы волхвы и знахари владели искусством заговора; но и непрофессионалы пользовались заговорами и применяли их в разных случаях жизни. К заговорам обращались люди разных сословий и званий. Судебные дела XVII в. свидетельствуют, что в феодально-крепостном обществе заговоры не были принадлежностью какого-либо отдельного класса или социальной группы. Они были принадлежностью всех классов. Представители всех классов верили в заговоры, пользовались ими, прибегали к ним и применяли их. Заговор был общебытовым явлением, широко охватывавшим все житейские обстоятельства и глубоко проникавшим во все поры жизненных отношений. «Заговорное знание» было распространено в разных сословиях: дворцовая боярыня, священник, скотник, боярский сын, работница — все запасались волшебным орудием и при случае пользовались им».⁵⁰

Судебные дела XVII в. свидетельствуют также, что заговорные формулы и действия были в высшей степени просты и несложны. Это короткие с общежитейским, обыденным, очень простым содержанием формулы, обычно соединявшиеся с каким-либо действием или применением предмета, по существу безвредного,

Руси XVII века. СПб., 1906; 2) Слово и дело Государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1909—1911, т. I—II; *Елеонская Е. Н.* Заговоры и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях. — Русский архив, 1912, т. 4, с. 611—624; Тр. этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. СПб., 1877, т. I, вып. 2, с. 319—454; СПб., 1872, т. III.

⁴⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836, т. 1, с. 267.

⁵⁰ *Елеонская Е. Н.* Заговоры и колдовство на Руси..., с. 616.

неспособного ни причинить вред, ни принести пользу. Иногда эти заговорные формулы XVII столетия представляли собою только простое выражение желания, как, например, «чтобы де им до замужества теми руками ни ткать, ни прять». Иногда пожелание осложнялось сравнением: «Как мертвый не встает, так бы он не вставал; как у него мертвого тело пропало, так бы он пропал вовсе». Некрасова жена Дарьца «на того Евтифея похвалилася: и сделаю его такова черна, как в избе черен потолок и согнется так, как серп согнулся. И после-де той Дарьцыной похвалы тот Евтюшка заболел вскоре и три года ходя сох и сохи умер».⁵¹ Столь же проста и несложна была словесная формула, произнесенная Аринкой, работницей, злоумышлявшей на попадью и для этого укравшей у попадьи кокошник да подбрусник. «...кокошник и подбрусник... свекровья ее велела положить под столб и говорить: „Каков де тяжел столб, так де бы и попадье было тяжело“».⁵² Несложность словесного текста и действия была не исключением, но правилом. Чтобы испортить человека, достаточно было бросить под ноги ему «сухую щепку». Один крестьянин жаловался на некоего Тимошку, что этот «Тимошка о свадьбе испортил его сына... Мишку... вышел из ворот и кинул под него щепку».⁵³ В 1705 г. в Каменецком магистрате обвинялась в колдовстве Гапка Мельничка, посоветовавшая кухарке войта Гржибовского зарыть под порогом железо от плуга и при этом говорить: «Чтобы господь давал им (хозяевам) здоровье на многие лета; чтобы ничто не вредило им, как не вредит этому железу; чтобы здоровы были, как это железо, которые будут через него переступать».⁵⁴

Е. Н. Елеонская писала о заговорах XVII в.: «Простота приведенных заговорных речений заставляет предполагать, что многие из них составлялись тотчас, как только в них являлась нужда».⁵⁵ Показания обвиняемых на суде говорят об этом со всей определенностью. Некий Несторка на допросе показал: «...те де стихи (заговоры, — В. П.) даны ему от бога просто, никто де его Несторку не учивал, и людей сам он Несторка... никого не учивал».⁵⁶

Конечно, все это не значит, что рядом с простыми заговорами не существовало сложных или что рядом с творимыми и создававшимися по данному поводу заговорами не было заговоров, заимствованных или восходящих к книжным источникам или же унаследованных от глубокой древности, восходящих к древнеславянским и даже до-славянским временам, что не было заговоров,

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 613.

⁵³ Там же, с. 614.

⁵⁴ Тр. этнографическо-статистической экспедиции..., т. 1, вып. 2, с. 339 (далее — *Чубинский*).

⁵⁵ *Елеонская Е. Н. Заговоры и колдовство на Руси...*, с. 613.

⁵⁶ Там же, с. 616.

передававшихся из поколения в поколение, хранившихся в семьях, переходивших от матери к дочери, от свекра или свекрови к невестке, от сестры к сестре, от знахаря к знахарю.

Существовали «ученые» заговоры, заговоры, записываемые в «тетради», вычитанные и списанные, переданные по традиции, позволяющие вскрыть книжные источники. Существовали заговоры, близкие к церковным молитвам-заклинаниям, как, например, помещенные в изданном в 1641 г. в Киеве «Большом требнике» Петра Могилы, где содержатся молитвы «на случай», по существу те же заговоры, только слегка прикрытые церковной оболочкой. Но судебные процессы XVII столетия подтвердили, что не эти «ученые» заговоры преобладали в широких и разносословных массах. Напротив, заговоры как массовое явление были просты и несложны.

Социальные условия крепостного общества, суровый гнет помещицкой власти, классовое угнетение создавали ту почву, на которой полным цветом расцветало «заговорное знание». «Из домашнего тупика не было выхода. Власть помещика над дворовыми, мужа над женою и детьми была до такой степени грозною, что ухватавались за всякое средство смягчить ее».⁵⁷ Если к заговору прибегала работница, чтобы навести «порчу» на хозяев, крестьянин, чтобы избавиться от жестокого помещика, дворовые, чтобы «извести» господина, то в свою очередь процессы о колдовстве были мощным орудием классового преследования в руках привилегированных классов и сословий феодального общества. Кара усугублялась ради сохранения гарантий безопасности привилегированных сословий. Наказание усиливалось, когда обвинителем против «чародея» являлось лицо дворянского звания. В конце XVIII в. в окрестностях Кракова по приговору помещицкой суда сожжено было 14 женщин, заподозренных помещиком в причинении болезни его жене посредством чародейства.⁵⁸ В 1730 г. помещик Лука Малинский представил в Кременецкий магистрат свою крепостную Мотрону Перистую, обвиненную им в чародействе, с требованием, чтобы с нею было поступлено по всей строгости закона. Свидетели со стороны помещика показали, что эта крепостная крестьянка говорила, обращая против помещика заговорную формулу: «Тогда твои средства поправятся и отдашь замуж дочерей своих, когда волосы вырастут у тебя на ладони. Ты будешь наг и беден подобно тому, как нага ладонь твоя».⁵⁹ Содержание этой заговорной формулы, за произнесение которой обвиняемая крепостная крестьянка поплатилась головой, было подсказано классовой ненавистью к помещику; оно вылилось непосредственно из стихийного чувства возмущения угнетателями. Формула заговора предельно реалистична.

⁵⁷ *Новомбергский Н.* Колдовство в Московской Руси... , с. 54.

⁵⁸ *Чубинский*, с. 326.

⁵⁹ Там же, с. 351.

Было бы ошибочно думать, что XVII в. был каким-либо исключительным явлением, временем особенного распространения заговорного знания, каким-то кульминационным пунктом в развитии заговоров, как, например, полагает Е. Н. Елеонская, которая пишет: «Семнадцатый век в истории колдовства и заговора на Руси может считаться последним временем его значительности. Заговор — эта яркая бытовая черта всего русского общества 17-го века — постепенно тускнеет и рамки его распространения суживаются».⁶⁰ Это, конечно, неверно, потому что социальные условия, порождавшие широкое распространение заговоров, оставались такими же и в XVI, и в XVII, и в XVIII в. Крепостной строй оставался крепостным строем. «Процессы о колдовстве не остановились на пороге XVII в. . . , но перешагнули этот рубеж и двинулись еще дальше», — пишет Н. Новомбергский.⁶¹ Основная масса дел, исследованных В. Б. Антоновичем и приведенных им в его работе, принадлежит XVIII в.

Материалы, относящиеся к первой половине XIX столетия, указывают, что заговоры и знахари оставались характерной и своеобразной принадлежностью не только крестьянского, но и помещичьего быта крепостной России даже в это время. В заговоры верили и к ним прибегали не только крестьяне, но и помещики. Заговоры не были исключительной принадлежностью крестьянского фольклора. П. Ефименко свидетельствует, что в первой половине XIX столетия на Украине «старинные тетрадки с заклинаниями были распространены преимущественно именно среди мелкопоместных помещиков, мещан, казаков, а не крестьян».⁶²

Насколько заговоры, шептания, знахари были распространенным явлением в помещичьем и крестьянском быту первой половины XIX столетия, видно из сообщения В. Даля: «Кто в деревнях не знает заговора от червей? У какого помещика нет на это известного старика, который спасает летом и крестьянскую и господскую скотину от этого бича? Дело это вообще известно под выражением: заламывать траву. Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинник, или будак (*carbius spicus*, *s. benebictus*), заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, говорит: «Ты трава, богом создана, имя тебе мордвинник; выведи червей из пегой яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену».⁶³ В. Даль — человек образованный; он вписывает латинское название травы, но он вполне верит в силу заговора. Он верит, что помогает именно заговор, заговорное заламывание травы, поскольку ни разу не па-

⁶⁰ Елеонская Е. Н. Заговоры и колдовство на Руси. . . , с. 624.

⁶¹ Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси. . . , с. 31.

⁶² Ефименко П. С. Сборник малорусских заклинаний, с. II (далее — Ефименко).

⁶³ Даль В. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. 2-е изд. СПб., 1880, IV. Заговоры, с. 32—50, X. Порчи и заговоры, с. 65—79 (далее — Даль).

блюдал, чтобы знахарь употреблял какое-либо зелье или снадобье, «а скотина нередко ночевала у нас под замком». ⁶⁴ Со всей серьезностью, в какой нет ни капли сомнения или скепсиса, Даль уточняет свое сообщение: «...заговор от червей составлен для скотины и лошадей; если ж барин принудит знахаря заговорить червей на собаке, то это на сей раз удается, но вперед уже черви нпкогда этого знахаря не послушаются». ⁶⁵

Условия на крепостной фабрике были те же, что и в крепостном селе. В. Даль о положении с медицинской помощью рабочим в случае увечья в его время на уральских заводах пишет: «На заводах уральских есть особый способ заговаривать кровь, если во время работы кто-нибудь по неосторожности бывает сильно ранен... Если кто порубится или порежется сильно при работе, то на заводах есть для этого так называемая „тряпка“... ее немедленно приносят, наполняют кровью из раны и просушивают исподволь у горна или печи, на огне. Как тряпка высохнет, так, говорят, и кровь должна остановиться». ⁶⁶ Беспомощность, угнетение, бесправие, помещичий гнет, суровая и дикая эксплуатация заставляли прибегать к таким средствам, как описанный у Даля. Единственное средство в случае увечья на производстве: чары, заговоры, наговоренная тряпка.

Вместе с остатками феодально-крепостного строя заговоры сохранялись даже в XX столетии. Нарастание пролетарской революции, пролетаризация крестьянства, связь с городом, обострение классовой борьбы, события 1905 г. обусловили огромные сдвиги в деревне. Н. Н. Виноградов, собиравший заговоры в Костромской губернии вскоре после 1905 г., должен был констатировать, что «...собиратель произведений народного творчества лишь изредка кое-где еще может натолкнуться на случайно заполненный заговор (по большей части обрывок) или как-нибудь уцелевшую тетрадку. Уцелевшую обыкновенно, потому что бумага ее по своей толщине не годится на цыгарки... Заговоры стали редки... Заговоров стало меньше. В очень многих местностях (я здесь имею в виду преимущественно Костромскую и отчасти смежные губернии) с развитием грамотности и увеличением числа школ совершенно исчезла вера в целебную силу заговора... В это больше не верили. Постепенно перемерли все эти „колдуны“ и „ведуны“, „ворожеи“ вместе с „колдуньями“, „ведуньями“ и „ворожеями“... Вместе с колдунами исчезли и их заговоры, наговоры и приговоры». И далее он пишет, что самые заговоры уже значительно разложились и что через несколько лет в данной местности исчезнут всякие следы заговоров, как в настоящее время иссякла всякая вера в их целебное значение. ⁶⁷

⁶⁴ Там же, с. 41.

⁶⁵ Там же, с. 35.

⁶⁶ Там же, с. 70.

⁶⁷ Виноградов Н. Заговоры, обереги и спасительные молитвы. СПб., 1908—1909, вып. I—II, с. 3 и 89 (далее — Виноградов).

Однако это вовсе не значит, что заговоры совершенно исчезли в начале XX столетия. Вместе с прочими пережитками докапиталистического и капиталистического строя в сознании заговоры продолжали удерживаться даже после Великой Октябрьской социалистической революции.

3

Заговоры применялись во всех случаях и обстоятельствах жизни, как личной, так и хозяйственной и социальной: в случае болезни, неудачи в торговле, когда шли на суд, при падеже скота, чтобы вызвать любовь у женщины или же избавиться от любовной тоски, при выгоне скота в поле, перед началом кулачного боя и т. д. Заговоры проносились заблудившимися в лесу против лешего, против домового, против русалок. Существовали заговоры на выживание кикиморы, чтобы рожь хорошо росла, чтобы петух двора держался, чтобы лошади не выходили с паствы на другое место, при отыскивании кладов, от сглаза, от пули, чтобы свадьбу расстроить или, напротив, укрепить. Наиболее распространенный вид заговоров — заговоры против болезней. Из 372 заговоров, помещенных в собрании Л. Н. Майкова,⁶⁸ 275 относятся к числу последних.

Заговоры против болезней составляют наиболее типичную и своеобразную группу по характеру представлений и действий, с ними связанных. На этих заговорах мы по преимуществу и остановимся.

Болезнь представлялась в заговорах как личное существо, вполне телесное и материальное. Она приходит, овладевает человеком, мучит, грызет его, «ест». Человек заболел — это значит, что болезнь избрала его своим местопребыванием. Представление о болезни носило личный характер, представление о причине заболеваний — пространственно-локальный: болезнь приходит. Одно с другим связано: представление о болезни как личном существе; понимание заболевания как возникающего в результате прихода болезни. Этот взгляд на сущность заболевания прекрасно выражен в одном украинском поверье, приводимом Милорадовичем: «Лихорадка бува од того, що лижий дух убереться в середину, та й трясе».⁶⁹ Отсюда соответствующее обращение к болезни как к определенной личности: «матка», «сестра», «кумажа», «тетка», или же вне семейно-родственной номенклатуры: «благая», «добруха», «старуха», в третьем лице «она». Болезнь представлялась не только в антропоморфном, человеческом виде, но и зооморфном, в виде животного. Так, например, иногда лихорадку изображали в виде старухи, иногда — девицы с огненными

⁶⁸ Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб., 1868 (далее — *Майков*).

⁶⁹ Милорадович В. Народная медицина в Лубенском у. Полтавской губ. — Киевская старина, 1900, вып. 1, с. 111 (далее — *Милорадович*).

волосами. По сообщению П. Чубинского, «холеру представляют в виде женщины, расхаживающей по селеньям и городам, в одной рубашке, с распущенными волосами».⁷⁰

Такова система основных представлений, связь отдельных звеньев, обуславливающих возникновение и применение заговоров, тот круг идей и взглядов, из которых вытекает образование заговоров и пользование ими: антропоморфное и зооморфное представление о болезни (как о существе); пространственное понимание причины заболевания («болезнь приходит»), семейно-родственное обозначение болезни («мать», «сестра», «тетка» и т. д.).

Пользование заговором совершенно последовательно вытекало из наличия указанных представлений. Совершенно естественно, если болезнь — это некоторое существо, которое вошло внутрь человека, обратиться к ней с просьбой уйти, оставить больного. В заговоре от болезни горла — эта болезнь в соответствии с зооморфным ее олицетворением называется «жабой» — к жабе обращались: «Пришла жаба добром и отойди, жаба, добром...» (Майков, 101). В случае заболевания чирьем чирьи обводили углем, затем, бросая уголь на опашку, приговаривали: «Откуль пришел, туда и пойди» (Майков, 135). С болезнью разговаривают; с ней беседуют; ее уговаривают. Болезнь приходит, ее просят уйти. В приведенных примерах заговор — это словесное обращение к болезни, понимаемой как существо и личность. Заговоры бытуют по связи с определенным взглядом на болезнь. Они являются производными по отношению к существующему взгляду на болезнь. Болезнь приходит, ее просят уйти.

Формула словесного обращения — изгнания — одна из наиболее распространенных заговорных формул. Приведем наиболее типичные: «Выйдите все скорби и болезни!» (Майков, 52), «Крик, крик, поди на окиян море» (Майков, 57), «...изсчезни и иссохни, родимое колотье...» (Майков, 88), «золотуха-красуха, поди из раба (имярек)» (Майков, 93), «Волос, ты волос, выди на ржаной колос...» («Майков, 92), «Ступай, сухая и мокрая жаба, сохни!» (Майков, 98), «...я тебе виганяю, выклиная, проклиная...» (Ефименко, 26). Болезнь убеждают, что там, куда она уйдет, ей будет несравненно лучше и приятнее, чем здесь, оставаясь в больном. С ней стараются поговорить «по-хорошему», договориться. «Здесь вам не житье-жилище, не прохладиче. Ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темные боры: там для всех кровати поставлены тесовые, перины пуховые; там яства сахарные, напитки медовые; там будет вам житье-жилище, прохладиче...» (Даль, 37). Весьма любопытен белорусский заговор, убеждающий болезнь отправиться «к господам»: «Выхадитя вы ў пуховыя пярины к гаспадам: там вам чай, как-

⁷⁰ Тр. этнографическо-статистической экспедиции... СПб., 1871, т. 1, вып. 1, с. 222.

вья и стулья мякая — а то я буду прасить отча Аксентия: заганить вас у маха, у гнилыи болота гнилыи колоды гладить».⁷¹ Иногда просьбы соединяются с угрозами. От болезни требуют, чтобы она ушла.

В зависимости от более или менее подробного изложения, откуда изгоняют болезнь и куда ее загоняют, заговор может оказаться более или менее кратким или распространенным. Заговор разрастается за счет изображения деталей, частных уточнения подробностей. Можно просто сказать: «Выдите, все скорби и болезни», но можно и подробно перечислить место, куда болезни должны уйти: «Подите же вы, переполохи, за темные леса, за черные грязи, куда люди не ходят, на конях не ездят, собаки не бегают и вольны пташки не летают, — в зеленый мох, в зыбучее болото, в провалище» (*Виноградов*, I, 79). Содержание формулы изгнания может оказаться еще более разросшимся, если подробно начать перечислять, откуда, из какой части тела изгоняется болезнь: «Из костей, из мащей, из жил» и т. д. (*Добровольский*, I, 174).

Наличие взгляда на болезнь как на личное существо обуславливает применение, кроме словесных формул, также разного рода приемов, средств, действий, рассчитанных на то, чтобы так или иначе (в результате чисто физического воздействия), заставить болезнь покинуть больного. У больного лихорадкой пытаются вызвать рвоту, надеясь, что таким образом извергнется и лихорадка. С этой целью больным предлагают пить смесь сажи и табака, целовать сквозь платок собачий помет и проч.⁷² С этой же целью смешивают испражнение свиньи с медом и дают больному (лихорадкой). Сушат лягушку, толкут в порошок и с водою дают пить (*Чубинский*, I, 120).

В других случаях пытаются отравить существование незваной гостью нестерпимо-отвратительными запахами, выкуривая ее жжеными волосами, конским копытом, летучей мышью, сушеной жабой, чешуей и др. Лихорадку лечат большею частью накуриванием, производящим такой угар, что непривычного будет рвать, как от самого большого приема рвотного (*Чубинский*, I, 118). Подкуривают кожу хоряка, свиным испражнением, шелухою гречишною, перьями. Иногда предметы, которые жгут, христианизируются. Вместо того чтобы курить шелухою гречишною и перьями (*Чубинский*, I, 119), подкуривают всякого рода «святостями»: «Положить в крышку горшка горящих уголей, разных Киевских святостей, как-то стружек и обрезок с гробниц угодников, пасхальных крох, воску из сотов умерших пчел, воску

⁷¹ *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1893, ч. II, с. 168 (ч. I. СПб., 1891; ч. III. СПб., 1894) (далее — *Добровольский*).

⁷² *Ветухов А. В.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907, вып. I—II, с. 133.

страстной свечи и т. п., и когда от этого пойдет дым, то больной должен над ним наклониться большим местом» (*Чубинский*, I, 116). Совершенно очевидно, что, за исключением последнего примера, применение выкуривания рассчитано на прямое, совершенно конкретное, физическое воздействие на болезнь: сделать дальнейшее пребывание болезни в больном совершенно невыносимым, довести больного до такого состояния, чтобы он извергнул болезнь вместе с рвотой.

Обычно выкуривание соединяется с «выговариванием». Обращаясь к «бешихе», говорят: «Тут тебе не стоять и не распухать, сырью не сыпать, чиряками не кидать и в голову не бить. Я тебя выговариваю, я тебя выкуриваю за дым, за ветрами, в пустыню» (*Милорадович*, 55). Выкуривание и выговаривание функционально однозначны: это два способа удалить болезнь — заставить ее уйти — одинаково при помощи действия или же словесного обращения. Иногда, как отмечено, выговаривание соединяется с выкуриванием, но эта связь словесной формулы и действия — связь по тождеству функции. Выкуривание — такой же способ удалить болезнь, как и выговаривание, совершенно равноценный, последовательно вытекающий из соответствующего взгляда на болезнь как на существо и личность.

Прием выкуривания, выговаривания и т. д. не единственный способ удаления болезни. Болезнь не только выкуривают, ее также смывают. Как и выкуривание, смывание рассчитано на прямое, вполне реальное воздействие на болезнь. Так как болезнь нечто вещественное, материальное, то ее можно смыть. «Сухоты» можно «в бане замыть» и «водой отлить» (*Виноградов*, I, 124). Больному дают напиться, умыть лицо, руки, грудь около сердца. Его обрызгивают водою изо рта. Обрызгивая больного водою, говорят: «С гуся вада, с тебе худаба» (*Добровольский*, I, 175). Смывая болезнь с ребенка, знахарь приговаривает: «В тех озерах и в реках, и на ключах вода живая, текучая и палячая. Той водой обливаю и окропляю я, раб божий (имярек), пенья и колоды, сухие кочки и белые камни; смываю и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же умою и окропляю и помазую сего раба божьего, младенца (имярек), от худой худобы, от хворой хвороты, от лихой лихости...» (*Виноградов*, I, 128). В этом заговоре словесная формула является словесным выражением, изображением совершаемого действия. Знахарь описывает, рассказывает о том, что он делает, — содержание словесной формулы не выходит за рамки описания применяемого действия.

Однако обычно представление о смывании болезни водой перекрещивается с рядом других фольклорных представлений и верований. Вода должна быть «непочатая», «непитая», «зачерпнутая из трех колодцев». Чтобы, смывая болезнь, возбудить в болезни отвращение, сделать ей неприятным пребывание в больном, в воду бросают сор. При христианизированном варианте

приема смывания в воду кладут ладан или же берут «освященную» воду, воду, в которой «крест умочали», над которой «евангелию читали, бесы-диаволы заклинали». Так как не только болезнь, но и вода представляется как личное существо, то к воде обращаются с просьбой: «Красная дявица, сама чистая вадица, ты йшла з марскога ключа, из зямлянога нутра, ты размувала желтый пяски, ты падмувала крутыи биряжки, — змый в раба божьяго (имя) скулу урюмую и усю балесть» (*Добровольский, I, 195*).

Одним из способов удаления болезни является передача. Болезнь передают какому-либо другому существу или вещи. Существуют различные способы передачи, так, например срезают у больного ногти и волосы, заворачивают их в бумажку, вкладывают в клешню живого рака и, пуская его в воду, приговаривают: «Пльви, раче, за водою, бери трясцю (лихорадку) за собою» (*Милорадович, 111*). Больному желтухой «вешают на шею живого линя и держат до тех пор, пока он жив» (*Чубинский, I, 113*), затем линя выбросят, а с ним выбрасывают и переданную ему болезнь. Больного обкатывают круглым мякишем хлеба или яйцом, куда переселяется болезнь, и эти предметы отдают собаке или выбрасывают на дорогу. Передача во всех подобных случаях является не чем иным, как опосредованным изгнанием, удалением болезни через посредство удаления предмета, которому была передана болезнь. Передачей болезни зерну пользуются, чтобы уничтожить болезнь. Больной носит в рукавице, надетой на руку, хлебные зерна, сеет их, а когда они взойдут, раздавливает их, уничтожая таким образом болезнь (*Даль, 79*). Весьма часто «передача» соединяется со «смыванием». «В купель, приготовленную для больного дитяти, кладется черная кошка» (*Чубинский, I, 123*). То же соединение «смывания» с «передачей» мы имеем в том случае, когда больного чахоткой купают в отваре вербы и воду затем выливают под вербу (*Чубинский, I, 123*), смывши болезнь, передают ее вербе.

Если хворь осела на лице больного, на его волосах, бровях, щеках, то ее снимают или же смахивают. Снимая болезнь с лица, знахарь говорит: «И возьму раба божья (имярек) осуды и призоры с костей, моздей, с ясных очей, с высоких бровей. И положу в собачью кость и вынесу на Океан-море» (*Майков, 218*). В приведенном заговоре знахарь выступает и действует от своего имени: он сам лично снимает или же смахивает «хворь». Но рядом с данным типом заговоров существует и другой, в которых знахарь обращается к какому-либо персонажу. В заговоре от лихорадки ворожея, снимая хворь с лица больного, обращается к заре. «Ворожея приходит к больному три раза по зорям, выводит больного на зарю и, смотря на воду в сосуде, говорит: «Заря, зарница, красная девица, избавь раба божья (имярек) от матухи, от знобухи, от летучки, от жетучки от Марьи Иродовны и от всех двенадцати девиц трясовиц. Потом старуха кре-

стообразно смахивает хворь со лба, бороды и обеих щек больного, плюя каждый раз на землю, и, наконец, умывает его наговоренною водою» (*Майков*, 109). При заговаривании «от ногтя» обращаются с просьбой к «святителям»: «Я раб божий (имярек) помолюсь и поклонюсь четырем святителям...: „Смахивайте и сганивайте с (имярек) все двенадцать noktей“» (*Майков*, 196).

Представлению, что хворь оседает на лице больного, приему смахивания болезни соответствует создание образа «метущей девицы с веником», введение в заговор как «смахивающего» персонажа, «девицы с шелковым веником». В заговоре «от уроков и переполохов» (*Виноградов*, I, 20) к девице «с шелковым веником», сидящей на Латыре-камне, обращаются с просьбой: смести уроки и призоры, и родимическую скорбь в синее море: «... Девнца, мети с раба божьего (имярек) щепоту и ломоту, уроки и призоры и родимическую скорбь и болезнь в синие море. Сметай же с раба божья (имярек). От матерняго рождения и от святого крещенья — век по веку, отныне и до веку». В заговоре (*Майков*, 218) вместо «девицы» выступает «поп с черными рукавицами»: «На Сиянской горы стоит черный поп, у черного попа черны рукавицы; он вспахивает, он взмахивает с раба божья младенца осуды и призоры, скорби и болезни...».

Только что приведенные примеры показывают, как в заговорах возникают соответствующие заговорные образы и персонажи, которые находятся в непосредственной связи с представлением о причине заболевания и тем приемом, к какому прибегают, чтобы устранить болезнь: если болезнь смахивают, то в содержание заговора вводится образ девушки с веником, смахивающей болезни в «синее море». Заговор «мифологизируется» вне какой-либо связи «с внутреннею потребностью точно выразить содержание поблекшего мифа», как совершенно верно выразился А. Н. Веселовский.⁷³ Образы и персонажи заговора создаются в полном соответствии с функциональным назначением заговора как практического средства устранить болезнь.

Подобная линия построения заговоров может быть отмечена и по отношению к той группе заговоров, в которых выступает тема «выклевывания болезни». Прием выклевывания болезни вытекает непосредственно из общего, того же взгляда на болезнь, что и приведенные выше: выговаривание, выкуривание, смывание, смахивание. Этот прием связан также с представлением о возможности передачи болезни. Болезнь передают, например, зерну; с этой целью больного «обсевают», обсыпают зерном, а затем куры, склевывая зерно, вместе с тем уничтожают болезнь. Прием уничтожения болезни при помощи склевывания применяется при лечении ребенка «от стня» («стень, як хто сохнить, худеить») (*Добровольский*, I, 166). Ребенка больного с стнем сажают на бочку («дежку»), трижды обсевают его зер-

⁷³ *Веселовский А. Н. Заметки и сомнения...*, с. 289.

ном, затем сзывают кур, «штоб оны надбиралы зирнятка — степь большого».

Так же точно поступают при лечении «ат притки» (*Добровольский*, I, с. 199); заговаривая «ат притки» обращаются к курам, чтобы они выбирали, выклевывали болезнь из жил-суставов больного: «куры рябыи, хахлатки, разнаперыи, выбирайте боль и притча из жил-суставыѹ у раба (имя)». Отсюда возникновение соответствующего словесного образа «клюющей птицы», птицы, склевывающей уроки, призоры и наговоры и уносящей их с собою за синее море, причем в процессе словесно-поэтического творчества народная фантазия, усиленная образность, изображает эту клюющую птицу с «железным носом» и «булатными когтями», — весьма обычный способ усиления образности. Заговор «от призора и наговора» начинается с традиционной формулы: «встану, пойду. . . в чистое поле, к синему морю». Затем следует столь же традиционная формула «камня на море»: «В окнян-море пуп морской; на том морском пупе — белый камень Олатырь; на белом камне Олатыре сидит белая птица». Белая птица, летая, прилетела из-за моря и села имяреку «на буйню голову, на саве тима», «железным носом выклевывала, булатными когтями выцарапывала, белыми крыльями отмахивала призоры и наговоры, и всякую немочь за синее море, под белый камень, под морской пуп» (*Виноградов*, I, 35). В заговоре «от усоев» (*Майков*, 90) фигурируют такие же птицы: «. . . Есть море золото, на золоте море золото древо, на золоте древе золоты птицы, носы железны и ногти железные дерут, волочат от раба божья (имя-река) (усоев, — *В. П.*) на мха, на болота». Эти заговоры показывают, как постепенно простой и обыденно-бытовой несложный образ «клюющей птицы», который вместе с тем является образом птицы, уносящей болезнь, в конечном счете вырастает в фантастический образ некоего «грифа». Реалистические корни данного образа восстанавливаются со всей очевидностью. Количество примеров может быть значительно увеличено, но в конце концов в каждом отдельном случае приходится упереться в то же представление о болезни как о существе и личности и в соответствующий этому представлению тот или другой способ, прием удаления, уничтожения болезни, обуславливающий в свою очередь при переходе от бесперсонажных заговоров к персонажным возникновение того или другого мифологизированного образа, соответствующего практической цели заговора.

Представлению, что болезнь живое существо, отвечает представление, что ее можно умертвить, зарезать ножом, зарубить топором и т. д. Отсюда соответствующий прием «засекания болезни». Приведем несколько бесперсонажных заговоров. При лечении «черной болезни» должно в полоч бани снизу воткнуть нож и трижды сказать: «Булатный нож, подрежь черную болезнь в ретивом сердце, в мозгах, костях и жилах» (*Майков*, 234). Точно так же лечат от «утина», боли в спине: болезнь секут топором.

Между больным и лечащим знахарем происходит диалог. Больной спрашивает лекаря: «Что сечешь?» — «Утин секу!» — «Секи горазже, чтобы век не было». Это повторяется трижды; потом лекарь бросает топор и голик в сени, плюнув туда же три раза (Майков, 86). Приведенные заговоры принадлежат к числу «бесперсонажных»: знахарь лично отсекает болезнь, действует и провозносит формулу изгнания от своего собственного имени. Однако рядом с ними имеются также и заговоры с определенным «персонажем», в которых выступает соответствующий образ, например образ богородицы с ножницами. Заговор (Виноградов, I, 31) «от порчей и других болезней» построен по обычной схеме: сначала вступительная формула «встану я, пойду в чистое поле», затем следует образ камня на море и образ Марии с золотыми ножницами, сидящей на золотом стуле: «Как в чистом поле Акиян святое синее море; во Акияне святом синем море бел Златырь камень. Как в белом Златаре камени стоит золот стул, на золотом стуле сидит святая Мария, на золотом стуле, она, святая Мария, обрезывает, дух святой остригает и обрезывает с раба божья (имярек) прикосы, призоры, уроки». . . В данном случае и в приведенных выше мы встречаем церковно-христианские образы: Марии, богородицы, святого духа, попа с Сионской горы и т. д. Впрочем, в них нет ничего специфически христианского, кроме имени. Подобные и аналогичные образы не восходят и не могут восходить ни к каким церковно-литературным источникам вопреки мнению исследователей, стремившихся за каждым заговорным образом открыть книжную христианскую формулу. Образ Марии с золотыми ножницами вырос не на почве христианской религиозной книжной традиции, а из практической функции данного заговора в соответствии с представлением, что уроки, порчи и т. д. могут быть отрезаны, отсечены, колотье перерублено и т. д.

Что заговорные образы создаются, последовательно вырастая из общей темы-способа устранения болезни в соответствии с общим взглядом на болезнь, это особенно ярко видно на примере заговоров, где речь идет о заедании, откусывании, загрызании болезни. Болезнь загрызают, ее откусывают и, откусывая, изгоняют («поди»): «Читать трижды и при каждом разе укусить больное место: „Крыза ты грыза, боровая ты грыза, грызи ты, грыза, пенья, коренья и серое камня. И поди ты, грыза, во чисто поле гулять. . .“» (Майков, 125). Приведенный заговор принадлежит к числу «бесперсонажных». Рядом с ним имеются заговоры с введением в их текст персонажа. Представлению уничтожения болезни при помощи загрызания, кусания болезни соответствует образ кусающей щуки, которую народная фантазия в порядке усиления ее действительного функционирования снабжает железными зубами. «В чистом поле течет река медвяная, берега золотые; плывет по этой реке рыба, а имя ей щука. И тая щука железными зубами, медными щеками, оловяными глазами загрызает, закусывает и загладывает грыжу» (следует перечисление грыж) (Ви-

ноградов, I, 42). Так же точно построен заговор от «грыжи», приведенный у Майкова (128): «Есть в чистом поле Окиян-море, и есть на Окиян-море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая и перье золотое, и кости золотые, и зубы золотые. И приходи, щука, к рабу божию (имярек), и выгризи у раба божия (имярек) своими золотыми зубами грыжу... и пойди, грыжа... за быстрые реки...». Этому зооморфному образу выгрызающей щуки аналогичен образ Соломониц, загрызающей у имярека грыжные грыжи. «Бабушка Соломония... заедала, загрызала и заговаривала грыжные грыжи у раба божья (имярек)... Не троньте и не грызите раба божья... Пойдите, грыжи, из сеней воротми, из байни дверьми, в чистое поле. В чистом поле есть сер камень; грызите, грыжи, серый камень» (Майков, 122). В белорусском заговоре, приведенном у Добровольского (I, 194), эта бабушка Соломонидушка снабжена железными зубами: «Бабушка Саламанидушка у пресвятой Багародицы грыжу заговаривала (или заедала) медными щемами, зялезными зубами, — так и я заговариваю у раба божья (имя)». Как видим, народная фантазия, создавая определенный тематический образ, соответствующий его функциональному применению, усложняя и развивая его, не только щуку наделит медными щемами и железными зубами, но и евангельскую Соломониду. Для народной фантазии зооморфный и христианский образы равноценны. Использование для обозначения данного заговорного персонажа христианского наименования не вносит никаких изменений ни в структуру образа, ни в процесс его создания народной фантазией. Развитие образа определяется исключительно только усилением его функциональной образности: железные зубы, железный нос и т. д., безотносительно к тому, является ли этот образ церковным, или нет.

Атрибуты христианских персонажей, выступающих в заговорах (Соломонида с железными зубами, святой дух с ножницами, богородица с прялкой), вырастают вовсе не на почве христианской символики, а из функции данного заговора, объекта и цели заговора, функционального назначения данной заговорной темы и данного образа. Так, в заговорах на останавливание крови исходная формула-тема «завязывания крови» приводит к созданию образа «прядущей богородицы», которая завязывает ниткой кровь. «Пресвятая мать бугородица на залатую пряслицу пряла, нитку атарвала, кроў завизала» (Добровольский, I, 201). Прядущая богородица выступит также и в охотничьем заговоре — она прядет нити для ловушек и сетей. «Она держит золотую пряленку и золотое веретенцо, а прядет она нити... на белых зверей, на белых зайцев; на красных лисиц...» (Виноградов, I, 86).

Заговоры иногда встречаются с одним образом и с одной темой, но в большинстве случаев они комбинированные, т. е. соединяют несколько способов устранения болезни, несколько образов и тем. Комбинируется несколько приемов и соответственно

несколько образов. Если заговор (Майков, 234) включает прием подрезывания черной болезни булатным ножом, то к нему же присоединяется прием смывания болезни, окачивания больного холодной водой. Смывание соединяется с передачей, формула словесного изгнания с выкуриванием. Приведенные выше заговоры представляют примеры таких комбинированных скрещенных заговоров, соединяющих заговаривание, словесное изгнание с передачей, омыванием, выкуриванием. При произнесении заговора «ат притки»: «Куры рябыи, хахлатки, разнаперыи, выбирайся боль и притча из жил — суставіу у раба (имя)», больного ребенка также обдают водой и, кроме того, «подкуривают вербой» (Добровольский, I, с. 199).

4

Весь проделанный выше анализ с предельной четкостью показал функциональный характер тех образов, персонажей и их атрибутов, какие нам встретились в заговорах, — будет ли это образ «клюющей птицы с железным носом», «метущей девицы с шелковым веником», «кусающей щуки», «прядущей богородицы», «святого духа с ножницами» и т. д. Ни один из этих образов не является самостоятельным и самодовлеющим. Каждый из них подчинен целевой установке заговора и непосредственно вытекает из нее. Представлению, что болезнь можно смести, и соответствующему приему отвечает образ «девицы с веником», представлению, что болезнь можно отрезать, засечь, — образ «Марии и святого духа с ножницами» и т. д.

На анализе структуры заговоров мы имели возможность убедиться в производности содержания заговоров, вскрыть непосредственную связь образов в заговорах от болезни с соответствующим представлением о болезни и способе ее удаления. То, что было сказано в отношении заговоров от болезни, должно быть повторено и в отношении к любовным заговорам («присушкам») и ко всем заговорам вообще, потому что и любовь, и успех на охоте, и благополучие скота на выпасе в лесу или на поле, и личная удача на суде или в жизни — все это рассматривается как выражение конкретных, личностных отношений. Персонализация любого житейского обстоятельства и события — отличительная черта мировоззрения, порождающего заговоры.

Еще в свое время А. А. Потехня, вскрывая корни символики образов в любовных заговорах, указал, что возникновение подобного рода заговоров непосредственно связано с представлением о любви, как огне. Он пишет: «На представлении любви (желанья) огнем основаны некоторые заговоры (присушки) и любовные чары...».⁷⁴ В соответствии с этим представлением о любви, как огне, центральным образом любовных заговоров

⁷⁴ Потехня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887, ч. 1, с. 173.

является пламя, горящие дрова, пылающие печи и т. д. «... пойду я, раб божий, в лес к белой березе, сдору белое бересто, брошу в печь огненную. Как то бересто на огне горит и тлеет, и пылает, так бы и у рабы божьей... сердце бы тлело и горело и пылало бы ко мне рабу божью...» (*Виноградов*, I, 122). Изложение в приведенном заговоре подчинено параллелистической схеме сравнения: «как—так» — как береста горит, так бы горело сердце. Тот же параллелизм наблюдаем и в других любовных заговорах. «В печи огонь горит, палит, пышет и тлит дрова, так бы тлело, горело сердце у рабы божьей...» (*Майков*, 5). Образ пылающего огня и сравнение с огнем составляют ядро любовных заговоров.

Так как любовь это огонь, а огонь это сухота и цель заговора заключается в том, чтобы заставить «сохнуть» любимого человека, то сравнения и эпитеты в любовных заговорах — заговорах «на присуху», «присушках» — носят присушливый характер, представляют собою формулы присушивания по преимуществу. «Агонь, агонь, гарючий, балючий, тебе макрата, а мне сухата», — говорится в одном белорусском заговоре (*Добровольский*, I, 198).

Примером «присушливого» эпитета в любовном заговоре может служить эпитет «сухой» в заговоре на присуху, помещенном в сборнике Виноградова (I, 54), сквозное применение в заговоре эпитета «сухой» создает образы: «сухого дерева у камня на море», «сухого мужа, секущего сухое дерево», «скоро разгорающегося на огне сухого дерева» и т. п. «Встану я, пойду я... выйду я в чистое поле; в чистом поле синее море; в синем море лежит белый камень; у того белого камня стоит сухое дерево. У того сухого дерева стоит сухой муж, сечет сухое дерево и кладет на огонь». Заговор заканчивается присушливым сравнением: «Коль скоро и круто разгоралось сухое дерево на огне, так бы скоро и круто разгоралось сердце у рабы божьей (такой-то)...» (*Виноградов*, I, 54). В других любовных заговорах «присушливые» сравнения-пожелания даются в виде образов «сохнувшей травы», «сохнущего на теле пота», «сохнущей на камне пены» и т. д. «Как на быстрых реках луговая трава подкошенная сохнет и вянет, так же бы и у рабы божьей... сердце сохло и вяло, и ныло, и тосковало о рабе божьем...» (*Виноградов*, I, 123). Или ряд аналогичных: «Как пот сохнет», «как пот не отпадает», «как кости тела своего держатся», «как на камешке пена кипит и сохнет», «так бы и у рабицы божьей (имярек) ретивое сердце, горячая кровь кипела и сохла о мне...» (*Виноградов*, I, 77).

Кроме «присушливых» эпитетов и сравнений, для любовных заговоров типичны также такие образы, как, например, «рыбы без воды», «дитяти без матери» и т. д., — заговорные формулы, утверждающие невозможность для одного лица жить без другого. «Закину невод, вытяну рыбу морскую. Как тяжело морской

рыбе без воды жить, так бы тяжело было и рабе божьей (или рабу божию, имярек) без раба божия (или без рабы божией, имярек) жить» (*Виноградов, I, 125*). Иногда заговор состоит из ряда подобных сравнений, представляет собою нанизывание нескольких одноформульных заговоров, соединяющих «присушливые» образы-сравнения с образами типа «рыбы без воды», «дитяти без матери». «Как кокушица в лесу кокует и горюет... Как в печке дрова сохнут... Как без хлеба и соли никакой человек ни быть, ни жить не может... Как не может лежать мертвец без земли, а рыбы жить без воды» (*Виноградов, I, 45*). «Как не может жить медведь без матери земли... Как не может быть птица без лесу... Как не может жить младенец без матери... Как никто эти слова не может отговорить, так не мог бы никто отворотить раба божия (имярек) от рабицы божией (имярек)» (*Виноградов, I, 41*).

В противоположность заговорам «на присуху», которым свойственны «присушливые» эпитеты и сравнения, заговорам «на остуду» свойственны «остудные» образы-сравнения, образы стужи, холода, дерущихся кошки и собаки, ледяного царя и т. д. В заговоре «на остуду» (*Виноградов, I, 32*) народная фантазия обычные формулы «встану я, пойду», «острова на море» перерабатывает в остудном направлении. Через весь заговор проходит сквозной эпитет «ледяной». Ледяной остров помещается в «подсеверной стороне», на этом подсеверном ледяном острове «ледяная камора, в ледяной камере ледяные стены, ледяной пол, ледяной потолок, ледяные двери, ледяные окна, ледяные стекла, ледяные печки, ледяной стол, ледяная лавка, ледяная кровать, ледяная постеля, и сам сидит царь ледяной. В той ледяной камере, на той ледяной печке сидит кошка польска, сидит собачка заморска и т. д.». Заключительное сравнение имеет тот же «остудный» характер: как царапаются и кусаются кошка и собака, «так же бы грызлись и кусались раб божий (имярек) с рабой божьей (имярек)». В заключение дано остудное обращение к царю ледяному: «Застуди и заморозь ретиво сердце у раба божья (имярек) и у рабы божьей (имярек)...».

Любовные заговоры, «присушки», как и прочие виды заговоров, распадаются на две группы — «бесперсонажных» заговоров и заговоров, в которых выводятся действующие персонажи. В «персонажных» заговорах образ «пылающих печей» дополняется образом того или другого существа, распалющегося эти печи. Таков, например, фигурировавший в приведенной выше «присушке» сухой муж, секущий сухое дерево и бросающий его в огонь. В присушке, опубликованной у Майкова, упоминается баба-сводница: «... сидит баба-сводница, у той бабы у сводницы стоит печь» (*Майков, 1*). В «остудном» заговоре фигурирует «ледяной царь» и т. д. Можно думать, что основной, исходной формой персонажных заговоров была персонификация любовной сухоты, представление любовной тоски как существа, обращение

к тоске и сухоте как к личностям, на которые можно воздействовать, к которым можно обратиться с просьбой. Заговор «на при-суху» (Виноградов, I, 56) начинается формулой «стану я, пойду», соединенной с формулой «острова на море»: «в чистое поле, в широкое раздолье, на синее море, на свят остров; на том острове стоит изба новая, дубовая; в той избе... лежит тоска, тоскующая, сухота сухотующая, бьется руками и ногами о стену, головой о лавку». Далее в заговоре следует непосредственное обращение к тоске: «...встань, тоска тоскующая, сухота сухотующая, поди к моей... прожги белое тело, черную печень... чтобы она... не могла без меня ни дни днествовать, ни ночи коротать, по утру рано, по вечеру поздно; где бы не загуляла, где бы не заслышала, — все бы ко мне бежала; питьем бы не запивала, едой бы не заедала, все бы меня на уме держала» (Виноградов, I, 56).

Любовь, тоска — это вообще нечто предметное, телесное, вещественное. Ее можно снять, отнести, вложить как особый предмет в сердце имярека.

Отсюда обращение к ветрам, к «царю Ироду», к «стасемидесяти дьяволам» и «единому белу солнцу», чтобы они перенесли любовную тоску и вложили ее в сердце любимого человека. «Скиньте с меня раба божья Василья, тоску и сухоту <...> перенесите через огненные реки, через огненные озера <...> положите в акулинино сердце <...> чтобы она <...> не могла без меня <...> ни жить, ни быть» (Виноградов, I, 55). «Я вам, братья ветры, поклоняюсь и помалаяюсь: ой вы, двенадцать братьев ветров, подсобите и помогите мне, рабу божью <...> снимите с меня тоску, печаль и сухоту несусветимую, отнесите и напустите на рабу божью, чтобы сохла и тосковала она по мне по рабе божьем» (Виноградов, I, 124).

5

Переходим к промысловым заговорам. Их основная практическая функция — оградить стадо от падежа и нападения диких зверей. С этой целью стадо окружается, «тынится» железным тыном. Образ «железного тына» является наиболее типичным для промысловых заговоров, хотя этот образ встречается также и в других заговорах, имеющих значение «оберегов», заговоров с «охраняющей», «защитительной» функцией, например в заговорах «от зла человека», «идучи на суд», «свадебных» и т. д. Все эти заговоры строятся обычно на формуле «замыкания», «заграждения»: «Постави, осподи, вокруг моего стада тын золезной, а другой булатный, а третий мидяной и стену каменну во глубину земную — сколь небесная высота, а вышиною до небес. Вокруг стены завали, осподи, землю матерней во глубину неизмеримую; и проведи, осподи, реку огненную со всех четырех сторон...» (Виноградов, II, 6).

Как и в других случаях, так и в промысловых заговорах наряду с «бесперсонажными» встречаются «персонажные» заговоры, заговоры, в которых «тыны тынит», «ограждает» стадо, человека, его промыслы то или другое лицо. В заговоре (*Виноградов*, I, 46) «тыны тынит» «царь морской». «И ставит царь морской железные тыны от земли до неба, от неба до земли; и около меня, раба божия (имярек), ставит и тынит железные тына от земли до неба, от неба до земли, меня раба божия (имярек) в те же тыны тынит». Весьма часто персонаж, «тыны тынящий», христианизируется. Заговор (*Виноградов*, I, 57) адресован к «Христу и Михаилу архангелу»: «Ставьте круг меня... железный тын, — сколь вверх высоко, столь и в землю глубоко, от какого тыну злomu человеку... ни подрыться, ни подкопаться». Такой же «железный тын» «ставит святой Егорей». Он ставит «железной тын от востока до заката и от лета и до севера; от каменной горы до небесной высоты, до господня престола; от престола до каменной горы; от каменной горы до железной подошвы, до трех китов, а толщина по три сажени печатных» (*Виноградов*, I, 29).

Вариантом формулы «ограждения тыном» является формула «космического ограждения». Образ «железного тына», простирающегося от земли до неба, со всех четырех сторон на три версты, достигающего в вышину «до престола господня», а в глубину до трех китов, перерастает в космический образ ограждения звездами, солнцем, небесными светилами. Подобное космическое развитие образов возникает, вызываемое пожеланием, чтобы заговаривающего — его стадо и ловушки — «никто ни в чем не повредил, не изурочил, не обоял». Для этого он восходит на гору, становится на железном току, под медным потолком, одевается высотой, подпоясывается зарею, отыняется звездами, замыкается месяцем, в результате чего делается недосыгаемым для злых людей, для призоров и прикосов. «И взойду я, раб божий (имярек), на Сионскую гору, и стану я, раб божий (имярек), на железном току под медным потолком; и оденусь я, раб божий (имярек), небесной высотой, подпояшуся светлою зарею вечернею и утреннею, осыплюся частыми звездами и умоюсь свежеею водою» (*Виноградов*, I, 126). «Покрылся есмь я, раб божий (имярек), небеси от всяких лихих людей и супостатов; против меня, раба божия (имярек), солнце, над главою моею месяц, звезда моя в небеси» (*Виноградов*, I, 48).

Как видим, формула «ограждения» в приведенных заговорах приобретает весьма яркую мифологическую окраску, что и дало основание представителям мифологического направления (Афанасьев и др.) рассматривать формулу «космического ограждения» как продукт архаического мифологического мышления. Однако вполне вероятно, что подобное мифологизирование формулы «ограждения» возникает позже, на почве средневекового мифотворчества, независимо от первичных мифических образов, что звезды, солнце, месяц в заговорах с формулой космического огражде-

ния — это звезды и солнце нового неба и новых не архаических, а средневековых горизонтов.

Христианское суеверное средневековье вообще сохраняет формулу «ограждения», но окрашивает ее в церковно-культовые тона. «Заговаривающий» ограждается не «железным тыном», а «крестом», «скипетрами» святых, градом Вифлеемом и т. д. От космических образов заговаривающий переходит к культовому и литургическим, сочетая первые со вторыми. «... Небом покроуси, землей подмоущяся, крестом огражуся» (*Виноградов*, I, 46). Или: «Архангели и ангели, и все лики святых, святой Димитрий Селунский и святой Георгий храбрый, те меня оберегут и огордят... своими скипетры» (*Виноградов* I, 49). «От всякия скверныя и от ветров буявых, и от воды пришедших, всяких скорбей и болезней я святым крестом огражусь» (*Виноградов*, II, 8). В заговоре «заградить уста супостату» христианизированная формула «космического ограждения» читается так: «Одеяйся небом, покрывайся облаками, препоясайся поясом и силою пречистые богородицы и святыми ангелы ее... Ангелы и святые мои со мною, солнце одесную, месяц опшую раба божия (имярек), звезды на главе моей». Формула «ограждения» в христианизированной трактовке может быть представлена в виде формулы покрытия «ризами нетленными». «Стану я... перед святым образом, помолюсь истинному Христу, Михаилу архангелу: закройте, закройте меня... своими нетленными ризами от всякого злого, лихого человека, от супостата, от всякие злые лихие крови» (*Виноградов*, I, 57). Как видим, в средневековом мифотворчестве формула «ограждения» развивается в церковно-христианском направлении, вбирая в себя церковные культовые образы. Однако сама по себе формула ограждения весьма архаична и в промысловых заговорах восходит к дофеодальному времени. Она встречается не только в русском сельскообщинном фольклоре феодального периода, но и в фольклоре первобытнообщинного периода, где, сохраняя все свои наиболее типичные черты и особенности, бывает обращена не к «святым», а к «хозяину реки». Шаман-чукча сообщил В. Г. Богоразу о средстве, к которому он прибегает, чтобы защитить стадо от копытной болезни и нападения волков: «У хозяина Песчаной реки я прошу большой железный ящик. Я помещаю в него мое стадо и затем запираю его на ключ. Как он (т. е. кель) войдет в него?»⁷⁵ При всей краткости данного сообщения и отсутствии подлинного текста шаманского заговора, рассказ шамана о заговорах, записанный Богоразом, позволяет утверждать, что формула ограждения существовала в дофеодальном фольклоре, что она была характерна для шаманских заговорных формул, что формула ограждения, как и в фольклоре феодального периода, применялась в промысловых, пастушеских заговорах, что практическая функция, цель, с которой применялась дан-

⁷⁵ *Богораз-Тан В. Г. Чукчи*. II, Л., 1939, с. 168.

ная заговорная формула ограждения, была в обоих случаях та же: защитить стадо. Для этого шаман помещал оленье стадо в «большой железный ящик», выпрошенный у «хозяина реки», и затем запирает этот ящик на ключ, т. е. делает то же, что и колдун, пастух, ограждая стадо железным тыном. Образ «железного ящика» в шаманских пастушеских заговорах вполне отвечает и по своему содержанию, и по своей функции образу «железного тына» в русском фольклоре. Сравним другие образы ограждения в чукотском фольклоре. «Чтобы защитить мое стадо от волков, я окружаю его длинным ремнем. Я протягиваю его в воздухе. На ремень я навешиваю много всякой одежды. От ветра она раскачивается во все стороны и отпугивает волков. Поэтому они не могут подойти к стаду».⁷⁶

Формула «огораживания» в соединении с формулой «замыкания», образ «железного тына» («ящика»), дополняемый образом «замка» и «ключей», типичны как для шаманского фольклора дофеодалного периода, так и для русского фольклора феодальной эпохи. «...и стану я, рап божей Филип, тот тын запираеть и замыкать накрепко-крепко; спущу ключ в синее море» (*Виноградов*, I, 73). Средневековые темы «ключей» в христианизированном варианте заговора придавало церковное каноническое истолкование; ассоциировало ключи, которыми запирается тын, с «ключами апостола Петра». Иногда в промысловых охотничьих заговорах в результате смещения канонической символики с ключами выступает не апостол Петр, а пророк Илия, более устойчивая и обычная фигура «демоноборца» в народно-бытовой средневековой традиции. «И как ты, святой Илия, милостивой государь, замыкаешь тридевять храмов и тридевять церквей божиих в тридевять замков и в тридевять ключев от сатаны и дьявола, и також ты... замкни меня... и мои ставушки, и ловушки, и мой тын железной в тридевять замков и в тридевять ключев от колдуна и от колдуньи, и от лихого человека» (*Виноградов*, I, 62). В белорусском заговоре: «чтоб быть оправданному на суде», формула «замыкания», завершая формулу «космического ограждения», используется в самостоятельной функции как непосредственный прием-средство «замкнуть уста недоброжелателям». Устану я (имя) ранешенька, я умыюся бялешинька, я уватруся жарким соўнышкым, подпаюшуся ясным месяцым и пойду я к самому госпуду богу, и возьму я на престоли тридевить замкоў, тридевить ключоў и тридевять подзамкоў. И пойду я (имя) на сход мира, кругом уси сходки абыйду, уси сирца их лихей пазамкну — усим, от верхниха чилавека да паследнига: сборщикку, дисяцкыму, сельскыму, уряднику, валасному, становому, испраўнику и усим тым, которые при сходи будуть» (*Добровольский*, I, 204). Вне формулы «ограждения» формула замыкания встречается в заговорах на останавливание («замыкание») крови.

⁷⁶ Там же.

В этих заговорах фигурирует богородица с ключами, которыми она и замыкает кровь.

После того как замок замкнут, ключ или опускается в море, где его проглатывает щука, или же относится «ко красному солнышку, ко светлomu месяцу, ко частым звездам» (*Виноградов, I, 78*), отдается «истинному Христу», кладется на престол под нетленную ризу. Заключительное сравнение в заговоре строится на параллельном сопоставлении: как невозможно достать ключи (проглоченные в море щукой, положенные в небе на престол господний), так невозможно нарушить заговор. «Мои ключи брошены в синее море. Кто мои ключи из синего моря достанет, тот мои слова обморочит и переговорит» (*Виноградов, I, 20*). «Как этому ключю не бывать поверх синего моря, так бы не было бы у меня, раба божия Филипа, не порцы, не пытошки, не тоски, не щипоты. . .» (*Виноградов, I, 73*). «С востоку идет гасподь наш Иисус Христос, из палудня Михаил архангел, с вечерней зари Николай Миластивый; гарадят каменную аграду вокала раба божья (имя), замыкають тремя замками, тремя ключами; ключи атносят в акиян-моря, пад кит-камень, в щуку-рыбу. Хто можить акиян-моря выпить, тот можить и mine раба божья (имя) асудить и агаварить. Ключ неба, земля замок» (*Добровольский, I, 204*).

Образы замка и ключа входили обычно в содержание заговорных «закрепок», представляя собою характерный вид заговорной концовки. Вот образец наиболее распространенного вида закрепки: «Будь мои слова крепко-накрепко, плотно-наплотно; к моим словам ключ и замок, булатная печать» (*Ефименко, 60*). «Словам моим и наговорам тут укрепа: небо — ключ, а земля — замок» (*Виноградов, I, 68*). В. Ф. Миллер образ «замыкания» и «ключа» в русских заговорах был склонен возводить к ассирийским источникам, к заклинаниям ассирийской магической литературы. Однако то обстоятельство, что эти образы «ключей» и «замыкания» рядом с образом «ограждения» встречаются в заговорных формулах фольклора народов севера СССР, свидетельствует, что указанные образы являются общей принадлежностью первобытнообщинного фольклора, вырастая на почве первобытного мышления и не являясь литературными заимствованиями.

До сих пор речь шла исключительно о словесном выражении заговорных образов. Однако ряд заговорных образов, в том числе и образ «замка» и «замыкания», имеют двойное выражение: кроме словесного, также еще и обрядовое, в обрядовом действии. Так, например, «свадебное обережение» (*Виноградов, I, 46*), представляя собою словесное развитие темы «огораживания» и «замыкания», сопровождается указанием: «Говорить в замок и, замкнув, с собой возить». Подобное указание сопровождает также и другой заговор: «Трижды с молитвами говорить, разпуца замок, сотвори Аминь, говорить трижды да поди на недруги и на суд, а замок замкни и возми с собой» (*Виноградов, I, 5*). Замок при-

меняется также и в пастушеских берегах; для того чтобы «замкнуть» овец от волков, шерсть, взятую от овцы, замыкают в замок. Такая же двойная выраженность — словесная и обрядовая — может быть констатирована и в отношении опускания ключей в воду. Словесному тексту заключительных концовок в заговорах: «ключи брошены в синее море», «ключи атносят в акиян-море», «спущу ключ в синее море» и т. д. соответствовало такое же действие: ключи действительно опускались в воду. В словесном выражении, в тексте заговоров образ, начиная расти и развиваться, обрастать деталями, заменяет «воду» «морем-океаном», вводит мифическую щуку, проглатывающую ключ, и т. д.

Промысловые заговоры, охотничьи и скотоводческие (пастушеские) занимают весьма важное место в фольклоре первобытного общества. По общему взгляду на заговоры, свойственному первобытнообщинному периоду, успех в охоте и скотоводстве зависел от того, насколько данный охотник-промышленник или владелец стада знал нужные заговоры. Так, например, у чукчей, по сообщению В. Г. Богораза-Тана, относящемуся к началу 900-х годов, «удача в оленеводстве всегда приписывается действию могущественных заклинаний, которые принадлежат владельцу и обеспечивают процветание его стада. Богатый человек должен постоянно покупать от знающих людей добавочные заклинания, приносящие удачу в оленеводстве. Про бедного же человека, наоборот, говорят, что он неразумен и не имеет заклинаний, приносящих счастье. Оленевод, у которого стадо начинает уменьшаться, считает, что его заклинания утратили силу, и, если сам он окончательно беднеет, он обычно передает кому-нибудь часть своих заклинаний, а остальные просто забывает».⁷⁷ Заговоры, таким образом, — существенная и необходимая принадлежность охотничьего промысла, скотоводческого хозяйства. Хозяйствовать — обладать и пользоваться заговорами. Человек бесхозяйственный — человек, лишенный заговоров. Для успеха промысла необходимо, чтобы промышленник-охотник закрыл и защитил себя, свои ловушки и ставушки, весь свой промысел «от колдуна... от вещика... от порченика, от стричного, от дохтура» и т. д. и очистил, смел и омыл с себя и со своих «ставушек и ловушек, всякую порчу, всякую притчу» (*Виноградов*, I, 52), чтобы «птаенники, злопомышленники, забаенники, заугольники» не смогли «уркнуть, испортить, изурочить» его «ловушки и ставушки», сети и снасти. Отсюда правило: «Когда нитку или ловушку смываешь, или снасть какую, говори трою по реке: „Как ты, река-матица, смываешь и обманываешь свои крутые, красны бережка с вершины и до устья, а с устьяносишь во синее море, так ты, река-матка, смывай и обмывай мои ставушки, мои ловушки, с них уроки, призоры, встречи, привстречи, перебеги, поспехи, злые и лихие отговоры, лихую думу, лихие оговоры, лихую кровь, радости и

⁷⁷ *Богораз-Тан В. Г. Чукчи*, с. 146.

помышления, всякие озены“» (*Виноградов*, I, 89). Следует помнить, что, по представлениям первобытнообщинного времени, зверь, попавший в ловушку, не «добыча», а подарок, дар, что зверь бывает дан охотнику. Попавший в ловушку зверь — выражение благорасположения к промышленнику «лесного хозяина зверей», «лесной звериной матери». Зверь попал в ловушку только потому, что он питал «хорошие намерения» к охотнику. Подобное представление мы найдем у гиляков, айну Сахалина, у ненцев, нанайцев, гольдов, шорцев на Алтае, на Кавказе и т. д. Отзвуки подобного взгляда на зверей и охоту мы найдем также и в русском сельско-общинном фольклоре феодального периода: зверь дан. «Когда увидишь в нитке зайца, говори: „Поддал мне господь, подаровал мне господи, пречистая богородица“» (*Виноградов*, I, 87). Господь, богородица, Георгий — явные и достаточно прозрачные псевдонимы дохристианского лесного хозяина зверей. За христианской символикой охотничьих заговоров легко расшифровывается тот же леший, хозяин зверей, за образом богородицы — лесная мать зверей. Заговаривающий обращается к Георгию: «Красные лисицы. . . рыси и росомахи, волки и волчицы, черноухие и долгохвостые. . . гони к моим ставушкам и ловушкам безотпятно, безотворотн со все четыре стороны, по всякой день, но всякий час, по всякую ночь» (*Виноградов*, I, 50). Одновременно с заговорами, в которых выступает «датель», имеются также заговоры, в которых обращение адресовано не к «дателю», но непосредственно к попавшему в капкан зверю. «Дар» и «даритель» выступали в нерасчлененном виде. В заговоре (*Виноградов*, I, 88) советуется: «Когда вынешь из ловушки зайца или кого и кладешь в котомку, говори. . . „Куда ты, мой белый заяц, шел и бежал, и следы топтал, туда бы шли и бежали, и следы топтали твои деды и прадеды, и отцы, и матери, и братья, и сестры“». Аналогичное пожелание, чтобы звери «текли бы они и бежали. . . со отцами и матерями, со всем родом и со всем племенем. . .» высказывается также и в другом заговоре (*Виноградов*, I, 86). Подобное обращение к попавшему в ловушку зверю вообще характерно для первобытнообщинного фольклора. У айну, голяков, чукчей, коряков, гольдов, ненцев и т. д. убитого зверя просят, чтобы он вернулся на следующий год и пришел не один, а привел с собой еще и других зверей-сородичей. Такое прямое обращение непосредственно к зверю более архаично, чем обращение к дателю, хозяину зверей. В русском фольклоре бытуют формулы как первого, так и второго типа, деформированные пережитки воззрений дофеодального периода.

Мы рассмотрели промысловые и другие заговоры, которые строятся на формулах «ограждения тыном», «космического ограждения», «замыкания замком», заговоры, которые вырастают из обращения к дателю — хозяину зверей, а также к попавшему в ловушку зверю. В этих заговорах сравнение может отсутствовать. Однако среди промысловых заговоров имеется группа — и

довольно значительная — типичных параллелистических заговоров, целиком и полностью строящихся на приеме сравнения. Так, например, заговор на «сохранение и сбережение» скота построен на отрицательном сравнении. «Как здесь на земли седьмого неба никому не видать, небу з землю не схажаваца, а земле с небом вместе не сталкиваца, тако зверю скотины не ядаты и в ущетном стаде не бывать» (*Виноградов, I, 71*). Разнообразны сравнения в заговорах, имеющих целью обеспечить «места слученя и ко двору своему прихождение» скота. «Солнышко приведеное пониже, а мои скотинки к дому поближе» (*Виноградов, I, 85*). Или: «Как муравьей дити чарю своему муравью служат и слушают; и как медовые пчелы слетаются к гнездам своим... и как стекаются быстрые рички и малые и большие в славный окиян-море, и так бы мое стадо стекайтесь на голос со всех четырех сторон...» (*Виноградов, II, 5*). Обычен для этих заговоров образ-сравнение «людей, идущих в церковь». «Сбирайся, мое милое стадо, ко всякой ночке к своему дому, как збирается мир православный ко двору колокольному, ко духовному, и пению церковному» (*Виноградов, II, 5*). Подобный образ встречается в космическом выражении: «И как идет божия тварь, солнце и луна, и часты, мелки звезды, и планеты всякие, и все ключи, и поточины, подземельные тайные жилы, и да слушаются они истинного Христа... не ворочаются они от черных облаков, от темных лесов. Также бы не ворочались от моих ставушек, от моих ловушек, от моих тенет и от моих опушин христовые звери и все божьи птицы...» (*Виноградов, I, 86*). Для «скоцких оберегов» типичен также образ «крепко стоящего во дворе столба». Заговор (*Виноградов, I, 85*) — «скоцкий оберег» — дан как формула сравнения: «В моем широком дворе закладное, краевое бревно упоместилося. Как закладному бревну в лесе не бывать и на пеньке не стаивать, так бы и мою скотинку медведю... волку... росомaxe, и рыси, век живучи, не хватывать, не цапывать и не утаскивать». Бытовой образ «крепко стоящего во дворе столба» может заменяться аналогичными книжно-церковными образами: «Заговариваю свое стадо — коровье, овечье и коневое: сколь твердо, крепко основание земное, никто не может сдвинуть с места, и сколь крепок гроб осподень на воздухе во святом граде Иерусалиме и сколь тверд и жесток камень спний в окияне-море, не крошится и не колется, столь крепок мой заговор на словах моих век пов веку» (*Виноградов, II, 7*).

6

Вопроса об отношении заговоров как особого фольклорного жанра к другим видам фольклора касалась Е. Елеонская в статье: «Некоторые замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке».⁷⁸ В качестве примеров она приводит не-

⁷⁸ Этнографическое обозрение, 1912, № 1—2, с. 189—199.

сколько белорусских заговоров, которые, по ее мнению, представляют собою не что иное, как вынутые из сказки эпизоды; к последним и прикреплен тот или другой заговор. Так, например, для сказок характерен эпизод: герой отправляется в путь, на пути он встречает хатку на курьей ножке, а в этой хатке старуха. Этот же эпизод, столь распространенный в сказках, встречается в одном из белорусских заговоров на заговаривание крови, помещенном в сборнике Романова:⁷⁹ «Ехав Данило... стоиць хатка на куриной ножцы, и у той хатцы старая бабка» — типичная сказочная формула, текстуально точно повторенная в заговоре. В свою очередь в сказках встречаются заговорные образы и формулы. Так, например, в заговорах от змеиного укуса место пребывания змеиной матери обычно описывается с такими подробностями: «На море на Окияне, на острове на Буяне стоит част куст ракитовый; возле того куста ракитового стоит част куст липовый, третий куст черемоховый. Среди трех кустов, среди трех частых лежит черное руно, переярошное, перелетовое — сам царь Сопецкий, змей Скрабедкий» (*Виноградов*, I, 82). То же дает и белорусский заговор. «На мати, на Буяни, на вострыви, на Кияни, стаить ракитовый куст. Под ракитывым кустом лежить змия Шкурупея» (*Добровольский*, I, 184). «На поли, на кияни стоит дуб... под тым дубом куст явору, а у том у кусьци гняздо, а у том гнязде яйцо» (*Романов*, V, 185). Эта картина, столь типичная для заговоров от змеиного укуса, воспроизводится также и в сказках. В одной из белорусских сказок герою указывается путь, по которому он должен идти: «Ест на мори войстров, на тым войстрови стоиць дуб, под тым дубом лежаць два камени, у тых камянях гняздо, а у тым гнязду сядзиць птушка, а ук той птуscopy яечко» (*Романов*, III, 72).

Е. Н. Елеонская считает, что подобные совпадения (которых найдется немало количество), казалось бы, проще всего было объяснить воздействием сказки на заговор, особенно в тех случаях, когда материалом для сравнения служат сказки и заговоры, бытующие вместе в определенной среде. Но причины подобных совпадений лежат глубже и должны быть усматриваемы в том поэтическом мышлении, которое под влиянием известного мировоззрения, ассоциируя разнообразные впечатления и представления, создает эпические картины вообще и затем, по мере надобности, размещает их в различных произведениях поэтического творчества.⁸⁰ Речь, таким образом, идет не о взаимодействии двух фольклорных жанров с типичными для каждого из них мотивами и образами, но о тождестве общих воззрений, обуславливающих то, что и в заговоре, и в сказке, т. е. вне каких-либо жанровых различий, описание местопребывания «змеиной матери» будет

⁷⁹ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. V. Витебск, 1891, с. 151 (вып. III. Витебск, 1887); (далее — Романов).

⁸⁰ Елеонская Е. Заговоры и колдовство на Руси..., с. 199.

изложено совершенно одинаково. Данное утверждение следует повторить и по вопросу об отношении заговора к песне. Ярким примером, иллюстрирующим отношение заговоров к песням, может служить формула «космического ограждения». Эта формула, типичная для промысловых и других заговоров, встречается также и в песнях, например свадебных. На Украине, когда мать выводит жениха из избы с тем, чтобы он ехал к невесте, дружки поют: «Мати Юрася родила, місяцем обгородила, сонечком під-перегала, до мило выражала».⁸¹ В заговорах этому песенному образу соответствует подобная же формула: «Встану я... между небом и землею; отынуся частыми звездами: подпояшуся белым светом, замкнуся я... младым светлым місяцем» (*Виноградов, I, 52*). Как видим, заговорная тема вполне соответствует песенной. Однако формула «космического ограждения»: «Солнце одесную, місяц ошую», «звезды на главе моей» в заговоре (*Виноградов, I, 12*) служила не только оберегом, формулой защитительной функции, она же имела значение формулы «космического украшения», была средством заимствовать красоту от звезд и солнца. «Зорі, зірниці, если б вас на небі три рідні сестриці четверта хрещена, порожденна Марія. Ідїть ви, зберїть ви красу, покладїть на хрещенну, порожденну Марію» (*Чубинский, I, 93*). Это прямое обращение к звездам («зорям») дополняется сравнением: «Як ви ясні, красні межа зорами, щоби була так красна меж дівками» (*Чубинский, I, 93*). С той же просьбой обращаются также и к солнцу. Нужно встать рано утром, на восходе солнца и, когда не будет туч, стать перед солнцем и говорить: «Добрий день тобі, соняко яснее. Ты святе, ти ясна-прекрасна; ты чиста, величне й поважна, ти освіщаєш гори і долини і високиї могили, освіти мене, перед усім миром: добротою, красою, любощами, милощами...». Заговор заканчивается сравнением-концовкой. «Як ти ясна, велична, прекрасна, щоб я така була ясна, велична, прекрасна перед усім миром» (*Чубинский, I, 93*). Эти образы, фигурирующие в заговорах, встречаются также и в песнях. Заговорная тема является вместе с тем и лирической темой: изображением красоты. «Отынясь», замыкаясь частыми звездами, девушка заимствует красоту от звезды, становится прекрасной, как звезда. А. А. Потебня пишет, что в галицкой песенке мысль о происхождении красоты от звезды выражена так: оттого сегодня девица хороша, что около нее вчера упала и рассыпалась звезда, а она подобрала осколки и, как цветами, убрала ими волосы. Как изображение красоты можно принимать и следующее, необъясненное в сербской песне выражение: «Анђа... сунцем главу повезала, месецом се опасала, А звездами накитила».⁸² Потебня добавляет, однако, что подобные выражения имеют обыкновенно смысл защиты, предохранения от действия враждебных

⁸¹ *Метлинский А. Л. Народные южнорусские песни. Киев, 1854, с. 111.*

⁸² *Потебня А. А. О некоторых символах... с. 38.*

темных сил. Вообще же песенная поэтика с характерным песенным параллелизмом и параллелизм сравнений в заговорах указывают на тождество основных творческих приемов-средств. Возьмем в качестве примера песенное двустипие: «скрипливи ворітчки, не могу відперти; буду любити дівчиночку до самой смерти». Устанавливается сравнение-тождество: как невозможно открыть ворота, так же невозможно, чтобы прекратилась любовь. От невозможности первого делается заключение о невозможности второго. При тождестве приема и общей структуры это, конечно, еще не заговор. Ярче близость песенных и заговорных приемов улавливается на другом примере:

Не свявайся трава с повилкой,
Не свикайся молодец с дівцею:
Хорошо было свикатися, тошно расставатися.⁸³

Топилися сніги з гори, на долині стали
Любилися сиві очі, тепер перестали.
Котилися вози з гори, на долині стали
Кохалися, любилися, тепер перестали.⁸⁴

Данные песенные параллелистические формулы-сравнения еще не имеют функции пожелания, но выраженные в виде пожелания, они могут целиком совпасть с заговором.

Горить моє біле личко:
Либоть буде дощ.
Ой дощичку поливайчику,
Поливай, поливай;
Козаченьку, до дівчини
Прибувай, прибувай!

(Чубинский, III, 166)

Здесь лирическая песня имеет вполне вид заговора; сравнение является пожеланием, исполнение которого отвечает установлению параллелистического тождества. Тождество поэтических творческих приемов обуславливает обратимость песни в заговор, а заговора в песню, предполагает возможность наличия песен-заговоров, хотя, впрочем, русский фольклор не сохранил подобных песен-заговоров, а если и сохранил, то только в виде незначительных обломков. Таков, например, песенный заговор, чтобы шел дождь: «Дощичку, дощичку, зварю тобі борщичку в зеленому горщичку; сікни, рубин дійницею, холодною водицею» (*Ефименко*, 192).

В свою очередь заговор весьма часто выливается в ритмическую форму, снабжается рифмой, приобретает стихотворный вид и тем самым более или менее сближается с песней. В особенности это относится к белорусским заговорам. Последние в большинстве случаев ритмичны и часто рифмованы. Что же касается западно-

⁸³ Якушкин П. И. Народные русские песни. СПб., 1865, с. 187.

⁸⁴ Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878, ч. II, с. 340 и 344.

европейских заговоров, то для них вообще характерна стихотворная форма. Там почти каждый заговор представляет собою короткий стишок.

Вопрос о взаимоотношении песни и заговора не раз затрагивался фольклористами. Мифологи считали песенную форму первоначальной в соответствии с их основным исходным общетеоретическим положением, что заговоры развились из языческих молитв-песнопений. Веселовский предполагал, что первоначальная форма могла быть стихотворная, иногда перемешанная с прозой. Крушевский, а за ним и Зелинский видели, напротив, в рифме и стихе начало позднейшее, и притом разлагающее. Что касается Е. Аничкова, то он построил целую теорию относительно возникновения песни из особого вида народного творчества (обрядовой песни-заклинания).

Мифологи, утверждая, что стихотворный песенный размер заговоров ведет свое начало от древних заклятий, не учитывали разрыва, существующего между фольклором двух различных эпох. Они утверждали, вместо того чтобы исследовать. Бесспорно, что связь между заговорами феодального и дофеодального периодов существовала, а в ряде случаев прослеживается совершенно конкретно. Однако что касается песенной формы, то именно по этой линии на материалах русского фольклора связь заговоров XVII—XX вв. с песенными заговорами (заклинаниями-молитвами), исполнявшимися некогда общинными волхвами, как раз вопреки мнению мифологов не прослеживается. Для русского сельскообщинного фольклора феодального периода, известного в записях XII—XX вв., песенная форма заговоров вообще нехарактерна и представляет не правило, а исключение. Крушевский и Зелинский были совершенно правы, усматривая в ритме и рифме, свойственных некоторым заговорам, явление позднейшее и разлагающее. Появление ритма и рифмы в заговорах указывает на начало того процесса превращения заговорных формул в короткие стишки, который нашел свое выражение и завершение в западноевропейских коротких заговорах-стишках. Совершенно понятно, что стихотворная форма этих западноевропейских заговоров-стишков не имеет ничего общего с песенной формой заклинаний-заговоров первобытнообщинного времени, развившись самостоятельно на почве средневековой виршевой метрики.

Особо следует остановиться на вопросе об отношении заговоров к обрядовой поэзии, семейно-бытового и календарного цикла. В этом случае особый интерес представляют промысловые заговоры, пастушеские и охотничьи, непосредственно связанные с обрядовой поэзией календарного цикла. Заговоры от болезни, а также любовные заговоры — «присушки» — не связаны с определенными календарными датами. Они исполняются в любое время по мере надобности. Что же касается промысловых заговоров, то они по большей части носят сезонный характер, бывают приурочены к определенным календарным периодам,

чаще всего к началу промысла, ко времени выгона скота в поле, к началу или концу беличьего промысла, охоты на зайцев и т. д. Они исполняются наряду с другими заговорами, входят в состав определенного обрядового комплекса, являясь основной и характерной принадлежностью охотничьего и скотоводческого празднества-игрища, открывающего или завершающего время промысла. Иначе говоря, те или другие празднества, «игрища», приуроченные к определенному дню и имеющие то или другое промысловое значение, в конечном счете могут быть разложены на ряд заговорных формул и действий. Так, например, в Егорьев день при выпускании скота в поле заговоры органически входят в состав совершаемых обрядов, и по существу обрядность Егорьева дня — это разросшаяся и усложненная обрядность заговоров, совокупность пастушеских, направленных на охрану скота заговорных словесных формул и действий. Таковы, например, обряды, совершавшиеся в начале XX в. в Егорьев день в Смоленской губернии. В этот день хозяин и хозяйка обходят на дворе вокруг весь скот, приговаривая: «Святой Ягорий, батюшка, здаем на руки тебе свою скотинку и просим тябе: сохрани же от зверя лютого, от человека лихого». Затем кладут на землю под ворота замок и ключ: «чтобы пасть звериная была так крепко заперта, как запирается замок на ключ». «Хозяин и хозяйка... в ворота хлева кладут пояс, сковородку, топор, замок и косу — тогда, непременно сами, выгоняют скот в поле. При этом пояс означает, что скотина не будет отходить от дома, как пояс не отходит от тела хозяина; железные вещи означают, что, как железо нельзя есть, так и скот не может съесть ни один зверь». Весьма важные и существенные справки, указывающие на взаимообратимость слова и действия. Одна и та же цель достигается или применением слова, словесной формулы, или же обрядового действия. В общий состав обрядового действия включается также и обряд ряженья, — заговорное действие («замыкание замка») исполняется ряжеными старухами. «Как только скотину выгонят за ворота, многие старушки вывертывают шубу наружу шерстью, надевают в таком виде шубу и stanовятся среди своего скота; у какой-нибудь коровы или овцы вырывают клочек шерсти, и эту шерсть запирают замком, чтобы волк не трогал стада». Весьма яркий и значительный пример коллективно исполняемого ряжеными женщинами заговорного действия, которое входит в состав праздничного игрища, приуроченного ко дню весеннего выгона скота в поле.

Когда весь скот оказывается выгнанным в поле, в поле готовится снесь для пастуха и подпасков, и в это время исполняется диалогизированная сцена, весьма близкая по содержанию к заговорам. Пастух назначает, кому из его подпасков быть зайцем, кому слепым, кому хромым, кому замком, кому колодой. Расставляет их всех кругом стада. После этого берет приготовленную яичницу и идет с нею, прежде спрашивая у зайца: «Заяц, заяц, горька ли осина?» — Заяц отвечает: «Горька!» — «Дай бог, чтобы

и наша скотинка для зверя была горька». Потом спрашивает у слепого: «Слепой, слепой, видишь ли?» — Слепой отвечает: «Не вижу!» — «Дай бог, чтоб и нашу скотинку не видела зверинка». Дальше спрашивает хромого: «Хромой, хромой, дойдешь ли?» — Хромой отвечает: «Не дойду!» — «Дай бог, чтобы и зверинка не дошла до нашей скотинки». Дальше спрашивает у замка: «Замок, замок, разомкнешься ли?» — Замок отвечает: «Не разомкнусь!» — «Дай бог, чтобы и у зверя не разомкнулись зубы для нашей скотинки». И наконец спрашивает у колоды: «Колода, колода, повернешься ли?» — Колода отвечает: «Не повернусь!» — «Дай бог, чтобы и зверь не повернулся к нашей скотинке». Таким порядком пастух обходит стадо три раза.⁸⁵

Для заговоров вообще характерно накопление формул сравнения с разным содержанием; как видно из приведенного примера, подобному накоплению сравнений в словесном тексте заговора отвечает соединение разнообразных действий, представляющих в совокупности некий игровой драматизированный обряд, заключительный момент скотоводческого пастушеского празднества-игрища. По существу мы имеем сложный заговор, составленный из ряда сравнений: как горька осина, так...; как слепой не видит, так...; как хромой не может пройти, так...; как замок не размыкается, так...; как колода в лесу не поворачивается, так... Тожественное содержание, выраженное в виде словесной формулы, как единый заговор оказывается выраженным и представленным как драматизированный игровой диалог-сцена. Исполняемое одним лицом исполняется многими лицами.

У Л. Майкова, например, приведено описание обрядовых заговорных действий, исполняемых, как и описанные выше, весной в день выгона скота в поле: «... Возьми воск и шерсть в руку, положи на ворот образ божий, топор волочи и около скота на посолонь обойди трижды; на выпуске по сторонам расклади огни и, как приговоришь шерсть, закатай и сомни в одно место с воском и положи треть в древо, другую треть в замок, третью треть заверти в рог, древцо положи в дровяную кучу, замок запечатай иным воском и замкни, и ключ утопи в воду...» (Майков, 285). Текст заговора здесь не приведен, но мы его знаем по другим записям. В тексте заговора читаем в полном соответствии с изложенным выше обрядовым действием: «Запрусь я, раб божий (имярек), от всякого лихого человека крепким замком, железным ключом и отпущу я, раб божий (имярек), ключ этот в Окиян-море» (Виноградов, I, 34).

Заговор, заговорное действие выступает в приведенном у Л. Майкова описании как составная часть сезонного обряда. Заговор разрастается в сложный обряд, вырастает в обрядовое действие, в праздничное игрище, совершаемое на разных этапах раз-

⁸⁵ Добровольский В. Н. Егорьев день. — Живая старина, 1908, № 2, с. 152.

вития общины: на этапе родовой общины — всею родовой общиной, на этапе сельской общины — всем селом, «скопом», «миром», с распадом общины — отдельной изолированной семьей. Исполнение обряда становится частным делом и заговор, выпадая из состава целостного праздника-игрища, бытует уже по преимуществу в разрозненном единичном виде.

7

Поэтика заговоров весьма своеобразна в сравнении с поэтикой других видов фольклора и заключается в том, что в заговорах содержание непосредственно связано с формой, что форма заговоров находится в прямой зависимости от их содержания. Нигде так ярко не выступают мировоззренческие основы поэтики заговоров, как в заговорах. Любая и каждая из особенностей поэтики заговоров позволяет ощутить ее производность по отношению к мировоззрению, порождающему заговоры, обуславливающему их возникновение и развитие. И если в других видах фольклора, например в эпосе, в лирической или в обрядовой поэзии, весьма трудно и подчас невозможно вскрыть корни и пути, процесс образования той или другой поэтической формулы, образа, эпитета, сравнения и т. д., то генетические основы поэтики заговоров выступают перед нами со всей очевидностью и конкретностью, быть может не всегда пока исторически явной, но типологически во всяком случае прослеживаемой более или менее четко.

Среди заговоров можно различить несколько групп: параллелистические заговоры, строящиеся на приеме сравнения; заговоры с развитым центральным образом вне приема сравнения; заговоры, представляющие собою обращения; заговоры как формулы пожелания, заговоры-просьбы, заговоры-молитвы, заговоры типа абракадабр и т. д.

Параллелистические заговоры, построенные на приеме сравнения, образуют большинство заговоров. Сущность заговоров-сравнений заключается в сопоставлении (словесном или в действии) двух явлений в уверенности, что подобная при помощи параллелистического сравнения сопоставленности явлений должна повлечь за собою осуществление данного тождества в действительности. Заговоры основаны на вере в действительную осуществимость сравнения. Тем самым функция сравнения в заговорах резко отличается от функции сравнения в других видах фольклора. Функция сравнения в заговоре реализующая, тогда как в других видах фольклора изобразительная. В других видах фольклора сравнение — чисто изобразительное средство, средство возможно более реального изображения действительности; в заговорах же сравнение — средство воздействия на действительность, средство реализации известной практической цели. Ход мысли, лежащей в основании множества чар и заговоров, требует, чтобы в действительности происходило то, что служит образом желаемого собы-

тия. Как тухнет уголь, как потухает заря (*Майков*, 211), так бы погасла болезнь. Как уходит за воду солнце, так вместе с ним или вслед за ним ушла бы болезнь. Чтобы не видеть на себе тоски, нужно, произнося заговор, «стать на зарю спиною»: «Как мне зари не видеть, так бы мне и тоски на себе не видеть» (*Виноградов*, I, 66).

Поэтические средства заговора-сравнения, образы, эпитеты и т. д. строятся в полном соответствии с практической целью заговора. Желание, чтобы командиры «онемели и одубели», порождает сравнение с «онемевшими и одубевшими вороненками». «Летел ворон через темное море. Семь вороненков онемели и одубели, — так и всякие командиры онемели и одубели» (*Виноградов*, I, 63). Сравнения могут быть в заговорах неожиданны и фантастичны, но цель заговора всегда конкретна и реалистична: чтобы всякие командиры онемели, чтобы тоски на себе не видеть, чтобы болезнь погасла и т. д.

Параллелистические заговоры-сравнения бывают двух типов: заговоры с положительным и заговоры с отрицательным сравнением. Прием отрицания, отрицательного сравнения довольно распространен в параллелистических заговорах. Примером «отрицательного заговора» может служить заговор от уроков: «Ни от оборотней цветы, ни от камня плоды, ни от меня, раба божия (имярек), ни руды, ни крови, ни щекоты, ни болезни, ни коея тягости» (*Виноградов*, I, 18). «Как раб божий (имярек) не видит сзади тмени, так бы он ненавидел бы рабу Божию (имярек) и на глаза бы не пушал, и на душе бы не держал» (*Виноградов*, I, 108).

Наличие выраженного сравнения в заговоре не всегда необходимо. Параллелистические заговоры могут принадлежать к группе заговоров-сравнений, хотя формальные черты сравнения могут в них отсутствовать или же только подразумеваться. Так, например, заговор (*Виноградов*, I, 88) «скоцкой оберег» дан в виде подобного невыраженного сравнения: «В моем широком дворе матерой столб стоит крепко-накрепко, плотно-наплотно, никуда он не пошатнется, не погнется и не свалится, и ничего этот столб не боится. Не боюсь и я ни парня скалозуба, ни бабы пустоволоски, ни девки долговолоски. Кто на мой широкий двор придет, и тому бы над моим табуном ничего не дельывать». Прием счета «от большего к одному» (*Ефименко*, 37) так же точно представляет собою своеобразный вариант формулы сравнения, быть может, формулы отрицательного сравнения: «Було вас одинадцать, а з одинадцати десять, з десяти дев'ять, с дев'яти вісім, а з восьми... а з одной та не одной»... (*Чубинский* I, 116). Подразумевается сравнение: как из одиннадцати в конечном счете не осталось ни одной, так бы... и т. д.

Потебня, Зелинский и др. уже были склонны рассматривать все заговоры как заговоры-сравнения. Основную форму заговора они определяли как словесное изображение сравнения. Подобный взгляд, бесспорно, является ошибочным, потому что, несмотря на

распространенность заговоров-сравнений, имеется целый ряд заговоров, которые не являются заговорами-сравнениями. Таковы, например, заговоры-обращения, составляющие весьма значительную группу среди заговоров.

Заговоры-обращения строятся на прямом обращении. К болезни, любви, тоске, как к личному существу, обращаются с просьбой (или угрозами), чтобы она ушла. «Выдите, все скорби и болезни» (*Майков*, 52). «Встань, тоска тоскующая, сухота сухотующая, поди...» (*Виноградов*, I, 56). «Напади моя тоска и печаль, а великая кручина ни на воду, ни на землю... а рабе божьей на ретивое сердце, в горячую кровь, черную печень» (*Виноградов*, I, 60). К типу заговоров-обращений близко примыкает группа заговоров-просьб или заговоров-молитв. Как и заговоры-обращения, так и заговоры-просьбы вырастают из представлений об явлениях, состояниях, стихиях как личных существах. Отсюда заговоры-просьбы, обращенные к ветрам, воде, звездам, солнцу и т. д.

На молитвенном обращении к «утренней заре Маремьяне, к вечерней заре Маремьяне» строится заговор «на присуху». К заре обращена просьба: «Сними с меня тоску и печаль и великую кручину» (*Виноградов*, I, 66). «Вы зоры-зорниці, вас на небі три сестриці... Тягніть до мене...» (*Чубинский*, I, 92). «И благовослови меня, пречистая богородица, идти во чисто поле, из чистого поля в темные леса... разоставлять и разметывать пути и опутины, и тенета на христовых зверей, на белых зайцев, на белых рябей, на красных лисиц» (*Виноградов*, I, 86).

Прием сравнения отсутствует также и в заговорах с ограждающей защитительной функцией. Таковы, например, свадебные, промысловые и другие заговоры-обереги с образом «железного тына» или же с образом «космического ограждения», о которых была речь выше. В этих заговорах нет сравнения. Заговаривающий не прибегает к сравнению как средству для реализации цели, но непосредственно ограждает «железным тыном» или же солнцем, светом, звездами себя, идучи на суд, свои ловушки, свое стадо, новобрачного во время свадебного торжества и т. п. Анализ показал, что ни один из образов, встречающихся в заговорах (железного тына, пылающих печей, горящих в печи дров, метущей девушки, щуки с железными зубами, Соломонида, смывающей уроки, богородицы с прялкой или же с ножницами) не является простым образом-метафорой, рассчитанной на чисто эстетическое восприятие. Заговоры перестали бы быть заговорами, если бы заговорные образы не несли практически действенной функции. Как и сравнения, образы в заговорах — не изобразительные средства, но средства для достижения определенной утилитарной цели. Каждый данный образ: метущей девушки, смывающей Соломонида, стригущей Марии и т. д. связан с представлением, что болезнь можно смыть, смести, ostrичь, отрезать, удалить.

Для любовных заговоров характерны образы огненной печи, пылающих в печи дров, горящей бересты, сохнувшей на лугу

травы, пены, сохнущей на камне, пота, сохнущего на теле, сухого мужа, жгущего в печи сухие дрова, и т. д. Любовь — это огонь, сухота; огонь сушит — вот схема представлений, порождающих соответствующие образы в заговорах. Создавая образ горящих в печи дров, разжигая дрова в печи, сочетая образ горящих дров и воспламененного любовью сердца, заговаривающий, чтобы достичь желаемого, возбудить любовь, прибегает к заговору.

В силу того что в заговорах сравнения и образы вырастают из общих представлений и общей цели, содержание сравнений и содержание образов в ряде случаев бывает тождественным. Единство сравнения и образа, подчиненных исходному представлению и практической цели заговора, выдерживается также и по отношению к эпитетам. В заговорах не бывает случайно выбранных эпитетов. Как сравнения, образы, так и эпитеты вводятся в содержание заговора в соответствии с его практической целью, исходным общим представлением с образом, лежащим в основе заговора. . . Как Н. Познанский отметил, эпитет обыкновенно выбирается по какой-нибудь ассоциации с тем явлением, на которое заговор направляется. Например, больной желтухой должен пить воду из золотого сосуда или из выдолбленной моркови. С болезнью ассоциируется желтизна золота и сердцевина моркови. В заговоре на «остуду» между двумя лицами появляется эпитет «ледяной», в заговоре от опухолей — «пустой».

Эта последовательность в выборе эпитетов особенно ярко проявляется на примере «сквозных» эпитетов. Данный эпитет проводится сквозь весь заговор, прилагаясь к каждому существительному. Подобные заговоры со сквозными эпитетами обладают силой большой впечатляемости. «Як був чоловік пустий и воли пустийї, плуг пустий, погоничи пустийї, пусту ниву орали, і пусту пшеницю сїяв, пуста зїйшла, пуста и поспїла, пустий жнеці пустими серпами жали. . . по пустому камню молоты, ту бежуху розмолоты, по хатах, по болотах, по пустых очеретах» (*Чубинский*, I, 116—117). В любовном заговоре «на присуху», в любовной «присушке» фигурирует эпитет «сухой». Прием сквозного эпитета является принадлежностью также и западноевропейских заговоров. Так, например, в немецком заговоре от рожи фигурирует сквозной эпитет «красный». «Я шел через красный лес и в красном лесу там была красная церковь, и в красной церкви там был красный алтарь, там лежит красный нож. Возьми красный нож и разрежь красный хлеб» (*ich ging durch linen roten Wald. . .*). Сквозной эпитет «чорный» проведен через латинский заговор от родимца.

Особую группу заговоров составляют заговоры с эпической повествовательной вступительной частью. В подобных заговорах сравнение отсутствует. В них есть только эпическая часть. Это заговоры типа «Мерзебургских заклинаний». В них повествуется, как шли те или другие лица, как они указали средство, с помощью которого можно достичь желаемой цели, или же произвели

действии, обеспечившее достижение желательного результата: «Чараз золотыя кладки, чараз сяребренный мост шилы три сястры, усн три родны. Одна нясла злото, другая сребро, а третьца иголку и нитку шовку, — загуваривали вопухи, ядрось и зашивали рану и замувляли кров» (*Романов, V, 69*). «Чираз моря-акиянь шила божжия матирь, Стеўся з ею Сус Христос, сам господь бох. — Куда, божжа матушка, идеш, куда золоты ключики нясешь? — Такому та рабу кроў замкнуть» (*Добровольский, I, 201*).

Заговор от «скотского падежа» изложен по той же «эпической схеме». «Шол сам батюшка, Исус Христос, в чистом поле, в темном лесе, путем дорогой, а навстречу ему, батюшку, Томаша идет». Далее следует диалог. Томаша говорит, что скотина «вся в хворости». Христос советует, как избавить скотину от болезни.

Некоторые из исследователей считали заговоры, основанные на параллелизме, сокращением эпических заговоров; другие, например Зелинский, высказывали противоположное мнение, что заговоры с эпической частью развились из параллелистических заговоров-сравнений. Данный вопрос решается несколько в иной плоскости. О заговорах с эпической частью можно сказать, что они представляют собою заговоры с невыраженным сравнением в контаминации с так называемыми персонажными заговорами. Устанавливается параллель между данным случаем, когда необходимо прибегнуть к заговору (в случае вывиха ноги, кровотечения, болезни скота и т. д.), и якобы некогда происходившим событием, в котором принимали участие некие три сестры, бог или же святые. Событию приписывается божественный характер и заговорная формула вкладывается в уста необыкновенного существа (бога, святых, мифических сестер и т. д.). Представляя собою заговоры с невыраженным сравнением, эпические заговоры могут быть сближаемы с заговорами, в которых знахарь ссылается, что это не он заговаривает, а кто-нибудь из святых, божия мать и т. д. «Господа бога мать пресвятая богородица на помощь призвала и все скорби и болезни обмывала; не я пособляю, не я помогаю, не я избавляю; помогает и пособляет сам Исус Христос и сама мать пресвятая богородица... Сама мать богородица своего сына Христа обмывала и нам, для младенцев, ополоченки посылала... Выйдите все скорби и болезни» (*Майков, 52*).

Переходим к рассмотрению структуры заговоров. Заговоры-сравнения двухчленны: они строятся по схеме «как—так», и в том случае, если включают только один образ-сравнение, бывают кратки. Двухчленность — отличительная особенность заговоров-сравнений. Из двух членов заговорной формулы первый — то, что сравнивается; второй — то, с чем сравнивается.

Заговоры-сравнения бывают простыми и сложными. Сложным, или составным, заговором называем такой заговор, который содержит не один образ-сравнение, а несколько образов-сравнений, представляя собой нанизывание ряда сравнений. Такой заговор весьма легко разлагается на элементарные составные части.

То же нужно сказать и вообще по отношению к распространенным заговорам. Заговоры в русском фольклоре позволяют легко вскрыть пути развития как объема заговоров, так и образности. Н. Познанский указывал на характерный для заговорного творчества прием «симпатической гиперболы».⁸⁶ Точнее было бы говорить о числовом развитии центрального образа. Числовое, троекратное и многократное усиление образа является своеобразной стилистической особенностью заговоров, характерным средством поэтики. Схема развития заговорных образов всегда одинакова: это прием количественной повторности. Исходный единичный образ дается в троекратном или многократном умножении. Так, в любовных заговорах «на присуху» иногда фигурирует одна «тоска тоскующая, сухота сухотующая» (*Виноградов, I, 56*), но иногда их оказывается три: «три тоски тоскующие, три тоски сухующие и три тоски не усыпающие. И те три тоски... падут к рабице божией (имярек) в ретивое сердце...» (*Виноградов, I, 45*). Единичный, характерный для любовных заговоров, образ «огненной печи» в процессе количественного роста дает три печи: «В чистом поле, на краю синего моря поставлены три огненных печи: печь израцатая, печь железная и печь булатная. В тех трех печах горят-разгораются, тают-растопляются дрова дубовые, дрова смолевые. Так бы горелось-разгоралось и таяло сердце, растоплялось ретиво сердце у раба божия (имярек)...» (*Виноградов, I, 37*). Количество печей, возрастая, может дойти до 77. Точно так же развивается и образ горящего в печи огня; образ огня приобретает космические размеры, охватывая «небо и землю, всю подселенную», превращаясь в образ космического огня. Обычно в заговорах с формулой «замыкания» фигурирует один замок, но их может оказаться и много больше в том же троекратном увеличении: «трыдевить замкоў», «трыдевятъ ключоў и трыдевятъ подзамкоў» (*Добровольский, I, 204*).

В заговорах-оберегах, промысловых и свадебных заговорах, заговорах с формулой ограждения обычно выступает один железный тын, но в процессе усиления вместо одного тына появляется три тына; усиление идет дальше: кроме трех тынов, в содержание заговора вводятся каменная стена и огненная река, чтобы никому невозможно было «ни подрыться, ни подкопаться».

Подобно тому как печи в заговорах при троекратном увеличении их числа оказываются булатной, оловянной или тыны — железным, булатным и медным, точно так же и зубы у чудесной щуки или же евангельской Соломоницы оказываются железными, щеки медными, глаза оловянными. «В заговоре (у щуки) зубы железны, щеки медны, глаза оловянны. Откуда такой образ? — спрашивает Н. Познанский и отвечает: — Здесь мы имеем дело с симпатическими эпитетами... Они даны щуке только затем,

⁸⁶ Познанский Н. Заговоры... с. 211.

чтобы ярче оттенить ее способность грызть, подчеркнуть именно то ее свойство, которое в данном случае в ней ценится». ⁸⁷

Числовое, количественное, а также пространственное усугубление образа, вырастающее из стремления усилить действие заговора, приводит к возникновению нового, качественно отличного образа, обычно с космическим содержанием. Тыны тынятся в высоту до неба, в глубину земную «до трех китов», в толщину до «трех сажней печатных». Огонь усиливается до того, что разжигает «небо и землю и всю подселенную».

Кроме приема числового усиления, для поэтики заговоров характерен также прием перечисления. Прием перечисления находит себе выражение в подробном перечислении: уроков, порчей и т. д., которые высылаются; частей тела, из которых эти уроки, порчи и т. д. высылаются; лиц, которые их наслали; условий времени и места, когда эти уроки, порчи и т. д. могли быть насланы. Перечисляются «суроцы, притчи, скула, статья, лихотыца»; «жаноцкие, хлопецкие, молодецкие, дзявотские» и т. д. (*Романов, V, 29*), «ляканья цепляное, ветраное, водзяное, лесовое, жаноцкое, мужчицкое, хлопяцкое, дзявотское» (*Романов, V, 145*). Тщательно перечисляются части тела, из которых изгоняются уроки, притчи и т. д. «Выбираю сцень с такога-то, з головы з яго, з ног, ис сердца, з зубов, з вушов, со рта, из носа, с шии, с плеч, з рук, с ног, из жил, ис крови» (*Романов, V, 147*). «Выходзиця (снучи и здрыги) з раби божия из щираго сердца, з радиваго живота, с чорныя печани, з белаго лехкаго, с потроха, з голосной гортани, з ясных вочей, из слуховых ушей, з боявых ноздрей, из буйныя головы, из белых рук, из резвых ног» (*Романов, V, 142*). Перечисляются все и всякие «зглазы, призоры, озены и обаи» (*Виноградов, I, 128*). Перечисляются «потаенники, промышленники, забаянники, заугольники, колдуньи, колдуны, лихие чело-веки, дохтуры, попы» и т. д., «кой сидит на пече и на воронце, и на голубце, и на куретнике, на полу и на лавке, и на конике, и на шестке» (*Виноградов, I, 52*).

В немецких заговорах эти перечисления значительно более кратки. Было бы совершенно ошибочно источники возникновения приема перечисления в заговорах возводить к литературным воздействиям или же к заимствованию. Подобное перечисление видов болезни и частей тела обусловлено представлением, что если не упомянуть данный вид болезни или данную часть тела, то болезнь будет продолжать гнездиться в данной части тела. Чтобы избавиться от болезни (порчи, уроков и т. д.), надо перечислить по возможности все виды болезни, все виды порчи, все виды уроков, все части тела, в которых может находиться порча, уроки и т. д., всех лиц, занимающихся порчей, все часы дня и ночи, когда могла быть совершена порча, насланы уроки. Так распространенность объема заговоров, прием перечисления в заговорах

⁸⁷ Там же, с. 169.

порождены не требованиями формальной поэтики, но общим взглядом на способ избавиться от уроков, порчи, сглазу и т. д. В заговорах форма заговора является и его сущностью. Из сущности заговора и его содержания вырастает также и его форма.

Заговоры имеют зачин, вступительную формулу, обычно в виде формулы ухода: «встану, пойду». А. Потєбня сравнивал эти зачины в заговорах с «запевами» в песнях («Ой пиду я», «Ой зійду я», «Ой стану я» и т. д.).⁸⁸ В христианизированном варианте зачин имеет такой вид: «Стану я, раб божий, благословясь, пойду, перекрестясь. . .». Подобный зачин с формулой ухода естественно включает в свое содержание описание места, куда идет заговаривающий, чаще всего это море, река, поле и лес, причем нередко «море» и «поле—лес» контаминируются и выступают в довольно своеобразных сочетаниях. Не менее часто встречается зачин типа космического или христианского молитвенного обращения (к звездам, солнцу, ветрам, воде или же к святым, богородице и т. д.). После зачина в центральной, основной части заговора обычно говорится о камне, лежащем в чистом поле, или же в океан-море, об острове с деревом и с теми же или другими образами-персонажами. В любовных присушках на поле вместо острова с деревом выступают «огненные печи» (*Виноградов*, I, 37). Заканчивается заговор просьбой об исполнении желаний, иногда сравнением. Заключительная формула представляет собою часто так называемую «закрепку», в которой обычно упоминается ключ и замок. «Небо ключ, земля замок, тому ключу наружному». Так тын «над аминями аминь» (*Виноградов*, I, 1). «Многа посабляить сие слова: „Ключ неба, а замок земля“» (*Добровольский*, I, 201).

Приведем несколько примеров построения распространенных заговоров. Заговор (*Виноградов*, I, 62) строится, например, из соединения трех формул: сначала вступительная обычная формула: «встаю я, пойду я в чистое поле», затем формула «космического ограждения»: «светом ограждаюсь и звездами подпоясываюсь», далее формула сравнения, являющаяся вместе с тем и формулой пожелания: «Как радуется и веселится мать божия господу богу, так бы и мне начальники радовались и веселились, рук своих не подымали и уста свои не растворяли». «Заговор судей» (*Виноградов*, I, 68) начинается формулой: «Стану я. . . и выйду я. . . в чистое поле, в широкое раздолье. В том чистом поле, в широком раздолье течет река огненная». Дальше следует обращение: «И попрошу я ту реку огненную. . . напади и посуши ты, река огненная, начальника (имярек), чтобы не мог на меня умом подумать и злыми, лихими словами поспеть. . . делал бы так, как мне подобно». Образ «огненной реки», введенный в «заговор судей», находит себе соответствующее тематическое развитие в формуле невыраженного сравнения-пожелания. «Где бы слова и

⁸⁸ Потєбня А. А. Объяснение малорусских. . ., с. 2.

заговоры мои его не заступили... тут бы карали и жали, и разжигали; и напала бы на него тоска, сухота и великая жалость; и показался бы я, раб божий (имярек), ему, рабу божью (имярек), лучше всего в света белого, лучше солнца красного, милее отца и матери» (*Виноградов, I, 68*).

8

Заговоры в русском фольклоре, составляющие еще в XVII—XVIII столетиях достояние всех классов и сословий феодального общества и известные нам в этнографических записях XIX—XX столетий как принадлежность крестьянского фольклора по преимуществу, весьма мало или почти вовсе не изучены с точки зрения отношения их к порождающему их мировоззрению. Между тем мировоззренческие основы заговоров могут быть вскрыты и прослежены с достаточной полнотой и четкостью.

Заговоры возникают на почве диффузного, по терминологии Н. Я. Марра, мышления с характерной для этого мышления нерасчлененностью представлений. Именно наличие диффузного мышления и диффузных, нерасчлененных представлений о природе явлений, состояний, существ, стихий и вещей и обусловило возникновение заговоров.

Мировоззренческие основы заговоров-сравнений вскрываются столь же четко и в том же направлении, как и мировоззренческие основы заговоров-обращений. Заговор, построенный на сравнении горячей бересты с любовью, мог возникнуть только тогда, когда каждое состояние, действие, качество представлялись и мыслились столь же вещественными и предметными, как и любой предмет, любая вещь и любое существо. Сравнение с огнем в любовных заговорах связано с наличием нерасчлененного представления о любви, как огне, отождествлением любви и огня. Так как любовь и огонь равно «сушат» и сухота — одинаковое свойство любви и огня, то для того, чтобы заставить данную особу любить, сохнуть, для этого нужно разжечь огонь, использовать присушливые свойства огня. Береста брошена в печь; она горит в печи; так же будет гореть сердце у девицы или молодца. Сопоставление явлений в слове или действии, установление их нерасчлененности в сравнении обуславливает воспроизведение произведенного сопоставления, выявление их нерасчлененности в действительности, — здесь, в наличии данной мысли, — корни возникновения заговоров-сравнений.

Заговоры-сравнения основаны на сопоставлении явлений, заговоры-обращения — на представлении каждого из явлений как личного существа. В мышлении, порождающем заговоры, не противопоставляются существо и явление, существо и состояние, существо и вещь или же стихия природы. Болезнь и любовь не состояния, эмоции какого-либо существа, какой-либо личности. Всякое явление природы, как и всякое состояние человека, есть

существо. Любовь такое же личное существо, как и человек или камень, как существом является дерево, а равно ветер, огонь, звезды.

Так как каждое данное явление, вещь, стихия представляют собою личное существо, то с ним, как и с каждым существом, можно общаться, вступить с ним в личное общение, лично на него воздействовать. С болезнью, с сухотой сухуюющей, с тоской тоскующей, с братом-ветром, с водой Ульяной можно поговорить, попросить, убедить, угостить вкусными яствами или же, напротив, воздействовать угрозами, выкурить отвратительными запахами. «Царь батюшка река!.. Омой и оторви от раба божьего (имярек) всякие болезни...» (*Чубинский*, I, с. 111). «Свята вода Олияно, очищаеш луги и береги, и корінья, и камінья, очисти, господи... раба божого N», приговаривая так, моют руки, ноги, груди и плечи, воду выносят и выливают в ворота «під п'ятку» (*Чубинский*, I, 135). После родов, выпарив родильницу в бане, повитуха парит новорожденного, приговаривая: «Не будь седун, будь ходун; банюшки-паруши слушай. Не слушай ни уроков, ни кричищев, не урочищев...» (*Майков*, 51). «Воображение крестьян... представляет себе кумушку (лихорадку) живым существом, наделенным сверхъестественной силой. В чрезвычайных обстоятельствах она (одинаково с чумой и холерой) становится видимой, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся в глаза плохой одежкой и старческим безобразием лица».⁸⁹

Мышлению, порождающему заговоры, свойственно существование, личное представление о вещах и в свою очередь — предметное, вещественное представление о существах. Вещь есть существо точно так же, как существо есть вещь. Представлению предмета как существа отвечает представление существа как предмета — предметное, вещное представление о существе. Каждое явление и состояние, каждая эмоция и действие — предметны и вещественны — будет ли это любовь, болезнь, уроки, притча, гнев, тоска, ненависть. В свою очередь вещь, имеющая отношение к человеку (одежда, след человека, его волосы, срезанные ногти и т. п.), является предметным воплощением человека. Вещь, относящаяся к человеку, тождественна человеку. Она представляет человека, — и это вполне понятно с точки зрения данного мировоззрения, не противопоставляющего, не расчленяющего существа и вещи.

На наличии в мировоззрении, порождающем заговоры, подобных предметных, вещественных представлений о явлениях и состояниях, которые с нашей точки зрения не являются ни вещами, ни чем-либо предметным, основываются все приемы и средства «магии передачи» и «магии прикосновения». Так как любовь, болезнь предметна, то ее можно снять, смести, смыть, можно наслатъ, перенести, передать. Болезнь можно передать через

⁸⁹ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине. СПб., 1897, с. 8.

белье больного. В белье, в каком человек захворал лихорадкой, нужно выйти на распустье и там, сняв его, оставить. Кто поднимет белье, на того и перейдет лихорадка.⁹⁰ Особенно часто передают болезнь животному, кошке, собаке, курам; болезнь передают, вешая на шею больному живого лия. При лечении зоба ударяют камнем по зубу и бросают его в воду, говоря: «Дай бог, чтобы исчез зуб, как исчезает этот камень». От головной боли камнем прикладывают к голове и говорят: «Пусть она будет крепка, как камень». Мышление, порождающее заговоры, не различает существа, вещи, действия, субъекта и объекта действия. Это относится также и к слову. Слово столь же вещно, действительно и существенно, как и каждая вещь, каждое существо и каждое действие. В литературе о заговорах говорят обычно о связи слова с обрядовым действием; более правильно говорить о функциональной однозначности заговаривания и действия. Заговоры и действия существуют как практические средства достичь желаемого. Заговаривание и действие (выкуривание, обмывание, смахивание, засекание и т. д.) — это тождественные средства для достижения той же цели. Они могут применяться отдельно, независимо одно от другого, но могут применяться и одновременно. Слово и действие не противопоставляются. Одной и той же цели можно достичь и при помощи слова, и при помощи действия. Слово столь же существенно, предметно, вещественно, как существенно, предметно и вещественно действие. Противопоставленность слова и действия для нас не была противопоставленностью слова и действия для мировоззрения, порождавшего заговоры. Отсюда ошибочность мнения, высказанного Н. Познанским. Н. Познанский писал: «Заговор есть словесная формула, первоначально служившая пояснением магического обряда».⁹¹ Между тем, конечно, словесная формула в заговоре не является «пояснением магического обряда», потому что с точки зрения мировоззрения, порождающего заговоры, слово и действие равнозначны. Одна и та же цель может быть достигнута словом и действием. Сравнение для достижения цели может быть произнесено, но может быть и произведено. Словесное произнесение сравнения и обрядовое произведение того же сравнения должны иметь одни и те же последствия.

Неразличенность представлений одинаково характерна как для первобытнообщинного мышления дофеодального периода, так и для средневекового мышления феодального периода. Представление о болезни, любви, стихиях как существе свойственно одинаково как и мировоззрению первобытнообщинного времени, так и средневековому мировоззрению с той разницей, что в средневековом мировоззрении болезнь — это личное существо, в перво-

⁹⁰ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского Русского Географического общества. Пг., 1914, вып. 1, с. 439.

⁹¹ Познанский Н. Заговоры... с. 162.

бытнообщинном — существо, взятое в соотнесенности к данному родовому коллективу. Заговоры феодально-крепостной эпохи совершенно потеряли родовой характер. Для фольклора дофеодального, первобытнообщинного периода, напротив, характерно наличие гентильных родовых представлений о всех вообще явлениях, в том числе и о болезни и о причине заболевания. И. Н. Смирнов приводит своеобразную «молитву», записанную им у удмуртов, весьма ярко иллюстрирующую своеобразное представление о «матерях» и «дедах» как причиняющих боль. Некогда удмурты обращались к своим «родителям» с молением-просьбой: «Дедушка, не посылай болезни, бабушка, не посылай болезни, мать, не посылай болезни».⁹² В этом обращении весьма четко отразилось родовое, гентильное понимание болезни, представление, что болезнь причиняют родовичи, что «матери» и «деды» посылают болезнь. Русский фольклор не сохранил подобных представлений. Диффузное мышление первобытнообщинного времени было в своих наиболее архаических формах родовым, гентильным мышлением, мышлением того времени, когда род, племя были границей для человека, составляли предел, через который он не мог переступить. Солнце было матерью, как матерью была и река, а равно и болезнь, лес, лесная мать зверей, мать-огонь, мать-вода и т. д. Материнско-родовому восприятию было подчинено как восприятие солнца, так и восприятие болезни. В условиях перехода от дофеодальной эпохи к феодальной в результате разложения родового строя представления о болезни, смерти, рождении, успехе на охоте и других промыслах и т. д., потеряв свои родовые черты, деформировались в личностные представления; болезнь, например, стали представлять не как связанную с родителями и ими подчиняемую, но как личное существо.

Персонализация явлений и жизненных отношений — плод взглядов, восходящих к дофеодальной эпохе, своеобразно деформированных: родовые черты представлений окончательно отмерли; выкристаллизовались и возникли новые, отличные от предшествующих представления о существе и личности. Родовое восприятие начисто отмирает в заговорных формулах и действиях феодального периода. Сельскообщинный фольклор феодального периода не обнаруживает следов первичного родового сознания, первобытного гентильного мышления. Феодализм стер из сознания представления о родовых связях. Подобное сознание оказалось исключенным полностью. Идея родовых связей была полностью вытравлена из сознания крестьянина-общинника феодального времени, но нерасчлененность представлений об явлениях — существах — вещах — действиях сохранилась. Теряя родовой характер, связь с родом, мировоззрение крестьянина-общинника в феодальный период сохраняло ту же нерасчлененность представлений о действии и действующем субъекте, состоянии и су-

⁹² Смирнов И. П. Вотяки. М., 1890, с. 188.

шестве, существе и вещи, которые в мировоззрении древнородового времени носили материнско-родовой характер.

Именно в этой же плоскости следует решать и вопрос о магии и магизме заговоров. Когда мы говорим о магизме заговоров, мы должны со всей четкостью различать магизм, вырастающий на почве диффузного мышления с характерной для него нерасчлененностью представлений о субъекте и объекте, вещи, существе, действии, и магизм, вырастающий на почве противопоставления субъекта и объекта. Магизм магизму рознь. Совершенно понятно, что магизм, основанный на архаическом «диффузном» мышлении, на нерасчлененности представлений о существе и действии, субъекте и объекте действия, принципиально отличен от магизма, основанного на противопоставлении субъекта и объекта, и тем более отличен от демонологического магизма, утверждающего подчиненность духов могущественному заклинателю-магу, осуществляющему свои приказания через подчиненных ему духов, от магизма, основанного на идее господства и демонологического воздействия. Средневековое мировоззрение знает как магизм до-демонологической стадии, так и магизм демонологической стадии. То же следует сказать и о заговорах в русском фольклоре. Здесь мы найдем заговоры, магизм которых основывается на нерасчлененности представлений, и заговоры с ярко выраженным демонологическим характером, заговоры-заклятия, заговоры-абракадабры и т. д., заговоры «ученой» средневековой магии.

Заговоры, по определению М. Н. Сперанского, есть вид литературы традиционной.⁹³ А. Н. Афанасьев говорил «о вековой прочности слова» в заговорах. Он был не совсем прав. Так, например, заговоры как словесные обращения к определенной личности, которую хотят упросить или заставить уйти, бытуют в силу непосредственного творческого создания их на почве определенной системы мировоззрения. Речь должна идти не о «вековой прочности» словесного текста, но о «вековой прочности» взглядов, устойчивости представлений, обуславливающих повторное и неизменное в своей повторности возникновение аналогичных словесных формул.

Анализ структуры заговоров, а также обращение к историческим документальным материалам XVII—XVIII столетия показали, что заговоры в феодально-крепостную эпоху не были только окаменевшими реликтовыми пережитками, бытовавшими исключительно в силу инерции. Заговоры были живы. Они возникали и развивались. Они творились. Они были творчески живы в сознании людей того времени. Однако это вовсе не значит, что заговоры строились и создавались на почве средневекового мифотворчества в полном отрыве от мифотворчества дофеодального периода, вне какой-либо связи с фольклором первобытнообщинного времени. Такого мнения держался, например, академик А. Н. Веселовский.

⁹³ Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917, с. 445.

Полемизируя с представителями мифологической школы, А. Н. Веселовский отстаивал мнение, что заговоры строились на почве христианского средневекового суеверия, вне каких-либо связей с мифологией древнеязыческой. А. Н. Веселовский был конечно, неправ, указывая только на линию разрыва и не учитывая вместе с тем связей, не замечая весьма сложного и своеобразного процесса деформации представлений, перехода от архаических гентильно-родовых представлений к новым представлениям феодально-крепостной эпохи, принципиально отличным, но все же как-то своеобразно связанным с прежними. Свойственный заговорам образ «птицы на дереве», «дерева на острове (камне)», «камня-алатыря», «острова на море» А. Н. Веселовский пытался объяснить из христианской церковной символики (гора Сион, крестное дерево и т. д.). Он, например, утверждал, что «алатырь не что иное, как алтарь, понятый как символическое выражение христианского таинства...».⁹⁴ Так же точно и образ «мирового дерева» он истолковывал как возникающий из образа «древа-церкви» и вырастающий затем в космический образ. Мировое дерево в христианских средневековых легендах изображалось так: «... мировое дерево высится до неба, корень спускается в ад; кругом ствола обвился змей, на вершине символическая птица, неприязненная тому змею; на ветвях — птицы, четвероногие, питающиеся от его плодов; с боку — рана, откуда сочится влага; у подошвы райский источник, источник юности. Это напоминает Иггдразил северных преданий: его ветви осеняют весь мир; один из его корней спускается в Niflheim, где его гложет змей Nidhöggr, другой в царство Азов или людей, под ним источник Урды, вода которого обновляет и молодит. На вершине восседает орел; четыре оленя гложут его молодые побеги, а с боку оно гниет. Если вероятно воздействие христианских представлений на мифологию Эдды, то причины сходства будут ясны, отличие вменяется искажению».⁹⁵

С возражениями А. Н. Веселовскому выступил Н. И. Коробка. Он отстаивал мнение, что в приведенных образах мы имеем дело «не с христианским представлением, искаженным до неузнаваемости, а с образом мифическим, некоторые детали которого получили христианское истолкование».⁹⁶ Что образ «мирового дерева на камне (острове)» и «птицы на дереве» является архаическим, восходящим непосредственно к дофеодальному периоду, в этом нет никаких сомнений, но Н. И. Коробке не удалось указать на исторические корни этих образов в русских заговорах.

⁹⁴ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха, III, с. 25. «Алатырь вышел из символики алтаря-трапезы». — Там же, с. 40.

⁹⁵ Там же, с. 66—67.

⁹⁶ *Коробка Н. И.* 1) «Камень на море» и камень-алатырь. — Живая старина, 1908, вып. 4, с. 422; 2) Чудесное дерево и вещая птица. — Живая старина, 1910, вып. 3, с. 189—214, вып. 4, с. 281—304.

Обращение к археологическим материалам указывает, что у народов, населявших территорию СССР в древнейший период, в частности у скифов, существовало мифическое представление о «мировом дереве», вполне соответствующее тому, какое А. Н. Веселовский считал принадлежностью средневековой легенды. В «Древностях Приднепровья» воспроизведено изображение такого «мирового дерева», осеняющего мир, охватывающего все изначально земное и небесное. На некотором возвышении (этому возвышению отвечает в словесном изложении «камень», «остров») водружено дерево; сверху дерева на верхних его ветвях сидят две птицы; внизу по ветвям восходят четвероногие звери; у ствола осеняемый ветвями стоит обнаженный человек; на цепочках к ветвям прикреплены месяцы и солнца. Заговоры сохранили этот космологический образ, образ дерева, представляющего собой вселенную, в своих истоках восходящий к мифологическим представлениям дофеодального периода.

Образ вселенной как дерева с двумя космическими птицами на его ветвях распространен в мифологии многих народов. Кроме приведенного скифского изображения, этот же образ археологически засвидетельствован рисунком на глиняном цилиндре из древних Суз. Подобно тому как Иггдрозил и мировое дерево христианских легенд включают комплекс фигур: кроме дерева, птицу, змею и оленей, — точно так же и на указанном рисунке в центре изображено дерево, около дерева человек, над деревом солнце, а по бокам бросающаяся змея и антилопа, приготовившаяся к прыжку. Архаичность заговорного образа «дерева на острове среди моря» не подлежит сомнению. Кроме того, известны многочисленные изображения «мирового дерева на ладье». Дерево на ладье, очевидно, на мировом океане-море, дано в наскальном изображении из Локебурга в Богуслене. Средиземноморье (Эгейская область) также знает изображение ладьи с деревом и под деревом на ладье — человек.

Об архаичности образа «железного тына» в русских заговорах, восходящего к фольклору первобытнообщинного времени, была речь выше. Столь же архаичен также образ «щуки с железными зубами». На исследовании этого образа специально останавливался Н. Познанский. Познанский отмечал, что «такие приемы лечения, как сечение или покалывание больного, основываются на вере в возможность подействовать физически этими средствами на болезнь, представляющуюся в виде живого существа». Это же относится также и к приему загрызания, откусывания болезни. Болезнь отгрызают. Отгрызание совершается человеком, мышью, а также щукой. «Так, — замечает Познанский, — на почве симпатического обряда создается мифический образ». Образ создается непосредственно из обряда-действия, являющегося средством физического воздействия. Н. Познанский совершенно прав, когда пишет: «Когда создавались в заговорах подобные образы, они не представляли за собой никаких мифов. Миф тут только

впервые творился, творился с прямою практической целью».⁹⁷ Однако возможность на материалах русских заговоров проследить типологически развитие данного образа не исключает, как сказано, его глубокой архаичности. Данные чукотского и эвенкийского (тунгусского) фольклора подтверждают архаическое бытование мифического образа «щуки» в фольклоре первобытнообщинного времени. В. Г. Богораз-Тан сообщает: «На Тихоокеанском побережье *tujketuj* значит „щука“. В Колымском же районе это название означает „гигантскую рыбу“ (щука в Колымском районе называется „кусливая рыба“ — *juitku -nepp*), живущую в тундренных озерах. Она — людоед, постоянно таскает людей, особенно купальщиков, и пожирает их. Однажды она сожрала юношу, пришедшего на озеро рыбачить... У других племен северо-восточной Азии распространено то же самое представление о гигантской щуке, живущей в неизвестных тундренных озерах».⁹⁸ В свою очередь «у олекминских тунгусов встречается шаманский очистительный атрибут в форме пасти большой морской рыбы; это изображение во время прохода больного не стоит на земле, а лежит... Больной оставляет в зубах свой недуг».⁹⁹ Е. Г. Кагаров сопоставляет с этим обрядом эвенков «мотив загрызания грыжи чудесной щукой», который он рассматривает как «рудимент старого магического обряда с действительными щучьими зубами».¹⁰⁰ В этих заговорах и в этих обрядовых действиях «щука с железными зубами» выступает в роли целителя. Однако, как отметил Н. Познанский, «щука... из существа, врачующего грыжу, сама сделалась олицетворением грыжи».¹⁰¹ Таков, например, заговор, приведенный у Ефименко: «И возговорит красна девица: ой еси грыжа, вошла еси ты в раба божьего в вотчину щукою, и ты выйди из него окунем, и пойди к белому камню...».¹⁰² Познанский отказывается объяснить подобную двойственность образа «целителя болезни»: «Совершенно... невозможно проследить, как щука обратилась в олицетворение грыжи».¹⁰³ Между тем сочетание образа «целителя болезни» и самой болезни не является единичным. В заговорах от змеиноу укуса мы находим такое же нерасчлененное представление о болезни и целителе. Змея в этих заговорах выступает нерасчлененно: как жалящая, так и целящая, умерщвляющая и оживляющая. В случае если змея укусит, «съест скотинину», то к ней же

⁹⁷ Познанский Н. Заговоры... с. 231, 171, 169.

⁹⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, II, с. 39.

⁹⁹ Кагаров Е. Г. К вопросу о классификации народных обрядов. — ДАН, Сер. В, 1928, № 11, с. 191.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Познанский Н. Заговоры... с. 171.

¹⁰² Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 2, с. 17. — В кн.: Тр. этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. V, вып. 2. М., 1878.

¹⁰³ Познанский Н. Заговоры... с. 174.

обращаются, чтобы она вынула свое « жало », запечатала свою ядовитую слюну. « Змея Скорпья, вынь свое жало, вынь свои зубы, вынь свои крюки, соткни зуб с зубом, запечатай свою слюну » (*Виноградов*, I, 80). Смысл этого нерасчлененного представления разъясняется в следующей фразе: « Если укусишь раба божьего (имярек) — в белое тело, пустишь свою черную слюну в горячую кровь, то сам и уймешь, всякую болезнь выгонишь » (*Виноградов*, I, 40). Змей, к которому обращаются — или царь, владетель, повелевающий подданными, или же мать, приказывающая своим дочерям. Такое представление является, впрочем, позднейшим; более первоначальным вариантом является тот текст заговора, в котором обращаются не к « царю » и не к « матери », но к той же змее; к змеям вообще: « Собирайтесь уси, змеи, .. вынимайте свое лютое жало и лихую ярость от этой животный » (*Добровольский*, I, 180). « Из моря, из-за горы, из белокаменной пещеры выходила широкоперая змея, выносила трои клещи железные и вынимала жало от черного гада, от пестрой гадницы, от ярца и переярца » (*Майков*, 186).

Эта нерасчлененность представлений, обратимость болезни и ее исцеления, полное отсутствие каких-либо элементов противопоставленности является характерной чертой не только для наших русских заговоров, но, например, и для греческой мифологии. Греческая мифология дает нам то же архаическое нерасчлененное представление о змее, причиняющей болезнь и целящей, изгоняющей болезни, врачующей. Взгляд, что укушенный змеей должен обратиться к змее же за исцелением, что змей — это исцелитель, изгоняющий болезни, отразился во всей сложности деформированных мифологических представлений в греческом мифе о врач-исцелителе Асклепии, первоначально, в своем исходном образе — змее.

К фольклору дофеодального периода восходит также и прием стирания, сметания, соскребывания болезни. Больного обтирают рубахой, тряпичей, мать обтирает ребенка подолом, говоря: « Чем родила, тем и отходила ». Больного протаскивают через развилку в дереве, через нору в земле. Скот прогоняют через « земляные ворота ». « Викошай нору у землі, краще всього у рові, протягни дитину тричі скрізь землю » (*Чубинский*, I, 123). У эвенков « перед началом охотничьего сезона... охотники срубают дерево, раскалывают его на две части за исключением зеленой верхушки... На другое утро охотники с ружьями и собаками пролезают через расщеп ».¹⁰⁴ Шаманы у эвенков сооружают *sálgat* — деревянный развил в виде циркуля и *ungudum* — деревянную раму, две стороны которой изображают рыбу. « Изображения рыб на раме *ungudum* делаются для того, чтобы шаман мог водворить в них побежденного духа болезни и затем сопровождал его в нижний мир. Больная женщина пролезла между рук шамана в расщеп

¹⁰⁴ *Кагаров Е. Г.* К вопросу о классификации... с. 104.

sálgat'a под оленью шкуру. Как только она вылезла с противоположной стороны, шаман страшно зарычал и... топтал ногами и шкуру, и палки, и sálgat. Топтанье предметов, в которые вселился, по убеждению шамана, дух болезни после протаскивания большого через тот или другой предмет, основывается на вере в возможность физического воздействия на болезнь и на духов». ¹⁰⁵

Отношению заговоров русского фольклора феодального периода к разговорам и действиям в шаманском фольклоре дофеодального периода отвечает отношение положения знахаря в русской деревне к положению шамана. Знахарь и колдун, конечно, не шаман, но, как и шаман в родовой общине, он был необходимой фигурой в крепостной и послекрепостной деревне. У П. В. Шейна приведено несколько сообщений о белорусских знахарях, записанных С. Н. Рачинской в 70-е годы. С. Н. Рачинская описывает старика-знахаря Якуленка. «К темным силам, от злого влияния которых охранял людей, он (Якуленок) относился со страхом и уважением. Первому заговору (от укушения змеи) он выучил меня, стоя со мною в сосновой роще, где я с ним встретилась во время прогулки: он возвращался от какого-то больного. Весь заговор он говорил таинственным шепотом, поминутно останавливаясь и пугливо озираясь при малейшем шорохе в траве. Он боялся, чтобы змеиный царь Ур и царица Урица не подслушали его». ¹⁰⁶ «У кажинного знахаря свое дело», ¹⁰⁷ своя специальность, свой круг заговоров, которыми он владеет. «Заговором (от змей) он (Якуленок) заслужил себе известность во всех окрестных наших деревнях». ¹⁰⁸ В комнате «перед тем как сказать новый заговор, он усердно молился, заставляя и меня молиться. Пока я записывала заговоры, он все время что-то шептал, потом брал меня за правую руку и заставлял прямо смотреть ему в глаза, окна закрыл, сказал, чтобы я сегодня во всех углах комнаты покропила бы святой водой». ¹⁰⁹ «Дмитрий Шваркун личность совсем другого рода. Это мужик (хитрый), не особенно добродушный, и на него смотрят не как на знахаря, а как на колдуна. Он почти никогда в церковь не ходит. Его все боятся, так как он на многих зло наводил и наружность его производит совсем другое впечатление, чем наружность Якуленка. Роста он небольшого, с вечно всклокоченной головой и злыми, хитрыми глазами. Шваркун более всего отличается умением отгонять лешего и русалок. К ним он относится не с таким уважением, как Якуленок, а с какой-то насмешкой: „Мы, дескать, их не боимся“». ¹¹⁰ Пересказывая заговор в комнате, Шваркун тоже потребовал,

¹⁰⁵ Там же, с. 105.

¹⁰⁶ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 2. СПб., 1893, т. 2, с. 518.

¹⁰⁷ Там же, с. 519.

¹⁰⁸ Там же, с. 520.

¹⁰⁹ Там же, с. 528.

¹¹⁰ Там же, с. 519.

чтобы окно закрыли: «Гэта поганая нечисть покоя не дасьць», — говорил он. О себе Шваркун говорил: «Якую бог открыў, а хто мне открыў — про то я знаю».¹¹¹ С. Н. Рачинской описана также и женщина-знахарка. «Знахарке Арине Максимовой лет 50; она женщина бойкая, живая. . . Говоря заговор, Арина очень волновалась, вскакивала со стула, крестила углы, молилась сама и меня заставляла молитву читать. После каждого заговора она брала меня за правую руку, держала ее молча довольно долго, глядя прямо мне в глаза. Всей премудрости она научилась у своей бабки, которая слыла колдуньей и умела зло накликать. Я уверена, что и Арина это умеет, но сознаться в этом не хочет».¹¹²

Знахарь не шаман; он прежде всего не монополист в сношении с невидимым миром богов, хозяев и родителей-матерей; кроме него есть еще священник. Знахарь в крепостной деревне — компромиссная фигура, сочетающая элементы феодальных и дофеодальных отношений. Как компромиссна, «двоеверна» фигура знахаря, так же компромиссны, двоеверны и заговоры. В заговорах содержание и образы, восходящие к первобытнообщинному фольклору, сочетаются с содержанием и образами христианского средневековья. Архаический первобытнообщинный образ «железного тына» в русских заговорах может выступать в сочетании с образом «двенадцати апостолов», «истинного Христа и всех сил небесных». «Двенадцать апостолов, тын железной, врата медные, верей железные, в землю тридевятью лакоть, от земли до небеси, от небесп до земли, от востока до запада, до севера и до лета, со всех четырех сторон на три поприща, на три версты, истинный Христос и вся небесныя силы, станьте круг меня, раба божия (имярек), круг моего милого жывота, крестьянского скота. . . на сохранение и на сбережение, и место на случение, и ко двору своему на прихождение» (*Виноградов*, I, 74).

Это сочетание церковного образа и фольклорного, их сопоставление и отождествление весьма характерны для средневекового мифотворчества (суеверного). Средневековое мифотворческое сознание не проводит различия между «двенадцатью апостолами» и «тыном железным, вратами медными, вереями железными». В средневековом заговорном мифотворчестве образ «железного тына» может быть заменен евангельским, церковным образом «града Вифлеома». «Я, раб божий (имярек), оболокаюсь солнцем и светлым месяцем, покроюся облаком, а от земли и до Небеси стани около меня, раба божия (имярек), и около всякого промыслу. . . граде Вифлием, а в том граде Вифлиеме породила пречистая богородица сына своего. . .» (*Виноградов*, I, 49). На почве средневекового мифотворчества нерасчлененное представление «существа-дерева» может дать образ: «березы-богородицы». «На том синем окиян-море, в чистом поле стоит белая кужлеватая бе-

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, с. 520.

реза — сама матушка пресвятая богородица» (*Виноградов, I, 127*).

Продуктом средневекового мифотворчества являются апокрифические спасительные молитвы. В сборнике заговоров Н. Виноградова большое место уделено публикации таких текстов, как «Сон пресвятой богородицы», «Похвала пресвятой богородице», «Молитва архистратигу Михаилу», «Свиток Иерусалимский». Они пользуются большим уважением, их считают гораздо важнее всех церковных молитв и стараются читать прежде всего утром, на ночь или в каком-либо другом подходящем случае». ¹¹³

Параллельно с христианскими заговорами-молитвами и дохристианскими языческими формулами существовали в русском фольклоре также заговоры и заклятия, являвшиеся отзвуком «ученой» западной и восточной магии. Магия европейского средневековья внесла в обиход русского заговорного фольклора, между прочим, магические заклинательные формулы, типа *sator, arepo, retus...* и т. д., читавшиеся слева направо и справа налево. К тем же источникам восходят формулы заклинательных имен и слов, обрывки неясного магического предания, так называемые абракадабры. Таков заговор-абракадабра «от зубной боли»: «Басмилляхир рахманир рахым кульяыбадвильне зине» (*Виноградов, I, 104*) и т. д. Или: «Ключ хиге важе порье жакть саварже карже сафер бар каюр бар небу по земли не хаживать, а земли по небу, тако порче не бывать отныне и до веку» (*Виноградов, I, 71*).

¹¹³ *Виноградов, с. 89.*

А. И. НИКИФОРОВ

О ФОЛЬКЛОРНОМ РЕПЕРТУАРЕ XII—XVIII вв.

**НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», «ЗАДОНЩИНЫ»,
«ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ», ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ,
АЗОВСКИХ ПОВЕСТЕЙ И ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ**

Публикация С. Н. Азбелева

Публикуемый материал представляет собой окончание второй главы ненапечатанного труда А. И. Никифорова (помещенные ниже разделы № 1—5 соответствуют ее разделам № 16—20).¹ Полное издание этой работы составило бы 80 авторских листов. Завершенное сорок лет назад исследование А. И. Никифорова — крупного советского фольклориста — устарело лишь в некоторых своих разделах. Преимущественно это относится к экскурсам в области, где автор не был специалистом, но куда его принуждала вторгнуться забота о рассмотрении темы во всех ее существенных аспектах. Центральная мысль А. И. Никифорова состоит в том, что «Слово о полку Игоре» — памятник устного эпоса XII в. Трактую шире, чем это делается обычно, термин «былина», А. И. Никифоров писал: «Пересмотр круга основных проблем „Слова“ в свете широкой исторической базы и близкого ему органически фольклорного русско-украинско-белорусского материала приводит к признанию, что „Слово о полку Игоре“ и было создано, и существовало не как факт литературы, а как произведение устной народной поэзии, как чистейшая былина XII в. — творчество не киевского литератора, а народного певца-сказителя. Попытки частичного сближения „Слова“ с фольклором в науке проходят непрерывно, но придание решающего значения фольклору в деле выяснения всего „Слова“ и перенесение его из сферы литературы в область

¹ Небольшое извлечение из предшествующей части той же главы было напечатано недавно: *Никифоров А. И.* Фольклор и «Слово о погибели Руския земли». Публикация С. Н. Азбелева. — В кн.: Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 189—198. Текст, публикуемый теперь, находится в Рукописном отделе ИРЛИ — разр. V, кол. 120, № 1, л. 262—340.

фольклорного творчества — основной тезис и задача настоящей диссертации».² А. И. Никифоров защитил ее в Ленинградском университете за месяц до начала Великой Отечественной войны, а через год погиб в блокированном Ленинграде.

Составитель фундаментального обзора работ, посвященных «Слову о полку Игореве», писал об исследовании А. И. Никифорова: «К сожалению, в связи со смертью автора, весь этот громадный труд в печати не появился, тогда как для этого есть достаточно оснований: автор прорабатывал многие вопросы очень глубоко, и, как бы ни относиться к его изучением и выводам, им в диссертации собраны и опубликованы громадные материалы и по изучению „Слова“, и по изучению других произведений, близких к нему в том или ином отношении («Задонщина», «Моление Даниила Заточника», былины и т. д.).»³

Для самого А. И. Никифорова «отправной точкой в новом подходе к „Слову“ является наличие в нем одного из видов былинного ритма», что позволило разложить текст памятника «на правильный речитативно-сказовый одноопорный стих», сближающий «Слово» как с русскими былинами, так и с украинскими думами. А. И. Никифоров писал, что «историческое существование указанного ритма „Слова“ документируется» текстами, «сохранившимися в виде отрывков в „Повести временных лет“ (нач. XII в.), в „Слове о погибели Русской земли“ (XIII в.), в „Задонщинах“ (XIV—XVII вв.) и в записях былин с XVIII в. (Кирша) до XIX—XX вв.».

Разносторонне рассматривая «Слово», А. И. Никифоров посвятил одну из глав анализу эпитетов. Он выясняет, что половина эпитетов «Слова» неизвестна литературе, что по составу эпитетов оно близко именно былинам. Сопоставляя в этом отношении «Слово» и «Моление Даниила Заточника», А. И. Никифоров выявляет устнопоэтический в целом характер эпитетов первого памятника в противоположность книжному — во втором. «Вопреки мнению В. Н. Перетца, — писал А. И. Никифоров, — эпитеты „Слова о полку Игореве“ — чисто фольклорное явление, а не литературное».

Другая глава посвящена образам «Слова о полку Игореве». А. И. Никифоров утверждает «исключительную близость, иногда тождественность этой образности „Слова“ с былинами, думами, с песнями колядскими, свадебными и лирическими русских, украинцев и белорусов. Весь круг этой образности: образы рамки, природы — соучастницы событий, природы — символа действий героев, образы врагов, дремлющего войска, готовности к бою, самого боя, победы, поражения, сна, плачей, мифологических су-

² Здесь и ниже я цитирую выпущенные отдельным изданием в небольшом числе экземпляров «Тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «Слово о полку Игореве — былина XII века» (26 мая 1941 года)» [б. м., б. г.]. Из самой диссертации при жизни автора была опубликована только первая глава (Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1940, т. IV, вып. 2).

³ Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 373.

ществ и даже исторических лиц и фактов, а также техника построения образов „Слова“ — область фольклорная, а не литературная».

А. И. Никифоров заново пересмотрел выдвигавшиеся до его работы предположения относительно литературных источников и прямых литературных связей «Слова» с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, библейскими книгами, «Девгениевым деянием», «Словом о Лазаре», летописями, воинскими повестями и другими произведениями древнерусской литературы. Он пришел к выводу о «полной фактической ошибочности и методологической несостоятельности» этих предположений. Он заключает, что «„Слово о полку Игореве“ и его автор-певец не обнаруживают следов книжной образованности и прямой связи с литературными источниками». Дополнительным подтверждением такого вывода оказались результаты наблюдений А. И. Никифорова над лексикой «Слова» и «Задонщины», над языком и стилем «Слова».

В главе, посвященной композиции «Слова о полку Игореве», А. И. Никифоров в результате сопоставлений с фольклористическими записями приходит к выводу, что «композиция „Слова“ уяснима вполне только на фоне понимания композиции украинских дум и русских былин».

Согласно выводам А. И. Никифорова, «Слово» «было создано народным певцом при дворе князя Игоря Северского осенью 1185 года». В отдельной главе исследователь попытался «собрать в целостную картину разрозненные пока сведения о состоянии фольклора, его большой художественной высоте и общественной значимости в Киевской Руси X—XIII вв.»; это «приводит к признанию, что создание „Слова“ в среде народных певцов той эпохи было вполне закономерным актом». Завершив исследование резкой полемикой против работ А. Мазона, А. И. Никифоров дает в приложении тексты «Слова о полку Игореве», «Слова о гибели Русских земли», «Задонщины» (по разным спискам) и некоторых других рассмотренных им памятников — в своем прочтении, с разбивкой на стихи, а также словарь к «Слову» и «Задонщине».

Вторая глава труда А. И. Никифорова называется «Проблема вариантов и судьбы „Слова“». Основное ее содержание сам исследователь характеризовал таким образом: «Признание былинной структуры „Слова о полку Игореве“ обязывает по-новому взглянуть на связь „Слова“ с целой серией памятников древнерусской литературы. Изучение этих памятников приводит к положению, что „Задонщины“ есть не что иное, как поздние записи или литературные рецепции народных былин о Куликовской битве 1380 года, возникших в свою очередь как простое народное приспособление былины — „Слово о полку Игореве“, дожившей в фольклорном бытовании в виде особой краткой редакции до XIV в., к новым историческим событиям (...). В сохранившемся материале рукописей XV—XVII вв. имеются основания различать по меньшей мере три варианта (редакции) былин — „Задонщин“: белозерскую, ростовско-владимирскую и московскую, каждую со своей особой идейно-политической тенденцией и особой судьбой и в фольклоре, и в литературном использовании в „Сказаниях о Мамаевом побоище“, в былинах и повестях об Азове в XVII в. и т. д. Эта линия связей не оставляет сомнения в том, что „Слово о полку Игореве“ жило с конца XII по XVIII в. весьма бурной и интенсивной

жизнью и вовсе не представляет того блестящего одиночества и загадочности, каким наделила „Слово“ литературоведческая наука. Вместе с тем правильное освещение истории и судьбы „Задонщин“ в ретроспективном аспекте служит в свою очередь подкреплением тезиса о фольклорности самого „Слова о полку Игореве“.

Основная часть этой главы как раз и посвящена изучению различных текстов «Задонщины» в сравнении со «Словом о полку Игореве», а частично со «Сказанием о Мамаевом побоище» и некоторыми другими памятниками. В этих сопоставлениях довольно существенную роль играет текстологический аспект, порой недостаточно учитывавшийся А. И. Никифоровым.⁴ Обширная литература о «Задонщине», накопившаяся после работы А. И. Никифорова, не лишила актуальности его основные наблюдения.

Публикуемый здесь текст идет сразу после того, как А. И. Никифоров закончил специальный разговор о «Задонщине». После кратких соображений об извлекаемых из самой «Задонщины» дополнительных данных относительно устного оригинала, дошедшего в Мусин-Пушкинской рукописи текста, А. И. Никифоров прослеживает фольклорные реминисценции «Слова о полку Игореве», обращаясь к ряду других памятников. Это так называемые Азовские повести XVII—XVIII вв., приписка на рукописи «Апостола» 1307 г., один из пассажей «Моления Даниила Заточника», фрагмент «Жития Александра Невского», отрывок Псковской летописи, рассказ о походе Игоря в Ипатьевской летописи, параллель к «Слову» в Галицко-Волынской летописи, «Повесть о разорении Рязани Батыем», один из фрагментов «Повести временных лет», песни, записанные для Ричарда Джемса, «Сказание о киевских богатырях», былины в записях и пересказах XVII в., песня, включенная в Сибирскую летопись, былины так называемого «татарского цикла» в недавних записях, некоторые из исторических песен XVIII в. (я перечислил материал в той последовательности, в какой его рассматривает сам А. И. Никифоров; в ходе этого рассмотрения он иногда отсылает читателя к другим главам своей работы, пока не напечатанным).

Хотя каждый из названных памятников изучался и после смерти А. И. Никифорова, его наблюдения не утратили своего интереса. В совокупности они как бы характеризуют многовековой «сегмент» фольклорного репертуара, который в течение длительного времени был, согласно выводам А. И. Никифорова, так или иначе связан текстуально со «Словом о полку Игореве».

При подготовке текста к изданию были сверены и уточнены цитаты и ссылки, раскрыты в необходимых случаях сокращения, устранено несколько мелких стилистических недосмотров, в подстрочных примечаниях сделаны необходимые дополнения, тексту дано заглавие. Подчеркнутые автором места в основном тексте переданы разрядкой, в цитатах — курсивом. В цитатах всюду сохранены выставленные А. И. Никифоровым знаки

⁴ Подробнее см.: *Азбелев С. Н.* Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* М., 1976, с. 163—190.

ударения и принадлежащее ему употребление заглавных букв; «ъ» в конце слов опущен, заменены отсутствующие в современном алфавите буквы.

Цитаты из трех главных письменных источников труда А. И. Никифорова даются (без библиографических ссылок) по следующим изданиям: *Перегц В.* Слово о полку Игоревѣм. Київ, 1926; *Адрианова-Перегц В. П.* Задонщина. — Тр. Отд. древнерусской лит-ры. М.; Л., 1948, т. VI; Слово о погибели Рускыя земли. Сообщ. Х. Лопарев. СПб., 1892. Цитируя изданные тексты «Задонщины», А. И. Никифоров употребляет сокращения: *К* — Кирилло-Белозерская рукопись XV в., *У* — рукопись XVII в. из собрания Ундольского, *С* — рукопись XVII в. из Сиподального собрания, *Р* — рукописи Музейского собрания.

Другие сокращения, используемые в работе: Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I. М.; Л., 1949; ГИМ — Гос. Исторический музей (Москва), Отдел рукописей; ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Отдел рукописей; Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862, вып. IV; М., 1872, вып. IX; ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР, архив; ПСРЛ — Полное собрание русских летописей; Смирнов, II — *Смирнов А.* О Слове о полку Игореве. Воронеж, 1879, вып. II; Снегирев — Поведание и Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Изд. И. Снегирев. — Русский исторический сборник. М., 1838, т. III.

1

Я не могу закончить рассмотрение проблемы вариантов «Слова о полку Игореве», не попытавшись извлечь кое-что для самого текста этой замечательной былины в редакции XII в., т. е. в Мусин-Пушкинском издании. Я считаю себя вправе вернуться к этому тексту после разбора «Задонщин» потому, что мы получаем в руки еще одно методическое средство проверить по крайней мере некоторые места текста «Слова о полку Игореве» по позднейшим его вариантам, т. е. по «Задонщинам». Ведь теперь совершенно очевидно — раз «Задонщины» есть только варианты «Слова о полку Игореве», то в них могут содержаться, пусть крохи, но небезынтересные и для текста первичной основы. Словом я позволю себе выписать ряд мест, с последующим их анализом.

«Слово»

Боян бо вѣщій <...>
Боян же, брѣтне <...>

«Задонщины»

Той бо вѣщій Боян. (К)

Это подтверждение краткого 5- и 6-сложного стиха в «Слове о полку Игореве».

Который дотечаше,
Та предѣ песнь пояше

Пояше славу русским¹ княземъ:
Первому князю Рюрику

¹ В рукописи даже на «и» стоит ударение (см.: *Симоны П.* Задонщины. Пг., 1922, снимок II).

Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Иже зареза Редёю
Пред пълкы касбжьскыи...

Игорю Рюриковичю
И Святославу Яросла́вичю
Ярославу Володимеровичю. (К)
(в У и С похоже)

Здесь мы имеем в «Задонщинах» точное доказательство того, что и в «Слове о полку Игореве» это место должно было иметь *дактилические* окончания, т. е. последние слоги его в тех случаях, где конечное слово не давало дактилического конца, растягивались напевно. Это наблюдение настолько важное для понимания строения стиха самого «Слова о полку Игореве», что я приведу далее и другие аналогичные случаи.

«Слово»

Иже пстягну умь крепостию
своёю

И поостри сердца своего
мужеством.

«Задонщины»

Поостриша сердца свои мужеству
Ставше своею крепостью. (К)

Истезавше ум свой крепкою
крепостью
И поостриша сердца свои
мужеством. (У)

Истежавше умы свои крепостею
И поостри сердце свое
мужеством. (С)

Здесь опять, очевидно, в «Слове о полку Игореве» или было растяжение: «крепостию своёю», или надо предполагать перестановку, согласно спискам К, У, С: своею крепостию.

Свивая славы,
Оба полы сего времени.

Пой славу великому. (К)
Воспой славу великому. (У)
Посмарти ко славному городу
Москви. (С)

Комментаторы здесь читали «славию». Мне кажется, что в «Слове о полку Игореве» надо читать не «славы» и не «славию», а «славою», обращение к соловью уже дано дважды, нет оснований для третьего обращения.

К характеристике курян список С дает очень любопытное добавление: «С каленых стрел воспоены». Мне кажется, это не выдумка позднейшего певца, а несомненно одно из разночтений древнего текста, который должен был читаться так:

А мои ти куряни
Сведоми кмети:
Под трубами повити
Под шеломы взлеяены
Конец копия вскормленн
С каленых стрел воспоены.

«Задонщина» К дает здесь «С востраго меча поены». Это подтверждает наличие варианта в «Слове», хотя лишает возможности

точного выбора. Оба варианта одинаково хороши и, вероятно, бытовали параллельно.²

Чръна земля под копыты
Костьми была посеяна,
А кровию пбляна,

Тогда поля костьми насбяны,
Кровьми поляно.
Воды възпшпа... (К)

Тугою въздбша
По Руской земли.

Черна земля под копыты,
А костми татарскими поля насеяша
А кровью их земля пролѣта
бысть. (У)

Черная земля под копытами
Под костми татарскими
Носити кровю земля. (С)

Замена «копыты» «копытами» доказывает, что и здесь мы должны в «Слове о полку Игореве» предполагать дактилическое окончание, т. е. растяжение.

А чи диво ся, брѣтие,
Стару помолодѣти?

Того даже было нелепо
Стару помолодѣтися. (К)

И в то время стару надобно
помлодети. (У)

И рече: «Добре тут, брате, стару
помолодети». (С)

Опять имеем доказательство дактилического окончания, что могло быть достигнуто растяжением: «помолодѣити» или «помолодѣити».

Уже бо беды его
Пасеть птицѣ по дубию

А уже беды их пасоша
Птицы крылати под облак летят. (У)

Таким образом, «Задонщина» подтверждает смущавшее многих чтение «беды его». Это чтение, правда, уже указывалось не-

² Здесь не могу не выразить своего крайнего изумления по поводу реплики о данном месте «Задонщин» у проф. Н. К. Гудзия. Он пишет: «Как нетрудно видеть, автор „Задонщины“ в своем стремлении подражать стилистике „Слова о полку Игореве“ пользуется такими образами, которые, в сущности говоря, даже не оправданы с точки зрения смысловой. В самом деле, как можно поить кого-нибудь с острого меча? Но красочность сравнений „Слова о полку Игореве“ настолько увлекает автора „Задонщины“, что он не всегда разбирается в смысловом их значении» (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938, с. 223). Н. К. Гудзий не заметил, что если так понимать «смысловую» сторону «Слова», то тот же упрек в «бессмыслице» придется направить и автору «Слова о полку Игореве». В самом деле, а как можно кого-нибудь поить под трубами, лелеять под шлемами, кормить концом копья? Как можно летать под облаком и т. д.? Реплика Н. К. Гудзия потому заслуживает внимания, что она показывает типичный и в большинстве случаев ошибочно-однобокий метод подхода литературоведов к «Задонщинам», метод гиперкритики, не оправданный ни в какой мере материалом, а часто к тому же лишенный художественного чутья.

однократно,³ однако оснований для принятия у исследователей не было, теперь мы можем принять его под контролем «Задонщины» У. То же можно сказать и о строке «Слова»: «То растекашется мыслию по древу» (пример из «Задонщины» У дает полное право принять «мыслию», а не «мысью», как думали многие).

Пожалуй, это и все, что можно при строгом отношении прибавить к пониманию отдельных мест текста «Слова о полку Игореве» на основе текстов «Задонщин». Я бы добавил интересный случай явного растяжения в «Задонщине» К:

Пояше славу русскыимъ княземь.

Однако при всей скромности выводов они дают опору весьма важному положению, выдвинутому мною в первой главе. Я думаю, что теперь сомневаться в том, что дактилическое окончание стихов «Слова о полку Игореве» было господствующим и что в случаях недостачи третьего слога за ударным происходило растяжение ударного или удлинение конечного слога, не приходится. Таким образом, я признаю доказанным факт музыкально-напевного исполнения «Слова о полку Игореве» в XII в.

Добавлю, что у нас есть все основания думать, что упоминания «Задонщин» о песенном с музыкальным сопровождением исполнении их, отражают живую действительность. Гусли и гуслияры, kobzari и бандуристы, как известно, донесли песенное исполнение дум на Украине до наших дней. Я указал на очевидность связи украинских дум с былинно-эпической традицией в XIV в. В одной из следующих глав я покажу и текстовую связь образов «Слова о полку Игореве» с украинскими думами. Все это, по-моему, заставляет допустить, что и «Задонщины», и уж во всяком случае «Слово о полку Игореве» исполнялось под аккомпанемент музыкального инструмента, вероятно, гуслей или кобзы. Музыкальное исполнение эпоса на Украине — факт с XV по XX в. Музыкальное исполнение эпоса в Москве и центральных частях России в XV—XVIII вв. доказывают, по-моему, прямые ссылки на это «Задонщины». Таким образом, потерю современной былинной ее аккомпанемент, вероятно, надо отнести на наш Север, где, однако, потеряв аккомпанемент инструмента, былина сохранила ее напевное исполнение до наших дней.

Наконец, последнее замечание. Признавая действие растяжения окончания стихов в «Слове о полку Игореве», наблюдая то же в украинских думах и русских былинах, я не вижу серьезных препятствий к допущению такого же растяжения и при исполнении «Задонщин» в XIV—XVII вв. Но, не будучи музыковедом, я вынужден эту интересную, чисто музыкально-ритмическую проблему оставить специалистам музыковедам.

³ См.: *Перець В.* Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, с. 176.

Я уже указал, что открытие устно-былинного характера «Задонщин» ставит на пересмотр всю сложную проблему о мамаевских повестях и сказаниях. Но не подлежит сомнению также и то, что это открытие поднимает и еще сложнейшую проблему так называемых Азовских повестей. И хотя Азовские повести имеют самостоятельное значение в древней русской литературе,⁴ связь их со «Словом о полку Игореве» указывалась давно и белло проанализирована еще в работе А. Смирнова.⁵ Я не имею в виду усложнять свою книгу поднятием целиком вопроса об Азовских повестях, но сделать несколько замечаний считаю необходимым для проблемы «Слова о полку Игореве».

Об азовских событиях мы имеем, по данным акад. А. С. Орлова, следующие памятники: 1) «Историческая повесть об Азовском взятии 1637 г.»; 2) «Документальная повесть об Азовском сидении 1641 года»; 3) «Поэтическая повесть об Азовском сидении» в виде четырех редакций; 4) «Сказочные повести об Азове» в двух редакциях; 5) «Особая повесть об Азове». Все эти памятники по рукописям датируются XVII и XVIII вв. и представляют собою тексты или возникшие скоро вслед за событиями, или значительно позднее.

С другой стороны, о тех же событиях мы имеем значительное число чисто фольклорных произведений: песни и сказки. Например, украинские и русские песни о взятии Азова хитростью и былина на тот же сюжет (Гильфердинг, № 37).⁶

Акад. А. С. Орлов довольно удачно распутал в своих работах рукописные взаимоотношения отдельных литературных повестей об Азове. Можно не подвергать сомнению литературного характера всех пяти намеченных им видов повестей. Но, к сожалению, внутреннее изучение этих памятников осталось незаконченным. За изданием текстов не последовало исследования повестей.

Однако уже факт существования былин, песен и сказок на тему об азовских событиях доказывает существование широких фольклорных откликов на события. Голословное, не подтвержденное доказательствами утверждение А. С. Орлова в предисловии

⁴ Орлов А. С. 1) Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906; 2) Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906; 3) Особая повесть об Азове. М., 1907; Буслаев Ф. Русская хрестоматия. М., 1870, с. 274—289; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910, т. III, с. 249—277. Проверка работы А. С. Орлова с интересными исправлениями ее см. в новой статье: Сутт Н. И. Повести об Азове. — Учен. зап. кафедры русской литературы Московского гос. пед. ин-та, 1939, вып. II, с. 3—67.

⁵ Смирнов А. О Слове о полку Игореве. Воронеж, 1879, вып. II, с. 183—188.

⁶ Рассмотрены частично А. С. Орловым («Сказочные повести об Азове»). Ср. его же: Песня и повесть об Азове (Старина и новизна. М., 1905, кн. X, с. 274—282, 591); Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде А. Зыряновым (Пермский сборник. М., 1860, кн. II, отд. 2, с. 162—163).

к его изданию текстов в 1906 г., устанавливающее якобы «последнейшие, частью устные переделки поэтических повестей об Азовском сидении»⁷ не звучат достаточно убедительно. Попытка анализа песен того же А. С. Орлова в другой книге⁸ также не приносит никаких решений из-за схематичности, почти библиографического характера анализов, а главное — из-за полной неразъясненности источников и процесса сложения самих литературных повестей об Азове. Другими словами, имея в работах А. С. Орлова в значительной степени собранный библиографически и частично изданный материал Азовских повестей, мы стоим перед нетронутой проблемой их формирования в XVII в.

Проблема эта, однако, представляет первостепенный интерес уже потому, что в основе многих редакций Азовских литературных повестей несомненно лежат устно-былинные источники, к сожалению, не замеченные А. С. Орловым. Ошибочная уверенность литературоведов в невозможности черпания литераторами древней письменности из устных древнерусских фольклорных источников и здесь, как в «Слове о полку Игореве», как в «Слове о гибели Русской земли» и в «Задонщинах» не позволяли разглядеть фольклорную основу повестей.

В самом деле, прочитывая тексты Азовских повестей, мы встречаем места былинного склада.

Уже в «Исторической повести об Азовском взятии и 1637 г.» имеется следующее место:

Сколько де вам, казаком, под городом Азовом ни стоят,
А нашего де вам Азова не взят.
Бывало де вас казаков под Азовом градом не такая сила,
А Азову де погибли не было.
Сколько де в Азове в стенах каменья,
И столько де ваших голов казачих под ним погибло.⁹

Но в первой редакции «Поэтической повести об Азовском сидении» мы имеем замечательные куски текста, былинные по стихосложению и стилю.

Все наши поля чистые
Орды нагайскими изнасеяны (*вар.*: заняли орды нягайския)
Где у нас была степь чистая,
Тут стала у нас однем часом людми их многими
Что великие леса темныя (*вар.*: Как есть силшы темные
леса непроходимые).

От силы их многия и от уристанья их конского
Земля у нас под Азовом потреслася и погнулася,
И из реки у нас из Дону вода на береги выступила
От таких великих тягостей,
И из мест своих вода на луги пошла.¹⁰

⁷ Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове, с. 1.

⁸ Орлов А. Сказочные повести об Азове, с. 51 и сл.

⁹ Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове, с. 59 (разбивка на стихи А. И. Никифорова, — С. А.).

¹⁰ Там же, с. 98.

И почали у них в полках их быти
Трубли великия и писки страшныя
В трубы их турецкия и немецкия
Несказанными страшными неизреченными
Голосы бусорманскими. . .¹¹
Ни в каких странах ратных
Таких людей не видали мы.
И не слыхано про такую рать от веку. . .¹²

Речь турецкого посла к казакам лучше сохраняет народный стих во второй редакции поэтической повести:

О люди божии царя небесного
Никим вы в пустынях водимыи или посылаемп,
Яко орлы паряшеи
Без страха по воздуху летаете,
Аки львы свирепыя в пустынях рыкаете,
Казачество донское волное, свирепое,
Соседе наши ближния,
Непостоянныя нравы, лукавыя
Пустынный жители, разбойницы непощадныи!
Не сыти ваши очи,
Не полныя ваши чрева,
Кому приносите вы такая обиди великия
И страшныя грубости.
Наступили вы на такую десницу высокую
На царя турскаго
Не впрямь вы еще на Руси
Богатыри святоруския нарицаетес.
Где вы тепере можете
Утеч от руки ево такая.
И прогневали вы Мурат салтано
Величество царя турскаго —
Убили вы у него слугу его верного
Посла турскаго Фому Кутузина,
А с ним побили вы всех армен и гречен
А послал он к царю вашему.
И да вы же взяли любимую
Ево цареву отчину,
Красной и славной Азов град.
Напали вы на него, аки волцы гладныя
Не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста,
Побили вы всех до единого
И тем вы на себя положили
Имя звериное. . . и т. д.¹³

В ответе казаков туркам есть место:

И давно у нас в полях наших летаючи,
Грают враны черныя,
Воют волки серыя,
А вас ожидаючи
Хлехчут орлы сизыя
Подле Дону славнаго

¹¹ Там же, с. 98—99.

¹² Там же, с. 100.

¹³ Там же, с. 132—133.

У нас всегда воют звери дивии
Ожидаячи вашего труба бусурманского...¹⁴

Замечательна молитва казаков с небольшими отличиями по редакциям:

Простите государи все патриархи вселенские
Простите государи все митрополиты и архиепископы
И архимандриты, и игумены,
Простите государи мнишеския, затворьники и затворници,
Простите государи все протопопы и священники и дяконы,
Простите государи православные крестьяня,
Помените государи наши души грешныя
Со всеми родители.
На позор мы учинили государству московьскому.
Простите нас леса темная и дубравы зеленныя.
Простите нас поля чистые и тихия заводи.
Прости нас море черное,
Прости нас государь наш тихий Дон Иванович,
Уже нам по тебе атаману нашему,
Э грозным войским не ездить,
Дикова зверя в чистом поле не стреливат,
В тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать.¹⁵

В третьей редакции «Поэтической повести» есть выражения прямо былинные:

А то мы молотцы и сами ведаем,
Што збирался ваш турской царь за морем
На нас молотцов под Азов город ровно по три года
А на четвертый год прислал к нам
Свою рать силу великую
Розных всяких земел
И мудрых наемныхъ неметцких людей
Приступных и подкопных вымышленников
Изо многих земел...¹⁶

И то вашему царю турскому
Не честь ему будет и не хвала его...¹⁷

Клехчут у нас орлы сизые,
Давно ужа грают враны черные,
Блехщут у нас по Дону Ивановичю лисицы бурые,
Воют в займищах волки серые,
А все то ожидаючи вашего побитаго
Мертваго сабачья трупа бусурманского...¹⁸

Толко мы, молотцы, разыгралися,
Толко мы де еще оружие свое молодетцкое прочистили.
Ради мы, молотцы, нас, сабак, потчиватьъ
Чем у нас в Азове городе Бог послал...¹⁹

¹⁴ Там же, с. 108.

¹⁵ Там же, с. 153.

¹⁶ Там же, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 189.

¹⁸ Там же, с. 191.

¹⁹ Там же, с. 194.

Протечет наша слава казачья век и по веку
И будет наша слава молодетцкая,
Как нас бог помилует да отсидимся
От таких вашей болшия силы бусорменския
Такими своими малыми людьми...

Замечательна концовка третьей редакции:

И пошли наши туретцкие
Во свои улусы заморские
С великим позорищем и стыдом
К царю своему туретцкому.
А нам молотцам
Слава наша молодетцкая
Протекла с тиха Дону
И до синя моря Азбвскаго,
И протекла наша слава казачья
Век и по веку
Во все их орды бусорманские
Многие розных земель
Нам казакам дивовались,
Што мы молотцы
Сидели стол смело
Такими своими малыми людьми
От болших их бусорманских сил,
И после того мы молотцы
Собралися во свой казачей молодетцкой крут
Отредили себе гонцов скорых, лехких молотцов,
К Москве государю и ко своим товарищам
На славной свой на тихой Дон Ивановичь.
И съгехалися мы молотцы
Все к нам пригехали
Посещати всю нашу дружинишку хоробрую.
Туту у нас жа было с молотцами
От радости не могли мы бедные
Друг друга против слова отдат
Во злезах своих горучихь напаметовали
Свое горкое осадное сидение
Тогда протекла наша слава молодетцкая
Век и по веку,
А им всем собакам позорище великое.
Посем мы молотцы забыли
Все свое житие горкое и печалное,
Почали пошло пити молодетцая
Про здравие царское
И про свою братью товарищев,
Забыв свою печал горкую.
Нам слава молотцам на веки.²⁰

В «Сказочной повести 7135 года» имеются между прочими такие места:

Казак же реша к пашам:
— За живых мы сребра возмем,
А за мертвых не возмем.

²⁰ Там же, с. 202.

То не честь и не хвала молодецкая,
Что мертвыми торговати...²¹

Есаул Иван Зыбин в плену дерзко по-былинному отвечает царю турецкому:

— Великни царю Брагиме,
Ты глаголаше, что многия головы
Нами побиты добря.
Аще бы ты сам царь был,
Я бы тебе право не уступил
И снал бы голову по твои могучна плеча
И взоткнул на свое вострое копье
И разбросил тело твое по чистому полю...²²

В прощание казаков с патриархами и т. д. вставлены стихи:

Уже бо нам казакам
По синему морю Хвалынскому
В лехких стругах не бывать
И в зеленя дубравы не гуливать...²³

Конечно, соблазнительная и увлекательная задача была бы продолжить этот анализ Азовских повестей по линии восстановления их отдельных былинных источников. Однако решение этой задачи отвлекло бы меня от основной цели. Приведенные же примеры показывают, по-моему, с несомненностью, что не случайно А. С. Орлов назвал повести об Азове «поэтическими». Они в основе своей построены на существовавших до повестей *былинах о казачьих подвигах в Азове*. После установленной былинно-песенной основы «Задонщин» не оставляет сомнения такой же характер *основного* источника по меньшей мере «Поэтической повести об Азовском сидении». Один из ранних исследователей «Слова о полку Игореве» А. Смирнов указал на знакомство автора «Истории об Азовском сидении» «с народными былинами» (Смирнов, II, 183), а Е. В. Барсов еще определеннее назвал эту фольклорную основу. В 1887 г. он писал: «Сказание об осадном Азовском сидении, в народной его редакции, гораздо ближе стоит к „Слову о полку Игореве“ внутренней своей стороной, чем даже „Задонщины“. „Слово“ относится к нему так же, как к богатырской былине киевского цикла. Сущность сказания об Азовском сидении составляет богатырство героев Северной Руси, их молодчество, их честь и слава. По своей внешней форме оно есть пересказ исторического факта совершенно в былинном духе и дышет такою же эпическою непосредственностью, той же свободой и ширью в изображении внутренних богатырских сил. Дух киевской дружинной Руси сказывается здесь с такою же яркостью, как и в бо-

²¹ Орлов А. Сказочные повести об Азове, с. 260.

²² Там же, с. 262.

²³ Там же, с. 267.

гатырской былине: нравственные черты героев те же, что и в киевских богатырях: вот почему, говорим мы, это сказание стоит ближе к „Слову“, чем даже „Задонщины“, так тяготеющие к его букве, вот почему встречаем здесь образы и выражения, сходные с „Словом“; в языке его, как и в самом содержании, звучит для нас народное предание так же Киевской дружинной Руси. Если в „Задонщине“ — это предание слабо, понятие чести и славы, важнейший жизненный нерв Киевской дружинной Руси онемел, — то в образе защитников Азова еще раз прозвучало рыцарское эхо и бьется этот нерв с такою же силою, как и в былине „Слове“.

Непосредственность, свобода и широта народного слова и представления сказываются в первых же строках этого сказания. Былинный склад — очевиден.²⁴

Приведенная цитата показывает тонкость понимания и полную правоту Барсова. Если он не вполне понимал народно-эпический характер «Задонщин», хотя тексты *К* и *У* называл «поэмами», то в отношении Азовских повестей он был совершенно прав.

Былинный склад основы этих повестей действительно очевиден даже из приведенных выше цитат. Помимо былинных размеров этих отрывков, за то же говорит употребление былинных эпитетов («поля чистые», «красной и славный Азов град», «волки серые», «орлы сизые», «Дону славнаго»), целых былинных образов и оборотов («рать-силу великую», «не честь ему будет и не хвала», «дружинушку хоробрую», «слава молодецкая», «тихий Дон Иванович», «богатыри святорусские») и т. д. Это дает основание трем выводам.

Первый вывод, что так называемые Азовские повести составляют продукт творчества той же демократической линии в древнерусской литературе XVII и XVIII в., которая создавала и «Сказания о Мамаевом побоище», подтверждая существование довольно широкого размаха в деятельности этой линии начиная с XIV по XIX в. Основной чертой этой литературной линии была тяга к фольклору, была увязка с непосредственным живым творчеством народных масс. Так «Сказания о Мамаевом побоище» опирались на «Задонщины», так Азовские повести опирались на Азовские былины.

Второй вывод, что азовские события 1637 и 1641 г., подобно ранее Куликовской битве, породили народные былины, «старинны» об этих событиях. В свете этого вывода представляют большой интерес, конечно, и остатки былин об Азове вроде охарактеризованных выше, и украинские, и русские народные песни об Азове (и даже Степане Разине, поскольку последние перекрещиваются в бытовании с первыми, на что указал еще акад. А. С. Орлов). Однако вопрос о связи этих песен с литературными повестями должен быть еще поставлен, и утверждение акад. А. С. Орлова об их

²⁴ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве. М., 1887, т. I, с. 454—455.

позднем возникновении из литературных повестей нуждается в весьма серьезной проверке.

Наконец, третий, для моего исследования самый важный вывод состоит в том, что намечавшаяся рядом исследователей связь «Слова о полку Игореве» с Азовскими повестями, теперь получает несомненно более понятное, естественное и правильное объяснение. «Слово о полку Игореве» связано не непосредственно с азовскими повестями, а с былинным источником последних — с былинами об Азове. Связь «Слова о полку Игореве» с Азовскими повестями не литературная, а фольклорная. Остановимся на этом подробнее.

Еще А. Смирнов, подобравший важнейшие параллели между «Словом о полку Игореве» и Азовскими повестями и также отметивший связь Азовских повестей «с народными былинами» (II, 183), указал: «Что же касается знакомства автора (повести об Азове, — А. Н.) с „Словом о полку Игореве“, то оно едва ли было непосредственное» (II, 183). В качестве посредника А. Смирнов считает «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Теперь мы знаем, что «Задонщины» есть только новая редакция «Слова о полку Игореве». Тем интереснее проверить эту связь.

Я считаю возможным привести параллели, указанные А. Смирновым, переведя его тексты на издание акад. А. С. Орлова, к ним прибавлю несколько дополнительных параллелей, отмеченных мною при просмотре Азовских повестей.

Азовские повести

«Задонщины»

1) Все наши поля чистые
Орды ногайскими изнасяны...
От силы их многия
и от уристанья их конского
Земля у нас под Азовом
потреслася и погнулас
И из реки у нас из Дону
вода на береги выступила
От таких великих тягостей
И из мест своих вода
на луги пошла...
(Орлов А. Ист. и поэт. п., с. 98) | А трупми татарскими поля насяяша
И кровию их реки протекли

(Зад. У)

В то же время тутошния реки мутно
пошли... вострепетали лузи
и болота, езера выступиша из мест
своих

(Сказание. Смирнов II, 184)

Поле же Куликово перегибающяся,
Вострепеташа лузи и болота,
Реки же и озера выступиша
из мест своих

(Снегирев, 49) |
| 2) И почали у них в полках их
быти...
Трубли великия и писки
страшныя
В трубы их турецкия
и немецкия.
(с. 98—99) | Громко в варганы бьют, тихо
с поволокою ратныя трубы трубят

(Сказание. Смирнов II, 184) |
| 3) Как есть стала гроза великая
Над нами страшная, | На том поле сильныи тучи
ступишася |

Бутто гром велик и молния
страшная
От то облака бывает с небеси.
(с. 99)

А из них часто сияли молыньи
И загремели громы велицьи
(Зад. У)

4) Ужасно слышати сердцу
всякому
Их бусурманская трубля.
(с. 99—100)

Грозно и жалостно в то время
бьяша тогда слышати
(Сказание, Смирнов II, 185)

5) И то вамь туркомь вашим давно
ведомо.
(с. 105)

Ведомо нам, брате, у быстрого
Дону
Царь Мамай пришел на Рускую
землю
(Зад. У)

6) И давно у нас в полях наших
летаючи,
Грают враны черные, воют
волки серья,
А вас ожидаючи, хлекчут орлы
сизыя,
Подле Дону славнаго у нас
всегда
Воют звери дивии ожидаючи
Вашего труба бусурманского

Птицы крылати под облак летят
Вороны часто грают,
А галицы своею речью говорят
Орли хлекчют,
А волцы грозно воютъ
А лисицы на костех бряшут...
(Зад. У)

(с. 108 с перестановками и вариантами по списку, причём в варианте есть: По горам у нас бряшут лисицы бурья а все то скликаючи).

7) Преж сего накормили мы
их головами вашими
Как Азов взяли,
А топерво вам от нас опять
хочется товож,
Чтоб плоти вашае мы тех зверей
накормили
И то вам будет по прежнему.
(с. 108)

Но едины вороны грают
Трупи ради человеческия грозно
и жалостно
(Зад. У)

8) Ради мы молотцы вас собак
потчиват.
(с. 194)

Нешто тебя князи руские горазно
подчивали.
(Зад. У)

9) Не быват уж нам на святой
Руси.
(с. 113)

Уже нам, брате, в земли своей
не бывать
И детей своих не видать,
А в Русь ратю нам не хаживать.
(Зад. У)

в варианте добавлено:
«Не видат нам бедным на
Москве
Благочестива государя царя
нашего
Ево государьские царьские очи
И не бывать нам молотцам
по прежнему
На своем на тихом Дону,
Не видатца ужа нам будет

Э друзьями *своими* и с товарищи
и з братьями
Топерво нам молотцам *не быват*
На Черном море и не гуливат
И отсталися от своея дружины
хоробрые
(с. 113, примеч. 12)

10) Смерть наша грешная
в пустынях
За ваши иконы чудотворныя
За веру христианьскую
За имя государское
(с. 113, вар.:
За имя царское
За все государство московское).

11) От нашея руки малыя
И от казачества волного
Срамота стала вечная
От всех земель от царей
и от королей.
А нашему атаману Науму
Васильеву
Всем грозным воцким *слава*
вечная.
(с. 155)

К этим параллелям, указанным А. Смирновым, я добавлю еще отмеченные мною:

12) Ни в каких странах ратных
Таких людей не видали мы
И *не слыхано* про такую рать
от веку.
(с. 100)

13) *Уже нам* по тебе атаману
нашему
З грозным войским не ездить
Дикова зверя в чистом поле
не стреливать,
В тихом Дону Ивановиче рыбы
не лавливать.
(с. 153)

14) *Гордому* ему бусурману царю
турскому
И папам ево бог противится
За ево такія слова высокия.
(с. 136)

15) Сказывается он богом вышним
И в титлах он босурман *своим*
безумием пишетьца.
(с. 136)

И положили есте головы своя
За святыя церькви, за землю
за Рускую
И *за веру крестьянскую.*
(Зад. У)

Вознесся *слава* руская по всей
земли,
А на поганых татар
Промчесья злых бусорманов хула
и пагуба.
(Зад. У)

То было в ты *рати* и в ты плькы
А сицеи рати *не слышано.*
(Слово о полку Игореве)

Уже нам, брате, в земли своей
не бывать
А детей своих не видать
И в Русь ратью нам не хажпвать.
(Зад. У)

Гордому богу *противится*
А смиренному дает благодат.
(Зад. С)

Задениши нас *своим* *безумием*,
Якож *пишет* во причах.
(Зад. С)

16) Слава наша молодетцкая
Протекла с тиха Дону
Во все их орды бусорманские
Многие *розных земель*
Нам казакам дивовалися.

(с. 202)

Весть подаваша
По рожнымь землям,
За Волгу, к железнымь вратомь.

(Зад. К)

17) *На главах жа на их*
Все шишаки и шоломы *златые,*
Яко звезды на главах их
Сияних в руках кипят,
Яко свечи в руках горят.

(с. 193)

Шоломы на главах их златом
украшены
Аки утреня зоря во время
ведрына солнца светящеся,
Ловцы же шоломов их
Аки пламя огнено пашется

(Снегирев, 42)

Из приведенных 17 параллелей несомненно, что 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 15, 16, т. е. большая часть, не являются сами по себе показателями прямой связи Азовской поэтической повести с «Задонщинами». Они могут быть просто общими местами былинного стиля.

На более глубокую связь Азовских повестей с «Задонщинами» указывают примеры 1, 6 и 14, да и то пример 14 мог быть занесен, как распространенная цитата, независимо.

Примеры 7, 13 дают всего лишь параллелизм образов.

Едва ли не самым любопытным, однако, является пример 12 непосредственной связи Азовской повести со «Словом о полку Игореве». Трудно сомневаться, что Азовская повесть дает устный перифраз текста «Слова о полку Игореве», причем характерно, что этого места нет ни в одном из известных нам списков «Задонщин». В свете этого факта я считаю возможным принять и другие две мелкие параллели Азовских повестей со «Словом», указанные Смирновым: «Дон Иванович» по типу «Днепр Словутич» и выражения «крепкия и жестокия казачьи сердца ваша», «видите вы и сами очима своима» (Смирнов, II, 183—184). Сюда же нужно отнести также часть примера 1 и пример 17, которые дают параллели к Азовским повестям не из известных «Задонщин», а из неизвестных, легших в основу «Сказаний о Мамаевом побоище».

Все это вместе взятое приводит, по-моему, к следующим выводам.

1. Число и характер параллелей между поэтической повестью и «Задонщинами» не дает никаких оснований для признания литературной связи между этими памятниками.

2. Связь эта должна быть отнесена за счет связи с «Задонщинами» былин об Азове, которые легли в основу, «поэтической повести об Азовском сидении», а вероятно, и других Азовских повестей. О том же говорят и примеры параллелей в Азовских повестях непосредственно со «Словом о полку Игореве», не имеющих в известных «Задонщинах». Очевидно, былины об Азове,

сохраняя в отдельных частях текста большую близость с «Задонщинами» известными, стояли в то же время ближе к «Слову о полку Игореве», чем известные «Задонщины».

3. Существование былин об Азове, созданных не ранее середины XVII в. и включивших в себя влияния былин-«Задонщин», т. е. «Слова о полку Игореве» в редакции XIV—XVII вв., служит и обратным подтверждением фольклорного характера «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», а также факта их живого бытования в XVII и XVIII вв. Широкое отражение следов «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» в таких литературных памятниках, как «Сказания о Мамаевом побоище» и Азовские повести служит лишним доказательством их актуальности и живого бытования по меньшей мере в XVII и XVIII вв., при том не только в прямом и главном русле — былин о Куликовской битве, — но еще и в побочном русле — былин и песен об Азовских событиях.

Самое восстановление текста былин об Азовских событиях и изучение процесса их создания и жизни мне представляется очередной, интереснейшей и вполне возможной задачей изучения, которая, однако, выпадает из рамок моего прямого исследования.

3

Чтобы закончить вопрос о судьбе «Слова о полку Игореве», мне остается рассмотреть еще те реминисценции и отражения «Слова», которые отмечены разными исследователями в различных памятниках древнерусской литературы. Этот обзор облегчается тем, что свodka его дана в книге акад. В. Н. Перетца.²⁵ Свою задачу я понимаю только как поправки к литературоведческой интерпретации этих реминисценций, делавшейся до сих пор.

1. Неоднократно цитировавшаяся запись на Апостоле 1307 г. б. Моск. Синод. библ. гласит: «В лето 6815... сии же апостол книги вда святому Пантелеймону Изосим игумен сего же монастыря. Сего же лета бысть бой на Русьской земли, Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князях сеяшется и рoстяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы, и веци скоротшася человеком».

Никакого сомнения, конечно, в том, что это — отражение «Слова о полку Игореве» нет. Олег Гориславич заменен «при сих князях», «жизнь Дажь-божа внука» — «жизнь наша», вм. слова «крамолы» употреблено «которы», т. е. его эквивалент. И весь характер цитаты свидетельствует о записи по памяти общеизвестного для той эпохи ходячего изречения. Поэтому замечание В. Н. Перетца, что эти отличия может быть «объясняются тем, что текст „Слова“, который был известен в 1307 г. переписчику

²⁵ Перетц В. Слово... § 5.

Апостола, отличался от нашего»,²⁶ конечно, излишне. Можно ли вообще думать, что переписчик Апостола 1307 г., делая приписку на переписанной книге, справлялся с подлинным литературным текстом «Слова о полку Игореве»? Такое предположение неестественно, невозможно и ненужно. Запись на Апостоле есть грустная философическая вставка — размышление переписчика, — облеченная в форму пословицы из народной ходячей былины.

Зато я не могу не подчеркнуть никем не отмеченной идеологической ценности этой цитаты на Апостоле 1307 г. Усобицы князей до такой степени были на глазах у населения, до такой степени угнетали, что о них ходили поговорки, пословицы, что те места «Слова о полку Игореве», которые были созвучны этим настроениям, превращались в поговорки, которые не стеснялись записывать на богослужебных книгах. Этот факт вскрывает ту идеологическую почву, которая питала в XIII и начале XIV в. популярность народной былины о полку Игореве, которая поддерживала ее бытование. Эта почва популярности, очевидно, была минорная и далеко не панегирическая для князей. А если это наблюдение верно, то оно подтверждает косвенно еще раз выставленное выше положение о существовании и бытовании в XIV в. не старой полной панегирической былины о полку Игореве, а именно более краткой и более минорной и печальной, притом именно демократической, народной. Такова идеологическая значимость приписки на Апостоле 1307 г.

Но она ценна и методологически, так как указывает, по-моему, с несомненностью, что основной путь отражений «Слова о полку Игореве» и в других позднейших литературных памятниках — путь не литературный, а устный, это — путь устных реминисценций и вставок по памяти из народно-былинных вариантов Слова.

II. Именно такой характер устной реминисценции надо признать далее за пословицей «суда де божия ни хитру уму, ни горазну не минути» в Молении Даниила Заточника, правда, в позднем лишь списке XVII в. В древнейших текстах Моления этой цитаты нет.²⁷ Это уже сильно подрывает кредит литературной связи двух памятников. Мы скорей должны видеть в этом тексте бытовавшую от XII до XVII в. народную пословицу, вошедшую и в «Слово» и в Моление независимо, притом довольно поздно. Но даже присоединяясь к общему голосу исследователей о заимствовании этой цитаты из «Слова о полку Игореве», на основании всего характера коротенького и искажающего ту же Боянову поговорку текста, мы можем говорить только о вставке в Моление этой поговорки *по памяти*, и, возможно, что даже из былины. Конечно, поэтому у нас нет никаких осно-

²⁶ Там же, с. 38.

²⁷ См.: Слово Даниила Заточника. Пригот. к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932.

ваний разницу между текстом пословицы в Молении и в «Слове о полку Игореве» относить к «особым спискам» «Слова», как это делает акад. В. Н. Перетц.²⁸ Эта разница чисто фольклорная, устно-народная.²⁹

III. Еще менее вероятно вообще связь со «Словом о полку Игореве» Жития князя Александра Невского в редакции псковского священника Василия (XVI в.). В качестве параллели приводится одно место на все довольно обширное Житие: «и мужне святого князя Александра исполнишася духом ратным, бяху же сердца их яко сердца львом, и глаголаша ко святому: О княже наш честный и драгий, ныне приспе время нам положити главы своя за тя...».³⁰ Мне кажется, здесь обычные стилистические шаблоны повестей. Но даже допуская заимствование из «Слова», мы можем видеть здесь только заимствование по памяти, т. е. устным путем. Надо припомнить, что та же формула «наполнишася духом ратным» встретила и в «Повести о новгородцах».³¹ Таким образом, наличие трех случаев употребления формулы явно указывает на стилистический шаблон, вероятно возможный и в фольклоре.

IV. Гораздо более интересен случай реминисценции «Слова о полку Игореве» в описании битвы под Оршею в Псковской первой летописи. Причем здесь приходится удивляться, как исследователи не отметили сохранения в отрывке былинно-ритмического строя.

Вот этот отрывок:

Бысть побоище велие
Москвичем с Литвою
Под градом под Оршею,
И воскричаша и возопиша жены бршанки
На трубы Московския.
И слышати было стуку и грому великому
Межу москвичь и Литвою;
И удариша москвичи на Литву,
Русские князи и бояре
С дивными удалцы рускими сыны (в ркп.: сыновами)
На сильную рать литовскую
И треснули копя московския,
И гремят мечи булатныя
О шеломы литовския.
На поли Оршинском
И бысть неспособность божие москвичам.³²

²⁸ Перетц В. Слово..., с. 41.

²⁹ Ниже, в главе об образах «Слова», я предлагаю свое объяснение различия в тексте этой пословицы у «Слова» и Моления.

³⁰ Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, тексты, с. 130; Перетц В. Слово..., с. 39. Другие совпадения, отмеченные у Е. В. Барсова (Слово, т. I, с. 432—433) должны быть отнесены на счет народных элементов в словаре автора Жития.

³¹ Об этой «Повести» специально речь идет в одном из предыдущих разделов труда А. И. Никифорова (С. А.).

³² ПСРЛ, СПб., 1848, т. IV, с. 290 (Ср.: Перетц В. Слово..., с. 38). Текст помещен под 1514 г. в Псковской первой летописи.

Даже если моя реконструкция стиха в этом отрывке не во всем безупречна, ибо летописец мог стих местами попортить, то все же былинный характер всего отрывка не подлежит сомнению. Повторение в третьем стихе «Под градом под Оршею», повторение начального «и» в стихах 12 и 13 и употребление выражения «мечи булатные» показывают явно фольклорный характер всего текста.

А. Смирнов полагал, что связь этого отрывка со «Словом о полку Игореве» не непосредственная, а через «Задонщину». Акад. В. Н. Перетц возражал против этого посредства, находя, что Псковская летопись пользовалась «Словом о полку Игореве» непосредственно, но «возможно, в несколько ином тексте, чем тот, который мы имеем».³³ В этом необходимо разобраться точнее.

С «Задонщинами» связывают наш отрывок следующие совпадения.

Стих 1: слово «побоище» находит прямое соответствие в «Задонщине» У: «А от Калатския рати до Момаева побоища».

Стих 4: «возопиша жены оршанки» — К: «Взопаша избнении от поганых».

Стих 6: «И слышати было стуку и грому великому» — К: Быти стуку и грому велику; У: «Быти стуку великому». В «Слове о полку Игореве»: «Быти грому великому».

Стихи 9—11 несомненно, кроме совпадений отдельных выражений с «Задонщинами», и в целом близки именно к ним:

*Русские князи и бояре
С дивными удалцы рускимп сыны
На сильную рать литовскую.*

*Стучит сильная рать
Великаго князя
Ивана Дмитриевича
Гремять удалцы. (К)
На русскаго господина князя. (К)*

Сравним: У — Удалые Литвы, храбрых удалцов; Гремят удалцы руские значеными доспехи; То ти ступишася руские удалцы; И сседша удалцы з добрых коней; С — Храбрых панов, а сильных удалцах; Гремят руская удалцы; А богатыри, руския удалцы; Изседоша удалцы из борздых коней.

Термин «русские удалцы» уже типичен для «Задонщины» и совсем отсутствует в «Слове о полку Игореве».

Стихи 13—14 есть буквальное повторение шаблона боя из «Задонщины» У, где он повторен 4 раза.

*И гремят мечи булатныя
О шеломах литовския.*

*Возгремели мечи булатные
О шеломах хиновские (трижды)
И гремят мечи булатные
О шеломах хиновские.*

Наконец, стих 15: «На поле Оршанском», конечно, полное соответствие «Задонщинам», в которых много раз повторяется формула «На поле Куликове, на речке Непрядне».

³³ Перетц В. Слово... , с. 39.

Мне кажется, приведенные параллели убеждают в том, что Псковская первая летопись знала не «Слово о полку Игореве» в древней редакции, а, как справедливо отметил А. Смирнов, именно «Задонщины» и пользовалась текстом одной из былин-«Задонщин».

Однако акад. В. Н. Перетц справедливо указал, что стих 12: «треснули копыя московския» и слово «непособие» в стихе 16 не отмечены в «Задонщинах» и ближе к «Слову о полку Игореве», где читаем: «трещат копия харалужныя», «княже, ми не пособие». Но уже сам В. Н. Перетц отметил в так называемом «Поведании» (т. е. в разновидности «Задонщин») «треснуша копия харалужныя». Следовательно, мы можем принять, что летописец Псковской первой летописи просто имел вариант устной «Задонщины», более близкий к «Слову о полку Игореве» в двух мелких чтениях.

Таким образом, анализ псковской летописной цитаты о битве под Оршей представляет, во-первых, явное доказательство нелитературных источников этой цитаты в летописи: ритм, образы, лексика — все в ней фольклорное; во-вторых, новое косвенное доказательство устно-народного характера «Задонщин», а следовательно, и «Слова о полку Игореве»; в-третьих, новое косвенное доказательство большой популярности былин-«Задонщин» в XVI в., и, в-четвертых, что для нас особенно ценно, прекрасный образец летописного использования фольклорного источника. Если летописи наши не гнушались такого источника в XVI в., то тем более вправе мы предполагать его использования в более раннюю эпоху. Так намечается более правильный и новый методологический путь чтения событий Игоревы похода в Ипатьевской летописи, к каковой и переходжу.

V. Текст Ипатьевской летописи, относящийся к походу Игоря, подвергался оценке всеми исследователями, писавшими о «Слове о полку Игореве». Подробный анализ дал еще в 1878 г. И. П. Хрущов,³⁴ а затем сводку господствующей точки зрения дал в 1926 г. акад. В. Н. Перетц. Эта господствующая точка зрения сводится, во-первых, к тому, что автор «Слова о полку Игореве» не мог пользоваться в качестве источника текстом летописи, и, во-вторых, что «Слово» «несомненно знал автор Киевской летописи, который писал события 1184—1187 гг. и в нескольких местах повторил близко и план „Слова“, а иногда и выражения». Впрочем, приводя примеры этих выражений, акад. В. Перетц в конце очерка высказывается более осторожно: «Остается допустить, что или „Слово“ и летопись имели общий источник, или что „Слово“, уже как письменный памятник, могло повлиять на автора летописного рассказа 1185 г. Последнее допущение, по моему мнению, более правдоподобно».³⁵

³⁴ Хрущов И. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, с. 196—204.

³⁵ Перетц В. Слово... с. 36—37.

Проверяя на основании вышеприведенного изучения «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» этот господствующий взгляд на рассказ о походе Игоря в Ипатьевской летописи и вчитываясь заново в этот рассказ, я вынужден выдвинуть несколько иной взгляд и на текст Ипатьевской летописи.

Что автор «Слова о полку Игореве» не пользовался летописным источником, это положение бесспорное. Еще А. Лонгинов в 1892 г. совершенно правильно писал: «Если бы возникал вопрос: отозвалось ли на складе и составе нашего „Слова“ влияние летописи, то мы имели бы более данных к отрицательному его решению. Приемы пересказа, группировка былин и самый язык повести о походе Игоря не носит на себе ни малейших следов заимствования из летописи или подражания летописцу. Да иначе и быть не могло, ибо первый свод летописный составлен при Мономахе игуменом Сильвестром лишь во втором десятилетии XII в., следовательно, списки его не могли быть очень распространены в 1185 г.»³⁶

От себя добавлю, что летописный текст дает такие целые эпизоды, как ранение Игоря, как бессильное наблюдение им боя брата Всеволода с половцами, как большая покаянная речь Игоря и т. д., которыми не мог бы не воспользоваться автор «Слова», если бы он знал летопись. Не говорю уже о полном различии слога обоих памятников. Но после того как я установил, что «Слово» есть былина XII в., ясно, что ни о каком заимствовании или влиянии на него летописного сказания и речи быть не может. Повторяю, это положение не подлежит сомнению и новая попытка опровергнуть его³⁷ лишена убедительности.

Посмотрим теперь, можно ли согласиться с обратным положением, что текст Ипатьевской летописи знал «Слово о полку Игореве» и пользовался им как источником.

На примере заимствования Псковской летописи из «Задонщины» мы видели, что единственный правильный и убедительный прием решения вопроса в положительную сторону — нахождение или ритмических частей текста в летописной прозе, или буквальных совпадений доказательного объема и качества. По отношению к Ипатьевской летописи этот метод приобретает силу едва ли не единственного. Ибо если литераторы XVI, XVII и XVIII вв., попадая под обаяние поэтической силы «Слова о полку Игореве», в «Сказании о Мамаевом побоище», в Псковской летописи или ранее, в приписке на Апостоле 1307 г., не в силах были удержаться от цитации текста «Слова» иногда значительными кусками, можем ли мы допустить, что летописец, писавший

³⁶ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 25—26.

³⁷ Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве». — Изв. ОРЯС, Л., 1926, т. XXXI, с. 137—158.

как раз о событиях Игорева похода, не включил бы ни одного отрывка из «Слова», если бы он его знал. Я считаю это невозможным. Если бы составитель описания Игорева похода в Ипатьевской летописи знал «Слово», он непременно включил бы такие цитаты или переложения из него, которые легко обнаружили бы себя в летописном тексте. Между тем при всем желании найти такие параллели к «Слову» я ничего не мог найти ни со стороны ритмической, ни со стороны текстовой. Уже это соображение, по-моему, доказывает, что Ипатьевская летопись не знала и не пользовалась «Словом». Но для большего доказательства я разберу приводимые исследователями параллели в пользу знакомства Ипатьевской летописи со «Словом».

Приводятся следующие.

а. Сходство плана летописного рассказа со «Словом». Этот аргумент на деле есть явное недоразумение. Ибо сходство планов идет не дальше сходства фактической канвы исторических событий, лежащей в основе обоих памятников. Схематически план «Слова о полку Игореве» мною приведен выше,³⁸ поэтому повторять его не буду. «Слово» начинается с похвал Бояна князьям, чего нет в летописи, затем следует фактический ход событий: сборы в поход, затмение, встреча с половцами, удачный бой, второй приход половцев — это есть в летописи, но затем обращение певца к Всеволоду, его характеристика, воспоминание о князьях Олеге, Владимире, Ярославе и т. д., т. е. эпизоды, которых нет в летописи; после поражения русских, общего летописи и «Слову», в последнем идет «Золотое слово Святослава», которому с большой натяжкой можно приписать параллель в коротенькой речи летописного Святослава; далее в «Слове» укоры князей в крамолах, призывы к ряду князей помочь Игорю и плач Ярославны, которые вовсе отсутствуют в летописном рассказе. Сходство канвы событий, независимо определяющее единство опорных точек развертывания обоих рассказов, отнюдь не говорит о сходстве их литературного плана. Буквально ни одного характерного примера такого литературного параллелизма в планах двух памятников указать нельзя.

б. Места якобы текстового сходства летописного рассказа со «Словом»:

Ипатьевская летопись

Игорь же возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц и рече бояром своим и дружине своей: «Видите ли что есть знамение се?»

..Игорь же рече: «Братя и дружино!» тайны божия никто же не весть...

«Слово о полку Игореве»

*Тогда Игорь вьзрег
На светлое солнце
И виде от него тьмоу
Вся своя воя прикрыты,
И рече Игорь к дружине своей:*

*«Братие и дружино!
Луце ж бы потягү быти,
Неже полоненү быти...*

³⁸ ИРЛИ, отд. рукописей, разр. V, кол. 120, № 1, л. 144 (С. А.).

Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будеть не бившиися возворотитися, то сором ны будеть пущице смерти; но како ны бог дасть».³⁹

Хощу главу свою приложити,
А любо испити
Шеломомь Дону.

Приводится далее короткая речь Святослава в Ипатьевской летописи: «Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: „О любя моя братья и сынове и муже земле Руское; дал ми бог притомити поганяя, нъ, не воздержавше унести, отвориша ворота на Русьскую землю“». Но ведь здесь ни одного слова сходства со «Словом» нет. И странно, как можно сопоставлять этот отрывок с замечательным «золотым словом Святослава». Наконец, указываются отдельные слова и выражения вроде: «бысть скорбь и туга люта», «и бысть у них котора» «и остуши город». Вот буквально все, что приводится в пользу влияния «Слова» на летопись.⁴⁰ Но ведь слова «туга», «скорбь» и «котора» сами по себе отнюдь не могут служить доказательством заимствования, ибо они ходячие слова и в литературе и в быту древней Руси, как это видно хотя бы из словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Пример второй речи Игоря вовсе не сходен со «Словом», а в первом обращении сходство падает на ремарки, т. е. на шаблонные, трафаретные слова и выражения, свойственные всем памятникам и устной речи. Достаточно посмотреть словарь Е. Барсова.⁴¹

Несколько шире, но не успешнее, попытался обставить примерами эту связь «Слова» и летописного текста, как сказано, А. И. Лященко. Но его аргументация также лишена убедительности. С одной стороны, в дополнение к параллелям мнимого сходства текстов А. Лященко приводит еще несколько слов, общих «Слову» и Ипатьевскому рассказу о походе Игоря (слова: «далече», «бишася», «падоша», «не доста», «остушиша», «молвит», «ради»). Но такое сближение отдельных ходячих слов еще не доказывает влияние памятников друг на друга. Методически это утверждение по меньшей мере неосторожное. С другой стороны, А. И. Лященко указал на несколько общих выражений у «Слова о полку Игореве» с Ипатьевской летописью вообще («а лепо ны», «любо ся голову положити перед вами», «земля стукну» и еще немного сомнительных), но такое сходство (как показано мною ниже в гл. V) объясняется в самой летописи проникновением в ее стиль элементов народного живого языка и, следовательно, тоже не может служить доказательством непосредственной связи текста Ипатьевской летописи и «Слова».

Таким образом, ни малейших признаков доказательного сходства или параллелей в текстах летописного рассказа и

³⁹ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, с. 431.

⁴⁰ *Перетц В.* Слово... с. 36—37.

⁴¹ *Барсов Е.* Слово о полку Игореве. М., 1890, т. III.

«Слова», по-моему, вовсе нет. Единственное место во всем летописном рассказе, заслуживающее в нашем анализе серьезного внимания, следующее: «И тако, во день святаго воскресения, наведе на *ня* господь гнев свой, в радости место наведе на *ны* плачь и во веселья место желю, на реце Каялы». Это место, во-первых, удивляет различием местоимений: после правильного в повествовательном рассказе 3 л. мн. числа «на ня» вдруг входит несогласованное 1 л. мн. числа «на ны»; кроме того, во второй половине этого текста ощущается явно пословичный ритм:

В радости место наведе на ны плачь
И во веселья место желю
На реце Каялы.

Мне кажется, в Ипатьевской летописи мы можем видеть в этом тексте вставку ходячей и, вероятно, популярной в то время пословицы, которая автором рассказа вставлена механически без согласования с окружающим текстом.

То, что это место в летописном рассказе носит характер «лирического отступления», заметил еще Барсов. В «Слове о полку Игореве» Каяла упоминается несколько раз: «с тоя же Каялы Святополк повелея отца своего», «ту ся саблям потручяти о шелома Половецкыя на реце на Каяле у Дону великаго», «ту ся брата разлучиста на берегу быстрой Каялы», «иже погрузи жир во дне Каялы реки половецкыя», «на реце на Каяле тьма свет покрыла». Несомненно прав Е. В. Барсов, который утверждает: «Наблюдая за употреблением „реки Каялы“ в самом „Слове“, мы приходим к решительному убеждению, что и здесь имя Каялы имеет лишь символическое, а не географическое значение».⁴² Я думаю, трудно оспаривать это положение, а из него вытекает с несомненностью, что певец «Слова о полку Игореве» (даже если река Каяла географически и существовала) употреблял реку Каялу как привычное поговорочное выражение.

После сказанного ясно, что при отсутствии сходства контекстов летописного рассказа и «Слова» в употреблении реки Каялы мы можем говорить только о независимом проникновении этого выражения в оба памятника. Подтверждением пословичного употребления этого образа служит употребление его у князя Курбского⁴³ и в списке У «Задонщины» в самом ее начале:

⁴² Барсов Е. Слово... т. III, с. 354.

⁴³ В. Л. Комаровичу я обязан указанием на это упоминание р. Каялы у А. М. Курбского. В «Истории о великом князе Московском» Курбский говорит о русских войсках: «и не токмо кони русских сынов во Азии с текущих рек напишася, с Танаиса и Куалы и з прочих, но и грады тамо поставишася» (Русская историческая библиотека. СПб., 1914, т. XXXI, с. 173—174). В ряде списков на полях дано объяснение, что «Куала же исмаилским языком глаголется, а словенски Медведица». Н. Г. Устрялов, однако, комментирует Куалу иначе: «речь идет о Каяле, прославленной

Нахождение этого отрывка в начальной части говорит о бытовании его в былинах Калкского цикла именно в пословичном употреблении.

Таким образом, считаю доказанным, что рассказ об Игоровом походе в Ипатьевской летописи не знал «Слова о полку Игореве» и не пользовался им как источником, и первоначальную точку зрения К. Н. Бестужева-Рюмина, что «ни сказание не служило источником „Слова“, ни — наоборот»,⁴⁴ я считаю единственно правильной. А этот вывод приводит нас к интереснейшим выводам и о «Слове о полку Игореве».

1. Если составитель Ипатьевской летописи не знал и не использовал «Слова», значит в годы составления этого рассказа «Слова» не было популярно в письменном виде.⁴⁵ Если бы оно было в значительном числе списков, летописец как литератор не мог бы не знать и не привлечь важного и популярного литературного источника, т. е. мы получаем новое косвенное подтверждение нелитературного бытования «Слова о полку Игореве» еще в конце XII—XIII вв. (акад. А. Орлов доказывает, что ранняя часть Ипатьевской летописи составлена в начале XIII в.).

2. Если составитель Ипатьевской летописи не знал «Слова», значит оно даже в устном бытовании в эту эпоху не имело еще очень широкого распространения и известности. В противном случае летопись использовала бы устную популярную песнь. Этот вывод естествен. Новая былина, составленная по установившемуся в науке мнению в 1180-е годы, требовала времени для широкого массового распространения и, может быть, новых исторических поводов для широкого бытования. Только позднее Калкский разгром Киевщины создавал почву для такой популярности «Слова», т. е. эпоху массовой популярности «Слова» должно как будто относить на время после 1224 г.⁴⁶

3. То, что именно Киевские летописи (Ипатьевский, Хлебниковский, Погодинский, Ермолинский списки) не знали и не использовали «Слова», косвенно подтверждает большую связь его с новгород-северским двором князя Игоря, а не с киевским князем Святославом. Киевские писцы летописей не могли бы пройти

певцом Игоря (ныне Кагальник)». (Сказания князя Курбского, СПб., 1833, ч. 1, с. 239). Таким образом, «История» Курбского как будто подтверждает географический характер названия Каялы. Однако у Курбского она названа в поговорочном смысле.

⁴⁴ Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1863, с. 115.

⁴⁵ Оно было записано в XII в. и где-то хранилось в этой случайной записи (см. дальше, гл. VII).

⁴⁶ О датировке Слова я выскажу свои соображения дальше в главе VII.

мимо такого блестящего и художественного источника у них под руками, даже если он был устный.

4. Если прав акад. А. С. Орлов⁴⁷ (он датирует составление Ипатьевской летописи концом XIII—началом XIV в., а первую ее часть, включающую рассказ о походе Игоря, началом XIII в. (1214—1219 гг.)), то мы можем сказать, что «Слово о полку Игореве» в начале XIII в. еще не имело особенно широкой популярности, такой, например, какую оно приобретает после разгрома Руси татарами.

5. Факт существования поговорок о печальной реке Каляле, возникших, вероятно, очень скоро после неудачного похода Игоря, а может быть, и раньше, по какому-нибудь иному поводу, свидетельствует, что и рассказ Ипатьевской летописи и «Слово» созданы очень близко к событиям похода Игоря, когда они были у всех на языке и в памяти.

6. Наконец, факт независимости обоих памятников представляет огромный интерес для проверки исторической осведомленности автора «Слова о полку Игореве» (о которой мне придется говорить в четвертой и седьмой главах).

V. Следующий момент связи «Слова» с летописями был выдвинут в 1877 г. Вс. Миллером. Он пишет: «Уже было указано некоторыми исследователями родство языка Галицко-Волынской летописи с языком „Слова“. В этой летописи часто находим поэтические сравнения, живо напоминающие „Слово“. Рассказ оживлен и полон картин».⁴⁸ «При чтении некоторых мест летописи невольно чувствуется что-то близкое к „Слову“, невольно припоминаешь подобные же образы и приходишь к предположению, не знаком ли был составитель летописи с этим произведением и не подражал ли ему?».⁴⁹ В доказательство Вс. Миллер приводит отрывок из Галицко-Волынской летописи под 6709, т. е. 1201 годом.⁵⁰ Отрывок этот действительно интересен, но явно не имеет прямой связи со «Словом о полку Игореве» и совершенно правильно устранен акад. В. Перетцем из числа памятников, связанных со «Словом».⁵¹ Выражения, подчеркнутые Вс. Миллером как сходные со «Словом», я приведу с разбивкой на стихи, ибо ритмическая стихия в этих отрывках ощущается на фоне в целом неритмического текста. Вот все случаи этого рода.

... Устремил бо ся бяше на поганыя, яко п лев,
Сердит же бысть яко и рысь,
И губяше яко и крокодил
И прехожаше землю их, яко п орел,
Храбор бо бе яко и тур.

(Взгляд, с. 139)

⁴⁷ Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи. — Изв. ОРЯС. 1926, т. XXXI, с. 94, 95.

⁴⁸ Миллер В. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, с. 137.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 139.

⁵¹ Перетц В. Слово... , с. 36.

...[Владимир Мономах]
Пил золотым шеломом Дон...

Говоря далее о гудце Ореви, князь Роман велит ему:

...Пой же ему песни половецкня...

Понюхав зелья емшан, князь расплакался и сказал:

Да лучше есть ва своей земле костью лечи,
Нели на чюже славну быти...

О родившемся Кончаке сказано:

Иже снесе Сулу, пѣш ходя
Котел нося на плѣчеву...

(Взгляд, с. 139—140)

Простое знакомство с этими местами показывает, что они текстуально никак не связаны со «Словом», кроме «пил золотым шеломом Дон», которое, однако, не составляет принадлежность одного «Слова», а известно и в других памятниках. Мы можем, а вероятно, и должны в этих отрывках видеть следы использования в летописи фольклора. В частности, сравнения со львом имеются как раз в отрывках былин донских казаков. Так, об Илье говорится:

Накладывал калену стрелу
Его тугой лук как лев ревет,
Каленья его стрелы как змеи свищут

(Былины новой и недавней записи.
Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908, с. 28)

Или в другой былине:

У маей толька чадушки конь как лев рявел

(Там же, с. 292)

В главе VIII я более широко покажу связь киевских летописей с фольклором. Проникая из разных былин и песен, эти образы и создают иллюзию близости текста к «Слову о полку Игореве». Но от этой иллюзии далеко до фактической связи.

VII. Наконец, последний документированный момент исторического бытия «Слова», — это утраченная Мусин-Пушкинская рукопись (по-видимому, XVI в.) записи «Слова». Чем была продиктована эта запись, в настоящее время установить невозможно. Но, принимая во внимание все изложенное, становится понятным случайный характер записи «Слова», и счастливая случайность, сохранившая ее для нас. Оснований предполагать существование многих других списков у нас нет.

VIII. Кроме названных литературных отражений «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», обычно отмечавшихся многими

исследователями, я нахожу возможным прибавить еще один памятник, не привлекавшийся к подобному сравнению.

В поздних летописных сводах и в ряде сборников имеется новая сравнительно с древними летописями «Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань». ⁵² Она уже была несколько раз напечатана, ⁵³ но наиболее удовлетворительное сводное издание дано И. И. Срезневским. ⁵⁴

Эта повесть заслуживает внимания с точки зрения анализа источников, о каких-то, насколько знаю, еще не было высказано никаких суждений. Несомненно, что при книжном общем характере этой повести, отдельные участки ее хранят следы контакта с устными преданиями, а весьма возможно даже и с былинами татарского цикла. Вот, например, как излагается известный рассказ о Евпатии Коловрате. По-моему, этот рассказ чисто былинного характера:

И внезапно нападоша на станы Батыевы
И начаша сечи без милости.
И сметоша все полкы татарскыя.
Татарове же сташа яко пьяны.
А ли неистовый Еупатий, тако их бьяше
Яко и мечи притупишася
И емля татарския мечи и сечаше их.
Татарове мняша, яко мертвы восташа.
Еупатий сильныя полкы татарскыя
Проезжая бьяше их нещадно
И ездя по полкам татарским храбро и мужественно,
Яко и самому царю побоятся.
И едва поймаша от полку Еупатиева
Пять человек воинских
Изнемогших от великих ран
И приведоша их к царю Батыю
Царь Батый нача вопрошати:
«Коя веры есте вы и коя земли
И что мне много зла творите».
Они же реша: «Веры христианский есве,
Раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго,
А от полку Еупатиева Коловрата,
Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго
Тебя сильна царя почтити
И честно проводитьи,
И честь тебе воздати,
Да не подиви царю, не успевати наливати чашу
На великую силу рать татарскую.
Царь же подивися ответу их мудрому.
И посла шурича своего Хостоврула из Еувпатья
А с ним сильныя полки татарские.

⁵² Впрочем, связь этой повести со «Словом о полку Игореве» отмечал еще Е. В. Барсов (Слово..., т. I, с. 431), но анализа связи не дал.

⁵³ В. М. Ундольским во «Временнике Моск. Об-ва истории и древн. российских», М., 1852, кн. XV, смесь, с. 11—21; в «Русском Временнике», М., 1820, ч. 1, с. 108—126.

⁵⁴ Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. — Записки имп. Академии наук, № 2. СПб., 1867, т. XI, прилож. № 52, с. 81—90.

Хостоврул же похвалися прѣд царем
 Хотя Еупатия жива пред царя привести.
И ступишася сильныя полки татарския
 Хотя Еупатия жива яти.
 Хостоврул же съехася с Евпáтием
 Еупатей же исполин сѣлоу
 И разсече Хостоврула на полы дó седла
И начаша сечи силу татарскую,
 Ових на полы пресекоша,
 А иных до седла краяша.
 Татарова возбояшася
 Види Еупатия крепка испóлина.
 И навадиша на него множество пóроков.

(Свед. и зам., с. 87)

Они же рекоша царю:
 «Мы со многими цари во многих землях
 На многих бранях бывали,
 А таких удальцов и резвцов не видали,
 Ни отцы наши возвестѣша нам».

(Там же, с. 87—88)

Царь Батый зря на тело Еупатиево
 И рече: О Коловрате Еупатие
 Гораздо еси меня поскепал
 Малою своею дружѣною,
 Да многих богатырей сильной орды побѣил еси.

(Там же, с. 88)

В этом отрывке былинный характер носит не только самый сюжет поединка двух богатырей и поведения Батыя. Даже если допустить порчу отдельных стихов составителем повести, то все же из-под письменного оформления, мне кажется, довольно ясно видна былинно-стиховая ритмическая основа и отдельные обороты. Таковы, например, повторения упоминания полков татарских («силу рать татарскую»), речи татар и Батыя.

Использование в «Повести о приходе батыевой рати на Рязань» фольклорных источников объясняет некоторые элементы, правда, сравнительно не крупные, контакта «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» с этой повестью. Элементы эти разбросаны по повести главным образом во второй ее части. «Меня поскепал» соответствует «поскепаны саблями калеными» «Слова о полку Игореве». В «Повести о Рязани» есть и другие параллели:

«Повесть о Рязани»

«Слово», «Задонщина»

Лутче нам смертию живота куштити,
 За святыя божия церкви
 И за веру крестьянскую смерти
 вкусити,
 Нежели в поганой воли быти.

(Свед. и зам., с. 83)

Луде ж ны потягу быти,
 Неже полонену быти
 (Слово о полку Игореве)

И положили еста головы своя
 За святы церкви,
 За землю Рускую
 За веру крестьянскую.

(Задонщина У)

И моляся чудотворцу
Николе и сродником своим
Борису и Глебу

(Там же)

И помоляся Богу и Пречистой его
матери
Солнце ему на восток сияет
и путь поведает
А Борис и Глеб молитву воздают
За сродники своя

(Там же)

На великую силу-рать татарскую

(Там же, с. 87)

На рать-силу татарскую

(Там же)

Говоря о побитых русских, «Повесть» сообщает: «Лежаша на земли пуге, на траве ковыле» (Свед. и зам., с. 89), что напоминает «ковылие» плача Ярославны. Наконец, «Повесть о Рязани» в духе «Задонщин» называет русских несколько раз «удальцы и резвцы» (там же, с. 88, с. 89 дважды). Может быть, также не без контакта с «Задонщинами» упоминается в «Повести» и река Воронеж: «Поиде же князь Ингварь Ингоровичь на реку на Воронеж» (с. 90). Ср. в «Сказании о Мамаевом побоище»: «И доиде реки до усть Воронежа».

Приведенные примеры и по числу их и по характеру не дают права говорить о непосредственной литературной зависимости «Повести о разорении Рязани Батыем» от литературных текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщин». Ибо все они могли войти в эти записи независимо. Но факт участия в «Повести о разорении Рязани» фольклорных источников дает совершенно ясное объяснение названной связи. Очевидно, что «повесть о разорении Рязани» писалась с опорой на народные былины типа «Задонщин».⁵⁵

IX. Одним из интереснейших моментов в тексте «Слова о полку Игореве» и его вариаций является загадочной и, насколько знаю, не отмеченный исследователями случай совпадения одного куска «Слова о полку Игореве» и текста «Задонщин» — именно самого путаного и варьирующего — с «Повестью временных лет». В 3-й редакции (по терминологии А. А. Шахматова) «Повести временных лет» под 1111 г. после известного рассказа о битве русских с половцами на реке Сальнице, сообщается:

Якоже и се с Божию помощию,
Молитвами святяга Богородица и святых ангел
Възвратишася русьстий князи
В свояси с славою великою,
Яже к своимъ людемъ
И к вьсем странам дальним,
Рекуце к Грькомъ и Угром
И Ляхом и Чехом
Доже и до Рима прбиде,

⁵⁵ Если этот вывод верен, то тем самым весьма заметно ослабляется значение «Повести о разорении Рязани Батыем» как исторического источника.

На Славу Богу, вьсьгда ѥ ныне
И присно и в веки векомъ, аминь.⁵⁶

После этой концовки продолжается текст мелких летописных заметок.

Еще И. П. Хрущов отметил, что это место находит аналогию в «Слове о полку Игореве»:

Ту немци и венедици,
Ту греци и морави
Поют славу Святъславлю.

Однако теперь, после изучения «Задонщин», мы можем привести еще более близкие параллели: во-первых, из «Слова о гибели Русския земли»:

Отселе до Угор
И до Ляхов до Чахов
От Чахов до Ятвязи и т. д.

Во-вторых, в «Задонщине» К, когда говорится о славе Донского боя:

Весть подаваша
По рожним землям
За Волгу, к железным вратомъ
К Риму до черемисы,
До чяхов, до ляхов, до Устюга.

Таким образом, и «Слово о полку Игореве» и «Слово о гибели» и старшая «Задонщина» в этом тексте соприкасаются с «Повестью временных лет» 3-й редакции, т. е. 1118 г. У нас нет никаких оснований предполагать опору всех трех памятников на летопись. Такое предположение решительно невозможно. Следовательно, остается допустить существование ходячих песенных шаблонов, общих мест для выражения славы русского оружия по меньшей мере с начала XII в. и до XV в.

Сказание о битве на Сальнице в «Повести временных лет» «было написано отдельно от летописи».⁵⁷ По самому характеру, по обилию чудесного элемента в этом сказании оно очень легко может быть отнесено на счет устных преданий и рассказов — источников летописца. И хотя рассказ о битве при Сальнице переносится большой вставкой из Амартола и Ипполита, но оканчивается он, очевидно, реминисценцией шаблонной — ходячей формулы о границах славы русских князей.

Я не имею в виду отстаивать стиховое изложение этого куска в «Повести временных лет», хотя выше попробовал прощупать

⁵⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, т. I, с. 345.

⁵⁷ Хрущов И. О древнерусских исторических повестях и сказаниях, с. 191.

в нем элемент ритма, но народно-фольклорная основа его, по моему, является единственным удовлетворительным объяснением этого совпадения.

4

Проследив отражение и историю «Слова о полку Игореве» в литературных памятниках, мы не имеем права не поставить вопрос об устно-народных отголосках «Слова о полку Игореве» в фольклоре более нового времени. Вопрос этот труден особенно потому, что одностороннее литературоведческое решение его в нашей науке, давшее около 800 работ о «Слове» в связи с литературой, не дало ни одной работы по поискам отражений «Слова» в позднейшей устной народной традиции. Никому и в голову как-то не приходило искать этих отражений, кроме разве голословного и ошибочного предположения акад. В. Н. Перетца об опускании эпитетов «Слова» в фольклор позднейшей эпохи. В. Н. Перетц не допускает даже гипотезы «о параллельной традиции» эпитетов в древней письменности и в устной традиции». ⁵⁸ Он утверждает «генетическую зависимость заметной группы эпитетов устной традиции от древней, дошедшей до нас на письме». ⁵⁹ Другими словами, новый фольклор даже в эпитетах своих возводится к книжным источникам. Невозможность согласиться с этой позицией будет показана в третьей главе моей работы специально об эпитетах «Слова». Сейчас же я эту гипотезу В. Н. Перетца привел для того, чтобы показать, что в сущности проблему отражения «Слова о полку Игореве» в позднем фольклоре приходится начинать сначала, несмотря на почти полутора-столетнее изучение «Слова». Не имея в этой области возможности опереться на предшествующие работы, я, разумеется, буду скромнен в своих наблюдениях. Однако оставить проблему без собирания и освещения хотя бы небольшого количества имеющихся фактов нельзя. К счастью, кое-какие факты имеются.

Во-первых, надо сразу же дать себе ясный отчет в том, что «Слово о полку Игореве» древнейшей редакции XII в., конечно, сколько-нибудь крупных отражений в новом фольклоре оставить не могло. Для его смерти в древнейшем панегирическом для северских и киевских князей виде было слишком много оснований в последующей истории русского народа. Уменьшение роли Киева, малая значимость Игоря и его походов в общерусском масштабе, татарская эпоха, свержение татарщины, московский период и петровская эпоха, наполеоновские войны — слишком много крупнейших исторических событий прокатилось по народному сознанию за семь с половиной веков со времени создания «Слова о полку Игореве» для того, чтобы старая панегирическая песнь могла сохраниться в своем древнейшем виде. Смененное

⁵⁸ Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1920, с. 148.

⁵⁹ Там же.

в конце XIV в. новой редакцией — «Задонщинами» — «Слово о полку Игореве» сразу же потеряло актуальность в старом виде. Поход и поражение Игоря потускнели перед победой над Мамаем. Но зато новый его вид — «Задонщины», — как выше показано, жили интенсивной жизнью в течение по крайней мере XV—XVIII вв., т. е. целых четыре столетия. Следовательно, отголоски «Слова о полку Игореве» в новом фольклоре мы вправе искать главным образом через посредство «Задонщин».

Во-вторых, и «Задонщины» не были единственным видом былевого эпоса, связанного с монголо-татарами. Несомненно мы должны признать существование целого цикла былин Калкско-Куликовского полей. За это говорит существование былин типа «Слова о погибели Руския земли», «О донском бою», былины, лежавшие в основе Азовских повестей и, наконец, такие поздние былины, как «О камском побоище», былины о Батые, «Авдотья Рязаночка» и т. п. Нельзя сомневаться, что все былины этого цикла непрерывно переплетались, входили во взаимодействие и сюжетное и композиционно-стилевое. Следовательно, рассчитывать на сохранение в течение пяти веков цельного и хорошего текста даже «Задонщин» в фольклоре мы также едва ли вправе. Ведь даже записи «Задонщин» XV и XVII вв. резко и значительно разнятся друг от друга. Такие находки возможны, но, конечно, случайные, как случайностью является открытие самого «Слова о полку Игореве».

Из сказанного следует, однако, что единственный правильный методически путь поисков в фольклоре отражений «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» есть путь поисков их эпизодических, отрывочных, некрупных в смысле текста отголосков. Прежде всего попробуем искать такие отражения в старых записях песен и былин.

I. Если просмотреть песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса,⁶⁰ то этот сборник даст ряд интересных параллелей и «Слову» и «Задонщинам», а именно:

1. Вторая песня дает плач москвичей и немцев:

А расплачютца гости москвичи.	Восплачется жена Микулина Мария.
(с. 2)	(Задонщина К)

А съезжались князи-бояря супротиво к ним.	Съехали все князи русския.
(с. 3)	(Задонщина К)

Высоко сокол подъялся И о сыру матеру землю ушибся.	Коли сокол в мытех бывает Высоко птиць взбиваеть.
(с. 3)	(Слово о полку Игореве)

⁶⁰ *Симони П. К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса. СПб., 1907. Ударения в песнях расставлены Ф. Е. Коршем ошибочно.

2. Плач дает и третья песня Джемса: «Сплачетца на Москве царевна» (с. 5) и пятая песня «А сплачетца на Москве царевна» (с. 10).

3. Шестым номером в сборнике Джемса дана короткая былина о крымском царе, идущем на Московское царство. Начинается она так:

А не сильная туча затучилася
А не сильнии громы грянули.

(с. 12)

На том поле сильнии тучи
ступишася,
А из них часто сияли молынии
И загремели громы величии. (У)
На поли Куликове тучи сильныя
изступишася. (С)
Гримит гром сильнии. (С)

Таким образом, «Задонщина» отдельными образами плачей находится в русле фольклорного стиля начала XVII в., представленного в песнях Джемса.⁶¹

II. Совершенно исключительный интерес представляет привлечение былины, записанной в XVII в. в виде «Сказания о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побиили царьградских богатырей учинили себе честь».⁶² Несомненно самая запись этой былины есть дело рук той демократической литературной братии, которая записывала и «Задонщины». Старший список этой записи такой же неграмотный и неискусный, как «Задонщины» и как «Сказания о Мамаевом побоище» или Азовские повести. Старший список «Сказания о киевских богатырях» (Е. В. Барсова, XVII в.) не оставляет ни малейшего сомнения в том, что он есть простая запись былины, а не литературная обработка. В нем былинный текст сохранился в былинном стихе с небольшим искажением писца. Приведу важнейшие параллели к «Задонщинам».

Вот, например, начало обеих былин:

⁶¹ Новая недавно выдвинутая точка зрения на сборник песен Р. Джемса (Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. — Тр. Отд. др. рус. лит-ры, М.; Л., 1935, т. II, с. 165—180) как на политические песни начала XVII в. не крестьянские, а созданные в агитационных целях в Москве в средних классах городского населения, мне кажется, хотя и не вполне доказанной, но заслуживающей внимания. В. В. Данилов, по-моему, совершенно правильно выдвигает идею творческой активности в начале XVII в. и городского населения и даже дворянства (сборник П. А. Квашнина) в духе творчества народных песен. Отрицать фольклорную основу песен сборника Джемса и фольклорную установку песен сборника П. Квашнина невозможно. Но тем ценнее узнать, что даже в самом начале XVII в. был не только интерес к народной песне в известных московских слоях, но и были попытки творческого им подражания, вроде песен П. Квашнина. Это полностью подтверждает выдвинутую мною концепцию о наличии и ранее, т. е. в XVI и XV вв. подобного же интереса к фольклору в тех же средних кругах торгово-мещанского городского населения.

⁶² Симоны П. Памятники старинного русского языка и словесности, Пг., 1922, вып. 1. (страницы указаны далее в тексте, — С. А.).

Во столном славнем граде Кневе
Говорит князь Владимир Всеславич
Киевской

Говорит князь великий Дмитрий
Иванович,
Брату своему князю Володимеру
Опдреевичу. (С)
Ведомо нам, брате, у быстрого

Своим богатырем,
Илье Муромцу с товарищи:
«Или то вам несведомо богатырем,
Что отпускает на меня царь
Костянтин
Из царяграда 42 богатырей.

Дону
Царь Мамай пришел на Рускую
землю.
А идет к нем в Залескую землю (У)
И великому князю Владимиру
Всеславьевичю киевскому (У)

(с. 1)

Таким образом, «Задонщины» XVII в. сразу же дают осяза-
тельную увязку с былиной о семи богатырях. Но эта связь идет
и дальше. Владимир систематически называется «Всеслаевич»,⁶³
и далее:

Берегли бы естя града Киева
И всее моей вотчины.

Уже бо поганые поля руские
паступают
И вотчину отнимают.
(У, сходно — К)

(с. 2)

Идея чести и славы одинакова в обеих былинах:

Тебе государю славу великую
учинимъ
И себя, государь, в чес[ть]
введемъ
И всему твоему государству
похвалу великую учиним
И многия орды остр[ас] тимъ.

И воздадим поганому Мамаю победу
А великому князю Дмитрею
Ивановичю похвалу. (У)
Поедем тамо укупим животу своему
славы (У)
На похвалу руским князем (У)
А чести есмя, брате, добыли.
И славного имени. (У)
Искувим животом славы,
Учинить имам диво. (С)

(с. 2—3)

ищут бо себе
Чести и славы и великого имени. (С)
А тым богатырем слава и чест. (С)

Лутче бы мы тое срамоты великия
не слышали
Нежели мы от князя в очи
такое слово слышали.

Лутче ж бы потяту быти
Неже полонену быти.
(Слово о полку Игореве)

(с. 7—8)

Лутче нам той срамоты великия,
Как случитца нам в чистом
поле смерть недобрая.

Лучши бы есмя сами
На свои мечи наверглися,
Нежели нам от поганых
Положенным пасти. (К)
Лутчи бы нам потятым быть,
Нежели полоненым от поганых
татар. (У, сходно — С)

(с. 50)

За то хочю голову сложить
За государеву чашу и молитвы
И за ево хлеб-соль великую.

Хочу главу свою приложити
А любо испити
Шеломомъ Дону.

(с. 14)

(Слово о полку Игореве)

⁶³ «Всеслаевичем», или «Сеславичем», князя Владимира называют мно-
гие былины XVIII и XIX вв. и в записях литературных (см.: Тихонравов Н.,

Против царя сидят: Идол
Скоропеевич богатырь
А ростом добре не по обычаю:
Меж очима у него стрела ладится,
Меж плечми у него большая
сажень,
Очи у него как чаши
А голова у него как пивной котел.

(с. 17—18)

Не птички соловьи рано
в дуброве просвистали
Свиснули гаркнули богатыри
богатырским голосом.

(с. 28)

И все товарищи скоро поехали
за нимь
И ударилися крепко на копье
булатныя
И училися твердо бить
и неподвижно.

(с. 34)

А похвалу есми видели твоих
богатырей:
Похвала мужю великая пагуба.
А татар всех побили, тем
на Рус[и] не бывати.

(с. 36)

Не белая лебед воскликкала
Восплакалася мати Тугарина
змиевича.

(с. 37)

Не белая лебедь воскликкала
Восплачетца Тугаринова мать.

(с. 53)

... ..именем Телебей:
Трею сажень высота его
А дву сажень ширина его
Межу плеч у него сажень мужа
добраго
А глава его, аки пивной котел
А между ушей у него стрела мерная,
А между очи у него аки питий чары.

(Вставки в списке «Сказания
о Мамаевом побоище» — ГИМ,
собр. Уварова, № 802, XVII в.)⁶⁴

А соловей, летняя птица
Красных дней втеха. (С)
Не щурове рано воспели
В колодных городах на

забóролех...

Восплакалися жены поломяныя. (С)

То ти наехали русские князя
на силу татарскую,
И удариша копье фараджными
О доспехи татарские,
Возремели мечи булатные. (У)
И нача их бусорманов бити. (У)

И похвала Руской земли ходити. (У)
Пошел еси похвалившись на Рускую
землю. (С)
Похвала бывает мужю безумному
великая пагуба. (С)
— Уже нам, брате, в земли своей
не бывать

А в Русь ратю нам не хаживать. (У)
Ярославнын глас слышит,
Зегзицею незнаемь рано кычьеть

(Слово о полку Игореве)

Плачется мати Ростислава.

(Там же)

Не щурова рано воспели...
Восплакалися жены поломяныя.

(Задонщина С)

Миллер В. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 1—4 п др.), и в записях непосредственно из уст народа (см.: Киреевский, IV, с. 86).

⁶⁴ Текст былины в записи XIX в. Архангельского у. (Киреевский, IV, с. 23) дает еще более близкую параллель к прототипу «Задонщины», лежащей в основе текста Увар. № 802 «Сказания о Мамаевом побоище»:

В долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,
Головища его как пивной котел,
Глаза у него как чаши питейны,
Носище как палка дровокбльная.

Лебеди же упоминаются в «Слове о полку Игореве», как известно, четыре раза.

Не уведите для *моих слез* младово
Тугарина Змиевича.

(с. 38)

А бых не слала к нему
Слез на море рано.

(Слово о полку Игореве)

Утрите вы слезы *крававья*
Не нанесите на себя клятвы
вечныя.

(с. 53)

Утру князю *крававья* его раны
На жестодем его теле.

(Там же)

И учили заклинать, чтоб *имь*
на *Русь*
Не бывать век по веку.

(с. 45)

А в *Русь* ратю нам не хаживать. (*У*)

А удалых богатырей станных
людии
И под мечь *всех приклонити*
А *злато и серебро* покатым

телегами.

(с. 13)

Уже поганые оружия
Своя повергоша на землю,
А главы своя *подклониша под мечи*
русские (*У*)

А *злата и серебра*

Нимало того потрепати.

(Слово о полку Игореве)

И их храбости слава
не минуетца.
(с. 55)

Князем слава а дружине, аминь.

(Там же)

Если к этому прибавить концовку «Сказания о киевских богатырях»: «Богатырское слово во веки аминь» (с. 46; ср.: «Слово о полку Игореве»: «...князем слава а дружине, аминь» или «Слава и ныне и присно и во веки веком, аминь» — в «Задонщине» (С)), то мы отметим все случаи, имеющие характер совпадений.

Прежде всего надо отметить, что список Буслаева XVIII в. (ГПБ, О. XVII, № 57), изданный тем же П. К. Симони, несомненно дальше от текста «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», хотя в двух-трех случаях он дает чтения, по-видимому, более близкие. Далее, совершенно бесспорно также то, что, хотя список Барсова XVII в. и список Буслаева XVIII в. суть записи одной и той же былины о семи киевских богатырях, не может быть речи о литературной связи обоих списков. Различие столь существенно, что возводить их друг к другу невозможно. Ясно, что мы имеем здесь дело с двумя независимыми записями одной и той же народной былины, совсем так же, как, например, мы имеем в «Задонщинах» К и С, т. е. рукописные тексты былины о «Киевских богатырях» — явление той же литературной среды, в какой были записаны «Задонщины». Это доказывает несомненную возможность контакта и самих былин.

Но каков же этот контакт? Какова связь «Задонщин» и «Слова о полку Игореве» с былиной «О семи киевских богатырях?»

Во-первых, всматриваясь в приведенные аналогии, мы должны

решительно исключить возможность литературной связи. Если исключается литературная связь текстов Барсова и Буслаева одной и той же былины, то тем более невозможна такая связь этой былины с «Задонщинами» и «Словом о полку Игореве». Ведь все параллели между ними есть параллели образов, параллели приемов стилистического построения отдельных фраз и в ряде случаев совпадение отдельных слов. Но слова эти очень характерны, например отчество Владимира «Всеславьевича», оборот «лучше... нежели», «хочю голову сложить», плач матери Тугарина и т. д. Весь этот характер совпадений, не допускающий литературной связи, совершенно закономерен в русле устно-фольклорного бытования. Мы имеем в былине о семи киевских богатырях былинку того же круга и эпохи, к которой принадлежали по крайней мере «Задонщины» и краткая редакция «Слова о полку Игореве». Только таким путем, путем связи на почве устного бытования и сосуществования мы в состоянии объяснить поразительный факт, что при большей в общем близости былины о семи богатырях к «Задонщинам», несколько мест ее хранят более близкие связи со «Словом о полку Игореве». Пусть эти связи словарные только, но именно такими они и должны были быть в эпоху XVII и XVIII вв. Изучение былины о семи богатырях подтверждает нам еще раз устно-фольклорный характер «Слова о полку Игореве» и «Задонщин».

Во-вторых, несомненно, что былина о семи богатырях киевских стоит в ближайшей фольклорной связи именно с «Задонщинами». За это говорит, кроме параллелей, указанных выше, еще и композиция былины. Мы в ней имеем несколько эпизодов, параллельных «Задонщинам» или «Слову о полку Игореве» в неизвестной редакции. Например, начало былины параллельно с «Задонщинами», далее богатыри ставятся в опасное (точнее неприятное для них) положение, из которого они выходят решением: «Лучше... нежели», далее бой с монголо-татарами, напоминающий «Задонщины», плач матери Тугарина. Все эти эпизоды, показывая параллели, а местами и прямую связь двух былин, говорят за более позднее происхождение былины о семи богатырях. Я отнюдь не хочу утверждать, что эта былина возникла из «Задонщин» или на их основе. Скорей мы должны допустить независимое сложение былины. Но «сожительство» ее с «Задонщинами» в устах певцов и большая популярность «Задонщин» в XIV—XVIII вв. должны были внести известную долю отложений и влияний, разумеется, чисто фольклорных, на былинку о семи богатырях.

В-третьих, приведенный анализ дает право высказать некоторую догадку и о времени сложения былины о семи богатырях. В 1453 г., как известно, Константинополь подпал под власть турок. Второй Рим пал. Это произвело ошеломляющее впечатление на весь христианский мир, в том числе и на русских людей. Вспомним повести, созданные литераторами в XV в. на Руси о пе-

реходе к Москве царских регалий, о белом клобуке и т. п. Почва для такого творчества была подготовлена действительным ростом и расцветом Московского государства после Мамаева побоища, т. е. в XV и XVI вв. Я не сомневаюсь, что массы не оставались чуждыми судьбе Царьграда. Они должны были откликнуться и откликались эпическим творчеством сочувственного Царьграду и враждебного туркам характера. Но в то же время массы не могли не учитывать роста политического значения Москвы и ее военной мощи. В народном сознании это превосходство Москвы над Царьградом и вылилось в былинку о превосходстве семи русских богатырей над богатырями цареградскими, каковые притом рассматриваются в знакомом русском образе монголо-татар. Бытование в XIV—XV вв. «Задонщин» с готовыми формулами и врагами монголо-татарами облегчало сложение новой былинны. Турки, владевшие Константинополем, были заменены монголо-татарами, которых и громят семь киевских богатырей. То обстоятельство, что богатыри названы «киевскими» доказывает, что былина древнее XVII в., что она еще не порвала связи с древней домосковской традицией. Но другой факт — ясное осознание превосходства русских богатырей над цареградскими, подчинение константинопольского царя монголо-татарским богатырям, частое употребление слова «государь», изображение князя Владимира не трусливым и слезливым князем киевским, а грозным, сильным царем, у которого есть вотчины во всех ордах, которому богатыри русские обязаны беспрекословно повиноваться, — указывает, что былина отражает эпоху уже сильной царской власти — эпоху Ивана Грозного, т. е., вероятно, первую половину XVI в. Былина сохраняет даже указание на придворный этикет. Когда богатыри с победой возвращаются к Владимиру, они

И выбирают от себя богатыря дворянина Залешанина:
«Поед ты, дворянин Залешанин,
К столному граду Киеву,
Ты жилец двора государева,
Много живешь во дворе государеве
И всякой чин ведаешь,
Обошли нас государю князю Владимиру Всеславичю,
Велит ли намь на свои государския очи видети».

(с. 39—40)

Былина о семи богатырях по общему идеологическому направлению отражает московскую идеологию XVI в. о превосходстве Москвы над другими странами. Высказанное в литературе предположение, что под рекой Смугрой надо иметь в виду реку Угру, на которой встретились в 1480 г. русские войска Ивана III с войсками Ахмата и разошлись без сражения, окончательно освободив Москву от ордынской зависимости,⁶⁵ мне кажется весьма правдо-

⁶⁵ См., например: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности, М., 1910, т. II, с. 137.

подобным. Это датирует *terminus a quo* создания былины концом XV в.

Что былина создана не литераторами, а народной массой доказывает ее идеологический анализ. С одной стороны, мы видим в былине богатырей, строго подчиняющихся воле «государя» — князя Владимира. Они беспрекословно подчиняются Владимиру; когда он отвергает их просьбу пустить их на подвиги, они «закручинились», но не осмеливаются не повиноваться князю, а когда тайком разгромили врагов монголо-татар, то посылают вперед дворянина Залешанина испросить разрешения явиться на «свой государский очи». Это приниженное положение богатырей при дворе князя — черта совсем новая сравнительно со старыми вольными богатырями, которые хотели — служили князю, не хотели — уходили, за которыми Владимир Красное Солнышко ухаживал. Двор князей Ивана III и Ивана IV — уже двор государей властных и сильных. И приведенная нота государственной приниженности богатырей, по-моему, подтверждает косвенно сложение ее в массах и именно при Иване III и Иване IV.

Но, с другой стороны, за сложение былины в массах говорит и нота классового протеста, которая довольно ярко отразилась в былине. Когда Владимир в начале былины предлагает богатырям беречь «его вотчины», богатыри возмущенно ворчат:

Государь, князь Владимир Киевской
Сторожем мы в земле не извадились жить,
Не доведетца нам сторожами слыть.

(с. 3)

И далее этот протест еще резче:

Не извадились мы сторожемь стеретчи,
Толко мы извадились в чистом поле ездити.

(с. 5)

Когда же Владимир окончательно запрещает богатырям разъезжаться из Киева, боясь остаться без защиты с их стороны, и говорит вторично: «Пригоже вам моя вотчины побережи», богатыри «закручинились», уехали тайком:

Едут по чистому полю
Взговорят промеж собою такоу пословицу:
«Лутче бы мы тое *срамоты великия* не слыхали,
Нежели мы от князя в очи такое слово слышали,
Хотя б мы люде и не дородились
Да были бы мы богатыри недобрыя
И нас бы в Кееве сторожи стеретчи не заставляли».

(с. 7—8)

Это уже прямой протест против недостойного использования богатырской силы не по назначению. Такой протест мог включиться в былинку только в народной среде.

В-четвертых, наконец, былина о семи богатырях, возникнув в XV—XVI в., вошла в цикл былин о борьбе с монголо-татарами и интересна еще и с точки зрения списка богатырей-участников похода на Царьград: это Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дворянин Залешанин — «серая свита злаченные пугвицы», Алеша Попович, «Щата е[сть] Лизынич», Сухан Домоньянович, «Белая палица красным золотом украшена, чечым жемчюгом унизана» (с. 3—4). В списке Буслаева вместо Щаты — Глапит, а Белая палица назван «дворянином». Таким образом, в перечне богатырей оттенена классовая группировка их: два дворянина выделены. А если принять, что Щата есть ошибка, и прочесть как Щапа Лизынич, т. е. Щеголь — лизун (об Алеше Поповиче), то не останется сомнения в ироническом отношении певцов былин к классу дворян и поповскому. Да так оно дальше и отмечено: «Всех у нас пуще Олеша Попович, что он де пьян или не пьян изо всех нас охочь браниться». Любопытно, что этот список резко расходится со списком богатырей в былине о Калкском побоище.

Таким образом, заканчивая анализ былины о семи богатырях киевских, я прихожу к выводу, что эта былина, сложенная в крестьянских массах в связи с падением Царьграда и освобождением Руси от монголо-татарского ига, восприняла и сохранила некоторые элементы былин типа «Слова о полку Игореве» и «Задонщин».

Наконец, в-пятых, былина о семи богатырях дает косвенное доказательство возможности записи в прошлом и былин «Задонщин» и «Слова о полку Игореве». Факт точной записи былины о семи богатырях в XVII в. подтверждает факты довольно широкого существования подобных записей фольклора и ранее. XVIII в. приносит уже несколько подобных записей былин.⁶⁶

В заключение два слова о точке зрения А. Н. Веселовского, посвятившего «Сказанию о семи киевских богатырях» небольшой этюд, и В. Ф. Миллера, посвятившего «Сказанию» целый очерк. А. Н. Веселовский в результате беглого обзора пришел к выводу, что «Сказание о семи богатырях» восходит в своем прототипе к дотатарской эпохе, когда собирательным центром русского эпоса был один Владимир; в дошедших до нас списках «Сказания» уже является татарская терминология.⁶⁷ При всей соблазнительности этой гипотезы она дана с таким поверхностным обоснованием, что является скорее остроумной, чем доказательной. А. Н. Веселовский не учел, что дело не в терминологии только, а в том, что и идеологическая основа былины о семи богатырях, и ее оформление, и характер связи ее с «Задонщинами»

⁶⁶ Кроме Буслаевского списка XVIII в. той же былины о семи богатырях, мы имеем эту былину в сокращенном виде в более поздней записи в Архангельском уезде (см.: *Киреевский*, IV, с. 22—38). Она значительно короче «Сказания о семи богатырях», но имеет одно место, ближе стоящее к «Задонщинам», чем даже в списках Барсова и Буслаева (см. выше, примеч. 64).

⁶⁷ *Веселовский А. Н. Южнорусские былины*. СПб., 1881, с. 374.

и «Словом о полку Игореве» свидетельствуют не о «дотатарском» происхождении, а несомненно, о более позднем и, может быть, очень близком к эпохе Ивана Грозного.

Я считаю необоснованной также точку зрения на «Сказание о семи богатырях» как на произведение книжное, высказанную акад. В. Ф. Миллером. Он писал: «Выше мы нашли неубедительным предположение А. Н. Веселовского, что „Сказание“ представляет подправленную в книжном духе запись древней сложной былины, сделанную книжником».⁶⁸ «„Сказание“ есть произведение книжника, пользовавшегося народными былинами, а не простая запись былины, ходившей в народе» (с. 165). Аргументации, однако, в пользу такого мнения у Вс. Миллера почти нет. Он начинает с того, что указывает: «приводимое А. Н. Веселовским из былины об Иване Гостинном место едва ли достаточно для заключения о том, что на Руси известна была и действительно пелась былина, вполне соответствующая содержанию „Сказания“» (с. 121). И далее все возражение свое против существования былины о семи киевских богатырях Вс. Миллер строит на уникальности этого «Сказания» (с. 123), на наличии в тексте «Сказания» элементов, которые «звучат не по-былинному» (с. 124). Сам Вс. Миллер полагает, что «Сказание» создано «каким-нибудь грамотеем» не ранее взятия Казани (1553 г.), что этот грамотей «жил, по-видимому, в местах, где эпическая традиция процветала и был сам хорошо знаком с былинным складом п л а д о м» (с. 143), что основная идея — выразить «яркие признаки московского великокняжеского или царского времени с его казенным патриотизмом и холопскими чувствами» (с. 129—130). «„Сказание“ уже потому не могло быть простою записью, ходившей в народе сложной былины, что до сих пор, несмотря на значительный консерватизм в нашем былинном инвентаре и несмотря на сотни записанных с XVIII в. до наших дней былин, мы не находим хотя бы скомканных и искаженных потомков предполагаемой А. Н. Веселовским былины. Да и само „Сказание“ как произведение грамотея не распространилось в народе и известно, сверх барсовского списка, только в одном буслаевском XVIII века» (с. 147).

Аргументация Вс. Миллера, слабая сама по себе, однако вызывает целый ряд замечаний.

Во-первых, несмотря на приведенные аргументы, Вс. Миллер, не замечая, что впадает в противоречие с самим собою, заключает: «„Сказание“, на наш взгляд, представляется н а и в н ы м народным отголоском на те политические идеи, которые распространялись при московском дворе и духовенством, и более просвещенными людьми XVI века, московскими государственниками» (с. 145). Вс. Миллер именно в этой мысли совершенно

⁶⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 139 (далее страницы указываются в тексте, — С. А.).

прав. «Сказание» отражает «народные отголоски», а не отголоски «грамотеев», и главный аргумент — отсутствие других отражений в позднейших былинах — отнюдь не аргумент против былинного характера сказаний.

Во-вторых, совершенно непонятно, как можно было не поставить знака равенства между архангельским вариантом Киреевского и «Сказанием о семи киевских богатырях». Конечно, это одна и та же былина, и не случайно, что до А. Н. Веселовского еще П. Бессонов так и понял «Сказание» — как вариант к былине. Он писал в примечании о «Сказании»: «В основе своей это народная былина, но с разрушенным складом и стихом, т. е. побывальщина. Когда же занесли ее в рукопись, тогда несколько окрасили книжным цветом, с приемами московских летописей и языком московского двора: вышло „Сказание“». ⁶⁹ Значит, отголоски «Сказания» имеются в виде многочисленных вариантов былины об Илье и Тугарине. То, что отсутствуют в сочетании с данным именно сюжетом число богатырей семь и некоторые эпизоды, как раз не противоречит былинности «Сказания». Уникальный характер отдельных эпизодов или целых былин вещь обычная. Вспомним хотя бы Щелкана, Авдотью Рязаночку и т. п.

В-третьих, теперь, после анализа «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» становится совершенно ясным, что даже так называемые «книжные» элементы были гораздо сильнее выражены в древней былине, особенно в эпоху XV—XVII вв.

Черты московского приказного языка, врывающиеся в «Сказание», отнюдь не говорят за литературный характер обработки сюжета, а только за то, что в фольклоре XVI в., в былинах эта приказная речь нашла свое отражение, вливаясь из живого языка масс. Подобно тому как современная былина вносит слова и обороты современной городской речи, московские былины XV—XVII вв. должны были носить на себе мозаичные вставки слов и выражений городской и современной речи.

В-четвертых, в «Сказании о семи богатырях» текст до такой степени сохраняет былинный стиховой ритм, что не вызывает никакого сомнения в том, что «Сказание» есть подлинная запись народной былины, созданной именно в народной «наивной среде», что это есть всего лишь одна из былинных вариаций сюжета «Илья и Тугарин», как последняя, весьма возможно, была вариацией сюжета «Алеша и Тугарин».

В-пятых, наконец, Вс. Миллер видит литературный характер сознания «Сказания» в элементах «казенного патриотизма и холопских чувств» (с. 129), имеющихся будто бы в «Сказании». Мой предшествующий анализ «Сказания» показывает обратное. Все «Сказание» носит черты классового протеста, как раз отсутствия холопства перед князем со стороны богатырей. Богатыри

⁶⁹ Киреевский, IV, с. 22.

действительно сохраняют, вернее вынуждены сохранять московский этикет XVI в., когда появляются при дворе. Но они настроены бунтарски по отношению к князю, они нарушают его запрет, они резко упрекают князя и совершенно не «по-казенному» патристичны.

Таким образом, и формально, и по содержанию, и по идее, пронизывающей «Сказание», в этом произведении мы имеем несомненную запись народной былины. Не могу согласиться и с датировкой «Сказания» второй половиной XVI в. Выше я привел соображения, которые связывают былинку с разгромом Царьграда турками.

III. Среди старых рукописей XVIII в. имеется несколько «повестей» об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Они напечатаны Н. Тихонравовым и Вс. Миллером.⁷⁰ Несомненно, что одни из этих текстов представляют простые записи былин (№ 3, 4), другие (например, № 5), конечно, есть запись уже сказки на тот же сюжет (здесь Алеша и Добрыня названы министрами Владимира, стиль и диалоги прозаичны, ритм не былинный и т. п.). Однако в основе даже сказки об Илье лежит, конечно, былина, и даже сам рукописный текст дает запись отдельных частей в виде стихов. Но если в основе этих записей XVIII в. лежат народные былины, то, конечно, не лишне посмотреть, нет ли в них аналогий со «Словом о полку Игореве» и «Задонщинами». И действительно, некоторые места текстов этих старых былин содержат такие аналогии. Вот примеры.

Князь Владимир, подобно «Задонщинам», называется систематически «Всеславичем», или «Сославичем», «Всеславьевичем».

Далее мы имеем выражения: «и услышал крик и стук и конское ржание» (с. 1); «и напускает на их силу великую, как на галечье стадо» (с. 1); «И Соловей разбойник упал з девяти дубов, что овсяной сноп свалился» (с. 2, 8 14); «А Илья побил силу великую, будто заичье стадо» (с. 7); «Стоят три терема златоверховатыя» (с. 14); «Кони под ними добрыя, / И копыя у них вострыя, / И хотят Илью на копыи посадить» (с. 15); «и я к вам приеду, то всем вам, Старому и малому, смерти не миноват» (с. 16); «и засвистал во весь свист, что ни есть могуты его и так крепко, что с теремов по самыя окны верхи съвеело» (с. 21—22).

Идолице характеризуется совсем как в «Задонщине»:

Идолица нечестивой:
Голова у нево с пивной котел,
В плечах касая сажень,
Промеж бровми доброва мужа пядь,
Промеж ушми колена стрела

(с. 23)

⁷⁰ Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 1—5 (номера страниц указываются далее в тексте).

Наконец, запись № 1 кончается:

Теж люди миновалиса
А слава их до скончания века. Аминь.
Конец и богу слава. Аминь.

(с. 4)

Здесь ясно, что амином кончался сначала устный былинный текст, а потом второй «аминь» приписал уже переписчик.

Разумеется, приведенные черты сходства былинных записей XVIII в. говорят не о прямом влиянии на них «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», а о связи их через посредство фольклорной традиции.

Имеются отдельные словарные, правда, очень некрупные аналогии и в других записях былин XVIII в., например в быльшине о «Михайле Потоке» и других богатырях (с. 25 и сл.), где встречается тот же «Владимер Всеславьевич», царь «Кашей», «Золотая Орда» (с. 45), «жеребца латынскова» (с. 63), «и стал напущать он на полки татарские, что ясен сокол на стада на галечья» (с. 63), «мурзы-уланова» (с. 64), «ис под телеги ордынской» (с. 65), «коли он побил силу рать великую» (с. 66), «в чистое поле на шелом» (с. 66) и т. п.

Другими словами, старейшие образцы рукописных записей былин XVII—XVIII вв. представляют для нас несомненный интерес наличием, правда, мелких, но все же аналогий к словарю, стилю и иногда образам «Слова о полку Игореве» и «Задонщин». Но еще интереснее и ценнее для нас те косвенные сведения о самих сборниках, в которых найдены записи этих былин. К счастью, эти сведения даны таким авторитетным ученым, как акад. Н. С. Тихонравов.

Во-первых, большая часть текстов была записана в XVIII в. на отдельных тетрадках, которые только позже переплетены (с. 71, 73), т. е. эти былины несомненно в значительной части записывались из уст сказителей и представляли собою отдельно ходившие по рукам тетрадки единичных записей.

Во-вторых, интересен и социальный состав читателей этих текстов. Если в XVIII в. лирические сборники романсов и песен обращались преимущественно среди «привилегированного класса», то былины и исторические песни были популярны «среди грамотных людей среднего и низшего класса: купцов, мещан, посадских, дворовых людей, крестьян» (с. 82). Замечательный уже названный сборник Буслаева с текстами былин имеет такие записи: «Сия книга дому господина лейб-гвардии прапорщика Алексея Ильича Желябужского служителя ево Ивана Тимофеева сына Быкова», позже другая запись: «Сия книга государственной вотчиной коллегии копейста Петра Иванова сына Степанова» (с. 72). И Н. С. Тихонравов совершенно прав, говоря: «характеризуя своим составом литературные вкусы грамотных людей среднего и низшего класса общества, рукописные сборники

XVIII в. нередко хранят в себе такие версии народных былин, которые совершенно неизвестны по позднейшим записям» (с. 85). После произведенного анализа ясно, что именно к этой демократической линии русской литературы принадлежат записи былин об Азове, «Задонщин» и т. п.

В-третьих, с социальной средой связан и характер грамотности этих записей. Примечательно, что даже в тех сборниках, где литературные повести переплетались вместе с былинами, при сравнительной грамотности первых былина обнаруживают полную безграмотность, избобличая записи непосредственно по слуху. Так, например, случилось в сборнике XVIII в. Публичной Библиотеки, где в записи былины об Илье «господствует безграмотность: во многих словах совсем пропущены буквы, которые следовало взять наверх, а означение титл и соответствующих им сокращений неправильно» (с. 68). И конечно, прав был Чулков, жалуясь на безграмотность писцов источников его сборников, от которых многие песни «претерпели гнусное себе превращение» (с. 81). Однако для наших целей эти указания на безграмотность записей былин ценнейший факт, связывающий «Задонщины», Азовские повести и т. п. именно с этой демократической линией литературных интересов.

Таким образом, русские былины старой записи дают нам интересное дополнение к предшествующему исследованию. Они подтверждают правильность моего анализа и понимания характера рукописей «Задонщин» и, может быть, «Слова о полку Игореве» и былинность их текстов, и даже словесно-стилистическую связь этих памятников, но отнюдь не на литературной почве, а на почве устно-фольклорных источников этих записей.

IV. Л. Майковым в 1890 г. напечатаны три былины из рукописного сборника 1803 г. б. Вологодской губ. Сборник содержит канты духовного содержания и три былины, две из коих записаны были в рукописи даже с разделением на стихи. Одна из них — малоизвестная былина о том, как по морю Хвалунскому ходил гулял Сокол-корабль:⁷¹

Хозяин — от был Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.

Этих молодцов «зазрил», засмотрел «Турецкий пан» «большой Салтан, большой *Салтан Салтанович*». Он посылает своих ребят добрых молодцев садиться «во легки струги» и взять в полон Илью Муромца. Последний пускает из лука калену стрелу:

Полети, моя калена стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,

⁷¹ Майков Л. Три былины из старинного рукописного сборника. — Живая старина, 1890, вып. 1, отд. II, с. 2.

Не пади моя *каленая стрела*,
 Не на воду, не на землю,
 А *пади*, моя *каленая стрела*
 Во турецкой град, во зелен сад,
 В зеленой сад во бел шатер,
 Во бел шатер, за *золот стол*,
 За *золот стол*, на *ременчат стул*,
 Самому *Салтану* в *белу грудь*...

При чтении этой былины, конечно, XVII в. невольно вспоминаются из «Слова о полку Игореве»: «И *стругы* ростре на кусту», «стрелы *каленья*», «золот *стол*», «И *падесея* Кюбяк в граде Кюеве», наконец, разве не напоминает этот образ стрельяния в Салтана Салтановича образа «Слова о полку Игореве»:

Стреляешп с отня злата стола
 Сальтани за землями.

Но самое интересное — концовка былины о Соколе-корабле, имеющая полную параллель в «Задонщинах»:

«Былина о Соколе-корабле»

«Задонщины»

Ах, тут Салтан покаялся:
 «Не подай, боже, водиться
 с Ильей Муромцем
 Не детям нашим, не внучатам,
 Не внучатам, не правнучатам,
 Не правнучатам, не пращурят!»

И плакашася горко, глаголюще:
 «Уж нам у Золотой орда не бывати,
 Бедных жон и детей не видати». (С)
 «Уже нам, брате, в земли своей
 не бывать
 И детей своих не видать». (У)

Таким образом, былина XVII в. об Илье Муромце на Соколе-корабле сохранила весьма заметный контакт с устно-народной традицией, идущей от «Слова о полку Игореве».⁷²

В. Л. Майковым в 1891 г. напечатана ценная заметка об отрывке былины в Сибирской летописи.⁷³ Эта летопись, так называемая Строгановская, известна в двух редакциях: первая составлена в XVI в., вторая на основе первой в XVII в. И вот во второй-то редакции, известной по двум спискам (ГПБ, Q. IV, 82, XVII в. и ЛОИИ, собр. Археографической комиссии № 70, в 4-ку, XVIII в.), в 8-й главе имеются места, взятые, как правильно отметил Л. Майков, «несомненно из народной былины, причем сохранен в значительной степени и склад былевой речи».

⁷² Надо добавить, что текст былины Майкова не единственный. Мы знаем тот же текст в виде рождественских «виноградий» в Сибири. Например, несколько текстов напечатаны А. А. Краевским (Русская старина, СПб., 1874, т. XI, с. 185—186), М. Ф. Кривошапкиным (Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 42—44) и А. Макаренко (Сибирский календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 131—135). Сохранение текста именно в сибирском фольклоре свидетельствует о большой древности текста, равно как и сохранение его именно в календарно-обрядовом и колядном применении.

⁷³ Майков Л. Отрывок былины в Сибирской летописи. — Живая Старина, 1891, вып. III, отд. I, с. 129—132.

Л. Майков указал и параллель к этому тексту у Кирши Данилова («Ермак взял Сибирь»). Я не выписываю всего текста, приведенного Л. Майковым, но для доказательства того, что Л. Майков не ошибся, приведу отрывок:

И собрався на устье матки Самары реки
 На крутом на красном берегу,
 На желтом на сыпучем на песочку,
 Не ратная труба протрубила,
 Говорил атаман Ермак Тимофеевич:
 «О, есте, братцы атаманы и казаки
 Донские, Яицкие, Волские и Терские,
 Думайте думу, братцы, с цела ума,
 Чтоб нам не продуматца:
 На Волге нам жить — ворами слыть,
 А на Дону нам жить — казаками слыть,
 А на Яик итти — переход велик...» и т. д.

Таким образом, сомневаться в былинном характере этой довольно длинной вставки в Строгановскую летопись в XVII в. не приходится. Замечательно, что оканчивается эта былинная вставка текстом, аналогичным окончанию «Задонщин». Вот этот отрывок:

Сибирская летопись XVII в.

«Задонщины»

И возговорил атаман Иван Колцов:
 «Добро нам итти на поможание
 [Таким честным людям]
 А толко нас Господь бог помилует
 И неверных нам бог покорит
 [под ноze наши],
 И Сибирское государство возмем
 [и град поставим]
 И *святыя божия церкви*
 воздвигнем
 И соберем себе *славу* вечную
 И *укупим* себе *живота* вечного
 И впрעדьидущия веки. Аминь.

И положили есте головы своя
 За *святыя церкви*, за землю
 Рускую
 А чести есми, брате, добыли
 И *славного* имени
 Богу нашему слава. (У)
 «И мы, господине, поидемь
 За быструю реку Дон,
 Укупим землямь диво,
 Старым повесть, а младым
 память». (К)
 «Поедем тамо, *укупим животу*
 своему *славы*». (У)
 «Пойдем, брате, тамо,
 Искупи́м живото́м славы
 Учинить имам живо...» (С)

Приведенный отрывок Строгановской летописи дает текст окончания былины испорченным глоссами летописца. Но даже в таком виде, по-моему, он ясно показывает, что кажущееся на первый взгляд искусственным выражение «укупим животу своему славы» в «Задонщинах» является, по-видимому, ходячим выражением живой поэтической народной речи в XVII в.⁷⁴ Таким

⁷⁴ Впрочем, фольклорный характер выражения «укупить славы» подтверждается записями, извлеченными Д. В. Айналовым из отчета Публичной библиотеки за 1894 г. (Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, с. 214); в рукописной записи народного предания о хождении 40 калик в Иерусалим о них говорится: «А собе во веки славы укупипша». Совершенно ясно, что это была ходячая разговорная формула для обозна-

образом, Строгановская летопись подтверждает фольклорный характер окончания «Задонщин» У и С и отрывок «Задонщин» К и У.

VI. Отражение монголо-татарского нашествия и весьма возможно, что Куликовского боя, довольно заметно в былинном творчестве.

1. Куликово поле упоминается в ряде былин как место казни. Например, в былине «Илья Муромец и Бадан (Батый)»:

Ай у насъ ведь как секут да буйну голову
У нас на полѣ увозят на Куликово.⁷⁵

2. Встречается имя Мамаю (с. 8)

3. Особенно «Камское побоище» (с. 8, 30, 434, 436—437, 478, 481, 487, 523, 553), причем о последнем известна даже специальная былина (о ней см. в Юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера, М., 1900, с. 150—162). У Маркова приведены два полных варианта ее и отрывок начала (№ 81, 94, 104), записанные в 1898—1900 г. на Белом море.

Эта былина весьма интересна потому, что в ней есть кое-какие элементы сходства с «Задонщинами». Начинается былина о Камском побоище совсем необычным перечнем числа войск у поганных:

А к чему жо, братцы, приуныла луна небесная,
А помолкло-то сончѣ красной?
А подымаласе тутю Литва поганая,
Как подымалосе поганое Идблишшо
А на тот жо на Киев-град,
А на ласкова-то князя на Владимира
Собирал-то он силы сорок царей,
А да сорок царей, сорок царевичей,
А да сорок-то королей со королевичей,
А как сорок-то атаманов, сорок атаманышчиков;
Под каждым-то было царѣм силы сорок тысяч,
Под каждым королѣм силы было по сорокѣ тысяч,
И под каждым королевичем силы было по сорокѣ тысяч,
И под каждым-то атаманом, под атаманышчком силы
было по сорокѣ тысяч.

(с. 434)

Этот отрывок несколько напоминает и солнечное затмение «Слова о полку Игореве» и счет убитых князей в «Задонщинах» У и других.

Далее в «Камском побоище» дается перечень созываемых богатырей в стиле былины о семи богатырях, но с иным составом

чения популярности. См. еще: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 242.

⁷⁵ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 51. См. также, с. 192, 280, 477 (далее страницы этого издания указываются в тексте); см. еще: Васильев Н. В. Указатель к Онежским былинам Гильфердинга. СПб., 1909, с. 23.

этого перечня: Добрыня Никитич, по приказу Владимира, созывает: Самсона сына Колубаева, Дуная сына Иванова, Святогора Гурьева с племянником, Ремянника со племянником, Пересмёту со племянником, Рошшу — Рошшиби колпак со племянником, двух брателков Петровичёв, двух брателков Сбродовичей, Иванушка сына Годенова, Гаврила Долгополого, Пóтыка сына Иванова, Олешенька Поповича. К ним по вариантам присоединяется Илья Муромец, Потанюшка Хрóмый, Михайло сын Игнатъевич или Данилович, Лука Толстоременник, Дук Степанович. Мне кажется, что «Пересмёта со племянником» напоминает «Пересвета с чадом Иаковом» *Задонщин К и У*.

При изображении слета богатырей былина о Камском побойце говорит, что они:

Как ясны соколы да всё слетатисе;

Ише мать сыра земля да потрясайтсе,
А в реках, озерах вода да колыбаецсе.

(с. 437)

Встречается образ грозы:

А как со восточню-ту стороночку
А не тёмная туча тучилась,
А как тёмна туча, как ведь грозная,
А как туча тучилась, как бы гром гремел.

(с. 437)

Враги — татары здесь даны так, что

А погана сила неверна ко Киеву да подвигаютсе
Как от того ведь пару лошадиного
Как помолкла луна небесная.

(с. 438)

Богатыри, подобно «Задонщинам»

Как молились они Спасу пречистому,
Поклонились они да матери Божьей Богоридици.

(с. 439, сходно — 422, 443)

Наконец, встречаем отдельные слова и образы: «стрела калёная» (с. 435, стих 76), «лепетá» (с. 436, стих 95), «гридни княжепецкня» (с. 437, стих 154), «шóломья окатисто» (с. 438, стихи 176, 189 и др.), упоминание «черьквей-то Божьих» (с. 440, стих 266), «гореча кровь» (с. 441, стих 293), «раны кровавыя» (с. 443, стих 399).

В варианте № 94 об орде татарской сказано:

Да как этой орды-силы да неверныя
Ише ясному соколу будё не облететь
Да во весь день—от как ведь вёшныя,
Ишше серому-ту волку будё не обрыскать
Ай во всю-ту поченьку в осённую.

(с. 481)

Это напоминает в «Слове» «рыскание волком» Всеслава.
Илья угрожает Идолищу не дать:

А черьквей-то Божьих под конюшни взеть,
И не дам-то розорить монастыри спасёныя.

(с. 440)

Имеется и место близкое у былины о Камском побоище с «Задонщиной» К:

«Камское побоище»

Как зачели богатыри съезжатисе, —
Как ясны соколы да всё слетатисе,
Они скоро собрались,
да не ослышались.

(с. 437)

«Задонщина» К:

Тогда аки орли слетошася
Со всея полунощныя страны.
То ти не орли слетошася,
Съехалися все князи рускыя.

Я далек от мысли утверждать, что эти образные стилистические параллели ведут к непосредственной текстовой связи. Но мне кажется, что они свидетельствуют о бытовании былин о Камском побоище в русле тех же устно-поэтических линий, в русле былин татарского цикла, к каковым относятся «Задонщины», тем более что этих отдаленных отголосков, сконцентрированных в одной былине о Камском побоище, оказалось значительное число. Эти связи «Задонщин» с былинами о Камском побоище тем более любопытны, что и А. Марковым и Вс. Миллером они приурочиваются к событиям XIII или XIV в. А. Марков видел в них отражение неудачного похода новгородцев в Югру в 1357 г., а Вс. Миллер, — мне кажется, более правильно — воспоминание о Калкском разгроме русских в 1223 г.⁷⁶

Надо заметить вообще, что количество былин, связанных с упоминанием монголо-татар, так велико в русском эпосе и совсем еще не исследовано, что, мне кажется, можно заранее ожидать от анализа этого цикла былин много интересного в смысле разъяснения контакта с эпосом и «Слова о полку Игореве».

VII. Говоря о возможных отражениях «Задонщин» в последующем фольклоре, я должен обратить внимание на батальную песню о войне со шведами, варианты которой собраны у Киреевского в вып. VIII, 1870 г. на с. 125—135. Варианты этой песни разрознены. Но если взять сводный текст песни, то она обнаружит некоторую аналогию «Задонщинам».

Не грозная туча восстовала,
Не част-крупен дождик выпадает.

(с. 129)

⁷⁶ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 32—59.

Подымается царев большой боярин граф Борис Петрович Шереметьев. Он «полками приполчился»:

Не ясен сокол по поднёбесью летает
То боярин по полкам нашим гуляет.

(с. 129)

Он держит речь к своим драгунам и солдатам постоять «супротив неприятеля», на что они отвечают:

И мы рады государю послужити
И один за одного умерети!

(с. 130)

Затем изображен бой:

«Задонщины»

При край было синего моря,
При усть было Тихаго Дунаю
Тут распáхана была пашня:
Не плугами и не сохами, —
Добрых коней *копытáми*;
Посеяна была пашня
Еще теми же драгунскими *телами*;
Взборонована была пашня,
Еще теми же Мурзавецкими

копьями

Поливана была пашня,
Тою ли христианской кровью

(с. 127)

Черна земля *под копыты*,
А костьми татарскими поля *насеяша*,
А кровью их земля *пролита*
бысть. (У)

Далее по песне Шереметьеву доставляют шведского майора, у которого спрашивают о числе шведской силы. Тот называет цифру 40 тысяч.

Но боярин «тех слов не испугался».

Не две *грозных тучи на небе*
встодили
Сражались два войска тут большия,
Что Московское войско

со Шведским.

Запалила Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из пушек,
Тут не *страшный гром из тучи*
грянул,

Не звонкая пушка разродилась:
У боярина тут сердце *разъярилось*.
Не *сырая мать—земля расступилась*,
Не синее море *всколебалось*:
Примыкали штыки тут на мушкеты,
Бросали все ружья на погоны,
Вынимали тута вострыя сабли
Приклоняли тут *булатныя копыя*.

(с. 131)

На том поле *силных тучи*
ступишася,
А из *них часто сияли мблыны*,
И *загремели громы велицыи*,
То ти ступишася руские удалцы
С погаными татарами...
А гремели князи руские
мечьми булатными. (У)
Теми тресну земля

(Слово о полку Игореве)

После этой битвы дан плач шведских солдат совсем аналогично «Задонщине» К:

Как расплачутся тут Шведские солдаты
Во слезах они чуть слово промолвят:
«Лихая, де, Московская пехота...» и т. д.

(с. 132)

И далее коротко дана победа русских.

Во всяком случае наличие в одной песне о Шереметьеве сочетания таких характерных и сравнительно нечастых в соединении эпизодов, как туча — выступление войск, речь к войскам, бой — в образе посева трупами, бой в виде треска земли и плачей, мне кажется, дает право на сопоставление песен. Песня о Шереметьеве, по-моему, хранит в себе отголоски той батальной схемы старых былин, в русле которой бытовали столетие назад «Задонщины».

VIII. У Киреевского в IX выпуске (с. 271—273) помещена песня из Новиковского песенника о «Перекопе». Начинается она так:

Красно солнце закатилося
И настала мать темная ночь.
.....
Не грозны тучи взгрели вдруг:
Батарея наша вскрылася.

Граф Пушкин с войсками «под Крымскую пошел линию».

Не остановил его картечный град,
Не боится он их тучь дождя.
.....

Он обращался к солдатам с речью:

«Ой, вы, братьцы и друзья мои,
Гранадеры вы и егери!
Не пришли мы, чтоб назад итти,
Победим врага или умрем все тут».

После речи Пушкина:

Как сбколы наши взвивалися
.....
Тут бежал уж уstraшенный враг.

Причем со стороны русских Прозоровский:

Как орел во птиц пуцался в них.
Ему все уже последуя,
Всю татар кучу рассеяли,
По чисту полю по Крымскому,
Чуть успел уйти и сам их хан,
Со стыдом, с страхом и горестью.

На этом песня кончается.

Выделенные курсивом слова представляют, правда, не буквальные аналогии к «Слову о полку Игореве» и «Задонщинам», но что-то вроде перевода тех же образов и выражений на более новый язык. Кроме того, некоторая аналогия опорных эпизодов: что-то вроде затмения, дождь стрел заменен дождем картечи, обращение командующего, победа над врагом и бегство хана (по типу «Задонщин»).

Я коснулся связи и, может быть, отражения «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» только в русском фольклоре. Теоретически говоря история «Слова» допускает, хотя и в меньшей степени, возможность отражения наших памятников и на украинском и белорусском фольклоре. Но силами одного исследователя нельзя «объять необъятное». Это потребовало бы слишком много сил и времени. Поэтому я оставляю пока вопрос в виде поставленной проблемы.

5

Я заканчиваю главу о внешней судьбе «Слова о полку Игореве» несколькими общими выводами, на которые необходимо указать, кроме частных выводов, сделанных при каждом разделе отдельно.

Во-первых, исследование показало, что «Слово о полку Игореве» не является литературным уником, как думали до сих пор, а есть явление фольклорное и по своей судьбе, т. е. типовое. Пушкинская формула, что на всем протяжении древнерусской литературы «Слово» является единственным художественным базисом, что оно есть «чудо» по формуле ряда исследователей, теперь рассеивается без остатка как точка зрения неисторическая. «Слово» не было уником и выступает исторически в окружении сложного комплекса аналогичных произведений устно-народного творчества. Порожденное само стихией народных ритмов, как было показано в первой главе, и народной поэтики и идеологии, как будет показано далее, «Слово» само порождает в течение XII—XVIII вв. целый ряд новых явлений, претворяется само в ряд новых эпических редакций (полная XII в., краткая XIV в., «Задонщины» типа *K* и Тимк. XV в., «Задонщины» типа *У, С, Р I* и *II* и др. более позднего времени) и оказывает влияние на народное творчество позднейших эпох (на Азовские былины и песни, на песни Рязанского цикла, на калкско-куликовские песни, на московские песни XVII в., на былинку о семи киевских богатырях, на другие былины и т. д.). Так открывается главная тайна — тайна вариантов и судьбы «Слова о полку Игореве».

Во-вторых, анализ внешней судьбы «Слова» привел нас к открытию целого нового пласта, целого нового направления в древнерусской литературе — направления демократического, которое и по слабо литературно квалифицированному составу литераторов и по близости их интересов к творчеству фольклор-

ному представляет огромный интерес, хотя оно не было вовсе учтено до сих пор литературоведческой наукой. Начало этого направления мы прослеживаем документально с конца XV в. (дата записи «Задонщины» К) и через XVI, XVII, XVIII и XIX вв. в записях «Задонщин», старых записях песен, былин, Мамаевских и Азовских повестей, в сатирической литературе XVII в.⁷⁷ Позднее, в XIX в. эта среда выявляется как ремесленническая, мещанская, мелкобуржуазная, городская среда, любительница лубка (Бовы, Еруслана, Гуака и т. д.) и народного песенника. Но, по всей видимости, и ранее XV в. она существовала, по крайней мере в Киеве и Москве, ибо в свете новой картины судьбы «Слова» такие факты, как нахождение фольклорных отрывков в Лаврентьевской, Ипатьевской, Псковской и Сибирской летописях, в Молении Даниила Заточника, в записи на Апостоле 1307 г., подтверждают наличие демократического литературного направления гораздо глубже XV в. Значение этого литературного пласта, промежуточного между господствующей церковно-боярской литературой и устным народным творчеством, нельзя недооценивать в общем ходе русского литературного процесса. Раскрытие этого значения и размаха — дела будущих исследований и не входит в задачу настоящей работы. Но констатация самого существования этого пласта и его огромной значимости прежде всего для правильного понимания судьбы «Слова о полку Игореве» должна быть сделана.

Надо заметить, что этот второй вывод о существовании в древнерусской литературе демократического направления с интересом к фольклору получает поддержку еще, например, в истории жанра житий святых, особенно северных. Во всяком случае заслуживает большого внимания старое исследование И. Некрасова.⁷⁸ Автор доказывает весьма убедительно, что для XV, XVI и XVII вв. по отношению к Северу можно говорить, что «в нашей древней литературе действительно есть целый отдел, писанный языком народным» (с. 151), — это первичные редакции житий святых. «Этот отдел памятников древней Руси представляет нам, если так можно выразиться, литературу самоучек, которые при умении писать в самом простом и обыкновенном смысле первоначального умения, почти не получили никакого навыка писать что-нибудь от себя... Эта ступень литературной деятельности предполагает только выучку письму до такой степени, чтобы научившийся ему мог писать более или менее правильно под диктовку» (с. 124—125). «Нередко мы и действительно встречаем такие указания, что все литературное дело состояло в том, что

⁷⁷ Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937.

⁷⁸ Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870 (страницы этой работы указываются в тексте, — С. А.).

писали слово в слово⁷⁹ с того, как им диктовали» (с. 125). И далее И. Некрасов весьма убедительно доказывает факт именно записей под диктовку первичных рассказов о житиях ряда северных святых — Михаила Клопского, Филиппа Ирапского, Пафнутия Боровского, Ивана и Лонгина Яренских и многих других. И. Некрасов далее указывает образцы народных выражений и слов из этого простого народного языка в ранних редакциях житий, наличие мотивов народной поэзии в житиях, вроде: «непроходимыя дѣбри и лѣсы темныя и чащи и дрязги великия» (рукоп. Сол. № 230, с. 138), «море студеное» (ркп. Погод. № 649, с. 150), «близ дышущаго моря акияна» (ркп. Синод. № 413, с. 19), «на безбожнаго Момая» (ркп. Унд. № 367, с. 4), «игумен ему молвит, чему сыноу имени своего нам не скажешь» и т. д. (с. 157, 161, 168). Правда, в житийной литературе все эти элементы поверхностны, случайны. Но все же они служат бесспорным доказательством трех положений.

Первое, что выдвинутый мною тезис о существовании в XV—XVII вв. на Руси литературной среды слабой квалификации из средних и низших слоев населения, подтверждается историей древнерусской литературы житий святых, особенно северных.

Второе, что если составители этих житий первоначально записывали под диктовку рассказы о чудесах и подвигах святых, то значит практика записей под диктовку должна быть признана доказанной даже для житий святых. И разумеется, что тем бесспорнее и несомненнее нужно допустить факт записей под диктовку народно-поэтических произведений: «Задонщин», былин и песен.

Третье, что если даже такой строгий жанр, как жития святых, не избежал всасывания, конечно, случайного, элементов устно-поэтического творчества, значит фольклор в сознании этой демократической литературной братии всегда стоял «у порога», был хорошо знаком ей и привлекался при первой возможности. Выражения житий святых «близ дышущего моря», «на безбожнаго Момая» — это тексты те же, что и в «Слове о погибели» и «Задонщине». Но Некрасов дает более интересный текст «фантастического рассказа» из Жития Филиппа Ирапского, где фигурирует «крест Леванидов» наших былин, и, по моему мнению, самый рассказ представляет, кажется, своеобразную запись духовного стиха.⁸⁰ Некрасов указывает еще «рассказ о бегстве из татар-

⁷⁹ Не является ли указание «Задонщины» У «Снидемся, братия... составим слово к слову» прямым указанием на писание под диктовку?

⁸⁰ Привожу этот отрывок. Он находится в Житии преп. Филиппа Ирапского, составленном в начале XVI в. (ум. в 1527 г.), по списку XVII в.

Сье жадает преподобный Филипей
Рабъскии ис Соловецъково острова.
И пошел подле море взыскаючи себе места.

ского плена с изображением сочувствующей природы, что напоминает рассказ о возвращении Игоря в „Слове о полку Игореве“ (с. 156).

В-третьих, наконец, я в настоящей работе не претендую на решение *всех* вопросов, связанных с внешней судьбой «Слова о полку Игореве». Я смотрю на нее только как на начало этих решений в новом более соответствующем исторической правде направлении, и, пожалуй, новым, несколько более смелым, но оправдывающим себя методом. Для меня совершенно ясно, что настоящее и полное решение проблемы даже внешней судьбы «Слова о полку Игореве» придет позже, после полного исследования указанных мною путем по возможно большему числу списков: «Сказаний о Мамаевом побоище», Азовских повестей, былин старой записи, песенников и рукописных сборников с фольклорными ма-

И пришед к Выге реке.
И речеть Выге реке:
— Сотворю плот на тебе,
Куды меня дух Господень по тебе понесът
Тутю хошу Христа умолити.
И садыясея преподабный Филип на плоте.
И емля ево тишина.
И несет его за Выг реку.
И сходя с плота своего с Выгы реки,
И пошел в гору, где ему ангел Господень
Исповедал и благовестил
Ко [Л]еванидову кресту
Над Лужаном озером.
Тутю тебе исповедатся Христа умолити,
И створил пришествие ко Кресту и Леванидову.
И начас Христу молити под крестом Леванидовым,
По благовествованию ангела господня
И преклонь колени
И нача ся молити Христу.
И преидь на преподобнаго Филипа Ирабьсково мрак,
И явися ему аньгел господень
И рече ему: «Востани отче Филип Ирабьски,
Сподоблен тебе столп аньилы господни».
И явис ему Пречистая со ангелы господни
По благовествованию ангела господня
И возбудився от сна своего
И ужасен бы [сть] от видения
Пречистыя Владычицы нашея Богородицы
И веде его в столп пречистая Богородица
И поставлен быс крест Леванидов
Ангелы господни и невидима быс
И благовести ангелом господним с небеси
Не створи исхожденья и [с] столпа сего
После видения пречисты Владычицы нашея Богородицы.
Богу нашему слава
Ныне и присно и в веки веком амин.

И. Некрасов отметил в отрывке «поэтической оттенок и выражения, близкие к языку народному» (с. 50).

териалами, хранящихся неисследованными в наших рукописных книгохранилищах. Но ведь даже полного учета последних мы еще не имеем. Но мне думается, что как начало такого изучения примененный мною фольклорный метод подхода к памятникам древнерусской литературы, т. е. метод анализа с учетом комплекса явлений живого бытования (ритмики, исполнения, назначения), является плодотворным для «Слова о полку Игореве» и многообещающим для других аналогичных памятников.

III. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ ПИСЕМ М. К. АЗАДОВСКОГО (1941—1954)

*Публикация Л. В. Азадовской **

82. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 3 сентября 1941.

Дорогая Вера Юрьевна,

Вашу открыточку я получил — и она меня глубоко тронула. Мне вполне понятны те настроения, которые вызвали ее. Должен сказать, что Ваша тревога вполне обоснована: мое здоровье очень ухудшилось, к тому же и жена моя в больнице. Добавлю еще, что отъезд наших, о котором я писал Вам в прошлом письме, не состоялся.

Бедная А. Н.¹ и не уехала, и лишилась места. Не смог уехать и Виктор Максимович,² который к тому же очень тревожится за сына,³ который — в Запорожье.

Как всегда бывает, многое движется по инерции — и вчера мы с Анной Михайловной⁴ весело смеялись, когда вдруг — совершенно неожиданно нам прислали корректуру первого тома Гильфердинга.⁵

Эрна Васильевна⁶ мне, видимо, так и не написала, — но знаю, что от нее была телеграмма Жене⁷ и Зине.⁸ О всех вас я часто думаю и вспоминаю — и все чаще и чаще повторяю заключительные строки из обращения Пушкина к Матюшкину (из «19 окт. 1825 г.»).⁹

Прощайте, родная моя. Сердечный, сердечный привет всем друзьям.

Ваш М. А.

* Настоящая подборка писем продолжает публикацию, начатую в сборнике «Из истории русской фольклористики» (Л., 1978, с. 199—273).

Хранится: личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ А. Н. Лозанова.

² В. М. Жирмунский.

³ В момент объявления войны А. В. Жирмунский находился в рядах Красной Армии.

⁴ А. М. Астахова.

⁵ *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Изд. 3-е. Т. I. Предисл. М. К. Азадовского. Изд-во АН СССР — Издание не состоялось. См. подробнее: *Азадовская Л. В.* Из научного наследия М. К. Азадовского (Замыслы и начинания). — В кн.: *Азадовский М.* Статьи и письма. Новосибирск, 1978, с. 201—202.

⁶ Э. В. Померанцева.

⁷ Е. В. Гишпиус.

⁸ Э. В. Эвальд.

⁹ «... И повторял: „На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!“».

83. И. Я. АЙЗЕНШТОКУ

Ленинград. 3 ноября 1941.

... Ваши вопросы, дорогой Иеремия Яковлевич, о письменном столе, о «Истории фольклористики», о работе звучат почти иронически. Моя главная работа — достать хлеб насущный в буквальном смысле этого слова <...>

Но вместе с тем не теряю ни бодрости, ни энергии, — и в скором времени собираюсь своим докладом открывать научные заседания Отдела фольклора. Конечно, по старым материалам, — новых не имею и не могу иметь <...>

Когда все же, рано утром или поздно ночью (если нет тревоги), добираюсь до своего письменного стола, тогда немножко «ковыряюсь» в написанном и вношу разные коррективы. Особенно много дополнений внес в главы о славянском фольклоризме, а также кое-что и в украинскую <...>

Хранится: Личный архив И. Я. Айзенштока.

84. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 18 января 1942.

... Между прочим, я уже не раз очень сетовал, что в свое время не принял решения о переезде в Москву — и не занял кафедры Юрия Матвеевича.¹ Правда, едва ли бы удалось реализовать переезд до начала войны, так что сейчас, вероятно, все было бы по-прежнему. Но теперь все больше и чаще возвращаюсь к мысли о переезде в Москву. Удастся ли только осуществить эту идею, тем более, что то, что было бы мне наиболее интересно и дорого в Москве — кафедра — теперь уже недоступна для меня. Не буду же я мешать занять ее Петру Григорьевичу!²

Но об этих планах еще не раз побеседуем в письме, а может быть судьба подарит и радость встречи... — если только подарит.

Неожиданная, хотя и не совсем внезапная смерть Николая Петровича,³ вероятно, потрясла Вас и всех московских фольклористов. Какое совпадение: он умер в тот же день — 15 января, — что и Юрий Матвеевич! Да, кому-кому, а советской фольклористике пришлось и, видимо, еще придется перенести очень тяжелые удары <...>

Р. С. Не думайте, что я совсем перестал работать: я даже было начал писать кой-какие новые этюды в дополнение к своей основной теме, да бытовые условия, главным образом отсутствие света, выбили на время из седла. Надеюсь, скоро вернуться к ним.

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Ю. М. Соколов.

² П. Г. Богатырев.

³ Н. П. Андреев.

85. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 25 февраля 1942.

... Р. С. Писал ли я Вам, что Университет выдвинул мою книгу на <...> премию?¹ <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ История русской фольклористики. Речь идет о выдвигении на Государственную премию СССР.

86. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 2 июля 1942.

... Включился уже и в работу Университета, хотя, конечно, главная работа начнется только осенью. Но вступительную лекцию я все-таки прочитал. Темой взял вопрос о концепции фольклора у Маркса—Энгельса. Было довольно много народу, кроме студенчества. Старшим лекция очень понравилась, что же касается студентов, то у меня есть подозрение, что для некоторой части слушателей она была трудновата. Но Вы, ведь, знаете, что я враг всяких упрощенств. Мое правило: студенты должны дотягиваться до профессора, а не профессор снижаться до студенческого уровня. Один из моих бывших учеников¹ (ныне декан литературного факультета в Педвузе) спросил свою соседку-студентку в перерыве, знакома ли она с анимизмом и именем Тэйлора, о котором говорил лектор. На сие последовал ответ: «Нам этого не говорили!»

Впрочем, общее впечатление от студенчества у меня неплохое: я был на заключительном заседании Клуба (фольклор-

ного), которым руководил Гуревич (он же читал и курс фольклора), — и должен сказать, что был поражен тем энтузиазмом, который звучал во всех выступлениях, и не мог не восхититься организаторским талантом и энергией Гуревича. Но теоретический уровень был, конечно, не высок, хотя и здесь наблюдались отдельные случаи более требовательного и вдумчивого отношения к материалу и к своей работе. Основной порок Гуревича, Вы-то знаете, неумение исследовать: место анализа занимает показ материала, длинные цитаты, пересказы... А тот, кто не умеет сам работать как исследователь, не сможет сделать исследователями и своих учеников. Впрочем, бывали исключения. Вспоминаю покойного Семена Афанасьевича Венгерова, который, конечно, меньше всего был исследователем филологического типа — и, однако, из его пушкинского семинария вышло чуть ли не все современное литературоведение. Но это потому, что отсутствие филологической школы искупалось у него большой культурной широтой, прекрасным знанием материала и, конечно, исключительным обаянием его личности. О Гуревиче, ведь, ничего такого не скажешь.

Со мной он исключительно вежлив и почтителен: принес мне чуть ли не все свои книги и оттиски (за исключением «некоторых») с одной и той же надписью на всех «Дорогому учителю» такому-то от «признательного ученика» такого-то... Мне, очевидно, следует отдарить его какой-либо книгой, написав на ней: от признательного учителя <...>

Само собой, что мой приезд ему не очень по нутру. Как-никак был он здесь королем на фольклорном фронте, читал курс по фольклору в Университете и все прочее, — мой приезд, естественно, меняет ситуацию. Я, правда, совершенно искренне пытался поставить вопрос об освобождении меня от курса фольклора, но это встретило, конечно, очень резонные возражения со стороны всех. Так что на будущий год буду читать курс фольклора в Университете и Педвузе; курс истории русской литературы XIX в. (первая половина) и вести несколько семинаров. Возможно, что прочту еще два специальных курса: по истории фольклористики и по сибирской литературе <...>

Вчера была первая филологическая диссертация в Иркутском Университете. Выступал ленинградец (из Герценовского института) — Л. С. Шептаев (ему принадлежит статья о советской частушке в сборнике «Советский фольклор»),² который работает в Абакане (недалеко от Минусинска). Тема «Русская песня в XVII веке». Ему удалось набрать массу всевозможных свидетельств о бытовании фольклора в этом веке: из различных исторических свидетельств, из показаний современников-иностранцев, из старинных юридических документов, из рукописных сборников и пр. В центре же работы — анализ записей Джемса³ и «сборника» Квашнина.⁴ Работа — очень интересная и необычайно богатая материалом; в теоретической части, конечно, не без

крупных недостатков. Оппонентами были я и Копержинский. Очень возможно, что Шептаев с осени будет работать у нас (читать курс советской литературы и другие какие-нибудь).

Между прочим, в связи с его работой, я набрел на интересный старинный фарс (народный, конечно), опубликованный в книге Михневича «Очерки по истории русского театра».⁵ Знаете ли Вы его?

Ну, а когда же я буду выступать на Вашей диссертации?

С моим приездом здесь как будто начинает оживляться и местная научная жизнь. Уже целый ряд моих прежних учеников, закисших тут было и совсем отставших от научной работы, заявили мне о возвращении к науке; некоторые из прежних учеников, все время работавшие преподавателями в Вузах, но не оформившие научной степени, уже приходили советоваться о теме диссертации. Сам же я подал докладную записку об организации в Иркутске научного общества «Общества истории, литературы, языка и этнографии». Очевидно, скоро состоится уже первое заседание <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Г. Ф. Кунгуров.

² *Шептаев Л.* Советская частушка. — В кн.: Советский фольклор. Л., 1939, с. 264—297.

³ *Симони П. К.* Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского царства. СПб., 1907.

⁴ *Данилов В. В.* Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. — Тр. отдела древнерусской литературы. М.; Л., т. II. 1935, с. 165—180.

⁵ *Михневич Вл.* Исторические этюды русской жизни. Т. 2. Народная копка Христа ради. История русской бороды. История одного «проклятого» вопроса. Объединители. Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете. Извращение народного песнотворчества. Лодка. СПб., 1882.

87. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 5 августа 1942.

... Последнее письмо Лидуська¹ написала Вам, когда я уезжал в Улан-Удэ. Это мой первый большой выход в свет. Там провел совещание о фольклорных изданиях к 25-летию Октябрьской Революции. А здесь несколько дней тому назад прошло, как будто не без успеха, большое собрание (организационное) «Общества истории, литературы, языка и этнографии при историческом факультете», созданного по моей инициативе. На нем я выступал с общим докладом о задачах гуманитарных изучений в настоящее время.

Общество обещает быть как будто довольно интересным в будущем: многие здесь истосковались по научной работе; имеется уже около 50 заявок, особенно много по истории литературы и истории. Если «Литературное наследство» с моей статьей о Лермонтове² к осени еще не выйдет, то хочу прочитать свой

доклад о фольклоризме, а кроме того ряд глав из своей книги. У меня сейчас запасы богатые — не надо ничего специально готовить.

Но все это, конечно, не то, что надо бы мне делать. Сейчас, конечно, нужно продумать большую теоретическую работу, которая бы подытожила все, что мы думали и делали за последние 10—15 лет. А подготовка к курсу истории литературы отнимает все время: работаю-то я очень медленно, да и дела домашние <...> отнимают много времени. Но самое наиглавнейшее: мне кажется, что у нас что-то стало очень неблагополучно с основными проблемами фольклора. Помните ли Вы того знатока Индии, о котором вскользь упоминает Голсуорси в одном из романов Форсайтовского цикла: через два-три года изучений он считал, что уже знает «кое-что» об Индии; через десять лет он самоуверенно заявлял, что знает «все», а через тридцать лет признался, что «ничего не знает».³ Я что-то сейчас в положении этого самого индусского специалиста.

Я, было, задумал написать «Введение в фольклористику» — а вот сейчас на распутье, и охотно бы сбежал в историю литературы совсем; туда меня манят и тургеневские, и лермонтовские, и пушкинские, и сибирские темы. Да бежать-то сейчас неудобно. Ах, как мало нас осталось, как мало! Смерть Александра Исааковича⁴ — огромный удар, а к этому нужно добавить утрату талантливейших молодых работников.

Знаете ли Вы, что наш фольклористический синодик нужно увеличить именами Михайлова (автора книги «Русские плачи Карелии») и Толи Кукулевича! Последнее исключительно тяжело. Конечно, это был крупнейший из всех моих учеников. С большим историко-литературным и фольклористическим багажом, с широким кругозором, с умением работать как подлинный филолог: ведь, он для работы о Гомере⁶ (сравнение с некоторыми стилистическими особенностями русских былин) специально (и очень хорошо) изучил греческий язык. Его работа над стилем и методом Коргуева разворачивалась в большое теоретическое исследование; ему казалось, что он уже нащупал процесс стадияльного развития фольклорного стиля.

Над вопросами стадияльности и хронологизации фольклора работал также и Е. Г. Кагаров. Его работа (он читал доклад в Отделе) была не глубока, но чрезвычайно богата фактами, которые он широко черпал из великолепно известной ему этнографической литературы. Кагаров сам не решил бы намеченных им проблем, но чрезвычайно помог бы своей эрудицией в коллективном разрешении этой темы; а теперь нет и Кагарова.

Мне удалось наметить и совершенно правильно, как я думаю, поставить перед фольклористами ряд проблем. Над ними работал ряд ученых — из среды нашей молодежи, из среды сотрудников Отдела фольклора, из среды старшего поколения — а теперь лежат только брошенные, незаконченные фрагменты: не завершена ра-

бота Зины Эвальд <...> Тему исторических песен я предложил Калецкому; он, правда, написал для нас статью,⁷ написал и защитил диссертацию, но по настоящему он начал ощущать свою тему уже после; уже после того, как была закончена им работа, он почувствовал необходимость ее пересмотра и продумывания заново; Ира Колесницкая, которая так интересно начала, по моему предложению, работать над загадками,⁸ сейчас, видимо, должна будет ограничиться только общей постановкой проблемы и решением частных этюдов, ибо в саратовских условиях она не может всецело заняться этим из-за отсутствия книг, времени, необходимостью уйти в историко-литературную работу. А Ира — еще в лучших условиях.

Работа о сказке Николая Петровича⁹ осталась недописанной; да и Анна Михайловна¹⁰ без коллектива не сумеет довести до конца своей работы <...>

А какие интересные работы должны были дать Оля Володина, Кирилл Чистов! Правда, у меня еще много молодежи осталось, но это больше собиратели, эмпирики, нарраторы,¹¹ без способности обобщающей силы, без творческого воображения, без достаточно солидного историко-литературного и фольклористического багажа, не говоря уже об этнографическом <...>

Ира Колесницкая и Ив. Ив. Кравченко (о котором, кстати, давно не имею сведений и о котором очень тревожусь) — вот вся моя теперь надежда.

Не знаю, имею ли право назвать Вас своей ученицей, чтоб прибавить к немногим именам фонда моих надежд еще и Ваше.

Грустно, родная. Налетел шквал и скольких он еще скосит! А самое главное, у меня нет уверенности, что снова мне удастся создать то, что было создано в Ленинграде, в условиях его филологического факультета, т. е. опираясь на огромный и сильнейший филологический коллектив. Каждый, кто работал у меня, одновременно работал и у Гуковского, Эйхенбаума, В. Гиппиуса, Жирмунского и др. Недаром же Г. А. Гуковский не хотел мне уступать Кукулевича и из всех сил настаивал, чтобы тот пошел в аспирантуру по русской литературе; недаром, Колесницкая так сильна в истории литературы, что нынче провела в Саратовском курс по XVIII веку, а Кравченко в Краснодаре с огромным успехом читал историю русской литературы. В иркутских условиях уже невозможно так работать, да и не уверен, что в такой же мере осуществимо это и в Москве (если вообще мне суждено быть в Москве и работать в Университете). Ну, а самое главное, и у меня-то у самого не те уже силы, не та энергия, не тот творческий заряд, которым был я полон последнее десятилетие.

Ну, хватит об этом <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Л. В. Азадовская.

² Азадовский М. Фольклоризм Лермонтова. — Литературное наследство. М., 1941, т. 43—44, с. 221—262.

³ Голсуорсп Д. Лебедная песня. Ч. I, гл. I: «Он провел там сорок лет. Через два года после отъезда он писал мне, что начинает разбираться в характере индийцев. Через десять лет он писал, что совсем в нем разобрался. Вчера я получил от него письмо — пишет, что после сорока лет он ничего о них не знает».

⁴ А. И. Никифоров.

⁵ Русские плачи Карелии. Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

⁶ *Кукулевич А. М.* «Иллиада» в переводе Н. И. Гнедича. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1939, № 33, вып. 2, с. 5—70.

⁷ *Калецкий П. И.* К вопросу о проблематике и основных образах исторических песен XVI—XVIII веков. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., 1958, с. 28—45.

⁸ *Колесницкая И. М.* Загадка в сказке. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, № 81. Сер. филол. наук. вып. 12, с. 98—142.

⁹ Н. П. Андреев.

¹⁰ А. М. Астахова.

¹¹ Нарраторы — рассказчики (латинск. пагго — рассказываю).

88. Е. М. ЗАЛКИНДУ

Иркутск. 27 августа 1942.

Уважаемый Евгений Михайлович,

я не возражаю против редактирования работы С. П. Балдаева о пословицах,¹ только мне кажется, что ему еще самому предстоит большая работа над ней, — главным образом, имею в виду перевод, о чем уже у нас с ним была речь.

Пользуюсь случаем, чтоб еще раз обратить Ваше внимание на другую работу Сергея Петровича, печатание которой, как мне представляется, должно иметь большое значение и для изучения бурятского фольклора и как пример фольклорно-краеведческих изучений, — это его работа о сказителях (учет сказителей), при реализации ее имеется, конечно, еще ряд трудностей, но я охотно приму на себя помощь и редактирование. Готов даже написать вступительную статью.²

Что касается моих личных работ, то в плане изучения бурято-монгольского фольклора и литературы, у меня давно задуманы две работы. Первая: мне очень хотелось бы сделать корпус бурятских сказок на русском языке (т. е. опубликованных на русском языке): имею в виду записи декабриста Бестужева, Хаугалова, Затопляева, Гомбоева, Смолева, некоторые газетные и журнальные публикации и др. с вступительной статьей и комментариями, которые помогли бы включить этот материал в европейскую фольклористику. Правда, в иркутских условиях в полной мере осуществить этот замысел не удалось бы (одно уже обстоятельство, что нигде не достанешь ни «Anmerkungen» Bolte—Polivka,³ ни «Motiv-index'a» Thompson'a,⁴ — которые, увы, спокойно стоят на полках в моей ленинградской квартире, — мешает

этому), но можно было бы разработать новый, столь же четкий, хотя и более скромный, план издания. Полагаю, что такую работу (вероятно, листов 15) я смог бы осуществить примерно в течение месяцев четырех-пяти (считая исходным пунктом момент подписания договора).

Другой работой, давно мной задуманной, был бы сравнительно небольшой очерк о Бурятии и бурятах в русской художественной литературе, но, боюсь, что некоторые (и наиболее, как раз, интересные) главки в здешних условиях нельзя будет осуществить, так напр. здесь нигде нет замечательных романтических повестей Бобылева («Джарго-Аэга»,⁵ «Чингисов столб»⁶ и др.). На память их, конечно, не помню; публиковать же работу с такими пропусками едва ли стоит. Боюсь, что даже и в Томске не найти этих произведений — они были напечатаны в одном из старинных альманахов, которых может и не оказаться там, — тем более, что за последнее десятилетие Томская библиотека приведена в очень печальное состояние.

Вот в сущности, мои прямые темы, которые, конечно, могли меня занять здесь и к которым я, вряд ли, вернусь в другой обстановке.

Поскольку я могу судить об этих темах объективно, первая мне представляется весьма важной для бурятской фольклористики, тем более, что (как раз по моим же настояниям) аналогичные задачи включены уже были в план некоторых краевых и республиканских институтов.

Предполагаете ли Вы опубликовать в одном из томов сборника ГИЯЛИ⁷ письма Миротворцева к Болдонову? Я охотно бы вошел в соучастие, если, конечно, в этом будет надобность, при комментировании этих, исключительно интересных по материалу, документов. Я выяснил здесь и личность отправителя; о чем уже писал С. П. Балдаеву.

А как обстоит с реализацией постановления нашего совещания о публикации Болдоновского сборника? <...>

Хранится: Фонд рукописей и ксилографов Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Инв. № 3256.

¹ Собрание С. П. Балдаева, содержащее свыше 6000 пословиц и поговорок, до сих пор не опубликовано.

² Не опубликована.

³ *Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm.* Leipzig, 1913—1932, т. 1—5.

⁴ *Thompson St. Motif-index of folk-literature. A classification of narrative elements...* Helsinki, 1932—1936, Vol. 1—6.

⁵ *Бобылев Н. Джарго-аэга.* Сибирская быль о бурятах, шаманах, гадагии. — В кн.: Невский альбом. СПб., 1838, с. 7—114.

⁶ *Бобылев Н. Чингисов столб.* (Сибирская быль). — В кн.: Невский альбом. СПб., 1838, с. 231—282.

⁷ Государственный научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории.

Иркутск. 9 сентября 1942.

... Хорошо как будто живут и работают наши в Ташкенте: там Н. К. Пиксанов, В. М. Жирмунский, Б. С. Мейлах, И. И. Векслер; там же Горьковский Институт.¹ Н. К. Пиксанов опубликовал брошюрку о Ленинграде,² а Виктор Максимович³ усиленно занимается узбекским языком, узбекским эпосом и вообще литературой и языками Востока, Пав. Наумович⁴ в Пржевальске занялся Манасом. Это обращение к фольклору таких крупных специалистов меня невероятно радует и служит до некоторой степени утешением в таких исключительно тяжелых утратах, которые понесла наша наука, — пожалуй больше, чем какая бы то ни было другая из области гуманитарных.

Ах, сколько нужно теперь работать, дорогой Иеремия Яковлевич! Да, большим бы праздником было организовать в недалеком будущем Вашу защиту и торжественно приобщить Вас к числу авторитетнейших фольклористов. Когда только смогут соединиться вместе Ваши оппоненты, хотя двое уже и сейчас неподалеку друг от друга и готовы встретить Вас.

Самое скверное — то, что я никак не могу прийти в полную форму; мне бы сейчас надо изо всех сил за троих — за четверых работать по фольклору, а приходится заниматься в огромном количестве делами посторонними, читать историко-литературные курсы, много времени тратить на подготовку к ним и пр. А свои темы ждут... Да и с книгами тут трудновато; на той стадии работы, на которой я нахожусь теперь, мне абсолютно необходима иностранная литература, а ее, конечно, здесь нет абсолютно; нет здесь с другой стороны и старой периодики. Так вот ничего и не выходит <...>

Хранится: Личный архив И. Я. Айзенштока.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).

² Пиксанов Н. К. Ленинград — любовь и гордость советского народа. Ташкент, 1942.

³ В. М. Жирмунский.

⁴ П. Н. Берков.

90. В. В. ЧИСТОВУ

Иркутск. 10 сентября 1942.

... Ведь и мне Ваше университетское поколение особенно дорого: все вы были первыми моими учениками. В университет я шел с тяжелым чувством и, если сказать правду, нехотя. Это, ведь, заслуга Ивана Ивановича Векслера, который после долгих и упорных уговоров окончательно уговорил меня взять курс фольклора, за что я ему теперь очень благодарен. Тяжелое чувство диктовалось моей предыдущей работой в Академии Наук.

Прошло уже пять лет, как я работал там; мои методы и взгляды, мои требования приняли представители старшего поколения (Анна Михайловна,¹ Гиппиус и Эвальд, еще кое-кто), но вокруг меня не было молодежи. Фольклорная Комиссия тогда не сумела воспитать новые кадры, привлечь новые силы и пр. Теперь я знаю, что в этом более всего была повинна неправильная и ложная структура академических институтов, косность руководства и особенно бездарное и вредное руководство различных деятелей типа Абрамзона, Волкова и им подобных, циничное отношение к делу самих академиков и многое другое, сковавшее инициативу и мешавшее ее проявлениям. Если б Вы только знали, какое огромное количество различных моих планов и проектов похоронено в бюрократических недрах... Но главное, что меня удручало, — отсутствие вокруг меня молодежи. В последнем я всецело обвинял себя и думал уже, было, что я совершенно разучился ею руководить, что уже утратил дар привлекать к себе, что потерял общий язык с ней и уже не сумею найти его — в особенности такие мысли приходили в голову при встречах с академической аспирантурой. Поэтому-то меня уже не тянуло и в Университет, и, во всяком случае, я шел туда без энтузиазма. И в этом отношении встреча с вами, первыми моими учениками, сыграла роль своеобразного целительного бальзама. Ведь не успели мы с вами даже поближе познакомиться, а уже возник фольклорный кружок, уже появилась первая группа энтузиастов-фольклористов, из которых, ведь, только одна Лида Лотман несколько отошла, да и то непрестанно возвращается, работая в своей области близкие темы, а затем ваша экспедиция, бюллетень, поездка в Карелию... Для меня это было больше, чем организационный успех; это было полное излечение, это было полное возвращение веры в себя и в свои силы. Поэтому-то так бесконечно дороги и близки мне Вы, Алексей,² Лида³ и следующее поколение — Ира,⁴ Коля Новиков... Потому-то так исключительно я пережил и переживаю гибель Толи Кукулевича, также из той же вашей группы моих первых учеников, и к тому же — Вы это хорошо знаете — самого блестящего, самого одаренного, так много обещавшего и так много уже сделавшего. Бесконечно тяжело мне думать и о Кирилле,⁵ из которого, как я ни одну минуту не сомневался, должен был вырасти также блестящий и первоклассный исследователь. После наши ряды пополнились таким талантливым и чудным юношей, как Иван Иванович Кравченко, который — Вам это, наверно, интересно — защитил с исключительным успехом свою диссертацию уже во время войны. Тема — «Эстетические представления народных певцов и сказителей». Он был в Краснодаре, и я не имею от него вот уже почти три месяца никаких известий, хотя он до этого поддерживал со мной прочную переписку <...>

Знаете, перед самой войной у нас вышел первый том «Уч. записок» моей кафедры; («Уч. Зап. ЛГУ. Серия филологи-

ческая», в. XII), — там, кроме работы моей и Проппа, напечатана статья И. Колесницкой⁶ <...> В следующем выпуске была запроектирована работа Кирилла. Работа Иры — превосходна и, в сущности, это уже почти готовая диссертация <...>

Мне сейчас следовало бы работать — после того как столько фольклористов выбыло — за троих — за четверых; к сожалению, в области фольклора я почти абсолютно не работаю, вернее: не имею возможности работать. Приходится читать в двух вузах курсы по истории литературы, курсы, которых я никогда не читал и к которым никогда ранее не готовился. Подготовка к ним отнимает все время, кроме того необходимо брать и всякую побочную работу, которая подвергается. Все это необходимо делать ради заработка. Жизнь здесь довольно трудновата, а для меня особенно <...>

Конечно, я не могу претендовать, чтоб для меня создавались какие-то особенные условия, всем сейчас туго и трудно, но факт остается фактом, и боюсь, что вот так уйдет время, уйдут силы в непосильной борьбе за кусок хлеба на сегодняшний день и все мои планы, замыслы так и останутся нереализованными. А так хочется работать! Устал уж я от отдыха! Вернее от перерыва в той большой напряженной работе, которой был занят все последнее время.

Мне, ведь, удалось, все же, закончить уже во время войны, в условиях ленинградской зимовки, свою «Историю русской фольклористики» (листов 80). Ученым советом Ленинградского университета она была выдвинута даже на <...> премию, но, к сожалению, вследствие нашей оторванности, запоздала к моменту заседания Комиссии, так же, как и все остальные, выдвинутые Университетом работы. К тому же, для литературоведческих работ как будто внесли дополнение в положение, и они, так же как литературные произведения и книги по критике, должны быть предварительно опубликованы. Но в таком случае, мне, вероятно, долго не удастся ее представить на премию <...>

Хранится: Личный архив В. В. Чистова.

¹ А. М. Астахова.

² А. Д. Соймонов.

³ Л. М. Лотман.

⁴ И. М. Колесницкая.

⁵ К. В. Чистов.

⁶ *Колесницкая И.* Загадка в сказке. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филолог., 1941, вып. 12, с. 98—142.

91. П. С. БОГОСЛОВСКОМУ

Иркутск, 13 сентября 1942.

... В. М. Жирмунский усиленно занимается узбекским фольклором, для чего изучил узбекский язык; П. Н. Берков — в Пржевальске и там занялся киргизским фольклором. Не соблазнил ли

Вас казахский фольклор? Если и Вы также занялись вплотную местным национальным фольклором, то в результате этого общего потока — я думаю — будут ценнейшие результаты, и изучение национального фольклора, бывшее, как Вы хорошо знаете, отсталым (в исследовательском плане) участком, очень подвигнется вперед.

Я знаю еще ряд товарищей, — литературоведов и фольклористов, — которые также сейчас включились в изучение нацфольклора. Когда мы будем издавать в новом плане и новом масштабе «Советский фольклор», будет очень много нового материала и ценнейших новых наблюдений.

Перед войной мною был сдан в печать в. 8 «Советского фольклора»¹ с рядом интереснейших материалов и исследовательских этюдов. Открывался номер большой моей статьей, посвященной Юрию Матвеевичу.² Особенно богат был номер обзорами и рецензиями. Когда теперь все это увидит свет, даже и гадать трудно.

Вы спрашиваете о формах будущего и настоящего объединения фольклористов. Об этом трудно и говорить. Вы видите, как все разбросаны. Единственной формой объединения научной работы был бы печатный орган, но едва ли это в настоящих условиях возможно. Очевидно, придется пока только не забывать предстоящих задач, не терять друг друга из виду, копить силы и материалы <...>

Хранится: ИРЛИ, ф. 690.

¹ Издание не состоялось.

² Ю. М. Соколов.

92. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 20 сентября 1942.

... Собираюсь засесть за большой обзор фольклористической литературы в связи с двадцатипятилетием,¹ да все еще никак не могу наладить работы: мешает подготовка к курсам, мешают бытовые условия, да и с библиотеками неблагополучно. Целый ряд замыслов уже отпал вынужденно.

И все более и более ощущаю плоды поспешного и недостаточно продуманного отъезда. Я, ведь, кажется, уже писал Вам, что забыл библиографию к второму тому;² не взял своих многочисленных выписок из различных западноевропейских изданий и книг, главным образом, по вопросу о сущности фольклора, а без них отпадает план одной теоретической работы; не говорю уже о том, что в моей библиотеке остались такие книги, как Сентив, ван Дженнеп, Вессельский, ряд оттисков из славянских, французских и иных изданий, частично, может быть, только у одного меня и бывших, как например несколько десятков работ бельгийского фольклориста-социолога Маринюса.

Необходимо было взять ряд сделанных переводов для проектируемой антологии фольклористики³ — там был переведен ряд очень принципиальных статей... Работать без всего этого немислимо, особенно учитывая полное отсутствие западноевропейской литературы в иркутских библиотеках, да и в томских немногим больше. Так вот и не знаю, за какую работу приняться, а заниматься мелочами как-то не хочется. Мне хотелось написать «Введение в фольклористику», где был бы поставлен ряд теоретических вопросов; хотелось бы, наконец, заставить себя продумать вопрос о сущности и определении фольклора, найдя место в едином понятии разнообразным его формам от первобытного заговора до современного боевого текста; более внимательно осветить, наконец, и проблему связи фольклора с литературой. Ведь, в сущности, обе статьи на эту тему — и Юрия Матвеевича⁴ и Николая Петровича⁵ — очень упрощенно решают вопрос (особенно вторая) и дают его скорее в формальном плане (порой во фразеологическом), вне какой бы то ни было попытки поставить вопрос исторически. Для этой цели я давно подбирал материал: частично он (по моим выпискам и моей библиотеке) использован Николаем Петровичем в его статье, которая написана для тома первого нашего коллективного издания.⁶ Да, — вот давно подбирал материал, а в нужную минуту остался без него и боюсь, что навсегда. Все это ведь у меня на квартире, а вестей оттуда уж очень давно нет никаких.

А потом читать все заново, заново делать выписки — чересчур трудно и тягостно. Сейчас я готов волосы на себе рвать, что не захватил тех или иных из своих бумаг, например перевода (почти целиком) Фориэля, выписок из Де ля Вилльмаркэ, из Штейнталя, Гриммов; перевод Арнима (предисловие к «Чудесному рогу мальчика»)⁷ и многое, многое, оставшееся валяться где-то в моем кабинете. Между прочим, был там у меня и перевод знаменитой статьи Томса о фольклоре, которую все цитируют, все упоминают, а никто никогда и в глаза не видел («Атенеум», 1846),⁸ отчасти по редкости и недоступности издания, а еще более по свойственной большинству фольклористов косности. Так вот все из году в год и повторяли одно и то же, не желая заглянуть в первоисточник, который показал бы кое-что неожиданное и уже во всяком случае не столь привнесшееся.

Ах, на один бы денек очутиться в своей комнате в Ленинграде!

А ведь годы-то идут, идут... Пройдет еще немного времени и притупится творческая сила, — я уже сейчас ощущаю притупление памяти, ослабление комбинаторских способностей и т. д. А думать о возможности перехода к старым условиям работы в ближайшее время, конечно, не приходится. Ой, как нескоро это будет! <...>

Не могу не порадоваться, что к фольклору обратился довольно неожиданно ряд видных литературоведов: я уже, кажется, писал Вам, что В. М. Жирмунский усиленно занимается вопросами узбекского эпоса и в связи с этим изучил узбекский язык, а теперь принялся и за другие языки Востока; П. Н. Берков работает над киргизским языком и общими проблемами фольклора. Сегодня я получил от него интереснейшее письмо с целой серией вопросов, которые он ставит передо мной, — причем все они (вопросы-то) свидетельствуют, что он предпринял какой-то капитальный пересмотр неких основных позиций. Новые товарищи все же помогут нам пережить наши тяжелые утраты.

Только бы нам поскорее получить возможность возвращения к мирной культурной работе! Теперь уж вполне назрела необходимость создания Института фольклора, в котором, быть может, удастся собрать уцелевшие кадры. Вот когда мы особенно почувствуем отсутствие Юрия Матвеевича,⁹ вот когда будет не хватать его неизменной кипучей энергии и инициативы <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Двадцатипятилетие Великой Октябрьской революции.

² История русской фольклористики.

³ Имеется в виду антология «История фольклористики», подготовленная М. К. Азадовским для ленинградского «Учпедгиза» (см. Библиография М. К. Азадовского. Сост. Н. С. Бер. Под общ. ред. проф. В. Д. Кудрявцева. Иркутск, 1944, с. 20). Издание не состоялось.

⁴ Соколов Ю. М. Фольклор и писательский съезд. — Советское краеведение. 1934, № 10, с. 4—7.

⁵ Андреев Н. П. Фольклор и литература. — Литературная учеба. 1936, № 2, с. 64—99.

⁶ Статья Н. П. Андреева для несостоявшегося издания «Русский фольклор».

⁷ Людвиг Йоахим Арним — немецкий писатель, один из вождей гейдельбергского кружка романтиков; в 1806—1808 гг. совместно с Клеменсом Брентано издал сб. «Волшебный рог мальчика», куда вошли собранные и обработанные ими народные стихи, песни, баллады и т. д.

⁸ Merton Ambrose. Folk-Lore. — The Athenaeum. Journal of English and Foreign Literature, Science and the Fine Arts. London, Saturday August 22, 1846, N 982, с. 862—864.

⁹ Ю. М. Соколов.

93. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 2 ноября 1942.

... Последнее время я был занят статьей по поручению Президиума Академии наук — о советской фольклористике за 25 лет. Делал я ее, конечно, на основе двух своих прежних работ — большого труда это от меня не потребовало, но все же... Но дело-то не в этом. Когда снова все пришлось мысленно перебирать в памяти, когда вновь задумался над путями нашей науки, стало исключительно больно. Ведь только теперь мы, по настоящему, впервые стали на ноги. Работы последнего пятилетия, действительно, показали, на какую огромную высоту удалось подвинуть фольклористику. Такие издания, как «Былины

Севера»,¹ как «Сказки Господарева»,² как «Марийские сказки»,³ как цикл диссертаций (Володи Чичерова, И. Кравченко, П. Калецкого, Л. Шептаева), как готовящиеся диссертации (Ваша, Ширяевой, Колесницкой) и др., свидетельствуют о исключительном росте, об осознании задач, словом, о настоящей большой науке, отходящей от кустарных методов, которые еще не так давно чересчур давали себя знать. А сколько работ лежит в рукописях, в корректурах, в матрицах!

Когда-то все будем мы снова собирать, снова реализовать, — да и как, наконец, будем мы вновь поднимать наши изучения, потеряв столько свежих и сильных работников. Как без Зины Эвальд поднять вопросы лирики? Кто закончит для нашего курса главу о сказке, когда сразу не стало и Николая Петровича⁴ и Александра Исааковича?⁵ Да что перечислять!

А ведь советский фольклор, т. е. фольклор народов СССР, где работники для каждого народа были и без того на перечет. Нет Дыренковой — и долго не будет научных изданий шорского фольклора, не стало Липской-Вальронд — не будет и гольдского фольклора; убит на фронте Стебницкий — вот и надолго исчезла из научного обихода работа по корякскому фольклору. И это, конечно, не все имена, не все области.

Меня сейчас начинает прямо злить и раздражать, что приходится так много времени уделять подготовке к университетскому курсу по истории литературы — так хотелось бы вплотную погрузиться в какую-нибудь фольклорную тему, — даже не столько писать, сколько просто подумать, — заново продумать ряд вещей, ряд вопросов — самых основных и существенных. Продолжаю мечтать о «Введении в фольклористику».

А работают ли сейчас на Западе? Что там делается? Тяжело чувствовать себя совершенно оторванным от общенаучной мысли: у нас здесь ведь уже абсолютно ничего не получается. Имеет ли что-нибудь Ленинская библиотека и Московский университет? Хотелось бы посмотреть хотя бы на американские издания.

Ну вот надо бы написать еще о своих учениках здесь. Как будто уже оформляются. Как будто кое из кого будет толк. Недавно в фольклорном кружке одна девушка⁶ рассказывала о летней экспедиции в Тельму, где еще жив коллектив, игравший несколько десятков лет тому назад «Царя Максимилиана».⁷ Привезла интересные записи и сведения об исполнителях, о мизансцене и пр. В этой связи еще раз — не можете ли Вы узнать и сообщить адрес Всеволодского-Гернгросса. Хочется с ним спитаться <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Былины Севера. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938, т. I.

² Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

³ Марийские сказки. Ронгинский район. Записи, перев., статья и комм. К. А. Четкарева. Под ред. и с предисл. проф. М. К. Азадовского. [Л.], 1944, т. I.

⁴ Н. П. Андреев.

⁵ А. И. Никифоров.

⁶ Л. Салтыкова.

⁷ Народная драма XVIII века.

94. Е. М. ЗАЛКИНДУ

Иркутск. 22 ноября 1942.

... Ваше предложение написать статью об итогах мон-бурятской фольклористики¹ принимаю очень охотно. Для меня будет повод сделать обзор одной страны в составе СССР целиком. Полагаю, что вполне успею сделать это к тому сроку, который Вы называете, т. е. в феврале, — но только в конце; другими словами, я хочу иметь в своем распоряжении для работы над этой статьей и вузовский перерыв. Может быть, в договоре удобнее поставить 1 марта или, если хотите, 28 февраля.

Я попрошу только о маленькой помощи. В Ленинграде у меня осталась (забытая мной) довольно солидная картотека; с помощью ее я мог бы установить согрус работ о бурят-монгольском фольклоре — старых и советских — в течение нескольких часов. Теперь мне предстоит потратить на это очень много времени. Как будто у Вас в Институте есть уже библиография — нельзя ли мне получить ее копию. Это очень облегчит мне труд подбора материалов и сократит время. Второе: нельзя ли мне получить все издания ГИЯЛИ?² Хотелось бы все это иметь под рукой, а не таскаться за всем в библиотеки <...>

Хранится: Фонд рукописей и ксилографов Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Инв. № 3256.

¹ *Азадовский М. К.* История бурят-монгольской фольклористики 1923—1943 гг. (2 печ. л.) осталась неопубликованной. Рукопись хранится в Улан-Удэ, фонд рукописей и ксилографов БИОН БФ СО АН СССР. Инв. № 992.

² Государственный институт языка, литературы, истории.

95. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 28 января 1943.

... Относительно конференции Лидуська также все подробно (или, как говорил мой сказочник Асламов: все патребно) изложила. Завтра будет окончательное совещание в Обкоме — возможно, что она будет отложена на 15 марта.¹

Приглашение в Музей² уже давно послано; на всякий случай направим повторную телеграмму. От Анны Михайловны³

получено согласие; возможно, что приедет Р. С. Липец, которая обнаружена в Новосибирске: она там работает в Архиве.

На конференции предполагаются: мой доклад о советской фольклористике за 25 лет; доклад Анны Михайловны о возрождении эпоса; К. А. Копержинского — о патриотических сказках Сорокинина; А. Гуревича «Сибирские сказители в дни Отечественной войны» и «Очередные задачи фольклорной работы в Сибири»; А. Мисюрева «Устные сказы рабочих Кузбасса», информационное и проч. Творческие отчеты сказителей закончат сессию. Ваш доклад будет, вероятно, о работе фольклорного отдела Литмузея в дни Отечественной войны, — так, ведь? Или иначе озаглавлено будет? Может быть, кто-нибудь и еще приедет из центра. Шлем приглашение Виктору Максимовичу⁴ в Ташкент, но, признаться, надежд на успех мало. Трудновато будет для него это путешествие, так как нет прямого поезда: Ташкент—Иркутск, а только с пересадкой — в Новосибирске.

Через несколько дней начнется трехнедельный перерыв — и можно будет хоть немножко почитать и поработать. Уж больно одолели меня университетские и педвузовские курсы. Во время перерыва должен сделать работу для Бурят-Монгольского пединститута о фольклористике в Бурят-Монголии за 25 лет. Будет повод основательно изучить эту литературу. Все мои личные планы куда-то надолго отодвинулись <...>

Часто пишут В. М. Жирмунский и П. Н. Берков. Если к их деятельности прибавить еще П. Г. Богатырева, то, нужно сказать, Средней Азии очень повезло: фольклор киргизский, туркменский, узбекский и таджикский очень продвинулся в своих изучениях. Над казахским фольклором работает А. С. Орлов <...> В Хакасии успешно работает Л. С. Шептаев.

Получил письма также от фольклористов Грузии — они (хотя их очень мало) также очень успешно и плодотворно работают; работают, видимо, и украинцы. Они же включились (в Уфе)⁵ и в изучение башкирского фольклора.

Мне хочется организовать сразу же по окончании войны специальный сборник «Фольклор народов СССР»,⁶ — посвященный итогам и проблемам изучений фольклора каждой народности: в нем могли бы принять участие виднейшие наши ученые, и сборник вышел бы за пределы обычных обзоров <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Собрание фольклористов и сказителей Сибири состоялось в Иркутске 21—24 марта 1943 г.

² Государственный Литературный Музей (Москва).

³ А. М. Астахова.

⁴ В. М. Жирмунский.

⁵ Академия наук Украинской ССР была эвакуирована 3—8 июля 1941 г. из Киева в Уфу.

⁶ Издание не состоялось.

Иркутск. 25 июня 1943.

... Я хотел, было, набросать нечто вроде «Введения в фольклористику», где можно было бы осветить основные проблемы нашей науки. Но так ничего и не сделал в этом направлении. Плохо думалось, не было некоторых книг, которые было бы обязательно необходимо просмотреть, а главное: пришел к выводу, что, пожалуй, не справлюсь с этой темой так, как хотелось бы.

Сейчас к проблемам фольклора несколько неожиданно подошло много ученых: вплотную стал заниматься ими, как ты знаешь, Виктор Максимович,¹ П. Н. Берков и др. Как хорошо было бы, если б и ты подошел к ним. Ты бы, пожалуй, сумел сказать то, что нужно и чего не можем сделать мы. Не удивляйся и не смейся. Видишь ли, я пришел к убеждению, что фольклористика свернула с того правильного пути, на который ставил ее старик Якоб,² — по которому старательно и проникновенно вел Буслаев. Это слиянный путь фольклориста и лингвиста, путь совместного изучения проблем слова, форм речи и художественного мышления. Позже один только Потебня вернулся к этой проблеме и этой постановке, — да стихийно ощущал это Николай Яковлевич,³ хотя о самом фольклоре как таковом он очень мало писал. Решительно увел фольклористику от Гримма и Буслаева Веселовский. Лингвистики он терпеть не мог и называл ее «шагистикой». А все мы учились у Веселовского (за исключением, конечно, Проппа <...>). У Веселовского же учился и учится Виктор Максимович. Он великолепно знает лингвистический материал, владеет им, — но, думается мне, мыслить лингвистически — т. е. так, как умели это Буслаев, Потебня, Марр, — он также не умеет. Поэтому и у него, как и у меня, у Соколовых⁴ и др., все решения фольклорных проблем не полноценны, однобоки. Вот ты — повторяю — мог бы по настоящему заняться фольклором.

Мне бы хотелось радикально перестроить теперь ряд своих глав в «Истории фольклористики», но боюсь, что это приведет к такой переработке всей книги, что я паду, подавленный вызванными мною духами. Вот из-за этих мыслей мое «Введение» оборвалось на полуслове, вернее на полумысли... А других каких-то фольклорных тем не «нащупалось», как кто-то писал о своей творческой деятельности. Пожалуй, на некоторое время, — если это самое время найду, — вернусь к старику Тургеневу.

Кстати, о тебе и о фольклоре: я недавно перечитал твою статью в сборнике Ольденбургу.⁵ Вот на этих путях именно многое можно открыть. Помимо метода ты владеешь еще и материалом особенным, — а прочий, каким еще не владеешь, легко приобретается. Словом, ежели будет Институт фольклора, переходи туда, — а я тебя свожу в экспедицию, чтоб ты еще мог

живой фольклор почувствовать, — кстати, этого ни разу не удалось сделать покойному Ник. Петровичу,⁶ которого я буквально умолял хоть на две недельки куда-нибудь съездить, чтоб воспринять фольклор не только по-книжному, но и по-живому.

Мне почему-то думается, что мои мысли совпадают с какими-то и твоими замыслами: недаром же ты начал усиленно знакомиться с фольклором народов СССР. Я и своей ученице, Ире Колесницкой, писал, чтобы она почаще с тобой беседовала <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ В. М. Жирмунский.

² Я. Grimm.

³ Н. Я. Марр.

⁴ Б. М. Соколов и Ю. М. Соколов.

⁵ *Троцкий И. М.* Античный миф и современная сказка. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 523—534.

⁶ Н. П. Андреев.

97. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 7 августа 1943.

... Мне бы, хотелось бы выступить с большим докладом об ушедших и погибших товарищах, что дало бы повод охарактеризовать работу недавних дней и четко наметить перспективы будущей работы. Это был бы, конечно, не поминальный доклад, а принципиальный, но отправляющийся от некрологического воспоминания. В самом деле, — вспомнить ряд имен, — не значит ли это осветить целый период в истории нашей науки <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

98. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Река Иркут. 18 августа 1943.

Вы, наверное, удивлены, что письмо с дачи на машинке. Но я перетащил сюда ее, так как начинаю понемножку работать. В частности, я реализую свою мысль, которую и Вы так одобрили, об отрывках из писем фольклористов.¹ Получается изумительно интересно, — во всяком случае, так для меня, для Вас, для каждого из нас; не знаю только, как это прозвучит для читателя просто. Печатать буду в очередном иркутском альманахе, который в сентябре должен пойти в производство. Это, конечно, минус, так как материал может затеряться и, конечно, будет достоянием только немногих, но, с другой стороны, имеются и преимущества: я не буду зависеть от каприза или чаще просто невежества отдельных столичных редакторов. К тому же, альманах будет, по всей вероятности, печататься ударными темпами и можно рассчитывать, что в ноябре сборник уже выйдет в свет.

А письма действительно — замечательны. Когда я снова перечитал все их подряд, то захотелось сказать словами Тургенева о Некрасове: «жжется»² <...>

На октябрь приглашают меня на месяц в Якутск прочесть курс по фольклору. Это очень заманчиво, по многим причинам. Во-первых, я ни разу не был на нашем крайнем севере, — и если теперь не осуществить этого, то уже никогда не удастся. Во-вторых, есть в этом предложении прелесть и хозяйственно-экономического порядка. Но беда в том, что как будто в октябре уже прерывается самолетное сообщение, а ехать с риском задержаться там надолго меня не устраивает ни в каком отношении. К тому же, в конце октября — или в начале ноября — здесь будут происходить разные торжества в связи с двадцатипятилетним юбилеем Университета. Мне предстоит выступать с рядом докладов <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ *Азадовский М.* Письма молодых фольклористов. — Новая Сибирь. Иркутск, 1945, кн. XV, с. 73—93.

² В письме к Е. Я. Колбасину из Парижа Тургенев писал 14/26 декабря 1856 г. о том, что «Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, — жгутся». (*Тургенев И. С.* Собр. соч. в 12 т. М., 1958, т. 12, с. 250).

99. И. Я. АЙЗЕНШТОКУ

Иркутск. 24 августа 1943.

... Я сейчас готовлю к печати любопытную вещь. У меня здесь огромная переписка — в том числе чуть ли не со всеми фольклористами, главным образом, моими учениками, младшими товарищами, друзьями и пр. Особенно замечательны (как исторический документ) письма молодежи. Они не только вскрывают и четко характеризуют лицо современной фольклористической (могу с гордостью сказать, воспитанной мной) молодежи, но и вообще лицо нашей молодежи, нашего научного молодняка. Эти письма характеризуются глубоким патриотизмом, энтузиастическим отношением к науке, новым, характерно-советским, пониманием науки, ее задач и обязанностей ученого; очень много дают они и в специфическом плане, как материал для истории и теории фольклора: его новые формы, его значение и роль в жизни и в частности в современной войне.

Так вот для очередного альманаха «Новая Сибирь», редактором, т. е. членом редколлегии коего мне суждено было стать, я готовлю выборки из этих писем (не называя имен авторов); получилось около 80 цитат, взятых из писем примерно 25 корреспондентов: тут и письма с фронта, и из военных училищ, и с колхозных полей, из школ и университетских аудиторий и т. д. А географически: действующая армия, Ленинград, Москва, Ташкент, Алма-Ата, Сталинабад, Тбилиси, Уфа, Казань, Сыктывкар,

Ижевск, Колпашево, Новосибирск, Абакан, Вологодск. обл., Арханг. обл., Якутск, Барнаул, Бийск, Актюбинск, Саратов, Горький, Яранск, Череповец и т. д. В число этих молодежных писем я позволил включить одну прекрасную выдержку и из одного Вашего письма. Не думаю, что это будет натяжкой: во-первых, Вы «молодой фольклорист», а во-вторых, Вы действительно очень молоды и во всяком случае целиком выросли в атмосфере советской. Поэтому, надеюсь, Вы простите мне сию вольность, ежели это, действительно, вольность <...>

Хранится: Личный архив И. Я. Айзенштока.

100. В. В. ЧИСТОВУ

Иркутск. 25 августа 1943.

... Хотелось бы в Москву поехать и ради своей книги¹ — может быть, там, вблизи Гослитиздата, и удастся сдвинуть дело с мертвой точки. Я прямо с завистью читал очень хорошую книгу проф. Рубинштейна,² по теме ведь очень близкую мне (по русской историографии) и которую ему удалось опубликовать уже в дни войны. А моя лежит, лежит, лежит <...> Между прочим, о письмах. Мне пришла в голову одна идея: письма всех вас настолько интересны, настолько общезначительны, что я решил опубликовать выдержки из них отдельными отрывками (не называя, конечно, имен авторов) <...> В целом, получились как бы листки коллективного дневника, листки, невероятно четко и ярко характеризующие не только наш молодой фольклористический коллектив, но и всю нашу советскую молодежь, энтузиастическую, глубоко патриотическую, самоотверженную, умеющую работать, умеющую ценить прелесть научной работы и знающую красоту патриотического подвига. Вместе с тем, во всех этих письмах разбросано невероятно много ценнейших замечаний о фольклоре, о его новых формах, о его значении в дни войны, о будущих его формах и т. д., вплоть до отдельных образцов новейшего фольклора.

Опубликую я все это в ближайшем выпуске иркутского альманаха «Новая Сибирь» (вып. XV), который должен выйти в свет к ноябрьским праздникам. Надеюсь, Вы не возражаете против включения в эту «антологию» и нескольких (двух или трех) отрывков из Ваших писем <...>

Хранится: Личный архив В. В. Чистова.

¹ «История русской фольклористики».

² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. [М.], 1941.

Иркутск. 21 сентября 1943.

... Меня, скажу по правде, очень взволновало одно сообщение¹ в Вашем письме: относительно отзыва М. Б. Храпченко, премии и пр. Взволновало и наполнило тучей недоумений <...>

Скажу искренно и честно, я думаю, что моя работа заслуживает премии. Она, само собой, не абсолютна, я вижу в ней немало страниц, которые я хотел бы уже переделать; я знаю ее недостатки, недоделки и пр. Не всегда я доволен своим стилем, особенно мне в этом отношении не нравится вступительная глава и многое другое. Но на ней лежит отблеск некоторого героического элемента. Она ведь заканчивалась в Ленинграде и писалась в таких условиях, о которых, быть может, никогда не сумеют догадаться наши западноевропейские коллеги. Первый том был закончен полностью еще до войны. Объявление войны (сообщение радио) меня застало по дороге к машинистке, которой я относил последние страницы для перепечатки.

Но целый ряд глав второго тома, а также общее предисловие и пр. писались и завершались в дни и вечера бомбежек, в ночные часы дежурств в Институте, писались холодеющими пальцами, писались на краешке стола, заваленного всем что попало в единственной оставшейся жилой (полужилой) комнатке, при свете коптилки или елочных восковых свечек.

И в этих же условиях их перепечатывала на машинке Лидия Владимировна. Последние странички она допечатала 5—6 февраля, а 10-го свалилась от той тяжелой болезни, которая чуть было не унесла ее совсем. В этом была своя поэзия. Страшная и жуткая, но поэзия. Ночь. В углу в ватном мешке спит наш малютка; под грудой одеял тяжело дремлет Лидия Владимировна. А я в это время то развожу буржуйку, на которой сам готовлю всем ужин, и в промежутках дописываю какие-нибудь лакуны. Но вот буржуйка разгорелась, в комнате поднимается температура, я поднимаю измученную и усталую Лидуську, мы раскрываем наконец нашего мальчика, чтобы его переложить, протереть, покормить, — доедаем свои 200 граммов (т. е. их осталось на вечер уже не более 50 на каждого), пьем горячий, обжигающий кофе с остатками былых сахарных запасов. Говорим о своих друзьях (не раз вспоминали мы в эти ночные беседы и Вас и Ваш последний к нам визит — помните), строим планы, мечтаем о времени, когда можно будет сегодняшнее уже только вспоминать, — а затем: уложен сын, уложена и снова закутана Лидуська, а я один, среди ночи, опять со своей книгой, пока холод и усталость не загонят меня на тот же широкий диван, чтоб в шесть утра вскочить и жадно прильнуть к радио...

И, право, в эти минуты, в эти часы, в эти ночи написаны некоторые страницы, которые я считаю лучшими в книге. И так, конечно, не я один работал. Так писал свою замечательную книгу

о Гоголе покойный Вас. Вас. Гиппиус, так читал свои корректуры Грубер, и, конечно, еще другие <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ О вторичном выдвижении на Государственную премию книги «История русской фольклористики».

102. И. Я. АЙЗЕНШТОКУ

Иркутск. 25 октября 1943.

... Поздравляю Вас с медалью за оборону Ленинграда. Вот где я Вам завидую! Право! Вот награда, которую я хотел бы иметь, — право на которую я уже потерял, но которую, по существу, я вполне заслужил за время моего домартовского пребывания в городе. Мы в это время не встречались (только один раз случайно столкнулись на Невском), но часто видались с Александром Львовичем.¹ Он знает и помнит это. Могу с гордостью сказать, что в эти дни <...> наш дом, моя семья были для многих источником бодрости. К нам приходили, чтоб почерпнуть силы, чтоб напиться из бодрящих источников. У меня было и достаточно сил, чтоб работать. С наслаждением вспоминаю ночные часы дежурств в Институте, бессонные напролет ночи, во время которых я передумывал и отчеканивал страницы своей книги.²

Она писалась и дописывалась не только в тревогах, но и в «тревоги». Да! медаль за Ленинград я заслужил, — и мне жаль, что я никогда не смогу ее получить.³ Это первый раз (и вероятно, в последний) в моей жизни, когда я вздыхаю об ордене или медали <...>

Хранится: Личный архив И. Я. Айзенштока.

¹ А. Л. Дымшиц.

² «История русской фольклористики».

³ М. К. Азадовский был награжден медалью за «Оборону Ленинграда» осенью 1945 г.

103. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 8 марта 1944.

... Я очень рад, что сейчас несколько отошел от вопросов фольклора. Это бывает необходимо время от времени делать такие паузы; нужно, чтоб где-то, в глубине сознания, кое-что лежало спокойно и зрело. Однажды почувствуешь какие-то новые мысли, новое желание работать на старые темы. Почти единственное соприкосновение мое сейчас с фольклором — лекции на первом курсе: и в Университете и в Педвузе. О Педвузе говорить ни приходится, но в Университете — очень хороший состав аудитории. С ними очень приятно, — и вот только, не знаю как быть, ежели

придется внезапно оборвать занятия.¹ А, видимо, дело идет к тому, хотя все известия из Казани² — пока еще очень невразумительны.

Студенты уже льют слезы — мне и самому их очень жаль, да что ж поделать? Постараюсь отдать им как можно больше сил и времени сейчас, — заниматься, вообще, с ними очень приятно <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ М. К. Азадовский имеет в виду приближающуюся эвакуацию.

² В Казань был эвакуирован Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

104. Н. К. ГУДЗИЮ

Иркутск. 25 марта 1944.

...Спасибо Вам за приятные вести, — только не верю я в конечный результат.¹ Богатыреву и Еголину я, конечно, очень признателен, — очень приятно было слышать и о мнении Потемкина, — но не сомневаюсь, что в последний момент все вернется к первоначальному состоянию. Где же мне конкурировать с признанными и уже опробованными именами Щербы, Соболевского, Городцова и др.!! «Не наша еда лимоны!», как любил говорить Артамон Муравьев, живучи в Сибири. Это и моя давняя любимая поговорка <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ Речь идет о вторичном выдвижении на Государственную премию книги «История русской фольклористики».

105. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 2 июля 1944.

...Я недавно сравнительно узнал о смерти моего бедного мальчика.¹

Вы как-то писали о нем в одном из последних писем. Да, его старые работы могут вызвать немало упреков, — но уже в них было немало такого, что позволило мне угадать в нем (не зная его еще лично) подлинного ученого. Кравченко после аспирантуры и до нее — два разных человека. Еще в первый год он часто неприятно поражал многих (например, Проппа, Петрова и др.) своими реминисценциями прежних лет. Но он, как никто, работал. Он, вероятно, единственный из всех фольклористов-аспирантов упорно и вдумчиво изучал Гегеля. Он прочитал обилие книг по истории, по этнографии. Он внимательно штудировал Веселовского, Леви-Брюля, — и непрерывно параллельно читал и перечитывал фольклорные и старо-эпические тексты всех на-

родов. Он великолепно знал не только русские былины, но и Илиаду, и Нибелунгов, и Роланда, и Джангара, и исландские саги и проч. Словом, все, чем только он мог воспользоваться, не зная иностранных языков. (Это было его слабое место, но в последнее время он и здесь выказал большие успехи). Его диссертацию² оценили такие требовательные и умеющие «чувять» дух подлинного научного исследования, как Гуковский и Жирмунский <...> Пропп <...> признал высокие качества его работы, — хотя сам я еще во многом был ею недоволен. Но это был только первый эскиз. Из его писем мне ясно, что и сам он рассматривал свою диссертацию как пройденный этап, — и задумывал широкие, обобщающие работы. Он хотел писать о «стиле фольклора», о генезисе основных текстов и т. д. Он и Кукулевич — единственные из всех моих учеников, кто действительно приняли и подлинный смысл моей работы в целом, ведь, по существу, недостаточно зафиксированный в моих печатных работах. Кукулевич, быть может, был острее, он был более филологичен, но Кравченко превосходил его в философской эрудиции. Недаром они оба очень подружились и полюбили друг друга: их дружба началась, собственно, за тем светлым завтраком,³ на котором и Вы были. Сейчас из <...> моих прямых учеников осталась только Ира Колесницкая. Этот удар мне нелегко перенести <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ И. И. Кравченко. Его памяти, а также памяти других учеников, погибших в годы Великой Отечественной войны, посвящена «История русской фольклористики».

² «Развитие эстетических представлений народных певцов».

³ 1 мая 1941 г. М. К. Азадовским была устроена встреча с учениками.

106. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 31 декабря 1944.

... Я получил книжку.¹ Получил пока пять экземпляров (нет, простите 6). Большое спасибо! Вот и есть первый опыт по изучению фольклора Отечественной войны. Мне приятно, что и мое имя оказалось связанным именно с этой первой книжкой. Это благодаря Вам, — ибо моей-то личной заслуги и моего личного труда здесь очень мало. У меня нет копии первоначального моего предисловия. Но, кажется, Вы очень улучшили его, — придав ему какую-то живость, вдохнули в анемичную мою речь — так это тогда писалось — политическую страстность. Если у Вас сохранился мой первый начальный текст, обязательно сверю по приезду. Жаль, конечно, строк о сказах и самих сказов. Нужно было дать несколько, — хотя бы в виде отдельных и одиноких образцов. Методологически это было бы интересно. Хорошо, что Вы упоминаете о них в статье.

Ваш сборник будет иметь большое теоретическое значение. Его значение даже не столько в текстах, сколько в наблюдениях; комментарии Ваши будут цитироваться бесчисленное количество раз, ибо они дают исключительный материал для суждения о процессе фольклоризации, о фольклорном методе и проч. Не заняты ли Вы этими проблемами? Об этих темах думал, между прочим, покойный Ив. Ив. Кравченко.

Еще раз перечел Вашу статью. По существу получился первый хороший, подводящий итоги еще неизвестного материала, этюд. Кто бы теперь ни писал, ни работал по этому вопросу, он обязан будет считаться с Вашей статьей, как отправной <...> Будем надеяться, что книжка в целом встретит и сочувственное понимание и соответствующую оценку <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Фронтной фольклор. Записи, вступ. статья и комм. В. Ю. Крупянской. Под ред. и с предисл. проф. М. К. Азадовского. М., 1944.

107. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Иркутск. 5 февраля 1945.

... Единственно, что я сделал за эти два последние месяца, это семинар для аспирантов-литературоведов и некоторых студентов старших курсов «по технике научной работы». По существу, это был не семинар, а курс лекций, оставшийся, правда, не до конца выполненный. Получилось неожиданно довольно интересно, хотя это был ряд в буквальном смысле импровизаций. Я постарался рассказать об основных приемах литературоведческого исследования, но не в форме каких-либо отвлеченных требований и рецептов, а в форме живого рассказа — с большим количеством примеров из собственной практики и практики других исследователей. Приводил в большом количестве типичные ошибки исследователей и старался каждый раз уяснить причину допущенной крупным ученым ошибки. Анализировал свои собственные ошибки и старался извлечь из всего методическое указание. Основными темами были: проблема интерпретации источника; филологическая работа над текстом; вопросы хронологизации; проблема автора (т. е. вернее: проблемы атрибуции); источники литературного произведения; автобиографические элементы; значение и роль биографических материалов и метод реконструкции биографии писателя; прототипы; вопрос о влияниях и заимствованиях; об изучении литературного и исторического фона; о библиографии и т. п.

Неожиданно для меня лекции имели огромный успех: их слушал ряд молодых научных работников (напр., Кунгуров и другие), а затем стали слушать маститые: Гудошников, Копержинский. Все думают издать их отдельной книжкой, — и мне

самому улыбаются эта мысль, — но для этого их надо где-то повторить и пригласить стенографистку, потому что написать я этого не в силах. Это можно только говорить, чувствуя при этом «взаимодействие» с аудиторией. Но одновременно у меня зашевелилось другое желание: написать в таком же плане книжечку «Методика фольклористического исследования», куда вошли бы такие главы: 1. Как собирать и записывать. 2. Как издавать. 3. Характер вступительной статьи и комментария. 4. Основные моменты фольклористических исследований. 5. Проблема варианта. 6. Литературоведческие проблемы фольклора. 7. Фольклор в его связи с этнографией. 8. Компаративистские исследования. Ну, там мелкие вопросы: библиография, архивы и проч. Но споткнулся на определении и установлении основных тем и собственно фольклористических методов. Для литературоведения это легко. Какие бы темы ни взять, всегда возникает вопрос об установлении подлинного текста, об атрибуции, о хронологии, о источниках, о фоне и т. п. А вот такого комплекса вопросов для фольклористического исследования не могу формулировать. Само собой разумеется, что придется дифференцировать по жанрам, — но и это пока еще мне не помогло разрешить проблемы. Хочу на эту тему побеседовать с товарищами — может быть, с их помощью удастся установить такой комплекс. С Вами буду говорить о народной драме и народном театре.

Самое трудное: не превратить книжечку в методологию, чего я не хочу, ибо тогда встанут другие вопросы, которые нужно будет решать в другом плане. Но больше всего боюсь, что как приеду в Ленинград (если приеду), то встанет такая куча текущих заданий, плановых обязательств, что нечего будет и думать о такой книжке. А работать одновременно над двумя-тремя заданиями я уже не могу, — одну какую-нибудь работишку дай бог выполнить <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

108. Н. К. ГУДЗИЮ

Иркутск. 10 февраля 1945.

...Рукопись моя¹ остается все еще неопубликованной <...> Впрочем, мои друзья не унимаются — ввиду того, что «рукописность» моей работы лишает меня шансов на премирование, Ученый совет Педагогического института вынес постановление о представлении меня на премию по *совокупности работ*, опираясь (внутренне, конечно) в значительной степени, на факт библиографической брошюрки² с учетом публикаций за 30 лет <...>

У самого у меня какое-то смутное чувство по поводу этого решения Ученого совета. Во всяком случае, официально моя

кандидатура предстанет перед комиссией в двух вариантах: в «рукописном» и в «совокупном» <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ «История русской фольклористики».

² Бер Н. С. Библиография М. К. Азадовского. 1913—1943. Иркутск, 1944.

109. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 29 мая 1945.

... Сейчас мы заняты усиленной подготовкой «Советского фольклора».¹ Об этом даже была всесоюзная передача по радио в 7 утра. Может быть, и Вы слышали? Номер в основном пойдет по двум линиям: героический эпос народов СССР; фольклор Отечественной войны. И дополнительно: фольклористы и фольклористика в дни Отечественной войны.

Очень хорошо подбирается первый отдел. Здесь будут статьи Жирмунского, Беркова, акад. Козина; прислал приглашение В. И. Чичерову дать что-либо из своей диссертации. Может быть, приму участие и я в нем (бурят-монгольская фольклористика), если не буду уже занят в других отделах.

Третий отдел тоже не вызывает затруднений. Всего хуже обстоит дело со вторым — и наиболее ответственным отделом. Почти каждый автор уже законтрактовал себя в другом месте. Поэтому я хочу пойти по следующему пути: опубликовать ряд авторефератов. Таким образом, повторение будет как бы узаконено. В редакционном предисловии мы укажем, что хотим сделать сводку всего разбросанного в разных местах материала. Это относится и к Вам. Будьте добры, сообщите также, кто что печатает, чтоб знать, к кому обращаться. Предварительная публикация авторефератов не противоречит никаким нормам — и никаким договорам не противоречит. Особенно хотим мы иметь такого рода материалы от Вас, от Гуторова, от Косарика, от Барага. Что еще есть у него? В крайнем случае мы и сами сделаем соответственное сокращение и соответственную выжимку, если нам будут даны соответственные материалы.

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ 8-й том в свет не вышел.

110. П. Г. БОГАТЫРЕВУ

Ленинград. 29 мая 1945.

... Я уже договорился с П. И. Лебедевым-Полянским о включении Вас в редколлегия «Р. Ф.».¹

Затем второе дело. Я сейчас занят подготовкой тома «Советского фольклора».² Мы установили две основных темы: а) героич-

ческий эпос народов Союза, б) фольклор Отечественной войны. Дополнительно хотим охватить деятельность фольклористов в дни Отечественной войны.

Очень надеюсь, что Вы примете участие в этом номере. Мы с Вами уже говорили о плане — еще в Москве. Но независимо от него, хотелось бы *еще* получить от Вас одну небольшую — а если хотите, то и большую — статью: об изучении эпоса славянских народов. Может быть, напишете обзор примерно в лист-полтора. По русскому эпосу будет обзор А. М. Астаховой. И очень хотелось бы иметь аналогичный по славистике. Это, ведь, Вам будет нетрудно и недолго написать. Книги все у Вас имеются — а чего нет, можете, я полагаю, теперь в самый быстрый срок получить из Праги. Издание же первого после войны выпуска «Сов. фольклора» без Вас как-то мне не мыслится <...>

Хранится: Личный архив Т. Ю. Богатыревой.

¹ «Русский фольклор».

² 8-й том в свет не вышел.

111. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Узкое. 31 июля 1945.

... Я посмотрел Вашу программу.¹ Вы не заподозрите меня, надеюсь, в желании говорить пустые комплименты. Я буквально восхищен ею. Вы блестяще разрешили задачу прочесть специальный курс по частному виду фольклора студентам, не слышавшим общего курса. А вместе с тем, совершенно независимо от этой задачи, Вы разрешили и другую. Вам удалось, по-моему, набросать контуры целой книги, которая обязательно должна быть написана и которая явится параллельным коррективом к книге Всеволодского² и будет иметь перед ней большие преимущества. Более всего прельщает меня в Вашем курсе его целостность и органичность. Это — не вырванный кусок из общего фольклора, — но фольклор в целом, претворенный или вернее пропущенный через призму одного жанра.

Очень хорошо, умно, с большим вкусом.

Я прочту программу еще раз, специально для того, чтобы к чему-нибудь придаться. Пока же ни к чему сколько-нибудь значущему не сумел прицепиться. Гл. VI пожалуй, стоило бы несколько перестроить, придав ей более исторический характер. Кстати, нужно ввести в библиографию (а стало быть, и в изложение) статью Вс. Миллера «Былины в качестве обрядовых песен» (приблизительно так) — «Рус. Мысль» 1915;³ как будто перепечатано в III томе «Очерков».⁴

Некоторые наблюдения о манере рассказывания и элементах игры в нем имеются и у меня («Лит-ра и фольклор»: о сказочнике Д. Асламове) <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крюпанской.

¹ Программа по народному театру. Не опубликовано.

² *Всеволодский-Гернгросс В.* История русского театра. Предисл. и общ. ред. А. В. Луначарского. В 2-х т. Л.; М., 1929.

³ *Миллер Вс.* Былины и исторические песни в качестве обрядовых. — Русская Мысль. 1912, август, с. 1—10.

⁴ *Миллер Вс. Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины и исторические песни. М.; Л., [1924], т. III.

112. С. И. МИНЦ,

Ленинград. 25 октября 1945.

Дорогая Софья Исааковна!

Письмо и договор ¹ получил и немедленно отвечаю. Я, правда, болен, совершенно не могу работать и даже письма писать, но хочется сразу же ответить, чтоб не растерять мыслей, которые во множестве появились после Вашего письма. Поэтому диктую ответ. 1. Идея, конечно, очень хороша. Киреевского охотно сделаю. Конечно, не к 1 января, тем более что это задача чертовски трудная. Ведь не следует забывать, что первая биография Киреевского была написана таким блестящим стилистом, как Гершензон.²

2. Мне кажется, Вы слишком много брошюрок предназначаете для меня. Это будет неудобно. К тому же, к некоторым из предназначаемых мне тем едва ли мне следует теперь возвращаться. О Винокуровой я писал, когда я был молод, и теперь *лучше* мне уже не написать. А хуже — не хочется. Вот разве только Аксаментова я бы оставил за собой. Что же касается Винокуровой и Магая, то я хотел бы, чтоб эти книжки были даны кому-нибудь из моих учеников, как созревших, так и подрастающих.

3. Теперь несколько слов о листаже. Мне думается, что взятая Вами огульная цифра — 3 листа — едва ли правильна. Братьев Соколовых Вы в 3 листа еле-еле уложите, а зачем 3 листа для Аксаментова или для Куприянихи? То же самое, мало 3 листа и для Киреевского, и я надеюсь, Вы мне позволите эти нормы нарушить. Я вообще полагаю, что среднюю норму для собирателей нужно считать 4 листа, а для сказителей — 2, за исключением, конечно, Рябининых.

4. Теперь несколько соображений по поводу имен, включаемых в серию. Я полагаю, что отдел собирателей следует пополнить именами Чулкова и Сахарова. Вы скажете: как, дилетанты, фальсификаторы и пр.?! — но это — первые и очень яркие страницы в нашей науке, да и биографии их очень увлекательны. Не следует забывать, что Сахаров один выполнил столько, сколько хватило бы на долю целой академии наук. Я включил бы обязательно Озаровскую, а вот Кривополенову я бы выкинул. В сущности, ведь о ней нечего писать, кроме того, что о ней написала Озаровская, и говорить о ней лучше всего в книжке, посвященной Озаровской. Репертуар-то, к тому же, у нее ведь кро-

хотный и не очень яркий. Может быть, следует включить кого-нибудь из провинциальных собирателей — напр. Красноженову, Курского-Малинина (?) и др. Впрочем, на этом я не настаиваю.

5. Среди сказителей я не нашел имени Н. С. Богдановой. Вероятно, это случайный пропуск. Отсутствует Шеголенок. Конечно, он второстепенный сказитель, но не забудьте, что он уж очень тесно связан с литературой, он жил в гостях у Толстого и был одним из его источников;³ его рисовал Репин.⁴ В серии «Лит. музея» он обязательно должен быть. Я включил бы еще одно вкусное имя — Арина Родионовна (подробнее см. в моей «Литература и фольклор»)⁵.

6. Но вообще едва ли серия, посвященная сказителям, может быть ограничена рядом тех или иных более или менее известных имен. Следовало бы подумать о ряде книжек, посвященных, если так можно выразиться, групповым портретам. Например, певцам и певицам, может быть мастерам народного жанра (если это возможно) и др. Об отдельных певцах нет таких очерков, как о сказочниках или об исполнителях былин. А между тем отдельные и очень яркие зарисовки существуют. Мне кажется, следовало бы кое-что объединить и получились бы очень интересные книжечки, не шаблонные — свежие.

7. Еще одно имя следует обязательно включить: Линева.

Ну вот и все, что мне пришло в голову по поводу Вашего письма. Желаю Вам успехов и удачи. Само собой разумеется, что я охотно помогу Вам, чем смогу и как сумею по части музейной экспозиции <...>

Хранится: ГЛМ, фольклорное собрание, НВФ.

¹ «Собиратели и сказители», серия предполагаемая к изданию Гос. лит. музеем.

² Гершензон М. П. В. Киреевский. Биография. М., 1910 (Отт. из I т. «Русских народных песен, собранных П. В. Киреевским», изд. Общества любителей российской словесности).

³ В. П. Шеголенок летом 1879 г. гостил в Ясной Поляне. Произведения Толстого («Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», «Корней Васильев», «Молитва» и «Старик в церкви») написаны на основе легенд и рассказов Щеголенка.

⁴ Портрет Щеголенка написан И. Е. Репиным в Абрамцево (1879 г.). В настоящее время находится в Русском музее (Ленинград).

⁵ Азадовский М. Сказки Арины Родионовны. — В кн.: Азадовский М. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938, с. 273—292.

113. А. Н. ТУРУНОВУ

Келломяки. 10 декабря 1945.

Дорогой Анатолий Николаевич,

несколько дней тому назад отправил Вам письмо, — потом вспомнил, что Вы спрашивали меня еще о Марии Васильевне¹ и Георгии Семеновиче.²

Мария Васильевна умерла <...> дойдя до своего предела. Ей ведь уже было за 75!³ Умерла она не то летом, не то осенью 1942 г. По приезде в Иркутск, я получил от нее письмо с поздравлением по случаю «возвращения на родину», — а затем (да, конечно, это было летом) пришло известие о ее смерти.

С Георгием Семеновичем было иначе. Он пережил блокаду; потом долго жил в Алма-Ата (вместе с ИЯМ,⁴ где он работал последние годы), — в июне этого года вернулся в Ленинград: я дважды виделся с ним, но еще только на улице. Он собирался прийти ко мне <...>. Потом узнал, что его срочно отвезли в больницу для операции. Узнал, что это был рак. Операция сошла благополучно, и все были уверены в счастливом исходе, но... Он умер, кажется, 14 VII.

Незадолго перед смертью он получил степень доктора без защиты диссертации <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ М. В. Красноженова.

² Г. С. Виноградов.

³ Это ошибка М. К. Азадовского. М. В. Красноженовой был 71 год.

⁴ Институт языка и мышления АН СССР.

114. С. И. МИНЦ

Ленинград. 6 февраля 1946.

... спасибо за добрые пожелания, — к сожалению, соответствовать могу плохо. С радостью вижу, что Вы (в Москве вообще и Вы лично) полны энергии, замыслов, планов и т. п. Очень интересен Ваш план тома «Звеньев»,¹ но на этот раз дело мне не кажется столь простым и ясным, как с серией «Собиратели и сказители».

В свое время такой том (т. е. посвященный фольклору и литературе) проектировался в «Лит. наследстве», и Зильберштейн, и Макашин вели даже предварительные переговоры со мной. То, что Вы затеиваете, отчасти, вероятно, должно напоминать тот же замысел, но... Из Вашего письма я не вижу, в чем будет гвоздь издания. Вы перечислили много статей; темы все — интересны, но, можно сказать, а priori, что едва ли все статьи будут равномерно интересны. Не все ведь авторы из названных Вами такковы, что можно относительно каждого отбросить сомнения по поводу разработки темы, должной глубины и проч. Да если и все будет первоклассным, — все же *этого* недостаточно. Ведь сила и интерес «Звеньев» (которые всегда были *rôle-mêl'ем*)² — не в статьях отдельных авторов, а в *публикациях неизданных материалов*. В Вашем плане я этого не вижу, или, — вернее, вижу очень мало: одна неизданная статья Сперанского и очерк Ю. М. Соколова.³ Мало! Нужно искать, нужно организовать. Вот для примера: в ИЛИ (Пушкинский Дом) — обширная коллекция

писем Веселовского, — Айзеншток в свое время готовил к печати письма Потебни. В Архиве Акад. Наук имеется огромная коллекция писем Шейна и к Шейну, в том числе и переписка его с Садовниковым. В Пушкинском Доме хранится архив Садовникова, где имеется ряд неопубликованных произведений.

Воображаю, какое огромное количество разнообразных материалов хранится в Лит. Музее, в Лен. Библиотеке, в Историческом Музее; в частности там, ведь, был архив Рыбникова.

Если бы том был составлен примерно листов на 35 неизданных материалов, и только на 15 — авторских. Этого было бы вполне достаточно.

Ведь, поймите, дорогая. От того, что наши статьи появятся в этом сборнике или не появятся, наука мало изменит свой ход и свое содержание. Во-первых, уже хотя бы по одному тому, что каждая из них рано или поздно найдет свое место в каком-нибудь издании: в «Трудах» Института, в «Ученых записках» университета, в общем журнале, в виде предисловия к какому-нибудь изданию и т. д. и т. д. Но архивных материалов, кроме «Звеньев» и «Лит. Наследства» некому печатать и негде. А они-то, конечно, невероятно обогатят науку и в большей мере будут содействовать ее прогрессу, чем любой из отдельных наших очерков, посвященных фольклоризму того или иного писателя.

Надеюсь, Вы не поймете меня превратно. Я исхожу не из какого-либо недоверия к авторам и их будущим статьям, — не сомневаюсь, что некоторые будут превосходными — я имею в виду общий принцип. Другими словами, я бы весьма приветствовал, если бы какое-либо издательство включило в свой план сборник «Литература и фольклор» по составленному Вашему плану. Это было бы очень интересно и свежо. Я с радостью принял бы в нем участие и дал бы, может быть, целых два очерка. Но мне жаль, если этим делом займутся «Звенья», оторвавшись тем самым от своей прямой задачи. Жаль, если открывшийся плацдарм не будет использован в целях осуществления активнейших и насущнейших задач нашей беспризорной науки.

Что касается моего участия, то дело зависит от *сроков* и *задач*. Я мог бы дать статью о фольклоризме Эртеля; о вкладе русских писателей в изучение фольклора — сводный очерк, задуманный мной, — но охотнее всего принял бы участие в публикации каких-либо неизданных текстов из тех, что хранятся в Ленинграде, или каких-либо других, которые могли бы быть мне поручены. Кстати, у меня имеются отрывки из дневников Афанасьева (около 5 печ. л.),⁴ — правда, там фольклорного очень мало, но Афанасьев!

Может быть, даже нашлись бы какие-либо интересные, старинные (т. е. из первой еще половины XIX века) тексты, записанные кем-либо из писателей или старых фольклористов и доселе неопубликованные.

Да мало ли что может найтись?! Не сердитесь на меня за мою пессимистическую оценку Вашего плана.

А о Киреевском боюсь и думать <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ Т. 7.

² *rêle — mêle* (франц.) — смесь, беспорядок. — Звенья. Сборник материалов и документов... Т. 1—6. — «Academia», 1932—1936. Т. 7 в свет не вышел. Т. 8 (1950) и т. 9 (1951) изданы Гос. литературным музеем.

³ В письме к М. К. Азадовскому от 29 января 1946 г. С. И. Мищц писала: «С верой Константиновной Соколовой мы задумали сборник «Литература и фольклор». Он будет печататься как очередной том «Звеньев». Владимиру Дмитриевичу (В. Д. Бонч-Бруевич, — Л. А.) очень наш проект понравился, предлагает 40—50 листов. Предполагаем дать непечатанную работу М. Н. Сперанского «О рукописных сборниках 18 в.», Ю. М. Соколова «Толстой и Щеголенок», главы из диссертаций В. Д. Кузьминой («Бова»), Ю. Н. Сидоровой «Пушкин и Ершов в народной сказке», В. К. Соколовой «А. К. Толстой и фольклор», А. М. Новиковой «О фольклорных переделках литературных песен»; статьи В. И. Чичерова о Кольцове и народной песне, Эрны Васильевны (Э. В. Померанцевой, — Л. А.) «О заговорах в творчестве А. Блока»; В. Юрсеvны (В. Ю. Крупянской, — Л. А.) — «Элементы фольклора в Начальной летописи», М. И. Костровой «Н. И. Новиков — фольклорист»; кое-что и из моих «Трудов» (ГБЛ, ф. 542).

⁴ *Афанасьев А. Н.* Дневник. 1853—1856. Машинопись. — ГБЛ, ф. 542, № 6.

115. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 6 апреля 1946.

... У меня в семинаре был интересный доклад. Н. Новиков¹ («Сказки Господарева»), который провел всю войну на передовых позициях в качестве артиллериста-минометчика, поделился своими впечатлениями о бытовании фольклора на фронте. Очень интересно. Он, оказывается, вел непрерывные записи с первого дня пребывания в Армии: записывал порой чуть ли не прямо в момент боевых действий. Этот доклад я буду печатать в «Сов. фольклоре». Это, действительно, изумительный документ, который, быть может, также не все сумеют оценить.

Я читал рецензию В. Я. Проппа на Ваш (московский) сборник;² до этого была рецензия (скажу по секрету) самого П. И. Лебедева-Полянского. Я ее не видел и не читал, но думаю, что она абсолютно отрицательна. Пропп разнес вдребезги (и, кажется мне, справедливо, хотя сборника я не читал) обе статьи Бугославского, статьи Сидельникова, Гуторова и Новиковой. Пришел в восторг от статьи Розанова; с большим уважением отметил статьи Никольского и Плисецкого и похвалил Вапу, хотя какие то недочеты и нашел в ней. Ужасна по оформлению статья Гуторова: это говорят все, кто читал ее.

Сейчас неясна судьба сборника: будет ли он перерабатываться, или его снимут вовсе с плана. Пропп считал необходимым только внимательную дополнительную редактуру, — но как-то отнесется РИСО? <...>

Меня торопят с книгой;³ угрожают не принять, ежели запаздую, — а у меня работа идет медленно и плохо. Да и рвут на части изо всех сил. Я как-то фатально не справляюсь теперь с делами, — все запаздывает, рвется, трещит. Хорошо бы, действительно, работать спокойно, без оглядок на администрацию, на планы и пр. А требования теперь очень повышены ко всем нам.

Очень хочу повидать Петра Григорьевича.⁴ Привет ему! — У нас пронесся слух, что скоро он снова уезжает в Чехословакию.⁵ Правда это? Недавно слушали доклад К. Н. Державина (fils'a) о его фольклорно-этнографических впечатлениях в Болгарии. В этой связи очень захотелось всем послушать Петра Григорьевича. По всей вероятности, он приедет на славянскую сессию Университета (в начале июня), — может быть, тогда мы его попросим выступить и у нас <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

² Сборник фольклора Великой Отечественной войны в издании Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР не состоялся. См. также письмо 117 от 31 октября 1946.

³ «История русской фольклористики».

⁴ П. Г. Богатырев.

⁵ В научную командировку.

116. А. В. ХРАБРОВИЦКОМУ

Ленинград. 10 октября 1946.

...Теперь — о другом. Знаете ли Вы что-нибудь о фольклорном сборнике Невзорова («Этнографический сборник Пензенского края»)? Сборник очень интересен: в нем 155 №№ сказок, легенд, преданий, анекдотов. Затем много песен и других материалов. Составитель его В. Ф. Невзоров — статистик, юрист, народный учитель, — перед смертью состоял, если не ошибаюсь, заведующим Пензенским метеорологическим бюро; ему принадлежит ряд статей о климате и природе Пензенского края и, наконец, по его инициативе был издан в 1925 «Юбилейный сборник в память И. Н. Ульянова» (отца В. И. Ленина).¹ Скончался В. Ф. Невзоров в 1928 году. Впрочем, вероятно, все это Вам известно.

Свой этнографический сборник он переслал в 1927 г. в Сказочную комиссию, и в «Отчете» последней был помещен отзыв о нем и дано описание текстов сказок. Я считал впоследствии этот сборник утраченным, но выяснилось, что он все время находился у Н. П. Андреева, которому он был передан Сказочной комиссией для просмотра и рецензии. Сейчас после смерти проф. Андреева сборник вместе с другими бумагами проф. Андреева находится в Публичной Библиотеке.² Мне думается, он вполне

бы заслуживал издания. Затрудняюсь сказать, сколько в нем листов: едва ли более 10. Впрочем, можно, если встретится надобность, сделать такой расчет.

Записи сделаны в 1914—1916 годах, главным образом в с. Долгорукове Нижне-Ломовского у. Сказок из Пензенской губ. известно мало — и данный сборник представил бы большую ценность. В отзыве Н. П. Андреева сказано, что увидеть «Этнографический Сборник Пензенского края» в печати было заветной мечтой В. Ф. Невзорова <...>

Хранится: ГБЛ, ф. 357.

¹ Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1885—1925 гг.). Пенза, 1925. В. Ф. Невзоров — автор одной из статей, помещенных в сборнике.

² ГПБ, ф. 20, оп. 13, № 145.

117. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград, 31 октября 1946.

... Мою «Историю»¹ переносят в план будущего года, — но никак не могу закончить. Надо бы, оторвавшись ото всех работ, посвятить ей всецело месяц-полтора, чтоб заново все продумать, — а где их взять эти месяцы? <...>

Что слышно о томе фольклора Отечественной войны в Институте мировой литературы?² Вероятно, ничего из этого не выйдет? Не следует ли приниматься за его «расщепление»? Мы были бы заинтересованы в трех статьях: Вашей, Розанова И. Н. и акад. Никольского.

В «Сообщениях» Института этнографии прочел Ваш реферат,³ (Вы ничего об этом издании мне не рассказывали) и очень заинтересовавший меня материал М. Г. Левина о Грановском.⁴ По этому поводу послал ему тезисы своего прошлогоднего доклада⁵ — не знаю, получил ли он их, — ответа пока еще не имею. Он очень близко подошел к тому, о чем и я писал. Это совпадение мне очень приятно и очень жаль, что он не знал моих тезисов, которые уже давно были отпечатаны. При встрече спросите его, получил ли он мой присыл.

Получил только что книгу Самарина «Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа».⁶ Не знаю, что сказать о ней. Как-то все сумбурно и рыхло <...>

(Сейчас мой сын пришел в кабинет, посмотрел на меня и заявил: «Ты книгу пишешь?.. Долго же ты со своей книгой возишься!» Увы... все правда. Но что скажете о сыне?).

Читаю лекции я по-прежнему с большим трудом. Правда, мне удалось разбить аудиторию на две части: одной группе (человек 80) читает В. Я. Пропп, другой (100—120) — я. Стало легче, хотя достаточно тяжеловато. Видимо, нужно отчетливо сказать себе, что в последний раз читаю общий курс, а жаль! Ведь, в сущности, только тогда и будут ученики и продолжатели, если

самому читать курс. Я очень доволен семинаром в нынешнем году. Заседания происходят еженедельно, бесперебойно — и каждый раз очень интересные сообщения. Недавно Кирилл Чистов читал отрывок из своей работы;⁷ он пытался установить точные даты биографии И. Федосовой и сделал очень много интересного. Перерыл кучу старых газет, рылся в архиве Географического Общества и проч. Вышло очень интересно. Сейчас подготовил маленький этюд о Ир. Федосовой и Некрасове,⁸ где сделал ряд интересных наблюдений в дополнение к тому, что уже было сделано Б. и Ю. Соколовыми и Н. П. Андреевым. Вообще, Кирилл Чистов — сейчас моя лучшая надежда — только очень тревожит меня его здоровье <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ «История русской фольклористики».

² Издание не состоялось, см. также письмо 115 от 6 апреля 1946.

³ *Крупянская В. Ю.* Фронтовая песня. — Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1946, т. 1, с. 77—79.

⁴ *Левин М. Г.* Т. Н. Грановский и русская антропология. — Там же, с. 85—87.

⁵ *Азадовский М. К.* Фольклор в концепциях западников (Грановский). — В кн.: Ленинградский государственный ордена Ленина Университет. Научная сессия 1945 г. (16—30 ноября). Тез. докл. по секции филологических наук. Л., 1945, с. 13—18.

⁶ *Самарин Г.* Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Отв. ред. А. В. Позднеев. Фрунзе, 1946.

⁷ *Чистов К. В.* Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Ред. В. И. Чичеров. Петрозаводск, 1955.

⁸ *Чистов К. В.* Некрасов и сказительница Ирина Федосова. — Научн. бюлл. Ленингр. гос. ун-та. 1947, № 16—17, с. 39—45.

118. А. В. ХРАБРОВИЦКОМУ

Ленинград. 14 ноября 1946.

... я получил Ваше письмо и проект договора. Но прежде нужно выяснить ряд вопросов.

Сборник¹ находится в Государственной Публичной библиотеке. В нем 400 стр. на машинке, общим количеством 850—860.000 знаков, т. е. 21—22 листа. В него входят: статья «Село Долгоруково. Обряды и обычаи». Затем тексты нескольких сказочников с характеристиками последних. Песни. Причитания. Заговоры. И приложение на 12 страницах под заглавием «Из древней письменности». Авторского предисловия нет.

Думаю, что кое-что можно снять. Если Издательство решит сборник печатать,² нужно прежде всего снять с него копию. Стало быть: 1) войти с Библиотекой в соглашение о перепечатке рукописи, т. к. свой экземпляр она, конечно, не может передать в типографию, 2) поручить кому-либо тщательную сверку. Я, конечно, этим сам заняться не могу.

Сборник — интересен; некоторые тексты очень хороши, но, конечно, к нему нужно подходить только исторически. Поэтому,

вероятно, нужно подумать и о изменении его заглавия. У автора он назван «Этнографический сборник Пензенского края». Нужно будет подчеркнуть в заглавии, что это сборник, посвященный прошлому, чтобы избежать потом упреков в отсутствии современности. До выяснения всех этих вопросов я не считал возможным подписать договора, т. к. нужно четко представить себе и выяснить весь процесс издания и договориться о всех деталях, как в принципиально-теоретическом плане, так и в плане практическом <...>

Хранится: ГБЛ, ф. 357.

¹ *Невзоров В. Ф.* Этнографический сборник Пензенского края. — ГПБ, ф. 20, оп. 13, № 145.

² Издание не состоялось.

119. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 17 ноября 1946.

... Сегодня был на вернисаже Театрального музея, которым руководит Всеволодский¹ (вернее руководил, т. к. после открытия он окончательно переезжает в Москву). Все-таки, он человек с инициативой, энергией, личным вкусом. Он совсем по-новому подошел к проблемам экспозиции, подобрав большой материал и решая все экспозиционные проблемы и вместе с тем материальные по-новому. Если обычно литературные и театральные музеи даются в линейном плане, в плане графическом, то Всеволодский разрешил все в красочной форме, в форме пятен. Но не потому я рассказываю Вам об этом. У него дан небольшой раздел: истоки театра, — и это, по-моему, в первый раз в музей вступает фольклор: тут и народная свадьба, и игровые моменты, и скоморохи, и куклы из Олеария, и барельеф со сценой из «Лодки».²

Олеариевское изображение скомороха с поднятой юбкой достаточно всем надоело. Всеволодский берет этот рисунок, освобождает от лишних деталей и передвигает в барельефной лепке. Таким образом вся эта надоевшая композиция звучит по-новому. Очень красочно и убедительно показано пещное действие и т. д. Все это, конечно, недостаточно, эскизно — но, все же, хорошо, что это в Музее есть, что как-то фольклорная тема находит разрешение в экспозиции. Короче говоря, Вам обязательно нужно приехать посмотреть это <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ В. Н. Всеволодский-Гернгросс.

² Народная драма второй половины XVIII в.

Келломяки.¹ 20 января 1947.

... Статья Ваша, включена в «Советский фольклор»; к сожалению, издание его по неожиданным некоторым причинам затягивается. Но все же надеюсь, что в этом году он обязательно выйдет.²

Сейчас в печати находится том первый нашего коллективного издания «Русский фольклор»³ (35 п. л.), куда вошла глава о календарно-обрядовой поэзии (покойный А. И. Никифоров), о заговорах (А. М. Астахова); о загадках, о причитаниях (обе написаны тоже, увы, покойным Г. С. Виноградовым), о свадебной поэзии (Э. В. Гофман⁴ — ученица Ю. М. Соколова, московская фольклористка). Открывается том статьей Н. П. Андреева «Проблема фольклора», а затем следует большая моя глава (12 печ. л.: «История изучения русского фольклора»).

Сейчас подготавливаю к сдаче в производство том 2, куда войдут главы о былинах (А. М. Астахова), о сказках (В. Я. Пропп), о исторических песнях (П. И. Калецкий — также скончавшийся уже), А. Н. Лозанова; народный театр (В. Ю. Крупянская).

Из этого упоминания об отдельных авторах Вы можете судить, как важны наши утраты за последние годы. И это еще далеко не все.

В третий том войдут остальные жанры, в том числе лирическая песня и советский фольклор. Труднее всего организовать статью о лирических певцах. Ее писала очень талантливая фольклористка, сочетавшая в себе исследователя-словесника и музыковеда, Э. В. Эвальд, к сожалению, она скончалась во время блокады. И заменить ее абсолютно нечем. Не говоря уже о возможности найти в одном лице такое сочетание, но даже трудно найти среди оставшихся вообще автора для этой главы. Не знаю, как справимся. Согласилась ее написать А. М. Астахова, но сама очень тревожится.

Как только первый том выйдет, сразу же отдаем его на Ваш суд. Я сейчас провожу время в доме творчества писателей в местечке Келломяки (по Финляндской ж. д.), куда уехал, чтобы немножко отдохнуть, а главным образом, чтоб готовиться к предстоящему докладу на юбилейном съезде географов (по случаю 100-летия Географического общества), где будут представлены также и этнография и фольклор. Читаю доклад на тему «Значение Географического общества в истории русской фольклористики».⁵ Среди намеченных докладов есть и такой, который был бы, вероятно, особенно интересен Вам: «Проблемы областных стилей русского народного многоголосья в работах дореволюционных собирателей» (Е. В. Гиппиус).

Как жаль, что Ваше здоровье не позволит Вам принять участие в этом съезде. Но, вероятно, ученые львовские будут? Не приедет ли кто из этнографов-фольклористов? Но я и сам хорошо

понимаю трудность таких поездок. Мне бы также очень хотелось побывать еще раз в Львове: хотелось бы очень повидаться и побеседовать с Вами и позаниматься в Львовских библиотеках, т. к. только там, вероятно, смогу я ознакомиться с польскими работами последних 30—40 лет; пока необходимо ознакомиться с тем, что вышло за это время (кроме книги В. Францова)⁶ по истории польской фольклористики и этнографии. Как будто мало что вышло, но, все же, кое-что сделано.

Но боюсь, что очень нескоро смогу осуществить свой проект <...>

Хранится: Личный архив Д. Ф. Колесса-Залесской.

¹ Прежнее название поселка Комарово Ленинградской области, до 1948 г.

² Т. 8-й в свет не вышел.

³ Издание не состоялось.

⁴ Э. В. Гофман-Померанцева.

⁵ Опубликовано в кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1965. Вып. III, с. 5—17.

⁶ Францов В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906.

121. П. Г. БОГАТЫРЕВУ

Кавголово. 3 августа 1947.

... Теперь относительно программы Съезда.¹ Этот вопрос обсуждался и здесь. Я был в это время болен; Фольклорный отдел представляла А. М. Астахова; она приходила ко мне, и мы с ней наметили шесть тематических разделов. Я поджидаю ее сюда к себе сейчас. Она должна была приехать, чтобы я подписал к печати ее книгу, которая печатается в Петрозаводске.² Но ее нет и нет, а я, поджидая ее, все задерживал ответ Вам. Всех же тем вспомнить никак не могу. В общем, это почти то же самое, что мы намечали с Вами (по телефону) для Географического съезда: фольклор Отечественной войны и войны за освобождение, вопросы эпоса; проблемы индивидуальности в фольклоре; обрядовая поэзия и что-то еще. Не помню, как мы формулировали особо вопрос о сказке. Следовало бы, может быть, отдельно поставить вопрос о связи русских и славянских изучений.

Но ведь я полагаю: дело не в общей проблематике, а в конкретных докладах. Напишите мне, что намечается москвичами, — мы в рендент наметим тогда (в сентябре) и свои темы. Очевидно, будут еще выступать киевляне? <...>

Если я буду выступать, то только поновив что-либо из своих старых работ, хотя бы и неопубликованных, но уже начерно сделанных в моем курсе историографии, который Вы ведь хорошо знаете. Никакой новой темы мне не поднять. Да и вообще не уверен: смогу ли выступить с докладом. Мне сейчас такие выступления противопоказаны. Хватит в истории русской фольклористики одного эффектного случая — на торжественном заседании.³

Не знаю, удастся ли отказаться от выступлений на торжественных научных сессиях института и университета осенью? Очень я боюсь за себя.

Но быть на славянском совещании⁴ мне очень хочется. Впрочем, полагаю, нам удастся свидеться с Вами раньше — в сентябре-октябре. Об очень многом нужно с Вами договориться и переговорить.

Большие разговоры нужно нам «заиметь» и по поводу учебника.⁵ Здесь очень много неясностей и трудностей.

[Конец письма отсутствует].

Хранится: Личный архив Т. Ю. Богатыревой.

¹ Международный съезд славистов намечался на 1948 г. в Праге. Съезд не состоялся.

² *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. [Ред. М. К. Азадовский]. Петрозаводск, 1948.

³ М. К. Азадовский имеет в виду скоропостижную смерть Ю. М. Соколова (см. письмо 75 от 24 января 1941 г.).

⁴ Предварительное региональное совещание в Москве.

⁵ Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954.

122. С. И. МИНЦ

Ленинград. 6 сентября 1947.

... давно надо бы написать Вам, да все инвалидность моя мешает. Во-первых, довожу до Вашего сведения, что статья о фольклоризме Короленко включена в № 8 «Советского фольклора»¹ — и теперь ее судьбы связаны с судьбой этого утлого корабля. Моя болезнь помешала своевременному продвижению дела — и сейчас вопрос о печатании опять несколько затормозился. Но надеюсь, что все скоро будет сдвинуто, двинуто, подвинуто — и если не окажется, в конце концов, задвинутым, то все будет в порядке <...>

Лето мы провели в очаровательном местечке, но силы мои слабо восстанавливаются. От общего курса мне уже пришлось — с великой болью — отказаться. Видимо, навсегда! <...>

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ Т. 8-й в свет не вышел.

123. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 19 июня 1948.

... Знаете: я совсем измотался. На конец месяца у меня пришлось — вернее на последний месяц — все сразу: доклады о Белинском, статья о нем в Университетский сборник¹ (помимо «Лит. наследства»), корректура Языкова,² сдача сборника сказок³ <...> переработка «Русского фольклора» (т. 1)⁴ и плюс разные административные дела, связанные с концом семестра и полугодия. И я так изматываюсь, что нечего и думать о письме:

домой⁵ я пишу только телеграммы или малюсенькие открытки. А ведь Вы знаете, как мне опасно перетрудить голову. И то я удивляюсь, как все это сходит мне с рук.

Мы долго думали, как быть с историографической частью в каждой отдельной главе, — и, в конце концов, решили сохранить, внося, конечно, ряд поправок и «критических коррективов». Ведь без Буслаева и прочих, все же, нельзя построить никакой науки. Конечно, пришлось чересчур критиковать некоторых ученых, но имена их, все же, оставить. Повторяю, все это делается на свой страх и риск; посоветоваться (авторитетно) было не с кем; каждый боится ответственности и пр. Я решил рискнуть. Кто знает, может быть, этот том будет вообще концом моей фольклористической деятельности.

Историографическая глава: 15 печ. л., открывавшая фактическое изложение отдельных жанров и составляющая конспективное изложение моей книги,⁶ снята совсем.

Видимо, погибла и вся моя книга. Я еще иногда по инерции (да собственно не иногда, а беспрерывно) делаю разные выписки, пишу и классифицирую карточки, радостно коллекционирую какие-то новые факты или записываю «интересные» мысли, ежели они забредут в голову, — а потом вдруг охватит сомнение — собственно даже не сомнение, а законный вопрос, как в одном стихотворении, кажется Лилиенталя:⁷ Wo zu? Wo zu?⁸

Ведь вот после 1917 года еще долго-долго многие обыватели упорно хранили николаевские деньги, считая, что придет же когда-нибудь время, когда они вновь обретут свою ценность. Они не могли понять, что те бумажки кончены навсегда. Не коплю ли я такого рода бумажки — не такого ли рода весь мой капитал, который так долго и упорно я копил последние годы, мечтая о реализации своего большого и, как мне все еще кажется, очень неплохого труда <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Опубликовано не было.

² Языков Н. М. Собрание стихотворений. Вступ. статья, ред. и примеч. М. К. Азадовского. [Л.], 1948.

³ Русские народные сказки. Под общ. ред. М. К. Азадовского. Т. I. В соавторстве с И. М. Колесницкой. Ленгослитиздат. До 40 а. л. — Издание не состоялось.

⁴ Издание не состоялось.

⁵ В Иркутск, матери В. Н. Азадовской.

⁶ «История русской фольклористики».

⁷ Видимо, имеется в виду Д. фон Лилиенкрон.

⁸ Для чего? К чему? (нем.)

124. С. И. МИНЦ

Ленинград. 4 декабря 1948.

... спасибо за своевременный присыл статьи. Я бегло ее проглядел; смотрела Анна Михайловна;¹ более внимательно прочитала В. А. Кравчинская. У всех осталось очень хорошее впечат-

ление. Основной ошибкой — с точки зрения установок сегодняшнего дня — является недостаточно четкое различие новых элементов в старой сказке и вообще новой сказки. Но это очень легко исправить. Остальное же, как будто, не должно вызывать сомнений, и едва ли понадобятся большие исправления.

Ваш слепой² чувствует себя превосходно — и, наоборот, он тревожится, отчего не слышно никаких вестей от его родственников. По его подсчету, уже где-нибудь, наверно, печатается диссертация... Во всяком случае, он думает, что уже пора ей появиться. Вообще же говоря, «Советский фольклор» № 8³ как будто (ой!) пойдет дней через 10 в производство. Последняя рецензия была очень благоприятна. Относительно Вашей статьи есть одно замечание: необходимо изменить заглавие («К вопросу о фольклоризме Короленко»): требуется более четкое и боевое заглавие. Нужно говорить не о фольклоризме, а о «народной стихии» или чем-то в этом роде. Я пробовал придумать сам, да ничего у меня не выходит. Помудрите, посоветуйтесь с изобретательными мудрецами и пришлите мне несколько вариантов на выбор.

Вот Вам все деловые наши новости. О всяких других — уже в следующий раз. Я безумно чувствую усталость и мечтаю о покое и отдыхе. «На свете счастья нет, а есть...» <...>⁴

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ А. М. Астахова.

² «„Слепой музыкант“ В. Г. Короленко», — статья, над которой работала С. И. Минц.

³ Т. 8-й в свет не вышел.

⁴ «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834 г.).

125. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 17 февраля 1949.

... Ну а пока там делают или, вернее, разговаривают об учебниках, мы понемногу подвигаем к печати и том восьмой «Советского фольклора»¹ и том первый «Русского фольклора»,² и вот сейчас вплотную ставится вопрос о томе втором.

А Вашей статьи нет! Да, бросьте же, родная, мудрить и перемудривать с ней. Ну, вставьте все что нужно, после. Тем более что у нас в самом начале марта предстоит ревизия... и мы получили приказание от начальства представить все материалы по готовящимся изданиям.

Очень нехорошо, если не будет Вашей статьи.

Кстати, видели ли Вы уже статью Т. М. Акимовой о народной драме, помещенную в XX томе «Ученых Записок Саратовского государственного университета»?³ Вероятно, Вы уже имеете оттиск. Я полистал, — и мне показалась статья очень интересной, хотя и не без натяжек. Она, так же как и Вы, сближает

истоки с интермедиями XVIII в., но категорически отвергает возможность отражения в тексте семейной драмы Петра.⁴ Очень интересны рассуждения о дальнейшей эволюции текста, — но попытки вдвинуть или вернее втянуть драму о Максимилиане в круг фольклорных явлений, созданных войной 12-го года, не кажутся очень убедительными. Но вообще, этот очерк мне представляется лучшей работой Татьяны Михайловны. Опубликованный же ею текст пьесы «Как француз Москву брал» — великолепен и представляет замечательную находку.

Мы все еще никак не можем решить вопрос о днях нашего совещания. Вопрос осложняется тем, что на три последних дня февраля назначены юбилейные торжества по поводу «Калевалы,» на которые едут, конечно, Ан. Мих.,⁵ Базанов, В. М. Жирмунский. Я еще не решил: поеду, или нет. Вероятнее всего, что нет, хотя Базанов очень настаивает на моей поездке. По всей вероятности, поедет из Москвы и Влад. Иванович.⁶

А как Петр Григ.?⁷ Он поедет? Базанов говорил мне, что его имя значится в списке приглашенных <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Издание не состоялось.

² Издание не состоялось.

³ *Акимова Т. М.* Народная драма в новых записях. — Учен. зап. Саратов. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1948, т. XX, вып. филол., с. 3—49.

⁴ Петр I.

⁵ А. М. Астахова.

⁶ В. И. Чичеров.

⁷ П. Г. Богатырев.

126. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 3 октября 1949.

... С некоторым опозданием отвечаю на Ваш вопрос о статье. Правду сказать, я все поджидал оттиска с двумя подписями. И не столько из жадности, не столько из любви к лишним оттискам (хотя я, действительно, их очень люблю) и к автографам, сколько ради удобства чтения, — особенно с карандашом в руках.

Ну «нет так нет», как говорится в стихах Уткина,¹ — а о статье Вашей² в двух словах могу сказать, что она очень интересна, удачно построена и, — понимая многие трудности, стоящие перед авторами, — искусно сделана. Мне очень понравились четкие формулировки задач исследования, демонстрация методики и утверждение тезиса о развитии советского фольклора на почве живой поэтической традиции, — причем это сделано очень тактично и, надеюсь, не даст повода к обвинению, вроде тех, которые выдвинул Балакин (? так кажется?) против Анны Михайловны,³ придравшись к действительно не очень четкой формулировке. Основной задачей такого рода и такого типа работ, как Ваша, должно явиться вскрытие в фольклоре и раскры-

тия через фольклор элементов нового общественного быта, что Вы и делаете, хотя, быть может, не всегда достаточно полно.

Ваша статья — по существу предварительный отчет и вместе с тем конспект будущей работы, — и потому, естественно, что Вы о многом говорите эскизно, — но тем не менее все основные контуры определены достаточно четко. Особенно интересны страницы об активности старинной лирики, о проблеме поэтического наследия, поставленной Вами не в обычном трафаретном плане, о новом облике «зятя» и всего этого института в целом. Эта страничка исключительно интересна и дает материал для больших социально-этнографических обобщений; очень интересны указания на состав женского репертуара, впитавшего специфически мужской (военный) репертуар. Вопрос только: общая ли это черта для всякого казачьего репертуара или в этом есть и специфика послевоенного времени, да еще вблизи Сталинграда. Лично для меня очень интересно и важно указание на популярность «Конька-Горбунка», и жаль, что подготовленный мною том Ершова для «Библиотеки поэта» света, конечно, не увидит — я включил бы в статью ссылку на Ваши наблюдения.

Я полагаю, что каждому исследователю советского фольклора пригодится, т. е., вернее, абсолютно важен и ценен будет Ваш материал: характеристика частушек, репертуар песен советских поэтов и их объем, роль фронтового репертуара, остатки старого жестокого романса, своеобразное сказительство Елфиной⁴ и поэтическое творчество Дейкина и т. д., — все это очень ценные вношения в теоретическое изучение вопросов советского фольклора.

Жаль только, что нет ни одного целостного репертуара — или вернее нет целостных репертуаров — отдельных колхозных звеньев; — не совсем понятно и убедительно изображение свадебного обряда и его форм в современности. В сущности, из Вашего описания получается, что нет никакого обряда: в самом деле, песни, связанные с обрядовыми моментами, исчезли; причеты исчезли; обряд сватовства отсутствует и т. д. и т. д. Свадьба — лишь ряд вечеринок. Так все это и воспринимается. А, между тем, Вы пишете буквально следующее: «Значительно *большую устойчивость* обнаруживает свадебный обряд. Брак считается действительным лишь после того как сыграна свадьба, проводимая согласно народному обычаю». . . А обычаев-то никаких, выходит, и нет. В чем же дело? Тут у Вас какая-то неполнота, создающая противоречие. Еще большая недоговоренность в связи с дружкой, с недавно существовавшей верой в порчу. Тут, видимо, как-то иначе нужно трактовать весь этот вопрос и иначе осмыслить проблему современного «свадебного обряда».

Нечетко и расплывчато дана характеристика круговых песен (стр. 79). «Эти песни, — говорите Вы, — своеобразный протест» и т. д., «в них вырисовывается образ казачки» и пр. Мне кажется, в такой форме это отдает исследовательским примитивиз-

мом, своего рода «наивный реализм». Вы, конечно, не то хотели сказать и не то думали. Ведь, песни-то это те же самые, что поются не только на Дону, но и на Двине, и на Ангаре, и на Волге. И, стало быть каждый исследователь сможет каждый раз с легким сердцем поставить вместо «*belle Nina — belle Tatiana*».⁵

А дело в том, очевидно, какие именно песни из общерусского репертуара выбираются и особенно приходятся по сердцу местному населению — и здесь уже вполне уместно говорить о том, о чем говорите Вы, характеризуя в связи с песнями нравственный облик казачки. Но можно ли сделать синтетический облик этого репертуара и показать органическое сочетание (не впадая в прямолинейность и упрощенство) старой семейной лирики, любовной лирики с отразившими чертами военного быта, каких-то реликтов жестокого романса и произведений советских поэтов? Лично я думаю, что можно. Противоречия же свидетельствуют лишь о живом процессе.

Очень жаль, что совершенно беглый характер имеют наблюдения о роли песни в жизни колхоза и о специфических чертах особых индивидуальных репертуаров одаренных певцов и пр.

В качестве придирки отмечу примечание на стр. 86: «Во всех этих пунктах было произведено широкое изучение колхозного фольклора, за ограниченностью времени носившее рекогносцировочный характер». Друзья мои дорогие, ежели широкое — так уж, значит широкое, а если рекогносцировочное, то стало быть, уже не широкое.

Почему не доглядели в корректуре и допустили сплошное печатание частушек (стр. 81)? Очень нехорошо выглядит.

Затем еще одно. Это уже не от меня, — а я предугадываю замечание какого-нибудь зоила типа Сидельникова-Балакина и т. д. до бесконечности. Экспедиция именовалась Сталинградской, а вот Сталинграда, т. е. всего того, что связано с этим, историческим и священным именем не чувствуется, не ощущается. Но это — зоилы! А в целом — очень хорошая и приятная статья, — по этому очерку, несомненно, будут равняться другие. Ну вот Вам и целая рецензия, — гонорар за оную благоволите перевести на мою сберкнижку для восполнения убывающих в последней обозначений. Впрочем, разрешается вместо гонорара нитроглицириновыми таблетками, потребность в которых за последнее время стала что-то возрастать.

На днях, может быть завтра, вышлю Вам статью о славянской фольклористике, которая, быть может, пригодится Вам при некоторых ближайших разговорах, буде они состоятся < . . >

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Слова из известной поэмы И. Уткина «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох» (М., 1925).

² *Крупянская В. Ю., Старцева Л. А.* Фольклор колхозной станицы. — Советская этнография, 1949, № 2, с. 74—89.

³ А. М. Астахова.

⁴ М. Т. Елфимова.

⁵ Перифраз двух строк из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 5, строфа XXVII, строка 13—14).

127. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 12 февраля 1950.

... Очень жалею, что библиографию уральского фольклора¹ нельзя нигде достать: это, конечно, очень нужно иметь. Сейчас я получил книгу Тонкова² о Воронежском фольклоре, — там также есть библиография всего, что сделано по изучению фольклора Воронежской области, — но очень плохая библиография. Когда-то я ставил задачи перед своими учениками и аспирантами: каждому сделать библиографию своего района, — в итоге, по моей мысли, должна была получиться исчерпывающая библиография по русскому фольклору. Эта мысль сейчас кое-где реализуется, но не везде достаточно хорошо. Но и то хорошо, что сделано: — вероятно, скоро это совсем прекратится, если уже не прекратилось.

То, что Вы не нашли фольклора, не вызывает удивления. Вы-то ведь хорошо представляете себе процесс формирования и отмирания. Я не представляю себе современного рабочего фольклора <...> Здесь должны быть новые критерии и новые задачи изучения <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ *Китайник М.* Библиография уральского фольклора. Свердловск, 1949.

² *Тонков В. А.* Фольклор Воронежской области. Воронеж, 1949.

128. А. С. ОЛЬХОНУ

Ленинград. 10 мая 1950.

Спасибо за присыл, дорогой Анатолий Сергеевич! Прочел с большим интересом Ваш *essai*¹ о «старейшем сибирском фольклористе».² Остро и метко! Прочитав сие, сам он, как будто, воспрянул духом и организовал... юбилей Чичаевой. Вчера эту статью читал у меня Молдавский (он мой ученик) и, как полагается молодому автору, делал вид, что она ничуть не щекотит его самолюбия, но скрыть этого от «проницательных» взоров не очень-то умел. Но так и полагается, и было бы плохо, если б этого не было.

«Новой Сибири»³ я, вообще, сто лет не видал. С удовольствием нашел в ней ряд новых имен. Растут, значит, новые кадры. Интересен рассказ В. Муравьева.⁴ Собственно рассказ-то мне мало понравился: в нем есть наигранный пафос и немало неоправданной героики. Но сам автор, видимо, интересен: в нем чувствуется большая культура, литературный вкус, начитанность. Надо, очевидно, ждать новых и более глубоких вещей.

Кто этот автор? Молодой человек? Кто-либо из Ваших или Гавриила Филипповича⁵ питомцев? Но легко может статься, что это уже человек поживший и только впервые (если впервые) появляющийся в качестве беллетриста. Вот только почему-то думаю, что он — не геолог, хотя рассказ о геологах. Вот как-то чувствуется, что это не изнутри геологических разведок, а со стороны. Вот-то буду сконфужен, когда Вы меня ткнете в какие-нибудь биографические подробности, которые изобличат мою самомнительную и неоправданную самоуверенность — заранее прошу прощения <...>

Хранится: ЦГАЛИ, ф. 2183.

Опубликовано: Сибирь. 2. Иркутск, 1972, с. 86.

¹ Очерк, набросок (*франц.*).

² А. В. Гуревич. В статье: *Ольхон Анаг. Устное народное творчество и его подделки.* — «Новая Сибирь», кн. 22. Иркутск, 1949, с. 251—257.

³ «Новая Сибирь». Литературно-художественный альманах Иркутского отделения Союза писателей СССР.

⁴ *Муравьев Вл.* Партийное поручение. — Новая Сибирь, кн. 22, 1949, с. 73—91.

⁵ Г. Ф. Кунгуров.

129. А. С. ОЛЬХОНУ

Ленинград. 10 июня 1950.

... Значит, о Муравьеве я догадался правильно, говоря о почувствованной мной большой культуре. Из Ваших слов я вполне ясно понял, кто такой этот автор. Это — несомненно, фольклорист и литературовед Муравьев; совместно с покойным П. М. Соболевым <...> он выпустил в 1930 г. книжку «Фольклор фабрично-заводских рабочих»;¹ ему же принадлежит очень интересная статья о подпольной поэзии.² Он, к тому же, и поэт. <...> Но я не знал до сих пор, что он в Тайшете. Очевидно, в Учительском институте? <...>

Хранится: ЦГАЛИ, ф. 2183. Опубликовано: Сибирь. 2. Иркутск, 1972, с. 88.

¹ *Муравьев В. И.* Этапы развития пролетарского устного поэтического стиля. — В кн.: Фольклор фабрично-заводских рабочих. Статьи и тексты. Под ред. П. М. Соболева. Смоленск, 1934, с. 33—72.

² *Муравьев В.* Политическая песня в устной поэзии рабочего класса. — Наступление, 1933, № 1—2, с. 27—55.

130. Г. Ф. КУНГУРОВУ

Ленинград. 14 января 1951.

... А, вообще-то, болезнь приключилась не вовремя. Конечно, болезни редко бывают (иногда бывают) вовремя, но тут получилось особенно неудачно. Я должен был дать ряд статей о декабристах — в том числе в «Огонек» — и вот все это оборвалось.

Скверно и то, что сейчас я долго не смогу работать более ли менее полноценно, а сейчас работы уйма. Получил приглашение приготовить ряд материалов для очередного тома «Лит. наследства», приглашение принять участие в подготовке академического издания Тургенева, есть и другие проекты и планы, а работать в полную силу мне еще не дано. Главная же моя забота — продвинуть свою большую книгу¹ <...>

Видали ли Вы уже № 6 «Известий Академии Наук. Отделение языка и литературы» с моей статьей?² Оттиска не послал Вам еще, так как до сих пор таковых у меня нет, но, надеюсь, что будут <...>

Хранится: Личный архив Г. Ф. Кунгурова.

¹ «История русской фольклористики».

² *Азадовский М. К.* Народная песня в концепциях русских революционных просветителей 40-х годов. — Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1950, т. IX, вып. 6, с. 455—475.

131. Е. Д. ПЕТРЯЕВУ

Ленинград. 7 февраля 1951.

... Теперь по **второму вопросу**: у меня действительно были первоклассные материалы по старому фольклору Забайкалья, но, увы, они погибли, хотя я не теряю надежды разыскать их <...>

Хранится: ГПБ, ф. 1139.

132. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 1 октября 1951.

Ну, вот Вам, родная, мои впечатления от статьи, посвященной советскому фольклору.¹ Как я уже Вам писал, очень интересно, насыщено материалом, много интересных примеров, имеются интересные соображения об отдельных формах и об общем характере советского фольклора и т. д., и т. д., но вместе с тем, мне кажется, что эта глава будет очень трудна для усвоения ее студентами и для подготовки к экзамену и сдачи его. Не то, что они не поймут чего-нибудь — все хорошо и понятно, написано хорошим языком; дело не в том, но в том, что материал не организован с педагогической точки зрения.

У Вас нет общих выводов и итогов, — не поймите меня дурно: они есть, но они разбросаны и не собраны вместе. Их нужно извлекать; иногда самому учащемуся — нужно делать соответствующую формулировку — а это не всегда доступная для него работа. Учащемуся нужно все «поднести», ему нужно дать четкие разделы, ясные и определенные характеристики и формулировки. Без этого он окажется подавленным (а то и просто раз-

давленным) грудой материала и обрушит на голову авторов тысячу проклятий.

Ваша статья — описательна: в ней неизмеримо огромно количество цитат, что совершенно (с моей точки зрения) недопустимо. Правда, этим грехом больны и другие главы.

Какие вопросы должны неизменно встать при педагогическом изложении (т. е. для педагогических целей) советского фольклора:

1) что такое советский фольклор: как культурно-историческое явление и как объект научного изучения;

2) в чем его своеобразие;

3) каково различие от фольклора досоветского времени;

4) каковы законы его развития и

5) каковы основные его этапы;

6) основные методы изучения;

7) основные сюжеты;

8) особенности и принципы его поэтики;

9) основные исполнители и т. д.

Я, конечно, не выделяю особо идейных моментов, ибо они присутствуют в каждом разделе; но и относительно них должны быть сделаны какие-то обобщения в четких формулировках. Пропустил еще важный вопрос об основных исторических этапах, отразившихся в совфольклоре.

Конечно, я сумею найти ответ почти на каждый вопрос и раздел, извлекая этот ответ именно из Вашей статьи, но в праве ли Вы заставляя проделывать эту работу учащегося, и хватит ли у него для этого сил? Ему нужны четкие разделы, четкое членение материала, заглавия глав, подзаголовки (Астахова права в этом отношении). Наконец, особенно имейте в виду, что обильные цитаты никогда не помогают лучшему усвоению, наоборот — отдаляют от установки общих выводов.

Возьмите учебник Кайева.² Конечно, плохой учебник — но эта сторона дела им учтена. Кстати, мне очень понравилось у него сделанное им выделение в одну особую главку такой темы, как «судьбы фольклора после Октября» — так четко отделены явления и факты нового фольклора как такового и элементы старого в новом и новые трансформации старого.

Еще одно замечание: Вы избегаете критических замечаний — точнее: историко-критической оценки. Вы спокойно повествуете о совместной работе Попова с Марфой Крюковой, излагая этот вопрос так, как будто так оно и быть должно. И ни единым словом не касаетесь тех аномалий, которые с этим связаны, не говорите ни слова об отрицательных сторонах такого «содружества», а в другом месте учебника, — кажется, в главе о сказках, с упоеанием говорится о совместной работе Голубковой с Леонтьевым.

Вы ничего не говорите о неудачах сказителей — и это за Вас сделал Ухов,³ говоря об Андрееве-Рябинине. Кстати, это вызвало неодобрительную реплику Астаховой и похвалу Никанорова.⁴

Да и вообще, — по моему еретическому суждению — о Марфе Крюковой нельзя говорить так же, как мы говорим о Рябинине или о Винокуровой (впрочем, о последней почти ничего и не говорится в учебнике). Это ведь не совсем одни и те же щи. Не говорю уже о сказителях меньшего калибра и масштаба.

Вот, мое золотко, мои замечания, которые я не посмел утаить от Вас. Может быть, они Вас огорчат, но, что же делать, Вы-то ведь хорошо знаете, что писаны они дружеской и любящей рукой и продиктованы дружеским чувством.

Я еще потому так подробно расписываю все это, что, по моему мнению, Вам для переработки (если найдете нужным Вы и редактор) потребуется немало времени, — стало быть, нужно сейчас же все это учесть в Вашем будущем бюджете времени. До Нового года остается не так уже много времени.

Самое главное — сократите цитаты и замените или формулировками и итогами, или даже пересказами, если это всегда возможно.

Учтите и то, что Вы заставляете для нескольких разделов программы готовить к зачету почти 12 печ. листов. Подумайте о студенте. . .

Свое длинное писание я свел бы к такой формулировке: глава (главы) о советском фольклоре должна быть написана и построена так, как сделана глава о *народном театре*⁵: вот, поучитесь у этого автора!

Автору главы о народном театре придется, вероятно, несколько сжаться, учитывая общий листаж и соотношение частей, — авторам же главы о советском фольклоре предоставлены исключительно богатые возможности в этом смысле.

Два слова об отдельных моментах, которые мне представляются не вполне удачными или убедительными. Рецензенты Ваши ничего не смогли придумать, стало быть и мне-то подавно чего-либо существенного сказать не удастся — так, разве, некоторые мелочи. На первой же странице мне кажется сомнительным Ваше утверждение о реализме старой лирической песни, направленном исключительно для обличения уродливости старого строя; об «Интернационале» Вы пишете так, что он представляется также фольклором — учтите и вспомните критику книги Ширяевой.⁶ Боюсь, что Астахова не без умысла отделалась молчком в данном случае. Очень маловыразителен сказ о кулаках на стр. 72—74.

Ограничиваюсь пока этими заметками, потому что я потерял записочку, на которой карандашиком заносил свои нотабенки. Но и там только такие же мелочи — да их и немного было < . . .

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ *Крупянская В. Ю., Минц С. И.* Русское советское народно-поэтическое творчество. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954, с. 449—534.

² *Кайев А. А.* Русская литература. Учебник для учительских институтов. Т. I. Фольклор. Древнерусская литература. Литература XVIII века. М., 1949.

³ *Ухов П. Д.* Былины. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954, с. 257—291.

⁴ Имеется в виду И. Н. Розанов.

⁵ *Крупянская В. Ю.* Народный театр. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954, с. 382—414.

⁶ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 гг. Сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Ред. А. М. Астахова. Л.; М., 1950.

133. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Ленинград. 25 декабря 1951.

... Вчера я получил два оттиска своей рецензии из «Советской этнографии».¹ Так как это — единственный гонорар, который я получил за свою рецензию, то каждый оттиск расцениваю минимум в 350 рублей <...>

Меня пригласили оппонировать по одной диссертации — библиографической.² Тема мне, по правде сказать, весьма чуждovата и очень далека от моих интересов, но решил, что отказываться не стоит. Только просил не торопить меня.

Словом, совсем как в песне, которую Вы, конечно, знаете («Я не только тракторист»):³

Я не только фольклорист,
Если надо — «декабрист»
И, пожалуй, не без прав
Завтра я — библиограф
Три профессии имею и т д.

Только, все-таки, с трудом выжимаю я из этих профессий то, что надо бы — да и то не столько <...>

Но, хоть режьте-бейте меня, никак не могу заставить себя приняться за учебник.⁴ Сам себя ругаю всякими словами — ничего не выходит <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ *Китайник М.* Библиография уральского фольклора. Свердловск, 1949. Рец.: Азадовский М. — Советская этнография. 1951, № 3, с. 196—199.

² *Чагина Н. Г.* Журнал «Что читать» и его роль в развитии советской массовой рекомендательной библиографии. Автореф. канд. дис. Л., 1952.

³ *Феркельман М.* Еду, еду полем чистым. (Три профессии). Слова В. Гурьяна и В. Малкова. Л., 1949.

⁴ Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954.

Ленинград. 18 апреля 1953.

... Фольклором не занимаюсь (почти) и отклонил предложение редакции одного журнала написать рецензию на скверный сборник, который, вероятно, уже до Вас дошел: «Русское народное поэтическое творчество советской эпохи».¹ Впрочем, и без меня на него появится куча рецензий <...>

Хранится: Личный архив Е. В. Баранниковой.

¹ Очерки русского народно-поэтического творчества Советской эпохи. Ред. коллегия: А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, И. П. Дмитраков. М.; Л., 1952.

135. М. А. СЕРГЕЕВУ

Ленинград. 25 мая 1954.

... Сейчас вышли в свет мои орус'ы: 1) «Певцы» Тургенева («Известия Академии Наук. Отделение языка и литературы, 1954, № 2») и 2) ряд статей,* — в том числе и «обзор» (весом в 13,5 л.) — «Лит. наследство», т. 59 (т. е. первый декабристский том); скоро сдается в набор второй декабристский том — и этим, видимо, надолго закроется мой «conto charitatis»¹ <...>

Хранится: ГПБ, ф. 1109.

¹ Счет милостей (*лат.*).

136. Т. Ю. и П. Г. БОГАТЫРЕВЫМ

Елизаветино. 17 июня 1954.

... Мое здоровье, с одной стороны, как будто и значительно улучшилось, но все же работать по настоящему, даже и в сотую долю настоящего, не могу. К тому же привязалась новая болезнь: адски болит правая рука, — иногда на крик кричу.

Очень тревожит меня история с учебником.¹ Все-таки так не делается. Шесть лет мариновалось, а затем пошло бешеными темпами; за это время появилось же и много новых работ, в особенности по историографии XVIII века, да и нужно бы знать, что написано соседями, в особенности Вами. Даже о внешней форме подачи материала у меня нет полного представления <...>

Между прочим, я очень хотел бы познакомиться со всем трудом в целом. Может быть, у издательства будет лишний экземпляр для ознакомления, а я обещаю посмотреть его внимательно, — и это, может быть, поможет извлечению, конечно, gratisному, некоторых затерявшихся блошек <...>

* К сожалению, нет оттисков — не дают!

Хранится: Личный архив Т. Ю. Богатыревой.

¹ Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954.

137. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Елизаветино. 1 августа 1954.

... Я уже делаю часовые прогулки. Если бы правая рука не донимала, все было бы хорошо. Да разве еще пожелать, чтоб голова лучше работала! А то что-то ничего не выходит из моих потуг <...>

Начал я читать наконец первый том «Очерков».¹ Если третий том совершенно ненужен и вреден, то этот том почти бесполезен. Он ни на йоту не двинул вперед нашей науки. Вместе с тем, он наглядно показал, как бессмысленно преподавание по так называемому «историческому плану», т. е. плану новых программ. Отдельные статьи — интересны, например первая статья Д. С. Лихачева,² статья В. П. Адриановой³ <...> но нет целого. Что остается в голове у учащегося, у читателя? Что должно быть? Ясное представление о том, что такое русский фольклор, как он складывался и развивался? Какова история былины? Чем отличается былина от исторической песни, и наоборот? Когда сложилась сказка, каковы характерные особенности русской сказки в X—XVIII веках (хотя бы — не касаясь следующих эпох). Не говорю уже о мелких жанрах и т. д., и т. д.

А самое главное: материал-то в каждой главе распределен — ... по жанрам. В чем же новаторство?

Почему целостное изложение, трактующее о возникновении того или иного жанра, об его историческом развитии и проч. — есть немарксистское, буржуазное и проч., а то же самое, разрезанное на отдельные исторические пласты — подлинная марксистская наука <...>

Я уж не говорю о противоречиях внутри каждой главы и особенно при сопоставлении отдельных глав. Главы, написанные Путиловым,⁴ хороши и вполне приемлемы. Но их можно легко вынуть из текста, соединить вместе — и будет единая глава «Исторические песни таких-то веков», только лишённые необходимых общих элементов (определение самого понятия «исторические песни» и проч.).

Почти каждый автор начинает с анафемы исторической школе, несколько раз повторяет это в дальнейшем, а по существу никто из них не может выйти из-под ее власти; все они в плену ее <...>

... Если б Вы знали, как руки чешутся на большую рецензию. Но... существует 1000 и одно «но» <...>

Мешают реализации данного замысла еще и другие некоторые соображения, о которых уже при встрече. Да и нужно, вообще, подождать второго тома. Посмотрим, что-то там будет. Как-то

все сойдется у них. Интересно, что будет написано о сказке вне проблемы сказителя.

Положительная сторона выхода в свет этого издания — та, что теперь легко доказать всю абсурдность «нового метода» построения курса фольклора. Выход учебника⁵ нашего будет, таким образом, очень кстати, так как только он поможет прохождению курсов, а не академическое издание. Жаль только, что ответственные статьи в нашем учебнике очень плохи (напр. «былины») <...>

Ну, кажется, наболтался вдоволь! Писал в два приема — рука не выдержала бы такую нагрузку.

Я прочел наконец Ваши московские «Очерки».⁶ Знаете — скажу откровенно, — у меня нет желания писать на них рецензию. Как-то ни одна статья не затронула меня за живое. Предыдущий сборник⁷ был острее в этом отношении. О Вашей статье⁸ еще поговорим, — впрочем, вероятно, все предыдущие Ваши высказывания по советскому фольклору покроются главкой в «Учебнике»? Не так ли? <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крупянской.

¹ Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века. Отв. редактор В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1953 (т. II, кн. 1 вышел в 1955 г., т. II, кн. 2 — в 1956 г.).

² *Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.) — Там же, с. 141—216.

³ *Адрианова-Перетц В. П., Путилов Б. Н.* Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. — Там же, с. 348—477.

⁴ *Скрипиль М. О., Путилов Б. Н.* Народное поэтическое творчество периода укрепления централизованного Русского государства (XV—XVI вв.) — Там же, с. 301—347.

⁵ Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954.

⁶ Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Отв. ред. В. К. Соколова и В. И. Чичеров. М., 1953.

⁷ Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Ред. В. И. Чичеров и В. К. Соколова. М., 1951.

⁸ *Крупянская В. Ю.* Советское народно-поэтическое творчество 20-х годов. — В кн.: Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Отв. ред. В. К. Соколов, В. И. Чичеров. М., 1953, с. 196—223.

138. В. Ю. КРУПЯНСКОЙ

Елизаветино. 22 августа 1954.

... у меня к Вам ряд научных вопросов, разрешить которые без Вас никак не сумею.

1. Есть ли какая литература о лягушке-хладенушке? Т. е. о лягушке, которую бросают в молоко. П. С. Богословский считает,

что этот обычай уральского происхождения и там, главным образом, распространен. Я знаю, что еще в советское время в низовьях Волги продавали молоко на пристанях и базарах, выкрикивая «Вот с холодцем! с холодцем!» Где истоки? у русских или у националов?

2. Что Вы посоветуете мне прочесть по истории Демидовских заводов? Нет ли уже какой-нибудь библиографии этого вопроса — и особенно не вышло ли чего нового в новейшее время, что я мог легко пропустить, особенно в последние годы <...>

Хранится: Личный архив В. Ю. Крूपянской.

139. Ю. Г. ОКСМАНУ

Елизаветино. 25 августа 1954.

... А мой основной труд: «История русской фольклористики», который и должен был упрочить мое имя в науке, — труд, задуманный и написанный в замену Пыпина¹ (а по формулировке Н. К. Пиксанова — довоенного — «в отмену Пыпина»), ведь, никогда не увидит света! А если и увидит. Что толку?!

Хранится: ЦГАЛИ, ф. 2567.

¹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 1—4. СПб., 1890—1892.

140. РЕДАКЦИИ УЧПЕДГИЗА

Ленинград. 24 сентября 1954.

Дорогие товарищи-редакторы,

Александра Павловна¹ сообщила мне, что Вы провели много часов в Исторической библиотеке, проверяя мои даты и нашли ряд ошибок. Я очень Вам благодарен за это, но вместе с тем глубоко сожалею, что я не ознакомлен со всеми отдельными результатами Ваших исправлений. Я очень боюсь, как бы вместо исправлений в одном-двух случаях (а может быть, и больше) не вкралось восстановление старых ошибок.

Позволю себе привести два примера, которые дают мне основания высказывать такое опасение.

Почти во всех указателях год рождения Рыбникова указан 1832, между тем, этим годом нужно считать 1831 г. Такая ошибка была допущена и у меня и выправлена лишь в последних корректурах, вернее, в том дополнении, которое я сделал красным карандашом. Еще более показателен методически другой пример: в первоначальном тексте у меня было сказано, что обстоятельства биографии М. Попова настолько невыяснены, что даже неизвестно точно его отчество: Васильевич или Иванович. Читая корректуру я был изумлен, увидев что это сомнение снято и он именуется определенно Иванович.

Так как на восстановление снятого абзаца потребовалось бы много места, что привело бы к переверстке, я, скрепя сердце, ограничился лишь удалением отчества. Кроме того, я полагал, что у редакции есть какие-нибудь точные основания именовать Попова Ивановичем, а не Васильевичем. По приезде в город, я понял, на чем основано убеждение редакции. В хрестоматии Кокорева² сказано, что распутал этот вопрос окончательно А. В. Западов. Видимо, на этом же основании принял это отчество и Благой (2-е изд.). Речь идет несомненно о 4-м томе «Истории русской литературы» (Пушкинский Дом), в котором напечатана статья Западова о Попове и где действительно он именуется Иванович. Эту статью Западова я тоже хорошо знаю, но в ней нет *никакого обоснования* для предпочтения избранного А. В.³ варианта. В свое время я беседовал на эту тему с покойным редактором тома и понял, что у А. В. Западова не было в руках никаких *новых источников*. А что он *так* толкует существующие. С Западovým соглашаются многие, но я считаю себя в праве считать вопрос нерешенным, что и выражено в учебнике.

В связи с этим меня очень смущает выраженное сомнение в правильности и законности моей формулировки о датах биографии Чулкова. Очевидно, и в данном случае редакция опирается на Благого. Благой пишет на стр. 459, что новейшие биографы Чулкова указывают *две* даты рождения Чулкова. Я не специалист по XVIII веку, но мне все же известно, что существуют четыре, а то и пять дат. Одни указывают — 1743 г.; другие (и сам Благой) — около 1743 г.; П. Е. Щеголев — 1740 г.; Б. В. Томашевский — 1734 г.; есть указание и на 1745 г., но последнее явно неточно, и я его не принимаю в расчет. Должен оговориться (как будто в учебнике у меня этого нету), что и дата смерти ныне трактуется по разному: у Благого — 1792, что и мне казалось совершенно правильным; у П. Н. Беркова в недавно вышедшем томе избранных сочинений Новикова — 1793 г. Эту же дату утверждал ранее и П. Е. Щеголев.

Возможно, что отдельные крупные специалисты по XVIII веку (Ржига, Елеонский и др.) имеют свою точку зрения на эти разногласия, но для меня они необязательны. И я считаю своим правом и даже долгом обратить внимание учащихся на существование этих противоречий. Я предоставляю, конечно, редакции полное право изменить ту форму выражения, которую придал я, но 1) все эти моменты должны быть учтены и 2) согласованы со мной.

Я очень опасаясь как бы не остались неучтенными мои позднейшие поправки в хронологизацию отдельных пьес и комических опер, ибо они расходятся в некоторых случаях с принятыми ранее; но эти расхождения выполнены мной на основании последнего труда П. Н. Беркова, которым произведена большая библиографическая работа в этой области.

Ради бога, не примите всех этих моих опасений за скрытую обиду автора. У меня вообще не бывает по отношению к редакторам чувства авторского самолюбия, ибо сам я как редактор совершенно беспощаден и назойлив. В данном же случае проверка моей работы была абсолютно необходима, ибо статьи написаны 5 лет тому назад, а корректуры читались в ненормальной обстановке (вследствие моей болезни и их запоздалости: летний период), — и, вероятно, найдется немало случаев, за которые я буду горячо благодарить товарищей, произведших данную проверку. И я сам неоднократно во время своей болезни просил Наталью Игнатьевну⁴ о тщательной проверке, в особенности цитат. Но я хотел бы только одного — собственными глазами видеть все те исправления, которые внесены редакцией. Быть может, в некоторых случаях за ошибку сочтется то, что является следствием большой проверочной работы.

Из письма тов. Трофимова я вижу, что ряд моих стилистических поправок не принят. Очевидно, редакция считает их не стоящими внимания. Уверяю Вас, что во всех случаях я исходил не из построений автора, которому хотелось бы еще лучше да по-красивше высказать свою мысль, а исключительно руководствуясь заботой о *стилистической точности*. Я, сейчас не имея под руками текста, не могу привести примера, но я очень хорошо помню, что в некоторых случаях я обнаружил возможность двоякого или просто неправильного истолкования моей мысли. Этих исправлений у меня так мало, нигде они не ведут ни к переверстке, ни к сколько-нибудь значительной переборке, так что я еще раз очень прошу включить их все полностью.

Вот кажется и все.

Еще раз приношу глубокую дружескую благодарность и вместе с тем извинение за тот дополнительный труд, который пришлось проделать редакции над моими статьями.

Весь Ваш М. Азадовский.

Хранится: Личный архив Л. В. Азадовской.

¹ А. П. Кубарева.

² *Василенок С. И., Сидельников В. М.* Устное поэтическое творчество русского народа. Хрестоматия. Ред. А. В. Кокорев и Н. И. Ллбан. М., 1954.

³ А. В. Западов.

⁴ Н. И. Муравьева.

141. И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ

Ленинград. 22 октября 1954.¹

Дорогой Илья Самойлович.

Что это «Литнаследство» меня совсем забыло: ни о чем не спрашивает, ничего не рассказывает, мной не интересуется, — точно меня уж вправду на свете нету.

Приезжала одна знакомая из Москвы: рассказывала со слов врача, лечащего Тарле, что у него осталось на три копейки сердца, а мозгу на тысячу рублей. Не знаю, насколько осталось у меня того и другого, но уверен, что мозгов еще на несколько рублишек есть. И девать их мне все равно некуда, так пусть в первую очередь пригодятся «Литнаследству», — и особенно Вам, милый, дорогой друг, Илья Самойлович.

Что же Вы не присылаете свою рукопись о Николае Бестужеве?² Я же вполне смогу с ней справиться и сумею продиктовать все свои замечания, хотя, быть может, и не в один прием. Пожалуйста, не стесняйтесь и немедленно мне отправляйте, мне так хочется максимально что-нибудь сделать для Вас в оплату за ту исключительную дружескую услугу, которую Вы мне оказали, заставив вопреки всем и всему появиться на свет моему «Обзору»³ и, неизменно меня поддерживая и подбадривая.

Так не теряйте времени, скорее присылайте! Буду надеяться еще на возможную встречу с Вами.

Обнимаю и жму руку.

Ваш М. Азадовский.

Сердечный привет Ксении Петровне,⁴ Сергею Александровичу,⁵ Наталье Николаевне⁶ и всем прочим «литнаследникам».

Р. С. «Фролова»⁷ я так и не сделал — ну да это бог с ним, это не жалко, а вот досадно, что из-за нескольких мелочей не могу прислать Вам «Во глубине сибирских руд...».⁸ Очень хотелось бы напечатать под своим именем у Вас, прежде чем не растащат пенкосниматели.

М. А.

Хранится: Личный архив И. С. Зильберштейна.

¹ Записано В. Ю. Крупянской под диктовку М. К. Азадовского.

² *Зильберштейн И. С.* Николай Бестужев и его живописное наследие. История создания портретной галереи декабристов. — В кн.: Литературное наследство, т. 60, кн. 2, М., 1956.

³ Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор. — В кн.: Литературное наследство, т. 59, М., 1954, с. 601—777.

⁴ К. П. Богаевская.

⁵ С. А. Макашин.

⁶ Это ошибка М. К. Азадовского. Следует — Наталья Давидовне Эфрос.

⁷ А. Ф. Фролов, декабрист.

⁸ *Азадовский М. К.* «Во глубине сибирских руд». (Новые материалы). [Подгот. к печати М. А. Брискманом.]. — В кн.: *Азадовский М. К.* Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960, с. 438—454.

142. И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ

Ленинград. Между 12 и 14 ноября 1954.¹

Общие замечания, если не удастся лично переговорить.

Очень хорошо!

Пора кончать для Лит. Н.!

Затем нужно развернуть в диссертацию.

По искусствоведению

Состав участников:

Игорь Грабарь или Ф.-Давыдов² (искусствоведы)

Дружинин или Нечкина (декабристоведы)

Юлиан³ (ист. лит-ры)

Кем заменить Азадовского, не знаю.

Основное, что нужно в дис-ции доработать и показать:

а) значение декабризма в ист. русского искусства (живописи).

б) значение демократической линии Акад. Худ. в эстетике декабризма.

Хранится: Личный архив И. С. Зильберштейна.

¹ Последнее письмо и вообще последние строки, написанные рукою М. К. Азадовского.

² А. А. Федоров-Давыдов.

³ Ю. Г. Оксман.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абрамзон Саул Матвеевич (р. 1905), этнограф 90
- Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888—1972), историк литературы, с 1943 г. — чл.-корр. АН СССР 137
- Азадовская Вера Николаевна (1870—1951), мать М. К. Азадовского 123
- Азадовская Лидия Владимировна (урожд. Брун, р. 1904), жена М. К. Азадовского 48, 82, 87, 95, 101
- Айзеншток Иеремия Яковлевич (1900—1980), историк литературы 83, 89, 99, 102, 114
- Акимова Татьяна Михайловна (р. 1898), фольклорист, этнограф 125
- Аксаментов Федор Иванович (1846—?), сказочник 112
- Андерсон Вальтер (Владимир Николаевич) (1885—1962), фольклорист, литературовед 18, 49
- Андреев Николай Петрович (1893—1942), фольклорист, литературовед) 28, 31, 34, 45, 47, 50, 57, 68, 84, 87, 92, 93, 96, 116, 117, 120
- Андреев-Рябинин Петр Иванович (1905—1953), внук И. Т. Рябинина, сказитель 132
- Аничков Евгений Васильевич (1866—1937), историк литературы 47
- Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923), этнограф, антрополог, археолог, с 1896 г. — академик 4
- Арефьев Викторин Севастьянович (1875—1901), этнограф, публицист, политический ссыльный 30, 33
- Арина Родионовна Матвеева (урожд. Яковлева, 1758—1828), няня Пушкина 54, 112
- Арним Людвиг Йоахим (1781—1831), немецкий писатель-романтик 92
- Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872—1930), этнограф, путешественник, писатель 4, 8
- Асеев Николай Николаевич (1889—1963), поэт 5
- Асламов Дмитрий Савельевич (1855—1939), сказочник 26, 29, 36, 42, 45, 48, 95, 111
- Астахова Анна Михайловна (1886—1971), фольклорист 42, 44, 82, 87, 90, 95, 110, 117, 120, 121, 124—126, 132, 137
- Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871), фольклорист, историк литературы 34, 45—47, 114
- Базанов Василий Григорьевич (р. 1911), фольклорист, историк литературы, с 1960 г. чл.-корр. АН СССР 125
- Балакин Александр Михайлович (р. 1908), фольклорист, славист 126
- Балдаев Сергей Петрович (1889—1978), фольклорист, этнограф 88

* Именной указатель относится ко всей подборке писем (ссылки на номер письма).

- Барг Лев Григорьевич (р. 1900), фольклорист 109
 Баранникова Елизавета Васильевна (р. 1923), фольклорист 134
 Барышникова Анна Куприяновна (Куприяниха, 1868—1954), сказочница 112
 Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), критик 123
 Бельгаев Гомбо Цибикович (р. 1904), востоковед 65
 Бельчиков Николай Федорович (1890—1979), историк литературы 40
 Бена Александр Николаевич (1870—1960), художник, искусствовед 2
 Берков Павел Наумович (1896—1969), историк литературы, с 1960 г. — чл.-корр. АН СССР 89, 91, 92, 95, 96, 109, 140
 Бестужев Николай Александрович (1791—1855), декабрист, писатель, художник 88, 142
 Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797—1837), декабрист, писатель 3
 Беус Григорий Яковлевич (ок. 1890—1937), редактор изд-ва «Academia» 47
 Благой Дмитрий Дмитриевич (р. 1893), историк литературы, с 1953 г. — чл.-корр. АН СССР 140
 Блок Александр Александрович (1880—1921), поэт 114
 Богаевская Ксения Петровна (р. 1911), историк литературы 142
 Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971), фольклорист, этнограф, славист, театровед 63, 84, 95, 104, 110, 115, 121, 125, 136
 Богатырева Тамара Юльевна (урожд. Ланге, 1890—1977), жена П. Г. Богатырева, переводчица 110, 121, 136
 Богданов Владимир Владимирович (1868—1949?), этнограф, в 1889—1917 г. — секретарь и редактор «Этнографического обозрения», в 1894—1930 — секретарь этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в 1921—1924 — председатель Центрального бюро краеведения 11
 Богданова Настасья Степановна (урожд. Зиновьева, 1855—1937), сказочница 112
 Богораз Владимир Германович (1865—1936), революционер, политический ссыльный; писатель, фольклорист, этнограф, лингвист 25
 Богословский Павел Степанович (1890—1966), фольклорист, историк литературы 91, 138
 Болдонов Николай Семенович (1837—1899), этнограф, педагог 88
 Больте Иоганн (1858—1937), немецкий фольклорист 49, 88
 Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955), историк, этнограф, литературовед, общественный деятель 114
 Брентано Клеменс (1778—1849) — немецкий поэт-романтик 92
 Бугославский Сергей Алексеевич (1888—1945), историк литературы, фольклорист, музыковед 115
 Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1959), журналист, писатель 3
 Буслаев Федор Иванович (1818—1897), фольклорист, филолог, лингвист, с 1881 г. — академик 96, 123
 Вампилун Баэртон (Вампилов Роман Владимирович, 1887—?) востоковед 8, 9
 Ван Дженнеп (Геннеп) Арнольд (1873—1957), французский фольклорист, издатель «Revue d'ethnographie et de sociologie» 92
 Векслер Иван Иванович (1885—1954), историк литературы 89, 90, 117
 Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы, критик, библиограф 86
 Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), историк литературы, с 1880 г. — акад. 50, 51, 76, 96, 105, 114
 Веселовский Николай Иванович (1848—1918), востоковед, археолог 4
 Вессельский Альберт (1871—1939), немецкий фольклорист 92
 Вильмарке, Эрсар де ла (1815—1895), французский фольклорист 92
 Виноградов Георгий Семенович (1887—1945), фольклорист, этно-

- граф, краевед 20, 25, 44, 62, 66, 70, 73, 113, 120
- Бинокурова Наталья Осиповна (1857—1938), сказочница 18, 23, 119, 132
- Владимиров Петр Владимирович (1854—1902), историк литературы 20
- Владимиров Борис Яковлевич (1884—1931), востоковед, с 1929 г. — академик 34
- Волков Николай Николаевич (р. 1904), этнограф, историк религии 90
- Волков Федор Кондратьевич (1847—1917), этнограф, археолог, антрополог 4
- Володина Ольга (ок. 1920—1941), аспирантка ЛГУ, одна из учениц М. К. Азадовского, чьей памяти посвящена «История русской фольклористики» 87
- Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич (1882—1962), историк театра, фольклорист 93, 111, 119
- Гайсин, работник Сибкрайсполкома 25
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), философ 105
- Гернгросс см. Всеволодский-Гернгросс
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), писатель, общественный деятель 47
- Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк литературы и общественной мысли 112
- Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), фольклорист, этнограф, славист 82
- Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942), историк литературы, исследователь творчества Гоголя, Тютчева и других русских писателей, переводчик 87, 101
- Гиппиус Евгений Владимирович (р. 1903), фольклорист, музыковед 44, 68, 82, 90, 120
- Гнатюк Владимир Михайлович (1871—1926), фольклорист, этнограф 64
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель 101
- Голсуорси Джон (1867—1933), английский писатель 87
- Голубкова Маремьяна Романовна (1893—1959), сказительница 132
- Гомбоев Галсан (1822—1863), этнограф, монголовед, переводчик 88
- Горак Иржи (1884—1975), чешский фольклорист, этнограф, историк литературы; с 1948 г. посол Чехословакии в СССР, член Чехословацкой академии наук 35, 37, 39
- Городцов Василий Алексеевич (1860—1945), археолог 104
- Горький Алексей Максимович (1868—1936), писатель 30, 33, 44
- Гофман Э. В. см. Померанцева
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960), художник, искусствовед, с 1943 г. — академик 143
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк, общественный деятель 117
- Грибановский Николай Николаевич (1880—1942), библиограф, краевед 73
- Гримм Вильгельм (1786—1859), немецкий филолог 39, 92
- Гримм Яков (1785—1863), немецкий филолог 39, 52, 96
- Гринкова Надежда Павловна (1895—1961), этнограф, лингвист, диалектолог 19, 23, 34
- Грубер Роман Ильич (1895—1962), музыковед 101
- Грузинский Алексей Евгеньевич (1858—1930), историк литературы 47
- Гудзий Николай Калининлович (1887—1965), историк литературы, с 1945 г. — академик АН УССР 100, 104, 108
- Гудошников Моисей Андреевич (1894—1956), историк 107
- Гуковский Григорий Александрович (1902—1950), историк литературы 87, 105
- Гуляев Степан Иванович (1805—1888), этнограф, историк, краевед 51, 53, 55, 56, 60
- Гуревич Александр Вениаминович (1905—1953), фольклорист 65, 81, 86, 95, 128
- Гуторов Иван Васильевич (1906—1967), историк литературы, участник партизанского движения (1941—1944), собиратель фольклора 109, 115

- Даль Владимир Иванович (1801—1872), этнограф, писатель, лексикограф 47
- Дейкин Михаил Архипович (р. 1916), сказитель 126
- Дельви́г Антон Антонович (1798—1831), поэт 3
- Державин Константин Николаевич (1903—1956), литературовед, театровед 115
- Державин Николай Севастьянович (1877—1953), славист, филолог, с 1931 г. — академик 15
- Джемс Ричард (1-я половина XVII в.), английский дипломат, собиратель русских народных песен 86
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), критик-публицист 47
- Дружинин Николай Михайлович (1886), историк, с 1953 г. — академик 143
- Дыбовский Бенедикт Иванович (1833—1930), зоолог. За участие в польском восстании 1863 г. сослан в Сибирь. Один из первых исследователей Байкала 21
- Дымшиц Александр Львович (1910—1975), историк литературы, критик, фольклорист 102
- Дынин-Соколова Валентина Александровна (1898—1979), жена Ю. М. Соколова, литературовед, переводчик 50
- Дыренкова Надежда Петровна (1899—1941), этнограф 93
- Еголин Александр Михайлович (1896—1959), историк литературы, с 1946 г. — чл.-корр. АН СССР 50, 104
- Ежов Иван Степанович (1880—1959), историк литературы, библиограф 46
- Елеонский Сергей Федорович (1891—1960), историк литературы 140
- Елфимова Мария Тимофеевна (р. 1902), сказительница 126
- Елфина см. Елфимова
- Ершов Петр Павлович (1815—1869), поэт 46, 53, 60, 62, 66, 70, 77, 126
- Жирмунский Алексей Викторович (р. 1921), биолог, с 1971 г. — чл.-корр. АН СССР 82
- Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971), филолог, литературовед, с 1966 г. — академик 7, 32, 44, 82, 87, 89, 91, 92, 95, 96, 105, 109, 125
- Залкинд Евгений Михайлович (р. 1912), историк 88, 94
- Западов Александр Васильевич (р. 1907), историк литературы 140
- Затоляев Николай Иннокентьевич (XIX в.), этнограф, миссионер-священник 88
- Зеленин Дмитрий Константинович (1878—1954), этнограф, фольклорист, с 1925 г. — чл.-корр. АН СССР 15, 32
- Зидов Карл-Вильгельм фон (1878—1952), немецкий филолог 49
- Зильберштейн Илья Самойлович (р. 1905), историк литературы, искусствовед, редактор «Литературного наследства» 114, 142, 143
- Золотарев Давид Алексеевич (1885—?), этнограф, антрополог 38
- Измаилов Александр Ефимович (1779—1831), писатель, журналист 3
- Ионов Всеволод Михайлович (1851—1922), этнограф, якутовед, политический ссыльный 13
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, юрист, основатель историко-юридической школы 47
- Кагаров Евгений Георгиевич (1882—1942), этнограф, историк, филолог 87
- Казак Луганский см. Даль В. И.
- Калецкий Павел Исаакович (1906—1942), фольклорист 87, 93, 120
- Капица Ольга Иеронимовна (урожд. Стебницкая, 1866—1937), первый председатель Комиссии по изучению детского быта, языка и фольклора при отделении этнографии Русского географического общества с 1927 г. 34
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист 47

- Квашнин Петр Андреевич (2-я половина XVII в.) стольник при царице Прасковье Федоровне, собиратель русских народных песен 86
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, публицист 51, 112, 114
- Ковешников Петр Иосифович (р. 1914), педагог, журналист 52, 79
- Кожевников Савва Елизарович (1903—1962), писатель 51, 53, 55, 56, 58, 60, 62, 66, 70, 73, 77
- Козин Сергей Андреевич (1879—1956), монголовед, с 1943 г. — академик 109
- Козьмин Николай Николаевич (1872—1939), историк 25
- Колбасин Елисей Яковлевич (1831—1885), писатель 98
- Колесницкая Ирина Михайловна (р. 1917), фольклорист 87, 90, 93, 96, 105, 106
- Колесса Филарет Михайлович (1871—1947), фольклорист, этнограф, музыковед, с 1929 г. — академик АН УССР 17, 64, 69, 71, 72, 74, 76, 120
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт 114
- Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945), ботаник, географ, в 1918—1931 г. секретарь Географического общества в Ленинграде, с 1920 г. — академик, в 1936—1945 гг. — президент АН СССР 40
- Комовская Нина Дмитриевна (р. 1907), фольклорист 57
- Копержинский Константин Александрович (1894—1953), историк литературы, славист 80, 86, 95, 107
- Коргуев Матвей Михайлович (1883—1943), сказочник 87
- Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель 122, 124
- Косарик (псевдоним, настоящая фамилия — Коваленко) Дмитрий Михайлович (р. 1904), писатель, фольклорист 109
- Кострова Мария Ивановна (р. 1902), фольклорист 114
- Котвич Владислав Людвигович (1872—1944), лингвист, монголовед 17, 21
- Кравченко Иван Иванович (1905—1944), фольклорист, один из учеников М. К. Азадовского, чьей памяти посвящена «История русской фольклористики» 78, 87, 90, 93, 105
- Кравчинская Вера Александровна (18?—1957), фольклорист 124
- Красноженова Мария Васильевна (1871—1942), фольклорист, этнограф, краевед 112, 113
- Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951), востоковед-арабист, с 1921 г. — академик 34
- Кривополенова Мария Дмитриевна (1843—1924), сказительница 112
- Крон Каарле Леопольд (1863—1933), финский фольклорист, основатель «финской школы» в фольклористике, организатор международной Федерации фольклористов Folklore Fellow в 1907 г. и редактор ее органа «Folklore Fellows Communications» 18, 22, 23, 36, 49
- Крупянская Вера Юрьевна (р. 1897), фольклорист, этнограф 61, 82, 84—87, 92, 93, 95, 97, 98, 103, 105—107, 109, 111, 114, 115, 117, 119, 120, 123, 125—127, 132, 133, 137, 138, 142
- Крымский Агафангел Евтимович (1871—1942), востоковед, писатель, с 1918 г. — академик АН УССР 75
- Крюкова Марфа Семеновна (1876—1954), сказительница 132
- Кубарева Александра Павловна (1900—1967), редактор Учпедгиза 140
- Кузьмина Вера Дмитриевна (1908—1968), исследователь древнерусской литературы и театра 114
- Кукулевич Анатолий Михайлович (1915—1942), фольклорист, один из учеников М. К. Азадовского, чьей памяти посвящена «История русской фольклористики» 87, 90, 105
- Кунгуров Гавриил Филиппович (р. 1903), писатель 81, 86, 107, 128, 130
- Куприяниха см. Барышникова А. К.
- Кутаческий см. Смирнов-Кутаческий
- Кычаков Николай Петрович (1880—1921), агроном, один из организаторов студенческих экскурсий в Сибирь (1908—1914) 6, 12

- Лавров Федор Иванович (р. 1903), фольклорист 76
- Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881—1948), историк литературы, с 1946 г. — академик 61, 68, 110, 115
- Лебединский Лев Николаевич (р. 1904), фольклорист, музыковед 50
- Леви-Брюль Люсьен (1857—1939), философ, социолог, директор Института этнологии 105
- Левин Максим Григорьевич (1904—1963), этнограф, антрополог 117
- Лемке Михаил Константинович (1872—1923), историк литературы 47
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 44
- Леонтьев Николай Павлович (р. 1905), писатель, собиратель фольклора на Печоре 132
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт 87
- Лернер Николай Осипович (1877—1934), историк литературы 20
- Лилиенкрон Детлев фон (1844—1909), немецкий писатель 123
- Лилиенталь см. Лилиенкрон Детлев фон
- Лицева Евгения Эдуардовна (урожд. Паприц, 1853—1919), собирательница фольклора, певица 112
- Липец Рахиль Соломоновна (р. 1910), фольклорист 95
- Липская-Вальронд Нина Александровна (?—1942?), этнограф, лингвист 93
- Листоль Кнут (1881—1952), датский фольклорист, филолог, редактор «Folklore Fellows Communications» 49
- Лихачев Дмитрий Сергеевич (р. 1906), филолог, историк литературы, с 1970 г. — академик 137
- Лозанова Александра Николаевна (1896—1968), фольклорист 44, 46, 59, 82, 120
- Лопатин Иван Алексеевич (1888—?), этнограф, археолог, антрополог 4
- Лотман Лидия Михайловна (р. 1917), историк литературы 90
- Магай см. Сороковиков Е. И.
- Макаренко Алексей Алексеевич (1860—1942), этнограф, сибировед, политический ссыльный 4
- Макашин Сергей Александрович (р. 1906), историк литературы 114, 142
- Малых Петр Петрович (1888—?), юрист 9
- Малышев Михаил Петрович (1888—1975), зав. Дальневост. отд. народн. образования, позже работал в Министерстве просвещения РСФСР, в Академии педагогических наук, редактор журн. «Начальная школа» 6
- Марinius Альбер (1886—?), французский фольклорист 92
- Марков Алексей Владимирович (1877—1917), фольклорист 137
- Маркс Карл (1818—1883) 86
- Марлинский см. Бестужев-Марлинский
- Март Николай Яковлевич (1864—1934), лингвист, с 1909 г. — академик 45, 96
- Маторин Николай Михайлович (р. 1898), этнограф, историк религии, директор Музея антропологии и этнографии 42
- Матюшкин Федор Федорович (1799—1872), адмирал, лицейский товарищ Пушкина 82
- Межлаук Валерий Иванович (1893—1938), советский государственный и общественный деятель 49
- Мейлах Борис Соломонович (р. 1909), историк литературы 89
- Мерварт Александр Михайлович (1884—1931), этнограф 34
- Мерварт Людмила Александровна (урожд. Левина, 1888—1965), этнограф 34
- Миллер Всеволод Федорович (1848—1913), филолог, глава исторической школы, с 1911 г. — академик 51, 111
- Милькеев Евгений Лукич (1815—40-е гг. XIX в.), сибирский поэт 5
- Миц Софья Исааковна (1899—1964), фольклорист 112, 114, 122, 124
- Миротворцев Василий Васильевич (1839—?), монголовед 88
- Мисюров Александр Александрович (1909—1973), писатель, фольклорист 55, 56, 58, 95
- Михайлов Михаил Михайлович (?—1942), фольклорист, один из учеников М. К. Азадовского, чьей памяти посвящена «История русской фольклористики» 71, 87

- Михневич Владимир Осипович (1841—1899), писатель 86
- Могилянский Михаил Михайлович (1873—1942), публицист, критик, адвокат 4
- Модзалевский Борис Львович (1874—1928), историк литературы, один из создателей Пушкинского Дома, с 1918 г. — чл. корр. АН СССР 3
- Молдавский Дмитрий Миронович (р. 1921), фольклорист, критик 128
- Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), декабрист 104
- Муравьев Владимир Игнатьевич (1910—1952), экономист, писатель 128, 129
- Муравьева Наталья Игнатьевна (1910—1967), редактор Учпедгиза, историк литературы 140
- Мэртон А. см. Томс Вильям
- Назаров Алексей Иванович (1905—1968), издательский работник 86
- Невзоров Василий Федорович (1878—1928), статистик, этнограф, фольклорист 116, 118
- Невский Владимир Иванович (псевдоним, настоящее имя, отчество и фамилия Феодосий Иванович Кривококов (1876—1938), историк, общественный деятель, директор Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина в 1925—1935 гг. 46
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877), поэт 98, 117
- Ненадкевич Константин Автономович (1880—1963), геолог 6, 8
- Нечкина Милица Васильевна (р. 1901), историк, с 1958 г. — академик 143
- Никифоров Александр Исаакович (1893—1942), фольклорист, историк литературы 34, 59, 87, 93, 120
- Никольский Николай Михайлович (1877—1959), востоковед, историк религии, с 1931 г. — академик АН БССР 115, 117
- Новиков Николай Владимирович (р. 1911), фольклорист 90, 115
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель 114, 140
- Новикова Анна Михайловна (р. 1902), фольклорист 114, 115
- Огородников Владимир Иванович (1886—1937?), историк 4
- Озаровская Ольга Эрастовна (1874—1933), собирательница и исполнительница фольклора 39, 112
- Оксмап Юлиан Григорьевич (1894—1970), историк литературы 47, 139, 143
- Олсарий Адам (ок. 1599—1671), немецкий ученый и путешественник (был в России в 1633 и 1635—1639 гг.) 119
- Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, позже Головачева), жена С. Ф. Ольденбурга, педагог 27
- Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед, фольклорист, председатель Сказочной комиссии при Географическом обществе, с 1901 г. — академик 4, 10, 11, 12, 27, 34, 38, 45, 46, 47, 96
- Ольрик Аксель (1864—1917), датский фольклорист 49
- Ольхон (псевд., наст. фамилия Пестюхин) Анатолий Сергеевич (1903—1950), поэт, переводчик 128, 129
- Омулевский (псевд., наст. фамилия Федоров) Иннокентий Васильевич (1836—1883), писатель 53
- Орлов Александр Сергеевич (1871—1947), историк литературы, с 1931 г. — академик 46, 95
- Оссовецкий Иосиф Антонович (р. 1907), фольклорист, языковед 59, 61
- Пекарский Эдуард Карлович (1853—1934), этнограф, лингвист, якутовед, редактор «Живой Старины», в 1912—1915 гг., политический ссыльный 11—14, 34
- Перетц Владимир Николаевич (1870—1935), историк литературы, с 1914 г. — академик 46
- Петр I (1672—1725), русский император 125
- Петти Бернгард Эдуардович (1884—1937?), этнограф, этнолог, археолог 8, 10, 12, 25
- Петров Виктор Платонович (1894—1969), фольклорист, историк литературы 59, 80, 105
- Петряев Евгений Дмитриевич (р. 1913), историк литературы, сибировед; врач-микробиолог 131, 141

- Пиксанов Николай Кирьякович (1878—1969), историк литературы, с 1931 г. — чл.-корр. АН СССР 23, 89, 139
- Плисецкий Марк Моисеевич (р. 1909), фольклорист 115
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838), поэт 46
- Поливка Юрий Иванович (1858—1933), чешский фольклорист, этнограф 24, 26, 28, 29, 31, 32, 35, 37, 39, 43, 88
- Померанцева Эрна Васильевна (1899—1980), фольклорист 59, 61, 82, 114, 120
- Попов Викторин Аркадьевич (1900—1949), писатель, фольклорист 132
- Попов Михаил Иванович (1742—1790), писатель 140
- Потанин Григорий Николаевич (1835—1920), этнограф, исследователь Сибири, писатель, публицист 51
- Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891), филолог, славист, с 1877 г. — чл.-корр. АН 96, 114
- Потемкин Владимир Петрович (1878—1946), историк, с 1943 г. — академик, партийный и государственный деятель 104
- Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970), фольклорист 96, 105, 115, 117, 120
- Путилов Борис Николаевич (р. 1919), фольклорист, этнограф 137
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт 3, 34, 39, 54, 82, 124
- Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), историк литературы, с 1898 г. — академик 47, 139
- Пятницкий Митрофан Ефимович (1864—1927), собиратель и исполнитель русских народных песен, основатель русского народного хора 44
- Радлов Василий Васильевич (1837—1918), этнограф, языковед, с 1884 г. — академик 4
- Репин Илья Ефимович (1844—1930), художник 112
- Ржига Вячеслав Федорович (1883—1960), историк литературы 140
- Розанов Иван Никанорович (1874—1959), историк литературы, в 1941—1959 гг. — председатель фольклорной секции ССП 23, 78, 86, 115, 117, 132
- Рубинштейн Николай Леонидович (1897—1952), историк 100
- Руденко Сергей Иванович (1865—1969), этнограф, антрополог 4, 8
- Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), фольклорист, этнограф 114, 140
- Рыбникова Мария Александровна (1885—1942), фольклорист, педагог 59
- Рябинин Трофим Григорьевич (1791—1885), сказитель 112, 132
- Рязановский Валентин Александрович, юрист, этнограф 17
- Садовников Дмитрий Николаевич (1847—1883), фольклорист, поэт 114
- Сакулин Павел Никитич (1868—1930), историк литературы, с 1929 г. — академик 34, 38
- Салтыкова Лариса, студентка Иркутск. гос. ун-в. 93
- Самурин Георгий Александрович (р. 1904), фольклорист, этнограф 45
- Самойлович Александр Николаевич (1880—1938), лингвист-тюрколог, этнограф, с 1929 г. — академик 4, 34
- Сахаров Иван Петрович (1807—1863), фольклорист, этнограф 112
- Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959), писатель 44, 46
- Септин Пьер (псевдоним, настоящее имя Нурри Эмиль Доминик) (1870—1935), французский фольклорист 92
- Сергеев Михаил Алексеевич (1888—1965), этнограф, писатель 135
- Сергпутовский Александр Казимирович (1864—1940), фольклорист, этнограф 46
- Сидельников Виктор Михайлович (р. 1906), фольклорист 61, 115, 126
- Сидов фон см. Зидов фон
- Сидорова Ю. Н., фольклорист 114
- Сиповский Василий Васильевич (1872—1930), фольклорист, историк литературы, с 1921 г. — чл.-корр. АН СССР 39
- Скрипиль Михаил Осипович (1892—1957), историк литературы 137

- Смирнов-Кутаческий Алексей Матвеевич (1876—1958), фольклорист, историк литературы 49, 50
- Смолев Яков Степанович (ок. 1870—ок. 1918), фольклорист, этнограф 88
- Соболев Павел Михайлович (1894—1947), фольклорист 44, 129
- Соболевский Сергей Иванович (1864—1963), филолог-античник, с 1928 г. — чл.-корр. АН СССР 104
- Соймонов Алексей Дмитриевич (р. 1912), фольклорист 90
- Соколов Борис Матвеевич (1889—1930), фольклорист 5, 20, 23, 27, 38, 40, 42, 96, 112, 117
- Соколов Д. П. — учитель Сузунской горной школы 51
- Соколов Юрий Матвеевич (1889—1941), фольклорист, с 1939 г. — академик АН УССР 5, 19, 20, 23, 27, 34, 38, 40, 41, 44—47, 49, 50, 57, 59, 61, 68, 75—76, 78, 80, 81, 84, 91, 92, 96, 112, 114, 117, 120, 121
- Соколова В. А. см. Дынник-Соколова В. А.
- Соколова Вера Константиновна (р. 1908), фольклорист 114
- Сорокинов-Магай Егор Иванович (1868—1948), сказитель 29, 65, 71, 80, 112
- Сосновский Василий Иванович (1894—?), археолог 17
- Сперанский Михаил Несторович (1863—1938), историк литературы, с 1921 г. — академик 114
- Стебницкий Сергей Николаевич (1906—1941 или 1942), этнограф, лингвист, писатель 93
- Струве Василий Васильевич (1889—1965), востоковед, с 1935 г. — академик 57
- Сумцов Николай Федорович (1854—1922), историк литературы, этнограф, с 1905 г. — чл.-корр. АН 39
- Талько-Гринцевич Юлиан Доминикович (1850—1936), этнограф, археолог, антрополог 21
- Тап-Богораз см. Богораз
- Тарле Евгений Викторович (1875—1955), историк, с 1927 г. — академик 142
- Тихонов Александр Николаевич (псевд. Серебров, 1880—1956), писатель 46
- Толмачев Иннокентий Павлович (1872—1950), геолог 4
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), писатель 114
- Толстой Алексей Николаевич (1883—1945), писатель, общественный деятель, с 1939 г. — академик 67, 68
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), писатель 112
- Томашевский Борис Викторович (1890—1957), историк литературы 7, 140
- Томс Вильям (псевд. А. Мэртон, 1803—1885), фольклорист, историк, библиограф 92
- Тронский Иосиф Моисеевич (1897—1970), филолог-античник, лингвист 96
- Трофимов Иван Трофимович (р. 1924), редактор Учпедгиза 140
- Троцанский Василий Филиппович (1843—1898), этнограф, якутовед, политический ссыльный 13
- Тупицын Леонтий Гаврилович (?—1878), сказитель 51
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель 96, 98, 130
- Турунов Анатолий Николаевич (1893—1954), библиограф, краевед, искусствовед 58, 113
- Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943), писатель 7
- Тэйлор Эдуард Беннет (1832—1917), фольклорист, этнограф, основатель «антропологической» школы 86
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт 46
- Ульянов Григорий Карпович (1864—?), библиограф 20
- Ульянов Илья Николаевич (1831—1886), отец В. И. Ленина 116
- Уткин Иосиф Павлович (1903—1944), поэт 126
- Ухов Петр Дмитриевич (1914—1962), фольклорист 132
- Федоров-Давыдов Алексей Александрович (1900—1969), искусствовед 143
- Федосова Ирина Андреевна (1831—1899), сказительница 44, 117
- Федотов Павел Андреевич (1815—1852), художник 2

- Фориэль Клод Шарль (1772—1844), французский фольклорист, филолог, историк 92
- Франко Иван Яковлевич (1856—1916), украинский писатель, общественный деятель, фольклорист 64, 69
- Фролов Александр Филиппович (1804—1885), декабрист 142
- Хакман Оскар (1868—1922), шведский фольклорист, филолог, с 1917 г. — редактор «Folklore Fellows Communications» 49
- Хангалов Матвей Николаевич (1858—1918), этнограф 88
- Хороших Павел Павлович (1890—1977), этнограф, археолог, краевед 13
- Храбровицкий Александр Вениаминович (р. 1912), историк литературы 116, 118
- Храпченко Михаил Борисович (р. 1904), историк литературы, с 1966 г. — академик 101
- Худяков Иван Александрович (1842—1876), фольклорист, этнограф, политический ссыльный 73
- Цехновицер Орест Вениаминович (1894—1941), историк литературы 44
- Цявловский Мстислав Александрович (1888—1947), пушкинист 54
- Чагин (псевд., наст. фамилия Болдовкин) Петр Иванович (1898—1967), издательский работник 62, 86
- Чернышев Василий Ильич (1866—1949), лингвист, с 1931 г. — чл.-корр. АН СССР 34, 44
- Чистов Василий Васильевич (р. 1916), фольклорист, ученик М. К. Азадовского; впоследствии экономист 90, 100, 117
- Чистов Кирилл Васильевич (р. 1919), фольклорист 87, 90
- Чичаева Екатерина Ивановна (1879—?), сказительница 128
- Чичеров Владимир Иванович (1907—1957), фольклорист 45, 61, 93, 109, 114, 125, 127
- Чулков Михаил Дмитриевич (1743—1792), писатель, фольклорист 140
- Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), языковед, историк древнерусской культуры, с 1894 г. — академик 4
- Шведов Сергей Порфирьевич (1858—1930), этнограф, экономист, краевед, политический ссыльный 4
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский поэт 44
- Шейн Павел Васильевич (1826—1900), фольклорист, этнограф 44, 114
- Шептаев Леонид Семенович (р. 1902), фольклорист 86, 93, 95
- Широкогоров Сергей Михайлович (1887—1939), этнограф, антрополог 8
- Ширяева Пелагея Григорьевна (р. 1903), фольклорист 93, 127, 132
- Шляпкин Илья Александрович (1858—1918), историк литературы, палеограф, с 1907 г. — чл.-корр. АН 1
- Шор Розалия Осиповна (1893—1939), языковед, литературовед 34
- Шпет Густав Густавович (1878—1940), философ 23
- Штейнталь Гейман (1823—1899), немецкий лингвист, основатель психологического направления в языкознании 92
- Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927), этнограф, политический ссыльный, с 1924 г. — чл.-корр. АН СССР 4, 6, 8, 9, 12, 16, 25
- Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931), литературовед, историк 40, 140
- Щеголенок Василий Петрович (ок. 1805—после 1886), сказитель 112
- Щерба Лев Владимирович (1880—1944), языковед, с 1943 г. — академик 104
- Эвальд Зинаида Викторовна (1895—1942), фольклорист, музыковед 44, 82, 87, 90, 93, 120
- Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959), историк литературы 7
- Элиасов Лазарь Ефимович (1914—1976), фольклорист 65

Элиаш Надежда Михайловна (1888—?), фольклорист, этнограф 23
Энгельс Фридрих (1820—1895) 86
Эртель Александр Иванович (1855—1908), писатель 114
Эфрос Наталья Давидовна (р. 1892), сотрудник редакции «Литературного наследства» 142

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт 46, 123

Яковлев Павел Лукьянович (1796—1835), писатель, племянник А. Е. Измайлова, младший брат М. Л. Яковлева, лицейского товарища Пушкина 3
Якубинский Лев Петрович (1892—1945), лингвист, историк литературы 7
Янкович (Яновчик, Яковчик) (Якимович Алесь (Александр) Иванович) (р. 1904) белорусский писатель и переводчик 46

СОДЕРЖАНИЕ

I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА

А. Н. Толстой и свод русского фольклора. Публикация А. А. Горелова	3
Никита Заболоцкий. О замысле Н. А. Заболоцкого создать переложение русских былин	7
В. В. Базанов. Поэзия и фольклористика. По материалам литературного архива Александра Прокофьева	22

II. ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. Г. Кагаров. Словесные элементы обряда. Публикация А. Н. Розова	66
В. П. Петров. Заговоры. Публикация А. Н. Мартыновой	77
А. И. Никифоров. О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв. На материале «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Повести о разорении Рязани», Псковской летописи, Азовских повестей и других памятников. Публикация С. Н. Азбелева	143

III. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Из писем М. К. Азадовского (1941—1954). Публикация Л. В. Азадовской	205
Именной указатель	266

**ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
АН СССР (Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *А. А. Крундышев*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *А. И. Кац, Л. Я. Комм*
и *Э. Н. Липпа*

ИБ № 9011

Сдано в набор 04.11.80. Подписано к печати
06.04.81. М-15920. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 17¹/₂=17.5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 20.08. Тираж 5250. Изд. № 7606.
Тип. зак. 1926. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука» Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА».**

Для получения книг почтой просим заказы направлять по адресу:
117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12,

магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7,

магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы
«Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 192104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 199034 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»),
- 142292 Пушкино Московской обл., МР «В» 1;

- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).